

Коллектив авторов Игра, старая как империя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11104981
Игра, старая как империя: Претекст; Москва; 2015
ISBN 978-5-98995-101-7, 1-57675-395-6

Аннотация

«Экономические убийцы» – это высокооплачиваемые профессионалы, которые обкрадывают страны по всему миру на триллионы долларов. Их методы включают подставные финансовые отчеты, фальсифицированные выборы, вымогательства, секс и убийства. Они играют в древнюю, как мир, игру, которая приобрела новые, ужасающие масштабы в период глобализации.

Джон Перкинс раскрыл эту шокирующую тайну в книге «Исповедь экономического убийцы», рассказав о своей деятельности в качестве экономического убийцы, но это всего лишь верхушка айсберга. В новой книге другие экономические убийцы, журналисты и исследователи присоединяются к Перкинсу, приводя огромное количество возмутительных примеров алчности и международной коррупции. В захватывающих деталях они описывают схемы-уловки, которые используют транснациональные корпорации, правительства, влиятельные люди, финансовые институты и квазиправительственные агентства, чтобы обогатиться, прикрываясь масками «иностранной помощи» и «международного развития».

Содержание

Введение	8
Глава 1	17
Деколонизация и контроль во время «холодной» войны	20
Долговой бум и спад: программа структурных преобразований Третьего мира	22
Система контроля	24
Рынок: субсидии для богатых, свободная торговля для бедных	25
Монополия: неравное игровое поле	29
Долг: продать душу фабричному магазину	30
Коррупция, долг и секретность	31
Меры убеждения: кнут и пряник	32
Глава 2	35
Глава 3	42
Сокращение государственного регулирования, коррупция и налоговые гавани	43
Оффшорный интерфейс	44
Море, песок и секретность	47
Смазывая нефтью колеса глобального бизнеса: механизмы уклонения от налогов	50
Быстрый и свободный: неистовые крайности минимизации налогов	53
Преданные неплательщики налогов Ее Величества	56
Торговля островами	58
Мы отплываем утром	62
Слон в посудной лавке	64
Восстание элиты	66
Глава 4	67
Торговля оружием	68
Оффшорные секреты	71
Высокопоставленные друзья	73
Демократы: Джимми Картер и его окружение	73
Республиканцы: Буш и его окружение	74
Скупая Америку	75
Расследование Керри и дело Тампа	77
Надзор вполглаза: британские бухгалтеры и Bank of England	81
Моргентау: ветер переменился не в пользу BCCI	83
Обвинения	85
Глава 5	89
Холокост на экваторе	91
Изнасилование как орудие войны	94
Участие Запада в конголезских войнах	96
Совет экспертов ООН и принципы Организации экономического сотрудничества и развития	99
Изменяя Принципы	104
Свидетельство	106
Глава 6	108

Международная сеть Shell	109
Захват заложников	110
Входит Китай: новый экономический конкурент	112
Интересы Вашингтона в Дельте	113
Военизация торговли	116
В центре внимания СМИ	119
Долгожданные новости	122
Глава 7	125
Финальный приз	125
Нефтяники Ирака	128
Карьерное продвижение Витта и создание его центра	129
Нефть и газ	132
Международный центр по налогам и инвестициям в Ираке	137
Соглашения о разделе продукции	140
Какова цель – демократия или разорение?	144
Глава 8	148
Либерия: вы принесли деньги?	151
Коррупция: «не подмажешь – не поедешь»	157
Нигерия: небольшие комиссионные	157
Аргентина: кислород и деньги	159
Каскад разоблаченных афер	161
От одной аферы до ста миллиардов долларов	163
Глава 9	165
Скрытое колониальное прошлое Америки	166
Пришли, увидели и либерализовали	167
Зоны экспортного производства: субсидии для транснациональных корпораций	169
Играть по правилам – и проиграть	170
Темная сторона глобализации	171
Военное положение: кому выгодно?	172
Миллиард тут, миллиард там...	173
Искра, вызвавшая степной пожар	174
Сокращение бедности в деревнях – для землевладельцев	175
Реструктуризация экономики и коррупция	176
Истинное лицо «источника дешевой рабочей силы»	178
13 долларов против 15 тысяч долларов – равные возможности для всех игроков?	180
Принесение в жертву национальных отраслей экономики	181
Очень, очень далеко	183
Маленький я	184
90 % означают «умеренный долг»?	185
Цунами приватизации	186
Это работает только в книгах	187
Проблески надежды	188
Глава 10	189
Как действуют ЭКА	190
Досье: раскол общества, уничтожение окружающей среды и коррупция	193

Глобальный протест против разрушений, причиняемых экспортно-кредитными агентствами	200
Первые шаги к преобразованию?	203
Имеют ли право на существование экспортно-кредитные агентства?	206
Глава 11	209
«Пожалуйста, проверьте факты»	211
Действительность	212
Текущая стоимость долга	212
Где же облегчение?	213
Общее облегчение долгового бремени	214
Облегчение долгового бремени стран с низким уровнем доходов	214
Источники облегчения долгового бремени для стран с низким уровнем доходов	214
Списание долгов для стран со средним уровнем доходов	217
Источники сокращения долгового бремени для стран со средними доходами	218
Политическая экономика облегчения долгового бремени	221
Истоки «долгового» кризиса	221
Коррупцированные режимы и непродуктивные («сомнительные») долги	222
Крупные заемщики с низкими доходами	222
Цикличность долгов/утечка капитала	223
Утечка человеческого капитала	227
Краткие выводы: истоки кризиса	227
«Не можем получить никакой помощи»	229
Лучшие планы на бумаге...	232
План Бейкера	232
«Рыночное» облегчение долгового бремени	233
План Брэди	233
«Традиционное» двустороннее облегчение долгового бремени – страны с низким уровнем доходов	234
ХИПК	236
Условия предоставления права пользования программой	236
Долгий путь	238
ХИПК II: тотализатор ХИПК	240
Общие результаты ХИПК	242
Инициатива по списанию многостороннего долга	243
Выгодная сделка для банка	244
Скромное предложение	246
Урок 1: за пределами БВУ	246
Урок 2: за пределами ограниченных кампаний по облегчению долгового бремени	246
Урок 3: выходя за пределы облегчения долгового бремени	248
Заключение	249
Признания инсайдера	250
Рождение движения	251

Корпоративная глобализация потрясает Север: NAFTA, ВТО и МАИ	253
Рождение глобального движения	255
Победа: поражение «Многостороннего инвестиционного соглашения»	255
Победа: крах совещания ВТО на уровне министров в Сиэтле	256
Глобальное восстание	258
Победы в выборах	260
Победы: списание долгов и оттеснение Всемирного банка и МВФ на второй план	261
Альтернативные стратегии для укрощения экономических убийц и сдерживания власти корпораций	262
Народные движения и организации, создающие альтернативы	264
Восстановление демократии: что вы можете сделать	266
Разберитесь в себе	266
Будьте в курсе и разделайтесь со своими предубеждениями	267
Вдохновитесь и поверьте в движение	267
Верьте в активную позицию: малое имеет большое значение	267
Раздвиньте свою зону комфортности и расширьте свой практический опыт	268
Окажите услугу тем, кто участвует в долгосрочной борьбе	268
Ожидайте с надеждой	268
Об авторах	269

Игра, старая как империя

Под редакцией Стивена Хайата

A GAME AS OLD AS EMPIRE

Edited by Steven Hiatt

© Berrett-Koehler Publishers, Inc., 2007

© Александр Былов, оформление обложки, 2014

© Претекст, авторизованный перевод, подготовка к изданию, 2015

Введение

Новое о мире экономических убийц

Джон Перкинс

Джон Перкинс объединяет свой личный опыт с новыми откровениями, которые рассказывают об имперских стремлениях, скрывающихся за блеском и пафосом глобализации.

Экономические убийцы – это люди, которые обворовывают страны по всему миру на триллионы долларов. Они «перекачивают» деньги из Всемирного банка, Агентства США по международному развитию и других иностранных организаций, оказывающих помощь бедным странам, в казну гигантских корпораций и карманы нескольких семей, которые контролируют природные богатства планеты. Их инструменты – это фальсифицированные финансовые отчеты, сфабрикованные выборы, взятки, вымогательство, секс и убийство. Они играют в игру, такую же древнюю, как «Империя», но приобретающую новые, ужасающие масштабы в нынешний период глобализации.

Я в этом разбираюсь. Я сам был экономическим убийцей.

Я предварил этим абзацем свою книгу «Исповедь экономического убийцы», в которой описываю собственную профессию. Так как первое издание этой книги вышло в начале ноября 2004 года, я слышал, как эти слова цитировали ведущие радио- и телепрограмм, представляя меня своей аудитории. Факты из жизни экономических убийц шокировали людей, и не только в Америке. По мнению многих, мой рассказ побудил их содействовать улучшению мира.

Я не сразу решился опубликовать эту книгу. Но после того как я собрался с духом, меня уже было не остановить.

К концу 2003 года рукопись побывала у многих издателей – и я уже потерял всякую надежду. Несмотря на то что ее называли «захватывающей», «красноречивой», «разоблачительной», «историей, которую обязательно надо рассказать», издатели один за другим (а их было 25), отказывали мне. Мы с моим литературным агентом решили, что книга получила слишком антикорпоратокративной («корпоратократией» я назвал в первом издании влиятельную группу людей, которые руководят крупнейшими корпорациями мира, могущественнейшими государствами и первой действительно глобальной империей в истории). Мы решили, что ведущие издательские дома побаивались корпоративной элиты или были ей многим обязаны.

Наконец, за книгу взялся доблестный независимый издатель – Berrett-Koehler. Успех «Исповеди» у читателей ошеломил меня. В первую неделю продаж книга поднялась на четвертую позицию по популярности на Amazon.com, а затем длительное время входила в каждый важнейший список бестселлеров. Менее чем за 14 месяцев она была издана на 20 языках. Ведущая голливудская компания купила права на ее экранизацию, а издательство Penguin/Plume – права на издание книги в мягкой обложке.

Несмотря на такой успех, не хватало чего-то важного. Ведущие американские СМИ не замечали «Исповедь», как и то, что некоторые слова из нее – «экономический убийца», «корпоратократия» и «шакал» – замелькали в учебной программе колледжей. New York Times и другим газетам пришлось включить ее в свои списки бестселлеров – в конце концов, цифры

не врут (если, конечно, о них сообщает не экономический убийца), но большинство изданий в первые 15 месяцев продаж не торопились публиковать на нее рецензии. Почему?

Возможно, мы никогда не узнаем ответ на этот вопрос. Однако некоторые известные журналисты, заинтересовавшиеся этой книгой, брали у меня «предварительные интервью» по телефону и побуждали продюсеров обратить на меня внимание, но впоследствии отказывались от этой идеи. Ведущая телекомпания пригласила меня выступить в их программе. Мне пришлось прервать лекции, перелететь через всю страну в Нью-Йорк, и, уже ожидая отправленный за мной лимузин, я узнал об отмене встречи. Медицензоры постоянно меня спрашивали: «Вы можете доказать существование других экономических убийц? Кто еще писал об этом? Какие высокопоставленные лица делали подобные открытия?»

На все эти вопросы, конечно же, можно ответить «да». Каждый важный эпизод, описанный в книге, детально обсуждался многими писателями. Кампания ЦРУ по свержению Мохаммеда Моссадека; жестокости его преемника, который был марионеткой в руках крупнейших нефтяных компаний США; дело по отмыванию денег в Саудовской Аравии; убийство шакалами эквадорского президента Хайме Ролдоса и панамского президента Омара Торрихоса; обвинение в тайном сговоре между нефтяными компаниями и миссионерами в Амазонии; международная деятельность Бехтеля, Халлибертона и других столпов американского капитализма; одностороннее и ничем не спровоцированное вторжение США в Панаму и арест Мануэля Норьеги; кампания против президента Венесуэлы Уго Чавеса – эти и другие факты, приведенные в книге, основаны на документах из государственного архива.

Некоторые аналитики критиковали мое так называемое «радикальное обвинение» в том, что экономические прогнозы подделываются и искажаются для достижения политических целей (в отличие от экономической объективности), а международная «помощь» – это всего лишь инструмент большого бизнеса, но никак не желание облегчить жизнь бедным. Об этих преступлениях против истинных целей законопослушной экономики и альтруизма свидетельствует множество людей, включая бывшего ведущего экономиста Всемирного банка и обладателя Нобелевской премии по экономике Джозефа Стиглица (Joseph Stiglitz). В своей книге «Глобализация: тревожные тенденции» (Globalization and Its Discontents) он пишет:

Для того чтобы их (экономических убийц) программы работали, а цифры сходились, экономические прогнозы надо было подстраивать под свои нужды. Многие из тех, кто использует эти подсчеты, даже не подозревают, что они не похожи на обычные прогнозы. В данном случае прогнозы ВВП не основаны на точной статистической модели или хотя бы на лучших оценках тех, кто хорошо разбирается в экономике. Это всего лишь цифры, о которых договорились в рамках программы Международного валютного фонда.¹

Глобализация, как принято считать, часто заменяет старую форму диктатуры государственных элит новой формой диктатуры международных финансов. ...Миллионам людей глобализация не принесла ничего хорошего... Они лишились работы, а их жизнь стала менее защищенной.²

Интересно, что во время рекламной кампании в поддержку первого издания моей книги (конец 2004 – начало 2005 года) мне часто задавали вопросы, которые отражали настроение ведущих СМИ, однако к моменту ее переиздания в начале 2006 года их стало значительно меньше. За год читатели стали намного искушеннее. Росло подозрение, что ведущие СМИ сотрудничают с корпоратократиями. Хотя мне хотелось бы отметить заслугу

¹ Joseph E. Stiglitz, *Globalization and Its Discontents* (New York: Norton, 2003), p. 232.

² Там же, с. 247–248.

«Исповеди» в совершении подобного переворота в общественном сознании, моя книга делит эту честь с рядом других изданий: например, «Глобализация: тревожные тенденции» Джозефа Стиглица, «Когда корпорации правят миром» (When Corporations Rule the World) Дэвида Кортена, «Гегемония или выживание» (Hegemony or Survival) Ноама Чомски, «Трудности империи» (Sorrow of Empire) Чалмерса Джонсона и «Задачи Буша» (Bush Agenda) Антони Джухаш, а также с фильмами «Преданный садовник» (The Constant Gardener), «Сириана» (Syriana), «Отель Руанда» (Hotel Rwanda), «Спокойной ночи и удачи» (Cool Night and Good Luck) и «Мюнхен» (Munich). На американскую публику за последнее время обрушился целый град откровений, так что моя книга определенно не одинока.

Несмотря на очевидные доказательства создания корпоратократей первой в мире глобальной империи, разорившей миллионы людей по всему миру, подорвавшей веру в основополагающие принципы США – свобода и справедливость – и превратившей страну из защитницы демократии, как ее называли в конце Второй мировой войны, в ту державу, которую боятся и ненавидят, ведущие СМИ продолжают игнорировать очевидное. Пытаясь угодить «денежным мешкам» и высокопоставленным руководителям, многие журналисты закрывают глаза на правду. Общаясь с моими соавторами, они продолжают спрашивать: «Откуда вы взяли подобные факты? Могут ли “объективные” исследователи подтвердить ваши слова?» Несмотря на существование доказательств, мы с издателем Berrett-Koehler не смогли ответить на эти вопросы так, чтобы развеять все сомнения. Мы намеревались совместно с исследователями подготовить антологию, которая позволила бы глубже раскрыть мир экономических убийц и принципы их деятельности.

В «Исповеди» я рассказывал о периоде «холодной» войны, обусловленной конфликтом интересов между США и Советским Союзом. Мое участие в этой войне закончилось в 1981 году, более четверти века назад. С тех пор, а особенно со времени развала СССР, движущие силы империи изменились. Мир стал однополярным и более меркантильным; Китай и Европа пытаются соперничать с США. Империей руководят международные корпорации, чьи интересы выходят за границы какого-либо конкретного государства.³ Появились новые транснациональные организации и торговые соглашения, такие как Всемирная торговая организация и Североамериканское соглашение о свободной торговле, а также новые идеологии и программы – неолиберализм, структурные преобразования и политика, навязанная Международным валютным фондом (МВФ). Однако одно остается неизменным: люди Третьего мира продолжают страдать, а их будущее, если оно вообще есть, кажется еще мрачнее, чем в начале 1980-х.

Четверть века назад я считал себя экономическим убийцей, отстаивающим интересы американского капитализма в борьбе за право контролировать развивающиеся страны во время «холодной» войны. Сегодня игра экономических убийц стала сложнее, ее коррупция – всеохватной, а деятельность – доминирующей в мировой экономике и политике. Появилось множество типов экономических убийц, исполняющих самые разнообразные роли. Видимость ответственности остается ключевым фактором; приемы и ухищрения могут быть разными – от отмывания денег и уклонения от уплаты налогов до организации финансовых войн и гибели миллионов людей. Последующие главы раскрывают темную сторону глобализации, показывая систему, построенную на обмане, искажении фактов и зачастую жестокости: руководитель оффшорного банка скрывает сотни миллионов украденных денег; советники МВФ урезают финансирование образовательных и медицинских программ в Гане; китайский бюрократ пытается добиться разрешения на добычу нефти в Африке; наемники охраняют европейскую нефтяную компанию в Нигерии; консультант переписывает нефтя-

³ Подробнее о корпоратократии как международной, взаимосвязанной влиятельной элите, см.: Jeff Faux, The Party of Davos, Nation, January 26, 2006.

ное законодательство Ирака, а руководители компаний финансируют военных диктаторов, чтобы обезопасить добычу колтана в Конго.

Конечно, получить подобные данные довольно сложно, поскольку большинство экономических убийц не стремится откровенничать на эту тему, а многие из них до сих пор занимаются таким «бизнесом». Даже отойдя от дел, они консультируют своих бывших работодателей. Эти люди понимают, что тот, кто много болтает, обычно рискует многим. Большинство из них гордится верностью старым товарищам. Каждый из нас знает, что столкнется с жестокостью могущественных сил, защищающих институциональную мощь транснациональных корпораций, мировых банков, служб безопасности и международных служб – и немногочисленной элиты, которая контролирует их, если вдруг решит «перейти на чужую сторону», выражаясь языком ЦРУ.

В последние годы люди, обвиняемые в обмане простых граждан, стали более изощренными и хитрыми. «Секреты Пентагона» (The Pentagon Papers) и записи Уотергейтского дела показали им, как опасны обличающие их записи. Скандал Артура Андерсена (Enron) и WorldCom, а также недавние заявления о «невероятных махинациях» ЦРУ, подтасовка данных об оружии массового уничтожения и система прослушивания телефонных звонков Агентства национальной безопасности направлены на укрепление политики децентрализации. Все эти события говорят о том, какие мощные препятствия стоят на пути правды: те, кто раскрывают секреты корпоратократии, могут быть уничтожены – как морально, так и физически.

Говорить правду вообще нелегко. Раскрыть свою душу критически настроенной общественности и признаться в чем-то не очень-то весело. Я написал много книг до «Исповеди» (пять из них были изданы), но ни одна из них не помогла мне избежать страха, который охватывал меня при описании моих преступлений экономического убийцы. Очень тяжело думать о себе как о коррумпированной, слабой или аморальной личности, но обойти это, описывая жизнь экономического убийцы, нельзя. Честно говоря, это была одна из самых тяжелых задач, за которые я когда-либо брался. Общаясь с теми, кто мог бы помочь мне в работе над подобной книгой, я убеждал их в том, что признание стоит таких волнений. Однако для тех, кто только недавно встал на этот путь, это было не столь очевидным.

Мы обсудили эти трудности со Стивом Пиерсанти (Steve Piersanti), бесстрашным основателем и генеральным директором Berrett-Koehler, который взялся издать «Исповедь», и решили, что победа того стоит. Если моя «Исповедь» донесет такую важную информацию до общественности, то множество подобных признаний побудит людей к действиям, способным превратить эту империю в демократическую республику, какой она изначально и задумывалась. Мы намеревались ни много ни мало убедить американское общество в необходимости создания будущего, которым будут гордиться наши потомки.

Прежде всего, нам следовало предъявить журналистам факты, которые бы сопровождал точный и объективный анализ независимых исследователей.

Стив взял на себя поиск редактора и потенциальных соавторов, способных проявить гражданское мужество. После активных поисков все мы остановились на кандидатуре Стивена Хайата (Steven Hiatt), профессионального редактора, который активно выступал против Вьетнамской войны, а затем организовал союз преподавателей. Несколько лет он работал в Исследовательском институте Стэнфорда – «мозговом центре» и консультационной организации, оказывающей услуги международным и государственным агентствам по всему миру и тесно сотрудничающей с Бехтелом, Bank of America и другими игроками из мира экономических убийц. Там он работал над исследовательскими докладами, которые характеризовал как «разговоры корпоратократии с самой собой».

Как только мы начали собирать эти истории, я заговорил об издании книги. Поэтому, когда люди спрашивали: «Можете ли вы доказать существование других экономических

убийц? Кто еще писал об этом?», я рассказывал им о подготовке сборника подобных историй. Мудрость нашего решения об издании сборника подтвердилась 19 февраля 2006 года, когда New York Times посвятила будущей книге большую статью и вынесла мою «Исповедь» на первую страницу своего воскресного бизнес-приложения. Я уверен, что издатели этой статьи предварительно изучили мое прошлое и уточнили описанные в «Исповеди» эпизоды. Однако решающим фактором для ее публикации стало участие в подготовке сборника и других экономических убийц, а также исследователей. Смелые авторы этого сборника рассказывают о событиях, которые происходили во многих странах, и раскрывают все планы экономических убийц, спрятавшихся под разными личинами. Каждый из них проливает свет на создание империи, которая противоречит американским принципам демократии и равенства. Статьи в сборнике представлены в том порядке, в каком движется поток денег и власти в глобальную империю: продажа займов странам Третьего мира, контроль «грязных» денег компаниями Первого мира через секретные оффшорные счета, неспособность моделей развития кредитования снизить уровень бедности, накопление огромного количества долгов, не подлежащих погашению, расхищение средств МВФ в регионах, а также военное вторжение и доминирование, обеспечивающие доступ к природным ресурсам.

В своем сборнике «Глобальная империя» (Global Empire) Стив Хайат представляет обзор системы контроля, который позволяет компаниям и организациям Первого мира управлять глобальной экономикой. Каждая глава раскрывает новые грани этого процесса. Предлагаем вам краткое резюме.

- Сэм Гвин присоединился к Cleveland Trust и, окунувшись в бурную атмосферу международного банковского дела, быстро понял, что способность платить не имеет никакого отношения к кредитованию. В книге «Продавая деньги – и зависимость» он описывает культуру бизнес-коррупции, в которой местная элита и международные банки выстраивают взаимовыгодные отношения, основанные на долгах, которые придется платить рядовым гражданам.

ГЛОБАЛЬНАЯ ИМПЕРИЯ – СЕВЕР И ЮГ

Потоки денег и власти

Глобальный Север десятилетиями продает модель развития, основанную на кредитах. Займы, навязываемые кредиторами Первого мира и с радостью принимаемые коррумпированной элитой Третьего мира, поймали южные страны в долговую ловушку в 2,5 триллиона долларов, практически ничего не затратив на развитие этих государств. Большая часть денег перекочевала к поставщикам или оффшорным банкам. Тем временем началась новая эра господства, опирающаяся на вмешательство с целью обеспечения контроля над такими дефицитными ресурсами, как нефть и колтан.

Север

Б8 • Транснациональные компании • Мировой банк • МВФ

1. ПО СЛЕДАМ ДЕНЕГ.

С. Гвин. Продавая деньги – и зависимость (Selling Money – and Dependency).
Д. Кристенсен. Грязные деньги (Dirty Money).
Л. Комисар. Двойная игра ВССИ: Банк Америки – банк Джихада (ВССИ: Banking on America and Jihad).

2. ВМЕШАТЕЛЬСТВО И ДОМИНИРОВАНИЕ: ДОСТУП К РЕСУРСАМ

К. Керн. Высокая цена дешевых мобильных телефонов (The High Cost of Cheap Cell Phones).
Э. Роузэлл, Дж. Мариотт. Нефть и новая борьба за Африку (Oil and the New Scramble for Africa).
Г. Маттит. Иракское дело (The Iraqi Job).

3. РАЗВИТИЕ, ОСНОВАННОЕ НА ДОЛГАХ

С. Беркман. Вопрос на 100 миллиардов долларов (The \$100 Billion Question).
Э. Огюстин. Всемирный банк и Филиппины (The World Bank and the Philippines).
Б. Рич. Экспорт разрушения (Exporting Destruction).

4. Долговая ловушка

Дж. Генри. Иллюзия списания долга (Beyond Debt Relief).

Юг

• Джон Кристенсен работал на трастовую компанию в оффшорной банковской гавани на Джерси, одном из островов Ла-Манша, где оказался в самом сердце мира экономических убийц, части мировой оффшорной банковской отрасли, которая способствует уклонению от уплаты налогов, отмыванию денег и оттоку капитала. В книге «Грязные деньги» он раскрывает методы работы системы, которая позволяет красть миллиарды у Третьего мира (и Первого мира); рассказывает о соблазнах зажиточной жизни и о том, почему он решил отказаться от этого.

• Международный кредитно-коммерческий банк (Bank of Credit and Commerce International, ВССИ) два десятилетия был ключевым игроком оффшорной/подпольной банковской деятельности. Он занимался нелегальными сделками, обслуживая массу клиентов – от ЦРУ до Медельинского картеля, Осамы бен Ладена и Аль-Каиды. В книге «Двойная игра ВССИ: Банк Америки – банк джихада» Люси Комисар рассказывает о стремительном росте этого банка и его банкротстве на 13 миллиардов долларов.

- Конго – одна из беднейших стран в мире – втянута в гражданскую войну, в которой погибли по крайней мере 4 миллиона человек за последние десять лет. При этом западные транснациональные компании финансируют милицию и военачальников этой страны, чтобы добраться до ее золота, бриллиантов и колтана. В книге «Высокая цена дешевых мобильных телефонов» Кетлин Керн предлагает рассказ очевидца о том, какую высокую цену заплатили жители Конго, чтобы поставлять дешевые электроприборы потребителям стран Первого мира.

- Примерно 30 % нефти в следующее десятилетие будет поставляться в США, скорее всего, из Африки, однако американские и британские нефтяные компании намерены бороться с Китаем за доступ к запасам дельты Нигера. Местное сообщество пыталось отвоювать долю этого нового богатства и предотвратить загрязнение окружающей среды в своем регионе. В книге «Нефть и новая борьба за Африку» Эндрю Роуэлл и Джеймс Мариотт рассказывают о том, как британский сотрудник службы безопасности оказался в центре этой борьбы за нефть и власть.

- Согласно большинству оценок, Ирак находится на втором месте по запасам нефти в мире, поэтому доступ к иракской нефти оказался одним из важнейших пунктов во внешней политике США. Оккупационный режим планирует подписать соглашения о совместной добыче нефти между американскими и британскими компаниями, а это будет стоить иракскому населению 200 миллиардов долларов, которые необходимы ему для восстановления страны. В книге «Иракское дело» Грег Маттит раскрывает деятельность экономических убийц, готовивших это преступление на высоком уровне.

- «Вы принесли деньги?» – спросил либерийский государственный служащий у сотрудника Всемирного банка Стива Беркмана, явно ожидая получить от того сумку с наличными. В книге «Вопрос на 100 миллиардов долларов» Беркман предлагает взгляд изнутри на то, как банк не противится воровству коррумпированной элиты из фондов помощи развивающимся странам.

- В 1970-е годы Филиппины были образцовой моделью развития и модернизации Всемирного банка. В книге «Всемирный банк и Филиппины» Эллен Огюстин рассказывает, как миллиардные займы были важнейшим фактором для США в поддержке диктатуры Маркоса, а Всемирный банк служил в этом деле проводником.

- У экспортных кредитных агентств одна цель: обогатить корпорации своих стран, давая возможность бедным регионам покупать их товары и услуги. В книге «Экспорт разрушения» Брюс Рич проливает свет на тайную деятельность Экономической комиссии для Африки (ЭКА) и на тот вред, который она наносит продажей ядерных электростанций странам, не способным ими управлять, а также поставкой оружия в воюющие регионы.

- Министры экономики стран «Большой восьмерки» объявили до своей встречи в Гленгиз о том, что они договорились списать 40 миллиардов долларов долга 18 странам Третьего мира. В книге «Иллюзия списания долга» Джеймс С. Генри, бывший международный банкир, показывает, сколь незначительной была на самом деле сумма списанного долга и почему множество стран все еще остаются в долговой ловушке Запада.

Вы можете читать главы в любой последовательности, в зависимости от того, что вас больше интересует – регион или сфера деятельности, но перейдя к заключительной главе «Глобальное восстание: сеть сопротивления», написанной Антонией Джухаш, попытайтесь понять, как вы сами можете противостоять мировому господству корпоратократий.

Задумайтесь о последствиях описанного здесь для своих детей и внуков. Уясните всю серьезность сложившейся ситуации. Почувствуйте себя обязанным что-то предпринять. Очень важно, чтобы мы – вы и я – начали действовать. Мы должны вновь превратить свою страну в ту, которая чтит ценности «Декларации о независимости» и другие принципы, которые нас учили защищать. Мы обязаны изменить мир, навязанный нам корпоратократией.

Эта книга представляет собой серию очерков о методах работы экономических убийц, которые они используют для создания первой мировой империи. Однако это всего лишь краткий обзор многих гнусных поступков корпоративной элиты, совершаемых часто во имя мира и прогресса. После Второй мировой войны нам, экономическим убийцам, удалось превратить «последнюю, лучшую надежду на демократию», по словам Линкольна, в империю, которая не гнушается проявлять жестокость и диктаторство в отношении тех, чьи ресурсы мы хотим заполучить.

Прочитав эту книгу, вы поймете, почему люди во всем мире боятся и даже ненавидят нас. Из-за политики корпоратократий примерно 24000 человек ежедневно умирают от голода; десятки тысяч, в основном дети, гибнут от болезней, которые можно вылечить, только потому, что у них нет средств на лекарства. Более половины населения мира живет менее чем на 2 доллара в день, которых не хватает даже на самые скромные нужды в большинстве регионов. По сути, наша система экономики строится на современной эксплуатации человеческого труда, напоминая о крепостном праве и рабстве.

Мы обязаны положить этому конец. Мы с вами должны ясно понимать, что наши дети не унаследуют стабильный и безопасный мир, если мы не изменим ужасающую ситуацию, созданную экономическими убийцами. Каждый из нас должен заглянуть в свою душу и решить, чем он может помочь. В чем наша сила? К чему мы стремимся?

Я как писатель и лектор обладаю определенными способностями и возможностями. Ваши навыки могут отличаться от моих, но они не менее важны. Я настоятельно прошу вас задаться целью сделать этот мир лучше – не только для себя самого, но и для будущих поколений. Старайтесь каждый день сделать хотя бы что-то для достижения этой цели. Подумайте о тех 24000, ежедневно умирающих от голода, и постарайтесь изменить это. Пишите письма и электронные сообщения – в газеты, журналы, представителям власти, друзьям, компаниям – и тем, которые делают что-то полезное, и тем, которые причиняют вред; участвуйте в радиодискуссиях; осознанно подходите к покупкам; не приобретайте «дешевые товары», если это способствует развитию современного рабства; поддерживайте некоммерческие организации, которые помогают распространять информацию, защищать окружающую среду, отстаивать гражданские свободы, бороться с голодом и болезнями и делать этот мир лучше; станьте добровольцем; идите в школы и учите наших детей; организуйте дискуссионные группы в своем районе – все, что подскажет вам собственное воображение. У каждого из нас много талантов и возможностей, которые можно использовать. Самое важное – начать действовать.

Одно мы все можем и должны делать – просвещать себя и тех, с кем общаемся. Демократия основывается на информированных избирателях. Если мы в США не знаем о том, что наши бизнес- и политические лидеры используют экономических убийц для подрыва самых священных принципов нашей страны, тогда мы не вправе считать себя истинной демократией. Теперь, когда у вас в руках оказалась эта книга, как и многие другие информирующие вас издания, вы уже не можете прикрываться своей неосведомленностью. Кроме того, очень важно критически относиться к новостным сообщениям о международных событиях, помня о том, что большинство СМИ принадлежит корпоратократии или зависит от нее финансово. Вникайте глубже, стараясь рассмотреть то, что за этим скрывается. Ресурсы надежды предлагают вам список альтернативных СМИ, где вы можете ознакомиться с другими/неофициальными мнениями.⁴

Возможно, это поворотный момент в истории страны, наполненный важнейшими событиями. То, как мы с вамиотреагируем на эту всемирную империю в последующие годы, скорее всего, определит будущее нашей планеты. Продолжим ли мы идти дорогой жестоко-

⁴ Niall Ferguson, «Welcome the New Imperialism», Guardian, October 31, 2001.

сти, эксплуатации других и окончательного самоуничтожения как вида? Или создадим мир, который наши дети унаследуют с гордостью?

Выбор зависит от нас – от вас и от меня.

Глава 1

Глобальная империя: сеть контроля

Стивен Хайат

Стивен Хайат дает характеристику системе контроля – финансового, политического и военного, – на которой зиждется сегодняшняя глобальная – империя.

Бесконечное накопление собственности должно основываться на бесконечном накоплении власти. Ханна Арендт (Hannah Arendt)

В июне 2003 года после заявления «Миссия выполнена!» в начале операции по освобождению Ирака Джордж Буш сказал приветствовавшим его кадетам Вест Пойнта, что у Америки «нет территориальных амбиций. Мы не стремимся стать империей». Тем временем эксперты-неоконсерваторы, такие как Найал Фергюсон (Niall Ferguson) и Чарльз Краутхаммер (Charles Krauthammer), подстрекали его именно на это: «перейти от неформальной империи к формальной», признав истинную роль Америки в мировом масштабе и приняв реальность, заключающуюся в том, что «"политическая глобализация" – красивые слова, означающие империализм».⁵ Вернулся ли послевоенный мир, возникший после падения Берлинской стены в 1989 году, к новому веку империи?

Победа союзников в 1945 году, которая подтвердила право народов на самоопределение, провозглашенное в Атлантической хартии, казалось, означала конец колониальных империй. Жители колоний в Азии, Африке и на Ближнем Востоке увидели поражение британских, французских и голландских армий в 1940–1941 годы и поняли, что бывшие имперские силы больше не обладают ни военными, ни финансовыми ресурсами, чтобы длительное время поддерживать свое правление. Более того, две сильнейшие державы – США и СССР – формально были на стороне антиимпериализма. Америка давно придерживалась политики «открытой двери», отстаивая формальную независимость развивающихся стран. Советский Союз осуждал империализм, поэтому коммунистическое движение получило широкую поддержку в колониальном мире.

Тем не менее, европейские колониальные силы старались сохранять свои владения по мере возможности. В итоге Британия «покинула Индию» в 1947 году, но боролась с повстанцами в Кении, на Кипре и в Малайзии, прежде чем предоставить этим странам независимость. Франция вела проигрышные войны, основанные на разжигании внутренних распрей, в Индокитае и Алжире, чтобы сохранить хотя бы тень имперского блеска. Однако ход истории явно благоприятствовал свободному волеизъявлению во всем мире. Попытаются ли новые лидеры Третьего мира нанести удар самостоятельно, захватив контроль над ресурсами своих стран, чтобы создать собственную промышленность? Или, что хуже, объединятся ли они с Советским Союзом, или националисты подготовят почву для захвата власти коммунистами?

Для западных европейцев потеря доступа к колониальным ресурсам и рынкам стала бы тяжелейшим ударом: их ослабевшие экономики только начинали восстанавливаться после Второй мировой войны, поэтому они намеревались взять средства на реконструкцию из колоний. Со своей стороны, США опасались, что независимость колоний ослабит их европейских союзников и, возможно, приведет к распространению влияния СССР

⁵ Stephen Kinzer, *All the Shah's Men: An American Coup and the Roots of Middle East Terror* (New York: Wiley, 2003), p. 209.

в Европе. Кроме того, американские бизнес-лидеры были озабочены послевоенной депрессией 1950-х годов, поэтому они стремились удержать доступ к ресурсам и возможным новым рынкам.

События в Иране, Гватемале и Египте в 1950-е годы наметили новый поворот в политике Запада по отношению к так называемому Третьему миру. В 1951 году иранский премьер-министр Мохаммед Моссадек национализировал нефтяную промышленность страны, которой управляла англоиранская нефтяная компания (впоследствии названная British Petroleum). Избранного на демократических выборах националиста Моссадека («Человек года» Times, 1951) возмущало, что 92 % дохода от иранской нефти идет АЮС по давнишнему договору, отражавшему доминирование Великобритании в Персии в начале века. Уинстон Черчилль недавно был избран на второй срок и намеревался восстановить финансовое благополучие Великобритании и ее престиж вопреки угрозе, исходящей от этого нового, самоуверенного сателлита. Черчилль приказал заблокировать Персидский залив, чтобы помешать Ирану экспортировать нефть другим покупателям. К этому бойкоту присоединились США. Невозможно было представить себе более радикальные меры: Корейская война привлекла к себе внимание Америки и Великобритании, а поддержка Ирана СССР стала реальной опасностью. Требовался более тонкий подход, и ЦРУ разработало операцию «Аякс», которой руководил Кермин Рузвельт. Прежде всего, нужно было устроить массовые беспорядки, чтобы подорвать политическую поддержку Моссадека: кампания ЦРУ по дезинформации действовала 24 часа в сутки, распространяя слухи, призванные расколоть демократическую партию, которая состояла из исламских националистов. В итоге военные сделали свой ход, и в августе 1953 года Моссадека арестовали, назначили нового премьер-министра, шаху вернули власть, а нефтяную промышленность денационализировали. Однако США назначили цену за свою помощь: British Petroleum пришлось разделить доступ к иранским месторождениям нефти с некоторыми американскими компаниями. Лидеры военной и внешней политики США получили одобрение за успех операции – ведь им удалось без особых политических, военных и финансовых потерь вернуть Иран.

Гватемала стала следующим «пробным камнем» этого опосредованного метода действий полицейской империи. В мае 1952 года президент Якобо Арбенз объявил о начале земельной реформы, согласно которой национализировалась неиспользуемая земля, принадлежащая помещикам, в особенности участки бостонской United Fruit Company – крупнейшего землевладельца страны. На этот шаг Арбенза вдохновил закон о фермах и участках Авраама Линкольна, принятый в 1862 году. Он надеялся помочь крестьянам стать независимыми мелкими фермерами. Но, очевидно, Линкольн был слишком радикален для правительства Эйзенхауэра, особенно если учесть, что государственный секретарь США Джон Фостер Даллес и руководитель ЦРУ Алан Даллес входили в совет директоров United Fruit Company. Кермин Рузвельт так описывает реакцию Алана Даллеса на план ЦРУ PBSuccess: «Он был невероятно взволнован и полон энтузиазма. Его глаза блестели; казалось, он готов замурлыкать от удовольствия, как огромный кот. Было ясно, что он не только радовался услышанному, но, как мне показалось, он сам что-то замышлял».⁶ Арбенз был свергнут во время переворота в июне 1954 года; примерно 15000 крестьян, которые его поддерживали, были убиты.

Следуя успеху неявного вмешательства в Иране и Гватемале, Суэцкий кризис 1956 года продемонстрировал, сколь опасно прямое вмешательство. Египетский президент Гамаль Абдель Насер объявил о национализации Суэцкого канала в июле 1956 года; этот канал был ключевым источником ресурсов для европейских инвесторов, и Насер надеялся потратить доходы от торговли в канале на свой амбициозный проект – строительство Асуанской плотины. Его планы побудили к действиям нескольких врагов: Великобританию, бывшую

⁶ John Perkins, *Confessions of an Economic Hit Man* (San Francisco: Berrett-Koehler, 2004), p. 14–15.

колониальную державу, так как британская компания контролировала канал; Францию, так как Насер поддерживал алжирских мятежников, с которыми Франция боролась с 1954 года; и Израиль, который надеялся расквитаться с панарабским националистом, который поддерживал палестинцев. 29 октября 1956 года Израиль вторгся на территорию Египта, а Великобритания и Франция немедленно оккупировали район канала, несмотря на египетское сопротивление. Это прямое военное вторжение создало проблему для США. Администрация Эйзенхауэра занималась советской оккупацией Венгрии, намереваясь свергнуть реформатора Имре Надя. США надеялись использовать венгерский кризис для ослабления влияния коммунизма, чей престиж уже был серьезно подорван в начале года, когда Хрущев раскрыл сталинские преступления на XX съезде партии. Таким образом, вторжение в Суэцкий канал мешало планам США. Поэтому Америка вынудила Великобританию отступить, и оккупация провалилась, показав слабость старых колониальных сил, ускорив деколонизацию и укрепив престиж США в Третьем мире.

С этих пор Америке предстояло соперничать с СССР за влияние, учитывая то, что множество новых независимых государств наводнили «приемные» США.

Деколонизация и контроль во время «ХОЛОДНОЙ» ВОЙНЫ

Большая часть новых независимых государств Африки и Азии присоединились к Латинской Америке в качестве производителей товаров первой необходимости: сахара, кофе, каучука, олова, меди, бананов, какао, чая, джута, риса, хлопка. Многие из этих товаров были выращены на плантациях, созданных корпорациями Первого мира или местными землевладельцами, либо добыты компаниями Первого мира. В обоих случаях товары продавались на рынках, где доминировали европейские и американские компании, – обычно на Нью-Йоркской и Лондонской биржах, и перерабатывались на заводах Европы и Северной Америки.

Так как лидеры Третьего мира приняли на себя ответственность за свой народ, они сделали особый акцент на недостаточном экономическом развитии своих стран. Их попытки были основаны на моделях государственной поддержки, одобренных современными экспертами США и Европы. Как правило, колониальные государства уделяли большое внимание экономическому планированию и управлению, а новые лидеры, такие как Кваме Нкрума из Ганы, Джавахарлал Неру из Индии и Леопольд Сенгор из Сенегала получили европейское образование и находились под влиянием социалистических и социал-демократических идей. Более того, новые государства начали свое экономическое существование без предпринимательского класса, способного возглавить экономическое развитие.

Неудивительно, что многие страны сконцентрировались на крупных индустриальных проектах, которые стали бы движущей силой экономического преобразования: например, проект на реке Вольта (Гана), который предусматривал строительство плотины Акосомбо в начале 1960-х годов с целью создания крупнейшего в мире искусственного озера и алюминиевых заводов, чтобы перерабатывать свои запасы бокситов. Многие страны стали придерживаться политики замещения импорта, развивая местное производство, чтобы заменить дорогие импортные товары из Европы и Северной Америки собственными. Тем не менее, эти и другие проекты по индустриализации требовали крупных займов от банков, экспортных кредитных агентств или организаций по международному развитию, таких как Всемирный банк.

И вновь западная элита столкнулась с проблемой: как сохранить доступ к ресурсам и рынкам Третьего мира? Независимость этих стран давала Западу возможность избавиться от расходов прямого управления – ответственности за регулирование, поддержание порядка и развитие, – сохраняя при этом все выгоды империи. Однако независимость несла с собой и опасности: народы Азии, Африки и Латинской Америки на самом деле могли самостоятельно контролировать свою экономику и направить ее на стремительное развитие своих стран. Были и альтернативные модели: Куба и Вьетнам – самые известные примеры. В конце концов, империя должна не просто импортировать нефть и кофе из Латинской Америки или медь и какао из Африки, но делать это на выгодных для себя условиях, как бывший хозяин. Империя, основанная на прямом управлении или на скрытом влиянии, создается не ради контроля, как такового, а ради эксплуатации иностранных земель и людей для выгоды метрополий или, по крайней мере, их правящих кругов.

В каком-то смысле альтернатива, которую предложила Клодин Мартин Джону Перкинсу в 1971 году, как описано в книге «Исповедь экономического убийцы»,⁷ должна была стать важнейшим элементом стратегии Запада. США и их союзники соперничали с Совет-

⁷ Naomi Klein, «Not Neo-Con, Just Plain Greed», Globe and Mail (Toronto), December 20, 2003.

ским Союзом за кредиты для самых разнообразных проектов по развитию. Почему бы не использовать это бремя для своей выгоды и с помощью долгов не заманить эти страны в экономическую и политическую ловушку Запада? Джон Перкинс, экономический убийца, мог бы соблазнить их взять кредит для реализации грандиозных проектов, обещающих модернизацию и процветание, — долговая теория экономического развития. Более того, благодаря крупным суммам денег, притекающим в страны, можно было заручиться лояльностью новой элиты Третьего мира, которая испытывала на себе давление и ответственность за благосостояние своих стран перед своими последователями, союзниками и большими семьями. Возможности для коррупции, казалось, были безграничны и предоставляли бы дальнейшие возможности для принуждения к сотрудничеству с Западом и отвращали их от самостоятельных действий — гораздо более суровой и опасной дороги.

Долговой бум и спад: программа структурных преобразований Третьего мира

Война Йом Кипура 1973 года и последующее эмбарго на арабскую нефть привели к экономическому застою и инфляции 1974–1976 годов, что означало конец послевоенного бума. Из-за этих событий банки Первого мира оказались заваленными депозитами нефтяных долларов, накопленными странами ОПЕК. Если бы эти миллиарды продолжали накапливаться на банковских счетах (примерно 450 миллиардов долларов с 1973 по 1981 годы), то в мире не осталось бы наличных денег, что усилило бы эффект экономического спада, связанный с завышенными ценами на нефть. Что делать? Международная денежная система переживала тяжелейший кризис с 1930-х годов. Было решено «переработать» нефтяные доллары в виде займов развивающимся странам. Бразилия, например, взяла кредит в размере 100 миллиардов долларов для целого списка проектов – сталелитейных заводов, гигантских плотин, автомагистралей, железных дорог, атомных электростанций.⁸

Бум кредитования стран Третьего мира, описанный в книге Сэма Гвина «Продавая деньги – и зависимость» привел к краху в августе 1982 года, когда сначала Мексика, а затем и другие страны не смогли выплатить свои долги. За этим последовали скрытые отказы от уплаты долга, новые сроки, пролонгированные кредиты, новые займы, долговое планирование и программы – все это якобы с целью помочь странам-должникам встать на ноги. Однако результаты этих программ оказались прямо противоположными заявленным целям: задолженность стран Третьего мира возросла со 130 млрд долларов в 1973 году до 612 млрд в 1982 году и 2,5 трлн в 2006, как объясняет Джеймс Генри в своей книге «Иллюзия списания долга».

Другим результатом кризиса 1970-х годов стала дискредитация преобладающей экономической теории – кейсианское экономическое развитие под руководством или при поддержке правительства – в пользу вдохновленного корпорациями движения, основанного на восстановлении метода свободной деятельности (эта программа часто называется неолиберализмом за пределами Северной Америки). Стандарты этого движения устанавливали Рональд Рейган в США и Маргарет Тетчер в Великобритании, а за международную поддержку неолиберальной модели отвечали МВФ и Всемирный банк. Многие страны в настоящее время следуют программам структурных преобразований МВФ (SAP), но несмотря на подобное покровительство (или благодаря ему), лишь немногим удается достичь финансового благополучия и получить независимость от МВФ/Всемирного банка.

Экономический убийца: то, что скрыто от глаз

Те, кто служит интересам глобальной империи, играют множество разных ролей. Как отмечает Джон Перкинс: «У каждого моего сотрудника была должность – финансовый аналитик, социолог, экономист..., однако ни одна из них не указывала на то, что эти люди в той или иной степени были экономическими убийцами». Лондонский банк учреждает оффшорную дочернюю компанию, в которой работают мужчины и женщины с уважаемыми университетскими дипломами, одетые так же, как люди в Сити или на Уолл-стрите. Однако их каждодневная работа состоит в том, чтобы скрывать фонды, присвоенные незаконным путем, отмывать прибыль

⁸ 2006 World Data Sheet (Washington, D.C.: Population Reference Bureau, 2006).

от продажи наркотиков и помогать транснациональным корпорациям уклоняться от налогов. Они – экономические убийцы. Команда МВФ прибывает в столицу Африки для расширения жизненно необходимых займов – ценой сокращения бюджета на образование и подтопления экономики страны потоком товаров из Северной Америки и Европы. Они – экономические убийцы. Консультант открывает магазин в Зеленой зоне Багдада, где под защитой американской армии он пишет новые правила управления эксплуатацией нефтяных запасов Ирака. Он экономический убийца.

Методы экономических убийц разнообразны – от законных (действительно некоторые диктуются правительствами или другими официальными институтами) до не совсем законных и тех, которые нарушают целый перечень законов. Во главе подобных организаций стоят столь могущественные люди, что их редко призывают к ответу. Это элита, сосредоточенная в столицах Первого мира, которые вместе со своими клиентами из Третьего мира стремятся изменить весь мир по своему усмотрению. И в их мире только доллары – и уж точно не миллиарды людей на земле – являются гражданами.

Система контроля

Выплаты Третьего мира составляли 375 миллиардов долларов – в 20 раз больше суммы, которую эти страны получали в качестве помощи от зарубежных государств. Эта система получила название «План Маршалла наоборот», так как получалось, что южные страны субсидировали богатый Север, и это при том, что половина населения мира живет менее чем на 2 доллара в день.⁹

Почему столь порочная система оказалась жизнеспособной? Дело в том, что страны Третьего мира попались в долговую ловушку – финансовую, политическую и военную, – из которой им невероятно сложно выпутаться; эта система стала еще более широкой, сложной и доминирующей, с тех пор как Джон Перкинс составил свои первые прогнозы. В этой главе рассказывается о потоках денег и власти, которые создают такую систему контроля. Капитал поступает в слаборазвитые страны через займы и другие формы финансирования, но, как отмечает Джон Перкинс, за определенную плату: задолженность позволяет правительствам, институтам и корпорациям Первого мира держать мертвой хваткой экономку стран Третьего мира. В главе также описываются программа беспощадной торговли и долговое развитие экономики по указке МВФ и Всемирного банка, базирующиеся на самом деле на коррупции и эксплуатации, и исследуются методы принудительного взыскания платы, когда «облагодетельствованные» страны начинают восставать против этого.

⁹ Ha-Joon Chang, *Kicking Away the Ladder: How the Economic and Intellectual Histories of Capitalism Have Been Re-Written to Justify Neo-Liberal Capitalism* (Cambridge: Cambridge University Press, 2002).

Рынок: субсидии для богатых, свободная торговля для бедных

Если бы у глобальной империи был слоган, он звучал бы так: «Свободная торговля». В качестве платы за помощь МВФ и Всемирный банк в своих программах структурного преобразования настаивают на отказе развивающихся стран-должников от государственной политики развития, включая тарифы, субсидии на экспорт, управление денежными потоками и программы замещения импорта внутренним производством. Одобренная ими модель развития строится на экспортном экономическом росте, использовании займов для развития новых экспортных отраслей, например, привлекая легкую промышленность в зоны производства товаров на экспорт (такие фирмы, как Nike, получали наибольшую выгоду от этих программ). Членство во Всемирной торговой организации также требует лояльности правилам свободной торговли МВФ.

Как отмечает экономист из Кэмбриджа Ха-Юн Чэнг (Ha-Joon Chang), страны Первого мира изменили направленность своей собственной экономики с традиционного сельского хозяйства на городскую промышленность, используя целый арсенал протекционистских тарифов, субсидий и методов контроля. Великобритания стала образцом свободной торговли только в 1980-е годы; до этого она придерживалась весьма директивной промышленной политики (в дополнение к насильственному вымоганию выплат у Индии и Вест-Индии).

Экономика США развивалась за одними из самых высоких тарифных барьеров в мире. Как отмечал президент Грант в 1870-е годы, «через 200 лет, когда Америка перестанет охранять все то, что у нее есть, она тоже перейдет к свободной торговле». Американские тарифы значительно снизились только после Второй мировой войны. В послевоенную эпоху самыми успешными странами стали восточноазиатские «тигры» – Япония, Китай, Корея и Тайвань, которые сосредоточились именно на экспортном развитии, но традиционно запрещали импорт каких-либо товаров, способных конкурировать с теми отраслями, чью продукцию они планировали поддерживать. Например, одна из сегодняшних команд Всемирного банка, анализируя вывод Toyota на рынок в 1958 году, посоветовала бы этой компании не тратить сил зря, так как было очевидно, что ее машины не смогут конкурировать на мировом рынке, а западноевропейские производители выпускали машины лучшего качества и дешевле. Несомненно, Японии порекомендовали бы наиболее выгодное для нее производство игрушек и одежды. Toyota не последовала подобному совету и сегодня стала самой успешной автомобильной компанией в мире. Таким образом, страны Первого мира «выбили почву из-под ног» Третьего мира, мешая этим странам использовать единственно успешную экономическую стратегию.¹⁰

Словосочетание «свободная торговля» заставляет вспомнить формулировку рынка Адама Смита, на котором торгуются равные, предлагая товары, и приходят к взаимовыгодному соглашению, тем самым способствуя росту общего благосостояния. Но это всего лишь теоретизирование, абсолютно не соответствующее реальности. На рынке встречаются не равные силы Первого и Третьего миров, а результатом их взаимодействия не является взаимовыгодная сделка. Гана, например, была вынуждена под давлением МВФ отменить тарифы на импорт пищевой продукции в 2002 году. В результате в страну потекли потоки продуктов из стран Европейского союза, которые разорили местных фермеров. Однако экономические убийцы МВФ, кажется, «забыли» позаботиться о том, чтобы ЕС отменил свои значитель-

¹⁰ См.: <http://www.ghanaweb.com/GhanaHomePage/NewsArchive/printnews.php?ID=79568>.

ные сельскохозяйственные субсидии, поэтому мороженные цыплята из ЕС оказались втрое дешевле местных.¹¹

Замбию вынудили отменить тарифы на ввоз одежды, которые защищали небольшую местную промышленность, состоявшую из 140 фирм. Страну заполонила импортная дешевая поддержанная одежда, которая обанкротила все местные предприятия, кроме восьми фирм.¹² Даже если бы производители одежды Замбии были достаточно крупными, чтобы выйти на международный уровень, они столкнулись бы с тарифами, мешающими экспортировать продукцию в ЕС и другие развитые страны. Считая, что такие страны, как Замбия, обязаны придерживаться принципов свободной торговли, страны Первого мира субсидируют своих экспортеров через экспортные кредитные агентства – часто, как объясняет Брюс Рич в книге «Экспорт разрушения», с катастрофическими последствиями для экологии и экономики стран Третьего мира.

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Вымогание дани у южных стран

Помощь иностранным государствам, финансирование и займы на развитие стран Третьего мира кажутся незначительными по сравнению с потоком денег для кредитования, ассигнованных товаров и услуг, расхищенных фондовых средств и капитала, вывозимого за рубеж. По крайней мере, 5 триллионов долларов поступили из бедных стран в страны Запада с середины 1970-х годов, большая часть – на счета в оффшорных зонах. Тем временем программы по структурному преобразованию МФВ тормозят экономическое и социальное развитие многих стран.

¹¹ Lishala C. Situmbeko (Bank of Zambia), and Jack Jones Zulu (Jubilee-Zambia), «Zambia: Condemned to Debt.» Accessed at <http://www.africafocus.org/docs04/zam0406.php>.

¹² Asad Ismi, «Plunder with a Human Face: The World Bank», Z Magazine, February 1998, p. 10.

Принципы ОЭСР	Нарушения принципов в Конго
Корпорации должны соблюдать права тех людей, на которых их деятельность в других странах оказывает воздействие, точно так же, как и права человека в своей родной стране	Корпорации получали прибыль от армий и представителей милиции, которые торговали минералами, добытыми заключенными, и использовали вооруженные группировки для защиты своей собственности
Корпорации не должны способствовать нарушению прав человека со стороны вооруженных группировок	Корпорации поставляли оружие повстанцам и правительственным войскам и даже участвовали в некоторых военных действиях
Корпорации должны вести отчетность и проводить аудит, правдиво отражая все осуществляемые операции	Корпорации участвовали в контрабанде алмазами, отмывании денег и незаконных валютных операциях
Транснациональные корпорации должны следить за тем, чтобы местные бизнес-партнеры, поставщики и субподрядчики соблюдали принципы ОЭСР	Корпорации покупали минералы, которые поступали из регионов, контролируемых повстанцами, не интересуясь их происхождением и тем, кто получал выгоду от их продажи
Даже если корпорации не покупают ресурсы напрямую из регионов, в которых добычу ископаемых контролируют вооруженные группировки, они несут ответственность за отслеживание цепочки поставок. Например, если компания покупает алмазы в Бельгии, она должна поинтересоваться, откуда они были поставлены	Корпорации покупали минералы у поставщиков за пределами Конго, не интересуясь происхождением этих ресурсов
Корпорации не должны давать или требовать взятки для приобретения или сохранения бизнеса. Они также не должны участвовать в антиконкурентных соглашениях или получать право нарушать законы и правила	Зная о нестабильности в данных регионах, корпорации ведут дела с теневыми посредниками, чтобы обеспечить свои контракты и льготы
Корпорации должны содействовать «экономическому, социальному и экологическому прогрессу с целью достижения стабильного развития»	Компании получали выгоду от совместной деятельности с представителями правительства ДКО по эксплуатации природных ресурсов. Лишь небольшую часть этой прибыли (или ничего) получали жители Конго
Все предприятия, включая банки, должны «придерживаться разумных правил управления». Банки и финансисты должны убедиться в том, что корпорации и лица, пользующиеся их услугами, соблюдают принципы ОЭСР	Банки позволяли компаниям получать прибыль от своей незаконной деятельности, предлагая свои услуги отдельным лицам и компаниям, которые расхищали богатства Конго

Есть, конечно, и отрицательные эффекты – знаменитые «незапланированные последствия», о которых любят говорить консерваторы. Программа структурных преобразований МВФ в Перу снизила тарифы на зерно в начале 1990-х годов, и страну заполонило зерно из США, чьи фермеры получают субсидии в размере 40 миллиардов долларов ежегодно. Мно-

гие перуанские фермеры не выдержали конкуренции и стали выращивать коку для производства кокаина.¹³

Тем временем цены на многие традиционные экспортные товары из стран Третьего мира – кофе, какао, рис, сахар и хлопок – продолжают снижаться. Относительная стоимость их экспортной продукции снизилась даже еще больше: например, в 1975 году стоимость нового трактора соответствовала стоимости восьми тонн африканского кофе, но к 1990 году тот же трактор стоил 40 тонн.¹⁴ Тем не менее, этим странам трудно перейти к производству более сложной и дорогой продукции, потому что им не хватает средств, доступа к рынкам и специалистов. Фактически многие программы МВФ привели к сокращению расходов на образование и здравоохранение, поэтому сложно улучшить качество рабочей силы при низком уровне образования и ограниченных технических навыках. В некоторых странах, например Гане, процент детей школьного возраста, которые действительно ходят в школу, падает из-за сокращения бюджета, навязанного программами МВФ.¹⁵

¹³ Christian Aid, *The Trading Game: How Trade Works* (Oxford: Oxfam, 2003).

¹⁴ Asad Ismi, *Impoverishing a Continent: The World Bank and IMF in Africa* (Ottawa: Halifax Initiative Coalition, 2004), p. 13.

¹⁵ Vandana Shiva, «North-South Conflicts in Intellectual Property Rights», *Synthesis/Regeneration* 25 (Summer 2001).

Монополия: неравное игровое поле

Кроме доминирования и манипулирования рынками, элита Первого мира использует вне рыночные силы, чтобы обеспечить себе контроль, несмотря на постоянное нахваливание чудес свободного рынка. Они настаивают на так называемом соглашении о правах на интеллектуальную собственность, связанном с торговлей и выдвинутом ими на обсуждение во время торговых переговоров на Уругвайском саммите в 1994 году, несмотря на широкую оппозицию. Соглашение позволяет патентам и другим формам монополии на интеллектуальную собственность закрыть производителям Третьего мира доступ на прибыльные рынки (таким образом ограничивая их только товарным производством).

В рамках этой стратегии США настояли на том, чтобы генофонд, включая семена, клетки человека и микроорганизмы был признан патентоспособным объектом. Корпорации Первого мира использовали условия соглашения для эксплуатации местного урожая и других генетических ресурсов южных стран, которые они могли запатентовать, получив эксклюзивные права на производство и продажу. Эту стратегию часто называют «биопиратством».¹⁶ Например, в результате одной из своих агрессивных стратегий техасская компания RiceTec получила патент на индийский рис бастами, заявив, что она разработала «новые» сорта риса – генетический вид, который на самом деле создавался столетиями селекционирования индийскими и пакистанскими фермерами.

¹⁶ Doug Henwood, interview with Ellen Augustine, January 21, 2006.

Долг: продать душу фабричному магазину

Долг помогает контролировать страны Третьего мира. Зависящие от помощи, реконструкции долгов и пролонгации кредита, чтобы только выжить (о развитии речь уже не идет), они были вынуждены реструктурировать свою экономику и переписать законы, чтобы соответствовать требованиям программ МВФ и условиям кредитования Всемирного банка. В отличие от США, они не контролируют резервную валюту мира и не могут долго жить не по средствам, избегая при этом финансового кризиса. Как отмечает Даг Хенвуд (Doug Henwood) в своей книге «После новой экономики» (After the New Economy):

На данный момент США стали бы первым кандидатом на структурные преобразования, будь они обычной страной. Мы живем далеко не по средствам, у нас огромная и постоянно растущая внешняя задолженность и правительство, которое не собирается что-либо менять... Если бы это была обычная страна, МВФ порекомендовал бы нам организовать экономический спад, сбалансировать иностранные счета, меньше потреблять, больше инвестировать и накапливать. Но так как Америка – это Америка, такое не происходит. Если это плохо для нас, то почему должно быть хорошо для всех остальных?¹⁷

¹⁷ John O'Shea, «Paying Aid to Corrupt Regimes No Use to Poor», Irish Times, December 9, 2004.

Коррупция, долг и секретность

Коррупция, извечная прислуга власти, служит механизмом прибыли и контроля – и отвлекает внимание от настоящих источников власти. Коррумпированные лидеры Третьего мира, такие как Мобуту Сесе Секо – президент Заира, который присвоил себе, по крайней мере, половину внешних инвестиций, предназначенных для помощи его стране,¹⁸ рады влезть в дополнительные долги за ненужные, плохо спланированные проекты по раздутым ценам – долги, которые придется платить гражданам их стран. А МВФ и Всемирный банк были рады предоставлять кредиты Заиру, даже когда их собственные исследователи предупредили о том, что деньги разворовываются. Поддержка Мобуту африканской политики Вашингтона во время «холодной» войны, возможно, повлияла на подобный энтузиазм, а также свою роль сыграли потоки кредитных денег обратно в банки Первого мира. Стив Беркман в книге «Вопрос на 100 миллиардов долларов» приводит схемы перевода денег, предназначенных для развития бедных стран, в карманы коррумпированной элиты. В широком смысле то, что было названо «циклическим потоком долгов/капитала», заинтересовало многие ссудные комитеты: по сведениям Sag Harbor Group, «по крайней мере половина средств, заимствованных крупнейшими должниками, исчезала “через черный вход” обычно в том же году или даже в том же месяце, в котором был получен займ».¹⁹ Джон Кристенсен описывает в книге «“Грязные деньги”», как тайные счета в оффшорных зонах, таких как Каймановы острова, позволяют элите Третьего мира укрывать украденные деньги, полученные взятками, или капитал от торговли наркотиками.

Те же оффшорные учреждения позволяют корпорациям и элите Первого мира скрывать свои доходы от налогообложения, вынуждая рядовых граждан платить по счетам. Международный кредитно-коммерческий банк (БКСИ), прикрываемый законом об охране банковской тайны Люксембурга, еще больше раздвинул рамки этих оффшорных возможностей, из-за чего примерно 13 триллионов долларов были потеряны или украдены в результате крупнейшего банковского мошенничества в мире. В книге «Двойная игра БКСИ: Банк Америки – банк джихада» Люси Комисар объясняет, почему правительства и контролирующие органы не обращали на это внимание: БКСИ предоставлял банковские услуги целому кругу могущественных игроков, начиная с ЦРУ, влиятельных демократов и республиканцев в Конгрессе и заканчивая Медельинским наркокартелем – и, как оказалось, Аль-Каидой.

Программы по приватизации, которые продвигает МВФ, предлагают такие широкие возможности для незаконных доходов, что они были названы «прихватазией» (briberization). Согласно Джозефу Стиглицу, бывшему главному экономисту Всемирного банка, «государственные лидеры, которым говорили продать свои водные и электрокомпании... получали за это комиссионные, зачисляемые на счета в швейцарском банке... У них чуть глаза на лоб не вылезли», когда они поняли, какие возможности открываются перед ними, таким образом «возражения против продажи государственных предприятий стихали».²⁰

¹⁸ James S. Henry, «Where the Money Went», *Fortune*, March/April 2004, p. 45.

¹⁹ Цитируется по кн.: Derek McCuish, «Water, Land and Labour: The Impacts of Forced Privatization in Vulnerable Communities» (Ottawa: Halifax Initiative Coalition, 2004), p. 29.

²⁰ Mike Ceaser, «U.S. Tax Dollars Helped Finance Some Chavez Foes, Review Finds», *Boston Globe*, August 18, 2002.

Меры убеждения: кнут и пряник

А лидеры, которые преследуют популистские цели, хотят добиться национального контроля и получить прибыль от ресурсов страны? Допустим, они не попались на коррупции и не прельстились роскошной жизнью стран Первого мира. План экономических убийц включает полный перечень методов достижения уступчивости – по доброй воле или против нее.

Разделять и властвовать – конечно же, проверенная временем стратегия и завоевателей, и запуганной элиты. Подрыв политических процессов – единственный способ править среди своих равных лидеров страны. США и другие силы стремятся установить отношения с ключевыми игроками администрации, силовых структур, бизнеса, СМИ, научного сообщества и профсоюзов. После нескольких мирных собраний и снабжения фондами различных групп страна, отказывающаяся от сотрудничества, может обнаружить рост политического напряжения. Правительство наталкивается на сопротивление бывших сторонников, а политическая оппозиция оживляется. СМИ сеют панику. Напряжение растет, и экономисты прогнозируют все большие бизнес-риски: деньги вывозятся из страны в Майами, Лондон или Швейцарию, инвестиции откладываются, сокращение производства увеличивает безработицу. Если правительство понимает, что к чему, и меняет направление развития, на его улице снова праздник: деньги возвращаются в страну, и вдруг оказывается, что сотрудничество очень даже возможно. Если же правительство пытается преодолеть бурю, применяются другие, более радикальные стратегии – от убийства отдельных лидеров до военного переворота с целью развязать гражданскую войну.

Венесуэла – один из последних примеров. Национальный фонд США в поддержку демократии в 2002 году обеспечил примерно миллионом долларов несколько бизнес-, медиа и рабочих групп, помогая профинансировать их шумную кампанию против своего популистского президента Уго Чавеса за несколько месяцев до апреля 2002 года, когда его попытались свергнуть (безуспешно). Например, Национальный фонд передал 55000 долларов департаменту образования, которым руководил некто Леонардо Карвахал, которого, кстати, планировали назначить министром образования, если бы организаторам переворота удалось сделать президентом страны Педро Кармона, проамериканского бизнесмена.²¹

Нелишними оказываются военные формирования. Эндрю Роуэлл и Джеймс Мариотт исследуют растущий интерес Запада и Китая к нефти Нигерии. В книге «Нефть и новая борьба за Африку» они рассказывают о новой тайной операции: о роли агентов безопасности компании Shell в обеспечении защиты доходов от добычи нефти в дельте Нигера от местных жителей. Использование этнических или религиозных распри внутри страны часто становилось успешной стратегией. В 1979 году США были рады поддержать исламистских фундаменталистов – моджахедов в их борьбе против социалистического правительства Афганистана, которое, по их мнению, перешло все границы, внедряя программу образования женщин; Осам бен Ладен был исламистом из Саудовской Аравии, нанятым государственной разведкой Пакистана, чтобы возглавить кампанию ЦРУ.²² Кетлин Керн в книге «Высокая цена дешевых мобильных телефонов» рассказывает, как западные транснациональные корпорации, воспользовавшись этнической враждой племен в восточном Конго и Руанде, обеспечили себе доступ к колтану и другим ресурсам – ценой 4 миллионов жизней. В Никарагуа США использовали религиозную и этническую напряженность, чтобы

²¹ Tariq Ali, *The Clash of Fundamentalisms: Crusades, Jihads and Modernity* (London: Verso, 2002), p. 209–10. See also Steve Coll, *Ghost Wars: The Secret History of the CIA, Afghanistan, and bin Laden, from the Soviet Invasion to September 10, 2001* (New York: Penguin, 2004).

²² См.: Roxanne Dunbar-Ortiz, *Blood on the Border: A Memoir of the Contra War* (Boston: South End Press, 2005).

настроить народность Мискиту, населяющую атлантическое побережье страны, против Сандинистского правительства.²³

Терроризм, хотя и осуждаемый, тоже весьма полезен для экономических убийц. В декабре 1981 года никарагуанский самолет был взорван у ангара в аэропорту Мехико.²⁴ Люди еще не успели пройти на посадку, поэтому им повезло больше, чем 73 пассажирам рейса 455 авиакомпании Cubana, взорванного над Карибским морем в октябре 1976 года. Кубинский изгнанник Луис Посада Каррилес, признанный виновным в Венесуэле в организации взрывов, позднее сознался, что получил за эти теракты 200000 долларов от Кубино-американского национального фонда, спонсируемого США.²⁵

Уничтожение несговорчивых или амбициозных лидеров Третьего мира тем или иным способом служит наглядным примером для любого президента или премьер-министра, который думает о сопротивлении. Джон Перкинс рассказывает историю «за кадром» об устранении президента Панамы Омара Торрихоса и президента Эквадора Джейми Ролдоса в 1981 году.²⁶ Но список лидеров, разделивших их судьбу, достаточно длинный: Патрис Лумумба (Конго) в 1960 году; Эдуардо Мондлейн (Мозамбик) в 1969 году; Амилкар Кабрал (Гвинея-Бисау) в 1973 году; Оскар Ромеро, архиепископ Сан Сальвадора, в 1980 году; Бениньо Акино (Филиппины) в 1983 году; Мехди Бен Барка (Алжир) в 1965 году. Карьера Крейга Уильямсона (Craig Williamson), агента службы безопасности в Южной Африке, типична для шакалов, участвующих в подобных точечных убийствах. Он ответственен за смерть Рут Ферст, активистки африканского конгресса и писательницы, которой бомбу прислали по почте в 1982 году, а также за нападения на других активистов анти-апартеида, в которых он участвовал.²⁷

Государственный переворот – классический метод устранения оппозиционных лидеров, который, лишая их власти, устраивает облавы на активистов и вынуждает общество отказаться от результатов неугодной реформы. Возможно, самый известный пример такого переворота – свержение генералом Аугусто Пиночетом социалистического правительства Чили в 1973 году, в результате которого были убиты президент страны Сальвадор Альенде и тысячи его сторонников. Длинный список переворотов ассоциируется в основном с США и европейскими государствами – свержение усилиями ЦРУ Мохаммеда Моссадека в Иране (1953 год), устранение бразильского президента Жоао Гулара (1964 год), захват власти в Индонезии генералом Сухарто (1965 год), свержение генералом Иди Амином Милтона Обоута в Уганде (1971 год).

Военное вторжение применяется в том случае, если шакалам не удастся достичь цели и использовать местные силовые структуры. Иногда оно обретает форму гражданской войны, используя партизанские методы для свержения законного правительства или изматывая население. Прекратить бойню могут только поражение правящей элиты или переговоры. Классический пример – война против сандинистов в Никарагуа. США также вели длительные войны против Мозамбика и Анголы совместно с южноафриканскими войсками, разоряя экономику обеих стран и убивая сотни тысяч людей.

Прямое вторжение прибегается для самых тяжелых ситуаций, однако этот метод может быть применен в любых случаях для смены режима. Уроки Вьетнамской войны,

²³ Там же, с. 119–123.

²⁴ Ann Louise Bardach and Larry Rohter, Key Cuba Foe Claims Exile's Backing, New York Times, July 12, 1998. См.: также рассекреченные документы на веб-сайте Архива национальной безопасности: www.gwu.edu/~nsarchiv/NSAEBB/NSAEBB153/index.htm.

²⁵ Perkins, Confessions of an Economic Hit Man, p. 153–61.

²⁶ См.: решение Южноафриканской комиссии истины и примирения: <http://www.doj.gov.za/trc/decisions/1999/ac990292.htm>.

²⁷ Barton Gellman, «Keeping the U.S. First: Pentagon Would Preclude a Rival Superpower», Washington Post, March 11, 1992.

кажется, сделали его менее привлекательным для демонстрации власти Первого мира, однако развал Советского Союза и распространение современного оружия вновь заставили прибегнуть к этому методу. После «холодной» войны эксперты США использовали преимущества новых военных технологий, включая тотальный контроль, централизованное управление, контроль военных сил и современное оружие, чтобы поддержать самоуверенность внешней политики США. Как отметил Беллок по поводу гегемонии европейских государств над их колониями в эпоху расцвета британской империи: «У нас есть пушки типа Гатлинг, а у них нет».

В 1992 году неоконсерватор Пол Вулфовиц, заместитель министра обороны в администрации Джорджа Буша-старшего, сформулировал то, что позднее стало известно как «Доктрина Буша» в «Руководстве по планированию обороны в 1994-99 годы». Этот стратегический план основывается на трех идеях: главенство власти США для стран Нового мира; право США наносить односторонние упреждающие удары для защиты собственных интересов; а на Среднем Востоке общая цель – «оставаться господствующей внешней силой, обеспечив доступ США и стран Запада к местной нефти».²⁸

Оккупация Ирака в 2003 году стала одним из следствий этих предпосылок. Дик Чейни, нынешний сторонник «Доктрины Буша», выступал против свержения Саддама после войны в Заливе в 1991 году: «Я считаю, что вмешательство американских вооруженных сил в гражданскую войну Ирака затянет нас в трясину, а у нас нет никакого желания захлебнуться подобным образом». Однако времена меняются. Привлекательность иракских запасов нефти в мире, которому грозит ее нехватка, контроль над Средним Востоком как центром власти подобного мира и перспектива получения неприлично прибыльных контрактов и скидок, как сообщает Грег Маттит в книге «Иракское дело», кажется, привели США к длительной оккупации, из которой будет сложно выпутаться. Эндрю Басевич (Andrew J. Bacevich), консервативный военный теоретик, так смотрит на эту проблему: «Иметь влияние в более чем одном регионе ключевого геополитического значения, признавать законность только своих политических и экономических принципов, провозглашать существующий порядок священным, заявлять о своем бесспорном военном превосходстве, повсеместно используя силу не для самообороны, а для обуздания и принуждения, – это действия страны, стремящейся к имперскому правлению».²⁹

С одной стороны, американская империя может существовать лишь в том случае, если ее субъекты считают выгодным нахождение под ее контролем и согласны считаться с теми нормами, которые их правители полагают допустимыми. А с другой стороны, 2 миллиарда людей Третьего мира бедствуют, ютятся в городских трущобах, а горы долгов продолжают тормозить экономическое и социальное развитие их стран,³⁰ хотя их элита и может себе позволить богатую жизнь Первого мира. В этом контексте «Доктрина Буша» призывает к бесконечной войне ради сохранения контроля империи. Однако, как отмечает Антония Джухаш в книге «Глобальное восстание: сеть сопротивления», люди во всем мире, кажется, поняли, что лучше бороться за создание собственной демократической альтернативы глобализации, чем вечно жить в тени чужой империи.

²⁸ Andrew J. Bacevich, *American Empire: The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy* (Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 2002), p. 243.

²⁹ Подробнее о росте стран Третьего мира без развития и о подготовке Пентагона к «пассивной войне неограниченной продолжительности», с обзором «Вьетнамской улицы» в районе Садр-сити (Багдада) См.: в кн.: Mike Davis, *Planet of Slums* (London: Verso, 2006).

³⁰ John Christensen, «Current Trends in Cooperative Movement Causing Concern», *Business Times* (Malaysia), December 14, 1985, p. 11.

Глава 2

Продавая деньги – и зависимость

Сэм Гвин

Амбициозный региональный банк и молодой банкир продают займы развивающимся странам, чтобы финансировать сомнительные проекты, вынуждая рядовых граждан платить по счетам.

Странный это бизнес – продавать деньги от дома к дому в эпоху расцвета цивилизации. Еще удивительнее то, что деньги идут не из таинственных глубин рынка евровалюты – по таинственному пути через Нассау, Гонконг или Цюрих, а со сберегательных счетов американцев из Огайо.

И эти американцы, как и все их сограждане, только начинают понимать, что заработанные ими деньги уже не используются для строительства соседнего дома.

Раньше я продавал их деньги, зарабатывая этим себе на жизнь. Я путешествовал по миру, работая в среднем банке Среднего Запада с активами на 5 миллиардов долларов. Кроме того, я участвовал в удивительной банковской практике по принципу «обычный бизнес», которая начала заражать мировую финансовую систему.

* * *

Шел 1978 год. Благодаря продажному, репрессивному режиму президента Филиппин Фердинанда Маркоса, я прекрасно устроился в одном из лучших отелей Манилы – Пенинсуле. Я продвигал уникальный проект, суливший филиппинской строительной компании, стороннице клана Маркоса, 10-миллионный кредит – займ, который скоро должен был увеличиться. Но я этого пока еще не знал, спускаясь в вестибюль гостиницы, чтобы отправиться обедать. Мои мысли все еще занимал живой осьминог, которым угостил меня Тайваньский банк прошлым вечером: я пытался вспомнить, чего они от меня хотели и почему так сильно старались.

Международная банковская деятельность – интересный бизнес, особенно для меня и тех беспомощных огайцев, чьи деньги я продаю: мне 25 лет, а мой опыт в банковском деле ограничивается полутора годами. Я начал работать в банке в качестве аналитика отделов кредитов, имея степень магистра по английскому языку. Так как я свободно владел французским, 11 месяцев спустя меня повысили до кредитного инспектора и направили во франкоговорящие арабские страны. Это моя третья длительная поездка, поскольку район моего инспектирования быстро расширился: за полгода я побывал в 28 странах.

Я далеко не единственный молодой и неопытный в мире международной банковской деятельности – он полон агрессивных, способных, но совершенно неопытных кредиторов не старше 30 лет. Они путешествуют по миру, подобно странствующим трубочистам, выполняя ссудные квоты, торгуя финансовой продукцией и живя на широкую ногу. Их боссы обычно способные, но тоже неопытные 29-летние вице-президенты, одевающиеся у Brooks Brothers и имеющие степень магистра бизнеса Уортона или Стэнфорда. Однако они настолько несведущи в кредитовании, что не смогли бы оформить даже простую розничную ссуду, погашаемую в рассрочку. А их руководители, члены кредитного комитета – прагматичные банкиры до мозга костей, прекрасно разбирающиеся в местной банковской системе и имеющие 20-30-летний опыт работы. Но старшие банкиры ничего не понимают в международном кредитовании. Многие из них никогда не собирались заниматься заморским кредитованием, но

были вынуждены делать это из-за интернационализации американской коммерции; когда их местная клиентура перешла на международную торговлю, они вынуждены были последовать за ними, чтобы не потерять бизнес крупных финансовых банков. Поэтому старшие банкиры с тревогой наблюдают за работой своих подчиненных – ловкачей мировой финансовой системы, неутомимых коммивояжеров, привлекающих такие кредиты в Польшу, Мексику и Бразилию, что они начинают угрожать стабильности системы, которую они призваны развивать.

Систему постоянно лихорадит. В 1975 году американские банки выдали иностранным государствам кредиты на сумму 110 миллиардов долларов. К концу 1982 года они выросли до 451 миллиарда. Ведущим девяти банкам принадлежит 31 миллиард долларов, или более 112 % их общего капитала в качестве кредитов в Мексике, Бразилии, Аргентине и других странах, которым пришлось пролонгировать займы, чтобы избежать катастрофических дефолтов.

Итак, я в Маниле, в вестибюле Пенинсулы. На балконе группа филиппинских музыкантов играет для торговцев, туристов, банкиров, местных бизнесменов и старых азиатов-рабочих, которые отдыхают за маленькими столиками внизу, поджидая подружек и друзей.

Еще не зная, что должно произойти, я чувствую приближение чего-то необычного. Я прилетел утром самолетом китайских авиалиний из Тайбэя. На трапе самолета я, к своему удивлению, столкнулся с «диспетчером», странным существом из Третьего мира, который занимался встречей и отправкой важных гостей. «Диспетчер», представившийся Джоем, был представителем моего клиента – Филиппинской корпорации по строительству и развитию (CDCP), местной строительной компании, которую мы годами безуспешно обхаживали. Джой, очевидно, заплатил агентам безопасности из иммиграционной службы, поэтому мы прошли таможенную и паспортный контроль за 2 минуты, тогда как остальным 300 пассажирам пришлось мучиться в этой тропической жаре, проклиная все на свете, полтора часа. Затем он провел меня сквозь толпу кричащих торговцев в зале прибытия к ожидающему нас «Ягуару» с кондиционером, прекрасной стереосистемой и очень симпатичной 20-летней девушкой. Девушку я никак не ожидал. Банк Бангкока предоставил мне серебряный «Линкольн», но не девушку. Арабы – длинный «Мерседес» и подпольную бутылку темного Johnny Walker, но девушки не было. В изощренном мире азиатского бизнеса, где «услуга за услугу» – основа любой сделки, подобные вещи делаются с определенным умыслом. Да, подумал я, что-то действительно намечается...

Спустя несколько часов я опять встретился с Джоем под навесом у входа в Пенинсулу. Безукоризненно одетый Джой взял мой портфель с 5000 долларов в дорожных чеках, билетом на самолет за 9000 долларов, паспортом и кредитными карточками – всем, что отделяло меня от тюрьмы Интрамурос, – и исчез. Мы изображаем доверие. Через минуту красный «Ягуар» подъехал к отелю с моим портфелем, целым и невредимым, и мило улыбающейся девушкой, и мы мягко заскользили в удивительной тишине по гудящей, переполненной Маниле, какой она становится в субботний вечер. По дороге девушка сообщила мне, что они с «Ягуаром» предоставлены мне «в полное распоряжение» до самого отъезда.

Меня отвезли в дорогой ресторан в Макати, где был устроен шикарный обед в мою честь президентом компании, господином Руди. Мой банк обхаживал эту компанию вот уже пять лет: мы много раз угощали их обедами, возили играть в гольф и заниматься подводным плаванием, посылали им виски и сигары на Рождество, но до сих пор единственное, что получали в ответ, – это вежливые разговоры. После восьми перемен блюд и такого количества спиртного, которым можно было бы спить все мусульманское население Минданао, произошло нечто необычное. На невнятном английском Руди объявил, что хотел бы взять кредит на закупку землеройной техники у клиента моего банка в США для восстановительного проекта «Манила Бей».

«О какой сумме идет речь?» – спросил я на таком же невнятном английском.

«Десять миллионов», – ответил он и рассмеялся. – «Мой вице-президент обсудит с вами детали утром».

Через пять минут министр финансов Филиппин «заезжает» к нам, чтобы встретиться со мной. О займе – ни слова. Но он невероятно вежлив и обращается к Руди «мой верный друг». Не хочу ли я посетить Багуйо? Очень мило, думаю я, не подозревая, что самолет компании уже готов перенести меня в сказочную гостиницу на северном горном курорте, принадлежащую компании.

* * *

Международный банкир за границей ограничен в передвижении: он не гуляет по улицам и не заходит в местные бары, да и вообще редко где-либо появляется, дабы обезопасить себя от возможного нападения. Однако его подстерегает другая опасность: забытый израильский паспорт на таможне в Алжире, оставленная бутылка виски при въезде в Саудовскую Аравию – все эти прегрешения, как правило, приводят к аресту и заключению в иммиграционную тюрьму на неопределенный срок. А если ваш водитель вдруг попадет в аварию в одной из строгих мусульманских стран, да еще и задавит кого-нибудь? Согласно Корану, водитель и машина никогда не попали бы в аварию, если бы вы не наняли их, поэтому ответственность за причиненный ущерб полностью ложится на вас. Именно поэтому американские банкиры нередко сбегают с места происшествия, даже небольшого, захватив свой портфель и пытаясь затеряться в толпе или скрыться в арендованной квартире. В Маниле вы в полной безопасности, хотя чрезмерное гостеприимство хозяина может обернуться для вас каким-нибудь венерическим заболеванием.

Будучи кредитным инспектором, вы в основном занимаетесь займами и не задумываетесь о том, угрожает ли ваша деятельность, например, стабильности мировой экономики или нет. В этом смысле молодой банкир подобен солдату на фронте: он послушен, агрессивен и безнравственен, поскольку всего лишь выполняет чей-то приказ. Через агентства кредитных инспекторов, таких, как я, американские банки выдали множество сомнительных займов странам, у которых накопилась такая большая задолженность, что, согласно Уолтеру Ристону из Citicorp, «способность выплатить долг» уже не принимается в расчет. Важен «доступ к рынку», что говорит о возможности заимствовать еще больше. Это очень разумное объяснение, принимая во внимание активную деятельность крупных банков в странах, которые не в состоянии погасить свой долг. Теория выглядит примерно так: пока страна в состоянии брать кредиты, она сможет бесконечно откладывать выплату долга, примерно так, как США поступают с государственным долгом. А пока страна может откладывать выплаты, банки будут получать свои деньги в установленные сроки, а эти страны не будут признаны неплатежеспособными. Но банки прижаты к стенке. Если им не удастся привлечь больше денег, они будут вынуждены списать огромное количество «плохих» долгов. Кроме того, им грозят еще более серьезные последствия цепной реакции – перекрестное неисполнение обязательств, относящихся к условиям большинства займов.

Есть еще один любопытный аспект: несмотря на то что банки могут позволить такой стране, как Польша, отложить выплату долга (через 20 лет, а не через 10), процентные платежи все равно не прекращаются. Именно на них основываются итоговые результаты банковских отчетов о прибылях и убытках. Это значит, что у Citibank может быть очень успешный год, даже если многие займы оказались не погашенными. Возможно, не стоило делать ставку на кредиты, однако банки ведут себя достаточно умно и очень щепетильны, когда речь заходит о защите ценности их активов.

В основе этой всемирной кредитной проблемы лежит очень простая концепция – безопасность. Когда вы берете ссуду на покупку машины, банк, чтобы обезопасить себя, берет право на владение этой машиной. Если вы не сможете вовремя выплатить кредит, банк продаст машину и вернет свои деньги. Но международные банки не могут «забрать» электростанцию в Таиланде или больницу в Дубаи, или даже гусеничный трактор в джунглях Калимантана. Они не могут «повесить свой ярлык» на урожай бананов на Филиппинах или захватить медь на рудниках в Чили, чтобы продать ее в Чикаго. В международной банковской деятельности американские банки часто нарушают древнейшие принципы кредитования с соблюдением безопасности. Как местного кредитного инспектора меня всегда учили создавать разумную защиту активов для каждого займа, если, конечно, заемщик не является безусловно платежеспособным и честным клиентом. Но когда я стал международным кредитным инспектором, мне пришлось забыть об этом и научиться готовить логические обоснования, благодаря которым кредит был бы привлекательным для головного офиса, хотя технически он ничем не гарантировался.

* * *

В Маниле я мысленно пробегаю по своим встречам, облизываясь при воспоминании о 10-миллионном кредите. Я вижу себя весьма удачливым банкиром, ворочающим огромными суммами денег и смазывающим гигантский механизм международной торговли. Конечно, сам лично я не могу дать согласие на этот кредит. Банк, возможно, не во всем разбирается, но этот займ придется представлять в головном офисе неглупым седовласым, краснолицым банкирам из высшего кредитного комитета. Они будут всматриваться в меня поверх очков и задавать вопросы: «Почему их текущий коэффициент покрытия падает, принимая во внимание растущие продажи?» Дальнейшая часть моей поездки предполагает посещение Гонконга, Куала Лумпура, Токио и Сеула. Мне удастся получить хоть какое-то представление о странах и познакомиться с тяжелейшей дизентерией. Но я продолжаю мечтать об этом кредите, заполняя страницу за страницей всеми «за» и «против», пытаюсь представить себе реакцию кредитного комитета. Сквозь мой энтузиазм и растущее ощущение собственной значимости проглядывает некий жулик, которому, наконец-то, дал жизнь мой товарищ-банкир из Chase Manhattan, рядом с которым я сижу в самолете, летящем в Куала Лумпур.

«С кем ты ведешь бизнес в Маниле?» – спрашивает он, заказав нам по пятому бокалу виски, скрашивающему международным банкирам жизнь в длинных поездках. «С CDCP», – отвечаю я.

«Они заодно с Маркосом», – говорит он. – «Это хорошо. Но они по уши в долгах».

Когда банкир говорит, что компания «по уши в долгах», это значит, что ее задолженность намного превосходит акционерный капитал владельца. В США банкиров учат избегать подобных кредитов, считая, что они ставят заимодавца в очень рискованное положение, когда придется бороться за немногочисленные основные активы компании в случае банкротства. Я украдкой взглянул на долю заемных средств CDCP. Семь к одному. Один к одному считается нормальным, а два к одному – опасным. И вдруг мне в голову приходит мысль, что было бы полным безумием давать этот кредит. «Тебе лучше получить подпись Маркоса – кровью», – говорит мой товарищ, смеясь.

* * *

Дома, в головном офисе в Кливленде, еще невыспавшийся после стольких перелетов, я подвожу итоги своей поездки. Я пытаюсь восстановить все эти трехчасовые обеды с пятью переменами блюд и вином и вспомнить, что же я тогда говорил.

Говорить, что банкиры – вышколенные пессимисты, банально. Возможно, это и правда, если речь идет о банкире, занимающемся розничной торговлей, но международного банкира сегодня можно назвать оптимистом. Например, когда старший вице-президент спрашивает вас о том, как обстоят дела в той или иной стране, вы не отвечаете: «Знаешь, Фил, мне кажется, она катится ко всем чертям». Даже если это и правда, не в ваших интересах так говорить, потому что Фил с легкостью может сделать так, что вам никогда не удастся предоставить кредит этой стране. А эффективность вашей работы оценивается по количеству выданных вами займов. Будучи кредитным инспектором, я однажды заметил вице-президенту, отвечающему за кредитование Мексики, что, на мой взгляд, никакое количество нефти не изменит тот факт, что в Мехико, где к 2000 году будут жить 30 миллионов человек, никакие социальные программы не помогут сделать так, чтобы денег от продажи нефти хватило на всех этих людей. Мне было велено не указывать это в своем отчете по стране.

«Мы интересуемся только выплатой долга, ничем другим», – ответил он. – «Демография нас не касается. У них столько нефти, что они не знают, что с ней делать. Обыграй это в докладе».

Да, оптимизм. Я работал в Мексике, Аргентине, Бразилии, Польше – во всех странах, которым пришлось продлевать сроки выплаты долга – современная замена дефолта. Эта система сработала для них, сработает и для меня, как мне казалось, в этой неустойчивой, коррумпированной азиатской стране, имеющей серьезные проблемы с балансом платежей и с ее компанией, чья доля заемных средств составляла семь к одному.

Однако прежде чем мне удалось додумать аргументацию, зазвонил телефон. Это старший фининспектор компании, продающей землеройное оборудование, – дочерней компании крупного машиностроительного предприятия и давнишнего клиента нашего банка.

«Я слышал, вы разговаривали с нашими друзьями в Маниле», – говорит он непринужденно, как будто разница в нашем должностном положении ничего не значит для него.

– Они были очень гостеприимны.

– Приятные люди.

– Они хотят, чтобы мы профинансировали покупку вашего оборудования.

«Я знаю», – отвечает он. – «И мне бы хотелось, чтобы вы хорошенько рассмотрели это дело», – продолжает он тоном, призванным напомнить мне, что его компания разместила крупную сумму в нашем банке – бессрочные вклады и пенсионные фонды.

Я уверяю его, что с должным вниманием рассмотрю этот вопрос, и на этом наш разговор заканчивается. Десять минут спустя президент моего банка звонит мне по тому же вопросу. Мне опять настоятельно рекомендуют обратить на это дело особое внимание. Президент дает мне понять, что я должен вынести заявку на обсуждение кредитного комитета, не цепляясь за платежный баланс на Филиппинах.

Как только этому делу дали ход, мой энтузиазм слабеет. Я понимаю, что вполне могу превратиться в «мальчика для битья». Внимательнее проанализировав компанию, я ясно вижу, что это неосуществимая сделка. Я вынесу ее на обсуждение кредитного комитета, подвергнусь получасовому допросу и буду выброшен с позором. Затем президент банка может сказать компании, что мы должным образом рассмотрели их просьбу, несмотря на тот факт, что молодой кредитный инспектор был поставлен в дурацкое положение. Поэтому я решаю придерживаться одной удобной тактики, которой научился. Я постараюсь, по словам банкиров, «прикрыть свой зад».

Теперь мы переходим к настоящей международной банковской работе – той, которая позволяет Citigroup предоставлять 3-миллиардный кредит такой ненадежной стране, как Бразилия. Мы теперь в царстве гарантийного кредита – отличного способа превращения слабости заемщика в новые потенциальные преимущества.

Поясню. Если внешний кредит, который вы предлагаете, ненадежен, вы можете заручиться гарантией третьей стороны, чтобы поддержать его. Третьей стороной может выступить частный коммерческий банк, государственный коммерческий банк или же другое государство. Гарантия от государства – самый удачный вариант. Если сторона, дающая гарантию, выглядит на бумаге убедительно, большинство кредитных комитетов США поверят ей. И никого не смущает, что тысячи безнадежных кредитов во всем мире с радостью поддерживались зарубежными странами, включая ссуды Польше, у которой шансов вернуть долг до миллениума не больше, чем увидеть снегопад в аду. Но американские банки упорно придерживаются старого мнения о том, что «банкам и правительствам не грозит дефолт».

Ну, что же, я не возражаю. И я принялся готовить гарантию от имени крупнейшего филиппинского банка, который уже подписался под стольким количеством гарантий, что вряд ли он со всем этим расплатится. Это легкое дело. Главы банка и строительной компании принадлежат к одной и той же политической партии. Это решение не только улучшит отношения президента моего банка и его клиента, но также будет способствовать моему карьерному росту.

Нужно сделать всего лишь несколько дюжин международных звонков, чтобы получить гарантию направо и налево. С помощью согласного на сотрудничество аналитика отдела кредитов, который всего три месяца назад получил университетский диплом в штате Огайо, мы состряпали прекрасный отчет, который потряс бы все кредитные комитеты. Меня погладили по голове многочисленные вице-президенты, дали небольшую прибавку к зарплате, пригласили в оперу и отправили в Гонконг, оформлять кредит.

Три недели спустя мы выплатили 5 миллионов долларов – первый этап финансирования – за транспортировку землеройного оборудования. Несмотря на то что наш расчетный банк, Chase Manhattan, умудрился потерять эти 5 миллионов на несколько ужасных дней, деньги в итоге поступили на нужный счет.

* * *

Через полтора года после выдачи этого кредита и примерно за год до того, как этот займ стал безнадежным, я перешел на работу в один из крупных банков Западного побережья. К тому времени, как заемщик начал откладывать выплату долга, все кредитные инспекторы, которые работали над этим проектом, перешли в другие банки. Такая стремительная смена кадров не редкость в банковской сфере. Рынок рабочей силы сегодня настолько «горячий», что если вам удалось хорошо справиться со своей работой, вы можете не только рассчитывать на двойное повышение зарплаты, но и выбрать город, где хотели бы работать. Таким образом, многим сотрудникам, оформившим крупные внешние кредиты, не приходится собирать выплаты, а те, кто собирают выплаты за безнадежные долги, не чувствуют своей ответственности, поскольку не они их выдавали. Мой филиппинский кредит очень быстро стал безнадежным. В один прекрасный день ссудные проценты просто перестали поступать, без всякого извещения. Невозможно было получить хотя бы какой-то финансовый отчет компании или найти ее руководителей, которые уклонялись от встречи также и с другими многочисленными кредиторами. Мой преемник несколько месяцев пытался отыскать их, а когда нашел, ему пообещали немедленно их выплатить. Однако деньги так и не были перечислены. Переговоры продолжились, и банк решил, что разумнее продлить срок погашения долга так, чтобы компания смогла выплатить его в течение более длительного периода. Однако в назначенный день банк получил лишь крупицу той суммы, которую задолжал заемщик. Насколько я знаю, гарантия филиппинского банка не была привлечена.

Но у меня уже были другие заботы, пусть кто-то другой расхлебывает эту кашу, а старожилы кредитного комитета в недоумении пытаются выяснить, где была допущена

ошибка. Да, у них теперь много вопросов, особенно с обширным мексиканским портфелем, 50 % которого находится в техническом дефолте, и с миллионными кредитами, выданными восточным странам. Никакой ошибки нет, нет даже крупницы риска, на который сегодня идут ведущие банки в крупных финансовых центрах. Это всего лишь «обычный бизнес», и так будет продолжаться до тех пор, пока с ними не произойдет какая-нибудь катастрофа, а тогда уже будет слишком поздно что-либо менять.

Глава 3

«Грязные» деньги: взгляд изнутри на секретный мир оффшорных банков

Джон Кристенсен

Оффшорные банковские гавани позволяют вытягивать 500 миллиардов долларов в год из стран Третьего мира – этот поток «грязных денег» стал жизненно необходимым для мировой элиты.

Куала Лумпур, июль 1985 года. Возможно, жара или «Гиннес» и «Курвуазье» приглушили мои чувства, но то, что говорил мой сосед, не имело никакого смысла. Я сидел с финансовым директором одного из крупнейших инвестиционных кооперативов Малайзии – Koperasi Serbaguna Malaysia; он был энергичным человеком и ведущим деятелем в Малайско-китайской ассоциации. Я все утро беседовал с его командой и членами совета директоров кооператива о невероятном росте его депозитов и инвестиционной деятельности. Они из кожи вон лезли, стараясь произвести на меня впечатление. После встречи мы поднялись на лифте в роскошный пентхаус их офиса в центре города, где устроили пир с королевскими креветками и французским коньяком. Но в разгар обеда, когда атмосфера стала более непринужденной, мой сосед заинтересовался местом, где я родился, – тысячи миль отсюда, на острове Джерси, одном из островов Ла-Манша. Особенно его поразило то, что Джерси был оффшорной банковской гаванью.

«Там безопасно инвестировать?» – продолжал он спрашивать. Когда я ответил ему, что мало знаком с регулированием финансовых учреждений Джерси, он заметил, что этот вопрос его совсем не волнует. Наконец, я понял: он замышлял что-то не совсем законное.

Сокращение государственного регулирования, коррупция и налоговые гавани

Я прилетел в Куала Лумпур, чтобы подготовить отчет о юридических и нормативных принципах работы кооперативов Малайзии. Я обнаружил невероятный беспорядок, который вполне мог привести к катастрофе.

Малейшие лазейки, призванные содействовать сельским сбережениям и кредитным кооперативам, позволили советам директоров ряда депозитных кооперативов предлагать проценты на депозиты по более высоким ставкам, чем Bank Negara – центральный банк страны. В результате они привлекали миллионы в депозиты, которые могли инвестировать без юридического контроля со стороны Bank Negara или Ассоциации банков и финансовых компаний. Посещая некоторые крупнейшие инвестиционные кооперативы, я обнаружил, что они дают крупные суммы займы своим директорам, родственникам и друзьям, часто без какого-либо залога.³¹ Эти деньги затем переправлялись в секретные оффшорные тресты и компании, расположенные в различных налоговых гаванях, включая Гонконг, Лондон, Сингапур и Нью-Йорк. Капитал инвестировался в землю, недвижимость и фондовый рынок на пике активности, а потери от последующего спада достигали сотен миллионов долларов. Большая часть этих средств была безвозвратно утеряна в лабиринте оффшорного инвестиционного механизма, и в 1986 году Bank Negara был вынужден приостановить торговую деятельность 24 крупнейших депозитных кооперативов, чтобы не утратить окончательное доверие к банковской системе Малайзии.³²

Нехватка защиты инвестора не удивила меня, так как многие директора этих депозитных кооперативов были известными бизнесменами Малайзии, связанными с политическими партиями правящей коалиции. Однако меня удивил тот факт, что в течение многих лет никто из вовлеченных финансовых посредников, включая банки, юридические фирмы, бухгалтеров и аудиторов, не усомнился в незаконности переводов этих денег в оффшорные налоговые гавани и не сообщил об этом. И не я один обратил внимание на такую непрофессиональность. Многие эксперты по отмыванию денег отметили, что схемы для перевода денег, полученных в результате убийств, продажи наркотиков и терактов, – это те же финансовые сети, созданные западными банками и юридическими фирмами десятилетия назад для облегчения незаконного вывоза капитала и уклонения от налогов. Когда Осам бен Ладен язвительно заявил в 2001 году, что финансы Аль Каиды в полной безопасности, и США не удастся их заморозить, он намекал на то, что использует «трещины в финансовой системе Запада... изъяны, которые стали для нее смертельной петлей».³³

Сначала я все-таки пытался понять, как деньги из депозитных кооперативов могли вывозиться из страны, но обнаружил, что это невозможно. Оффшорные тресты не зарегистрированы, поэтому нельзя определить, кто за ними стоит. Столкнувшись с этой непреодолимой стеной секретности, я был вынужден сдаться. Я предупредил официальных лиц Малайзии о проблемах, которые мне удалось обнаружить, и порекомендовал усилить закон о кооперативах, чтобы решить их. А мой интерес уже был направлен на более важный вопрос о том, как прекратить отток «грязных денег» из развивающихся стран в западную банковскую систему.

³¹ «Malay Bank Fights to Avert Co-op Crisis», Financial Times (UK edition), August 12, 1986.

³² Источник: http://al_qaeda.sitemynet.com/alqaeda/id3.htm, accessed September 23, 2002.

³³ Mark Hampton, The Offshore Interface: Tax Havens in the Global Economy (London: Macmillan, 1996).

Оффшорный интерфейс

После завершения своего задания в Малайзии я принял серьезное решение. Я вернулся в Джерси, чтобы выяснить, как действуют оффшорные финансовые системы. На это было непросто решиться, так как мне предстояло бросить свою карьеру в области экономики развивающихся стран и заняться тем, к чему я относился с большим подозрением. Я также понимал, что какими бы ни были мои личные взгляды на сущность этой работы и налоговые гавани, я не мог позволить себе выйти из-под прикрытия ни на минуту. В подобных обстоятельствах поездка домой в Джерси была тяжелым решением, и, честно говоря, я этого очень боялся.

Я вырос на Джерси и любил природу этого острова, его берега и потрясающее культурное наследие. Однако мне хотелось посмотреть мир, поэтому я уехал учиться аудиту и оценке проектов в Лондон. В двадцать с лишним лет я решил получить степень магистра по экономике и юриспруденции. Во время обучения я присоединился к активистам Oxfam 2000, британской неправительственной организации, и стал изучать, как финансовые ресурсы многих беднейших стран мира утекают на секретные банковские счета.

Я занимался этим и после обучения. Работая в Индии в начале 1980-х годов, я все яснее стал понимать, что рынок капитала и программы по либерализации торговли, внедряемые Международным валютным фондом и Всемирным банком, помогали богачам, корпорациям избегать налогов. Налоговые гавани играли важнейшую, однако тайную роль в нелегальном переводе денег на секретные банковские счета и в оффшорные тресты, не просто принося прибыль самым богатым и могущественным людям и компаниям в мире, но и подрывая перспективу экономического развития беднейших стран. В то время как богатство развивающихся стран вывозится за границу в огромных количествах, они влезают в долги, чтобы компенсировать сокращающиеся доходы от налоговых поступлений. Это замкнутый круг: медленные темпы роста усиливают и экономическую нестабильность, и социальное неравенство, а также политические риски, поощряя еще больший отток капитала. Из-за медленного роста этим странам сложнее выплатить свои внешние долги, выполняя при этом социальные обязательства и программы по инвестированию инфраструктуры. Таким образом, оффшорные налоговые гавани подрывают экономическое развитие и приводят к бедности.

Анализ научной литературы 1980-х годов показал, что роль налоговых гаваней или процесс их взаимодействия с появляющимися глобальными финансовыми рынками никто не изучал. Оффшорное финансирование до сих пор редко упоминается в работах специалистов по рынкам капитала и мировой торговле, не говоря уже об учебной литературе для студентов факультетов экономики в университетах всего мира.³⁴ Это опаснейшее упущение, особенно учитывая то, что половина мировой торговли проходит через налоговые гавани — на бумаге, если не в действительности, а миллиарды долларов ежедневно ходят по оффшорным сетям.

Моя работа в начале 1980-х годов привела меня в Юго-Восточную Азию и Северную Африку, и я повсюду сталкивался с широко распространенным мнением о том, что богатство, особенно доходы от минеральных ресурсов (например, нефти), присваивали себе коррумпированные политические и бизнес-элиты, переводя на оффшорные банковские счета и в тресты в налоговых гаванях, таких как Швейцария, Монако, Каймановы острова и Джерси. Губительное сочетание огромного социального неравенства и маргинализации в этих странах породило глубокое напряжение, особенно в странах-экспортерах нефти, где несметные доходы сосредоточены в руках небольшой элиты, в то время как масса людей не может найти

³⁴ Raymond Baker, *Capitalism's Achilles Heel* (Hoboken, N.J.: John Wiley & Sons, 2005), p. 62.

работу и живет в условиях ужасающей бедности. А бедность способствует росту криминала, поощряя жестокость и усиливая влияние террористических организаций. С этой позиции легче понять связь «грязных» денег, которые переводятся на оффшорные банковские счета, с широко распространенной ненавистью к Западу многих бедных стран.

Непрекращающееся расхищение ресурсов Нигерии, а также охватившие страну бандизм и насилие ярко иллюстрируют это. Как сообщает *Economist*, «когда Сани Абача был диктатором Нигерии в конце 1990-х годов, Центральный банк страны обязан был переводить примерно 15 миллионов долларов на его счет в Швейцарском банке ежедневно». Расхищение средств в подобных масштабах невозможно без обширной инфраструктуры финансовых специалистов и официальных лиц оффшорных правительств, которые получают прибыль, обеспечивая интерфейс между преступлением и ведущими финансовыми системами. Около 100 банков во всем мире участвовали в обслуживании украденных денег Абача, включая крупнейшие – Citigroup, HSBC, BNP Paribas, Credit Suisse, Standard Chartered, Deutsch Morgan Grenfell, Commerzbank и Bank of India. Согласно Реймонду Бейкеру, эксперту по отмыванию денег в Центре международной политики: «Учитывая то, что состояние Абача оценивается в сумму от 3 до 5 миллиардов долларов, разгорелась невероятная борьба за то, чтобы получать, укрывать его богатство и управлять им».³⁵

Приблизительно 300 миллионов долларов похищенных денег Абача осели в банках Джерси, которые, несомненно, знали о происхождении этих средств и запросили крупный гонорар за управление капиталом столь известного политического деятеля. Разумеется, когда международное давление, наконец-то, вынудило вернуть эти деньги в Нигерию после свержения Абача, банку не был выплачен ни цент, и не был выявлен ни один преступник – «белый воротничок», не говоря уже о каком-либо наказании за содействие в организации одного из самых чудовищных преступлений в истории современной Африки. Вместо этого официальные лица Джерси во всеуслышанье объявили, как честно и безукоризненно они вели себя во время возврата денег.

Но коррупция такого масштаба в странах Третьего мира не может существовать сама по себе, без соучастия финансовых институтов богатых стран. Нигерия уже не раз возглавляла список наиболее коррумпированных стран мира, составляемый Международной организацией по борьбе с коррупцией (*Transparency International*), однако сложно не согласиться с профессором Элийей Фафунва, бывшим министром образования Нигерии, который сказал в 2005 году, что Швейцария должна возглавить список наиболее коррумпированных стран «за укрывательство, поощрение и привлечение расхитителей общественных богатств во всем мире, которые принесли свои деньги для надежного хранения в их грязные сейфы».³⁶

В большинстве западных стран банки и другие депозитные учреждения обязаны проводить тщательные проверки для установления истинной личности их вкладчиков и источников их фондов. На практике контролеры подтвердили в частных беседах со мной, что проверки «узнай своего клиента» часто проводятся на уровне заполнения анкеты, и никакое внимание не обращается на то, уклоняется клиент от налогов или нет. В последние годы эти экспертные оценки были усилены по отношению к таким известным политическим деятелям, как Сани Абач. Однако банки все еще неохотно проводят «расширенные» экспертные проверки, частично из-за дороговизны подобных анализов, но также потому, что они предпочитают не замечать, чем на самом деле занимаются их клиенты.

На практике, как я понял на собственном опыте, многие адвокаты и банкиры симпатизируют тем, кто уклоняется от налогов, и получают крупные гонорары, управляя их делами.

³⁵ Цитируется по кн.: Quoted in *This Day* (Lagos, Nigeria), June 6, 2005.

³⁶ «Отмывание денег и иностранная коррупция: исполнение и эффективность Закона о борьбе с терроризмом – исследование, включающее анализ деятельности Riggs Bank», отчет подготовлен партией меньшинства Постоянного подкомитета по расследованиям Сената США, 15 июля 2004 г., с. 28.

Чем еще можно объяснить то, что престижная американская компания Riggs Bank описала одного из своих известных клиентов-политиков в анкете следующим образом: «Клиент – частная инвестиционная компания, расположенная на Багамах, используется для выполнения инвестиционных услуг для собственника-бенефициария, профессионала на пенсии, который добился большого успеха и заработал крупные средства для достойной жизни на пенсии».³⁷ «Профессионалом на пенсии» был бывший чилийский диктатор Аугусто Пиночет, который с 1979 года обладал 28 счетами и депозитными сертификатами в Riggs Bank общей суммой 6–8 миллионов долларов. Пиночет был обвинен в участии в пытках и убийствах. Под его руководством чилийское государство использовало «отряды смерти» для устранения членов оппозиции и устрашения гражданского населения. Он также имел отношение к перевозке наркотиков, нелегальной продаже оружия и другим формам коррупции. В 2005 году Аугусто Пиночет и несколько ближайших членов его семьи подозревались в уклонении от уплаты налогов и мошенничестве.

³⁷ Источник: www.economist.com/research/Economics/alphabetic.cfm? February 12, 2006.

Море, песок и секретность

В середине 1980-х годов Джерси переживал необычный экономический подъем. В предыдущем десятилетии многие ведущие банки со всего мира открыли оффшорные представительства, чтобы справиться со стремительным ростом услуг частной банковской деятельности для своих высокопоставленных клиентов. Юридические фирмы и крупнейшие бухгалтерские фирмы также открыли оффшорные представительства, чтобы обслуживать своих бизнес- и частных клиентов. Находясь всего в 45 минутах лета от Лондона, Джерси прекрасно расположен для предоставления оффшорных услуг лондонскому Сити, которое само является крупнейшей налоговой гаванью. Еще в 1960-е годы местные юридические фирмы, стремящиеся брать пример с Бермудских и Каймановых островов, провели серию нормативно-правовых изменений в правительстве Джерси, которые создали то, что бизнес-сообщество любит называть «привлекательной средой для оффшорного инвестирования». Эта среда не имеет ничего общего с поощрением исследований и развития или производства товаров и услуг. Напротив, она просто состоит из сверхнизких или нулевых налогов и минимального регулирования иностранного бизнеса. Большая часть этого бизнеса основана на незаконном уклонении от налогов под легким прикрытием, чтобы все это выглядело как легальное избежание выплаты излишних налогов.

Рост спроса на оффшорные услуги был слишком велик, чтобы остров справился с ним. Банкам и финансовым учреждениям был необходим персонал, но рабочей силы оказалось слишком мало, и опытных людей было сложно найти. Несмотря на снижение требований при найме сотрудников, банки не могли быстро набирать людей, чтобы соответствовать растущему спросу. Хотя у меня было мало опыта в банковской деятельности или доверительном управлении, предложенные зарплаты намного превышали то, что я получал раньше как профессиональный экономист. Я выбрал работу в компании Walbrook Trustess (Jersey) Limited, филиале сегодняшней Deloitte Touche – бухгалтерской фирмы мирового масштаба. Клиенты компании были разбросаны по всему миру, и этот бизнес идеально подходил мне для изучения оттока капитала и уклонения от налогов на практике.

Из окон моего офиса, выходящих на порт Сан Хельер, я мог наблюдать за перевозками Джерси в оффшорный финансовый центр. Старые городские дома и магазины торговцев сельскохозяйственной продукцией стремительно уступали место офисным блокам международных банков и бухгалтерских фирм, а на месте туристических сувенирных лавок открывались винные магазины и дорогие бутики, обслуживающие состоятельных деятелей финансовой индустрии. Несмотря на максимальное ограничение скорости до 40 миль в час, улицы за моим окном были забиты машинами. «Порше», «Ягуары» и «БМВ» стали самыми излюбленными марками на острове размером всего лишь девять на пять миль. В прежде консервативном и сдержанном обществе стало нормой сорить деньгами, чтобы повысить свой статус.

К середине 1980-х годов традиционное сельское хозяйство острова уже практически развалилось, как и туристическая индустрия. Им мешали развиваться непомерно высокие цены и рост зарплат, вызванные ростом сферы оффшорных финансовых услуг. Симптомы экономического вытеснения были очевидны, и, так как традиционное производство было задушено слишком стремительным развитием экономики, остров все больше становился зависимым от деятельности налоговой гавани. С ростом этой зависимости правительство острова, которое действует большей частью автономно от Великобритании, стало больше опираться на доходы от неконтролируемой индустрии, которая может использовать огромное политическое давление для обеспечения особого отношения к себе. Несколько лет спу-

стя у меня впервые появилось опасение, что оффшорные банкиры могут «захватить наше государство».

Через несколько недель после того, как я приступил к новой работе, у меня появилось нехорошее предчувствие по поводу сущности услуг, которые мы оказываем нашим клиентам. Обязанности большинства рядовых бухгалтеров заключались в выплате или переводе капиталов с одного оффшорного счета на другой в соответствии с инструкциями, которые, как правило, либо передавались по факсу, либо по электронной почте юристами из Лондона, Люксембурга, Нью-Йорка или Швейцарии. Истинная личность настоящих владельцев (бенефициариев) этих денег держалась в строжайшем секрете, а владельцы оффшорных компаний именовались номинальными директорами и акционерами. Очень часто компании принадлежали оффшорным трестам – абсолютно секретным и даже не зарегистрированным. Эти процедуры, как мне сообщили, формируют хорошую практику почти для всех оффшорных операций, которые обычно предполагают использование, по крайней мере, трех средств перевода (тресты, компании и конкретные банковские счета), рассеянных по разным оффшорным юрисдикциям. Тщательно обдуманые методы работы были призваны сохранить эту секретность, включая настройку налоговых механизмов таким образом, чтобы создавалась видимость работы компаний-клиентов в действующих офисах в Джерси и обеспечивались бесконечные предосторожности, дабы никто из «чужих» не смог определить истинную личность клиента. Это было особенно удобно для одного клиента, синдиката биржевых брокеров из Лондона, использовавшего анонимную оффшорную компанию из Джерси в качестве базы для управления своей весьма активной нелегальной внутренней торговлей практически абсолютно безнаказанно. Денежные суммы, вовлеченные в одну только эту компанию, достигали сотен миллионов фунтов.

Эти секретные соглашения необходимы для того, чтобы помешать расследованию судебных органов, однако, для предоставления еще большей гарантии безопасности клиентам большинство трастовых договоров включают «пункт о секретности», согласно которому доверенные лица переводят активы в другую юрисдикцию и назначают новых доверенных лиц при первых же признаках расследования. Разумеется, эти услуги обходятся дорого. Но потенциальная прибыль клиента и экономия за счет уклонения от налогов гораздо больше. Уклонение от налогов – основная цель большинства наших клиентов. Публично налоговая система очень эффективно использует разницу между незаконным уклонением от налогов и минимизацией налогов. Однако на практике эта разница далеко не такая четкая; бывший министр финансов Великобритании сравнивает ее с «толщиной тюремных стен».³⁸ Большая часть налоговых схем, с которыми я работал в Джерси, скорее всего, не прошла бы проверку налоговых органов тех стран, где жили бенефициарии. Если бы их налоговое планирование было абсолютно законным, то им не понадобились бы тайные банковские счета и оффшорные тресты. Конечно же, любому, кто начнет задавать вопросы об этой секретности, скажут следующее: предполагается, что вкладчики из Великобритании и других стран подали декларации о своих доходах в налоговые органы. Но внутренние эксперты системы знали, что это маловероятно, пока клиенты уверены в том, что их финансы скрыты от чужих глаз.

Специалисты, планирующие налоговые поступления, оправдывают чрезвычайную секретность тем, что в мире политической нестабильности и произвола людям нужна защита от ненасытного государства. Секретность, согласно небольшим рекламам, размещенным в финансовой прессе членами Ассоциации швейцарских банкиров (борющихся за восстановление своей запятнанной репутации во время пика скандала с нацистским золотом), «необходима, как воздух, которым мы дышим». Один защитник налоговых гаваней из Фонда культурного наследия (США) даже нашел связь между оффшорной секретностью и необхо-

³⁸ Пресс-релиз «Коалиция по налоговым компенсациям», 7 апреля 2005 г.

димостью защищать права гомосексуалистов в Саудовской Аравии!³⁹ Моя работа с развивающимися странами сделала меня особенно чувствительным к вопросам защиты прав человека, но за 30 лет профессиональной деятельности я ни разу не сталкивался с тем, чтобы секретными оффшорными счетами пользовались журналисты, занимающиеся расследованиями, диссиденты-интеллектуалы, профсоюзные активисты, защитники прав человека или любые другие люди, подвергающиеся преследованию со стороны тоталитарных государств той или иной политической направленности. Наоборот, именно диктаторы, такие как Фердинанд Маркос (Филиппины), Сухарто (Индонезия), Альфредо Стресснер (Парагвай), Теодоро Обианг (Экваториальная Гвинея), Аугусто Пиночет (Чили) и их семьи и приближенные пользовались оффшорными счетами, чтобы скрыть украденные средства и избежать налогов. Аргумент, что секретность оффшорных банков защищает права человека, не выдерживает никакой критики.

³⁹ Simon J. Pak, Marie E. de Boyrie, and John S. Zdanowicz, Estimating the Magnitude of Capital Flight Due to Abnormal Pricing in International Trade: The Russia—USA Case, презентация на семинаре по налоговым компенсациям и уклонению от налогов, Университет Эссекса, 1–2 июля 2004 г.

Смазывая нефтью колеса глобального бизнеса: механизмы уклонения от налогов

Львиная доля уклонения от налогов корпораций предполагает неточную оценку доходов от торговли (миспрайсинг). Многие наши клиенты были транснациональными предприятиями, которые использовали налоговые гавани для вывода прибыли из высоконалоговой юрисдикции через то, что называется «трансфертным ценообразованием» – процессом, при котором два или более предприятий одних и тех же хозяев ведут торговлю между собой. С технической стороны трансфертное ценообразование законно и необходимо, потому что большая часть мировой торговли происходит между филиалами одной компании. Однако на практике международные конвенции, затрагивающие трансфертное ценообразование, весьма неэффективны, так как не существует рыночной цены на товары, торговля которыми ведется между отделениями транснациональной компании. Так, предприятия используют свои филиалы в налоговых гаванях, чтобы устанавливать завышенную цену на свой импорт и заниженную – на экспорт, таким образом значительно снижая свои налоги. Оффшорные филиалы также используются для предварительной регистрации прав на имущество (например, патенты), которые затем выдаются за огромные суммы местным предприятиям. Работая в Джерси, я столкнулся с филиалами нескольких крупнейших банков в мире, нефтяных и газовых компаний и фармацевтических фирм, переводящих свои доходы на оффшорные счета именно таким способом.

Некоторые наши клиенты были владельцами сравнительно небольших бизнесов, многие из которых базировались в развивающихся странах; они учреждали оффшорные компании, чтобы отмывать деньги в Джерси с помощью процесса, называемого «рефактурированием». Он предполагает создание видимости того, что товары или услуги продаются третьей стороне, расположенной в налоговой гавани, которая затем перепродает их конечному покупателю. На практике это соглашение – обман, призванный сбить с толку налоговые органы, и большая часть денег, отмываемых за границей, оседает на секретных оффшорных счетах. Позднее некоторая часть этих средств возвращается «на родину» под видом зарубежного прямого инвестирования, которое, как правило, облагается льготными налогами.

В большинстве случаев трансфертный миспрайсинг предполагает минимальный риск разоблачения налоговыми органами. Американские исследователи раскрыли невероятное разнообразие подобных торговых операций, включая километр (примерно четыре рулона) туалетной бумаги, импортированной из Китая за 4121, 81 доллара; пластиковые ведра из Чехии за 972,98 доллара за штуку; велосипедные шины, импортированные в Россию за 364 доллара каждая.⁴⁰ Со стороны экспорта примеры устанавливаемых цен на искусственно заниженном уровне включают американские бульдозеры, доставленные в Венесуэлу за 387,83 доллара каждый и дома из сборных конструкций, проданные Тринидаду за 1,2 доллара. По данным этого исследования, налоговая недоплата американскому правительству в период с 1998 по 2001 годы составила 175 миллиардов долларов – и это только из-за трансфертного миспрайсинга.⁴¹

Последствия гораздо серьезнее для развивающихся стран, потому что им не хватает достаточного количества ресурсов, чтобы провести тщательное расследование секретных

⁴⁰ Austin Mitchell and Prem Sikka, *Taming the Corporations* (Basilston, UK: Association for Accountancy & Business Affairs, 2005).

⁴¹ «Индустрия “налогового убежища” США: роль бухгалтеров, юристов и финансистов – анализ четырех примеров из деятельности KPMG», отчет подготовлен партией меньшинства Постоянного подкомитета по расследованиям Сената США, 18 ноября 2003 г., с. 15.

оффшорных центров. В экономике многих африканских государств, к примеру, преобладают транснациональные бизнесы, ведущие деятельность в таких стратегических секторах, как нефть и газ, разработка месторождений полезных ископаемых, торговля товарами и фармацевтика. Так как их налоговые органы не в состоянии проанализировать схемы трансфертного ценообразования, развивающиеся страны не могут собрать деньги, необходимые для финансирования бытового обслуживания. Один эксперт по африканскому налогообложению отметил, что ни одной из африканских стран не удавалось эффективно справиться с проблемой трансфертного ценообразования, хотя эти преступления встречаются по всему континенту.

Вообще-то некоторые экономисты одобряют подобную агрессивную минимизацию налогов. Руководители компаний, считают они, обязаны сократить издержки, включая налоги. Поступая так, они сдерживают влияние государств, проводящих политику «высокие налоги/высокие траты», вынуждая их смириться с суровыми условиями рыночной экономики. Каждый, кто на минуту серьезно задумается над этой аргументацией, поймет, насколько она полна политической идеологии. Налоги – это не издержки бизнеса в обычном понимании этого слова, как и выплаты дивидендов; корректнее было бы называть их распределением доходов, именно так налоги показаны в отчете о прибылях и убытках. Не менее важно то, насколько легко транснациональные компании могут формировать свою торговлю и инвестиции с помощью филиалов, существующих только на бумаге, зарегистрированных в налоговых гаванях, подобных Джерси, что дает им значительные налоговые преимущества по сравнению с конкурентами. Это создает неравные условия игры, предоставляя транснациональным корпорациям несправедливое преимущество над другими местными предприятиями, что практически означает предпочтение крупного бизнеса местному в развивающихся странах. Эта тенденция усиливается давлением на государства, чтобы они предлагали налоговые льготы для привлечения инвестиций – процесс, который ошибочно называют налоговой конкуренцией, которая тоже, как правило, благоприятствует транснациональным корпорациям. Ни одна из этих проблем не учитывается во время международных торговых переговоров, несмотря на доказательства того, что минимизация налогов и предоставление налоговых льгот для поощрения внешних инвестиций сыграли главную роль в формировании торговых и инвестиционных потоков за последние десятилетия.

Из-за этих попыток контролировать и исказить рынок налоговые гавани фактически сокращают мировую производительность и замедляют экономическое развитие. Фундаменталисты, отстаивающие подход «все средства хороши» в свободной торговле, проигнорировали это, а Всемирная торговая организация (ВТО) редко исследовала, как финансовые льготы и искажения налогов подрывали концепцию свободной и справедливой торговли. Есть одно интересное исключение из этого правила: в 2000 году ВТО решила запретить деятельность иностранных экспортных компаний (ИЭК), которые использовались американскими транснациональными корпорациями для избежания налогообложения своих доходов; ИЭК стали запрещенными экспортными субсидиями, как заявила ВТО. ИЭК прекратили свою деятельность, однако впоследствии их сменили похожие внешние методы снижения налогов на доходы, которые опять же были запрещены ВО в 2002 году после жалобы Европейского Союза. Мы видим, сколько сил прилагает бизнес к сохранению субсидий и налоговых льгот для себя, при этом постоянно отклоняя программы по повышению благосостояния бедных.

По мере расширения моего списка клиентов в Джерси примеры мошенничества стали более очевидными. Тем не менее, налаживая деловые отношения со своими коллегами, я видел, что большинство из них безразличны к более глубоким следствиям своей работы. Они просто зарабатывали деньги. Младший персонал переходил с места на место, чтобы обеспечить себе высокую зарплату, а старшие партнеры упорно работали, чтобы заполнить свои

миллионы как можно быстрее. Все думали только о поиске новых путей уклонения от налогов. Каждый, кто когда-либо работал в сфере минимизации налогов, знает, как нанимаются команды юристов и бухгалтеров для изучения принятых правительством постановлений с целью выявления в них налоговых лазеек. Конечно, только самые богатые могут позволить себе платить 850 долларов в час тем, кто разрабатывает тщательные схемы минимизации налогов, а большая часть малого бизнеса к ним не относится. Из-за такого неравноправия в минимизации налогов крупный бизнес получает губительное для остальных конкурентное преимущество, перекладывая налоговое бремя на плечи предприятий со средним и низким доходом.

Но никого из моих коллег не взволновало то, к чему все это может привести. Они ничего не желали видеть дальше своего носа. Вне работы их разговоры обычно ограничивались местными сплетнями, машинами и ценами на дома, а мои переживания по поводу источников денег, поступающих на счета оффшорных трестов и компаний в основном из африканских стран, они просто игнорировали. Однажды в пятницу, прежде чем отправиться на отдых под девизом «Слава Богу, пятница!», супервизор моего отделения, Сандра Биссон, сказала мне в своей характерной туповатой манере, что ей не интересны подобные темы и «вообще наплевать на Африку». Сандра не была исключением. Ее жизненные интересы ограничивались спортивными кабриолетами и пьянками по выходным. Она ненавидела свою работу, считая ее скучной и однообразной, но видела в ней способ быстро разбогатеть. Как это ни странно, она мне нравилась, и мы хорошо ладили. Меня потрясала ее грубоватая откровенность и отсутствие всякого сочувствия (не говоря уже о симпатии) к менее обеспеченным людям; она старалась подлизываться к богатым клиентам. Во многих отношениях она олицетворяла 1980-е годы, с ее пристрастием к гедонизму и абсолютным эгоцентризмом. Как и большинство моих коллег, Сандра не видела никакой связи между нашей работой и существующей в мире преступностью и несправедливостью. Более того, она не хотела этого видеть.

Быстрый и свободный: неистовые крайности минимизации налогов

«Правила есть правила, но правила нужно нарушать». Эти слова из статьи в Guardian, опубликованной в марте 2004 года, принадлежат не активисту движения антиглобалистов в маске. Нет, они взяты из интервью с партнером (по налогам на предприятие) Moore Stephens – крупнейшей бухгалтерской фирмы. Комментируя налоговые предложения в бюджет Великобритании, он сказал, что «независимо от законодательства, бухгалтеры и юристы найдут лазейку». Столкнувшись с подобным подстрекательством к преступлению, Moore Stephens спешно отстранилась от комментариев своего партнера, но на самом деле сфера минимизации налогов не одно десятилетие подрывает государственную налоговую систему, считая, что получению прибыли ничто не должно мешать.

Транснациональная бухгалтерская и консультационная фирма KPMG олицетворяет это высокомерное и пагубное отношение. Корпоративная культура ее налогового отдела была вскрыта следственной комиссией Сената США, которая обнаружила внутреннюю переписку, электронную почту и другую корреспонденцию бухгалтерских организаций в 2003 году. В одном электронном письме Грег Ритчи, старший налоговый советник KPMG, сообщал Джефу Стейну, главе налоговой практики компании, о том, что даже если официальные органы предпримут какие-либо действия против налоговой стратегии KPMG, предназначенной для состоятельных клиентов, потенциальный доход от сделок с ними превысит любые судебные штрафы. «В среднем одна сделка, – отмечал Ритчи, – принесет компании прибыль в 360000 долларов, а заявим мы максимум о 31000». Другой внутренний документ содержал предупреждение о том, что если компании придется подчиниться нормативным требованиям Налогового управления в том, что касается регистрации «налоговых убежищ», KPMG «не может конкурировать на товарных рынках с льготными налогами». Эти открытия о характере принципов деятельности сферы минимизации налогов привели к составлению доклада Сената о том, что старшее должностное лицо в KPMG «сознательно, целенаправленно и умышленно нарушало федеральный закон об укрывательстве налогов».⁴²

Журналисты тоже сыграли свою роль в поддержке этой бизнес-культуры. Они не осудили минимизацию налогов, игнорируя ее социальные и экономические последствия, и пользовались терминологией налоговиков («товары с льготным налогообложением», «снижение налоговых рисков», «активная защита капитала» и «оптимизация налогов»), описывая эту сферу деятельности. Оффшорная работа в Джерси показала мне, что четкой грани между уклонением от налогов и минимизацией не существует. Оффшорная финансовая сфера сознательно не замечает другую коррумпированную или неэтичную деятельность, такую, как торговля оружием, «комиссионные», переведенные на оффшорные счета за помощь в заключении крупных сделок, и внутренние торговые операции, проведенные через оффшорные компании, чтобы скрыть личности торговцев. Сложные юридические структуры и лабиринты транзакций между различными оффшорными юрисдикциями используются для того, чтобы запутать следы, кроме того, расследованию мешают номинальные руководители и безразличие органов надзора. Один официальный представитель британского Управления по расследованию крупных финансовых махинаций сказал: «Налоговые гавани во многом похожи на центры приема заказов. Я наблюдал транзакции, при которых все решения при-

⁴² Austin Mitchell, Prem Sikka, John Christensen, Philip Morris, and Steven Filling, No Accounting for Tax Havens (Basildon, UK: Association for Accountancy & Business Affairs, 2002).

нимаются в Лондоне, а заказ поступает в налоговые гавани. Мой опыт показывает, что в итоге мы получаем только препятствие законному расследованию».⁴³

Принцип «Ничего не знаю и знать не хочу» все больше захватывает банковскую и финансовую сферы. Члены совета директоров многих стран заявляют, что не знают, какое налоговое планирование ведется от их имени, и изображают невинность, когда их оффшорные структуры уличают в мошенничестве. В случае с компанией Enron, например, которая использовала несколько сотен специальных организаций на Каймановых островах, чтобы скрыть свои убыточные активы, генеральный директор Кен Лэй и бывший генеральный директор Джефф Скиллинг заявили, что они ничего не знали о финансовых структурах, сформированных финансовым директором компании Эндрю Фастоу. Они объясняют свою позицию тем, что эти структуры были одобрены юристами, банкирами и бухгалтерами.

Подобные заявления, как правило, лживы. Руководитель налогового отдела одной ведущей транснациональной компании в феврале 2006 года признался мне, какое огромное давление оказывают советы директоров на их налоговые отделения, заставляя максимально минимизировать налоги. В конце 1990-х годов я посетил несколько конференций в Лондоне, на которых юристы и бухгалтеры активно рекламировали Enron как образцовую компанию XXI века, в первую очередь, за ее инновационные методы управления финансами, а именно тщательную и агрессивную минимизацию налогов во многих странах. Согласно опубликованным счетам Enron, чистый доход компании с 1996 по 1999 год составил 2,3 миллиарда долларов, однако компания заявила об убытках в 3 миллиарда долларов и не платила в этот период никакие налоги. Ее финансовые отчеты за 2000 год показывали облагающийся налогом доход в 3,1 миллиарда долларов, но Enron заявила о 4,6 миллиарда убытка. Такова была инновационная модель, которую юристы и бухгалтеры предлагали советам директоров по всему миру как основу современного капитализма.

Пример Enron показывает, насколько финансовая культура стала нарушать нормативные, налоговые и демократические принципы, оставаясь при этом в рамках закона. Сенатор Джо Либерман резюмировал эти упадочные ценности, когда комментировал в комитете Сената США деятельность министерства внутренних дел в ноябре 2003 года: «Множество юристов и бухгалтеров нарушали закон и свою профессиональную этику исключительно ради огромных денег, которые им выплачивались за помощь клиентам в уклонении от налогов».⁴⁴

Но зачем придирается к финансовым и бизнес-сообществам, когда гниение начинается на более высоком уровне? Что мы должны думать о ценностях политических лидеров демократических стран, которые усиливают налоговое бремя своих граждан, но учреждают дополнительные оффшорные структуры, чтобы самим избежать налоговых выплат? Например, бывший канадский министр финансов и премьер-министр Пол Мартин, чья судоходная линия была зарегистрирована в различных налоговых гаванях Карибских островов и Европы.⁴⁵ Или Сильвио Берлускони, бывший премьер-министр Италии, который обвиняется в управлении своей телесетью Telecinco TV через оффшорные компании в Монако и Лихтенштейне? Или же Таксин Шинаватра, бывший премьер-министр Тайланда, который в январе 2006 года продал свою телекоммуникационную группу Shin Corporation за 1,9 миллиарда долларов без уплаты налогов, что вызвало протест тайландцев против его коррумпированного правительства? Британский сатирический журнал Private Eye сообщал, что

⁴³ «Либерман утверждает, что налоговые убежища должны иметь экономическое обоснование, чтобы сдерживать развитие индустрии уклонения от налогов». Из пресс-релиза Комитета Сената США по национальной безопасности и правительственным делам, 18 ноября 2003 г.; http://hsgac.senate.gov/index.cfm?FuseAction=PressReleases.Detail&Affiliation=R&PressRelease_id=580&Month=11&Year=2003.

⁴⁴ Alain Deneault, Paul Martin & Companies: Sixty Theses on the Alegal Nature of Tax Havens (Vancouver: Talonbooks, 2006).

⁴⁵ «The Department of You Can't Make It Up», in «In the City» column, Private Eye, February 17, 2006.

продажа Shin Corporation была осуществлена с помощью компании, расположенной на Виргинских островах, с соответствующим названием Ample Rich Investments («Крупные инвестиции»), чтобы избежать налоговых выплат.⁴⁶ А лейбористская партия Великобритании, которая находится у власти с 1997 года и получает одно пожертвование за другим от своих известных сторонников с оффшорными счетами? Эта культура коррупции стала нормой.

⁴⁶ Налоговые гавани по регионам, из кн.: Tax Us If You Can (London: Tax Justice Network, 2005).

Преданные неплательщики налогов Ее Величества

Возможно, стороннему наблюдателю покажется, что оффшорный мир, в котором мы работаем, не касается экономики «настоящего» мира, однако фактически оффшорная банковская деятельность лежит в основе глобальной финансовой системы, которая позволяет компаниям и богатейшим людям, именуемым в банковских кругах индивидами с большим капиталом, вести свои дела в тайне от общественности или судебных органов своих стран. Оффшорная экономика возникла как явление в 1960-е годы, когда огромные суммы нефтяных долларов стали накапливаться в Европе. Глобализация финансовой системы была вызвана различными факторами, важнейший из которых – либерализация финансовых сделок благодаря отмене международного валютного регулирования, упразднению фиксированной процентной ставки в валютной системе, установленной в Бреттон Вудс в 1944 году, повсеместной отмене регулирования финансовых рынков в 1980-е годы и появлению новых коммуникационных технологий, которые позволяют переводить деньги одним кликом мышки.

Внушительная экспансия индустрии финансовых услуг в 1980-1990-е годы привела к тому, что количество оффшорных налоговых гаваней увеличилось с 25 в начале 1970-х до 72 к концу 2005 года.⁴⁷ Все больше стран намерены создать свои собственные оффшорные финансовые центры. В феврале 2006 года, к примеру, Джон Куфуор, президент Ганы, объявил о намерении своего правительства изменить законодательство таким образом, чтобы разрешить предоставление оффшорных финансовых услуг в Аккре совместно с британской банковской группой Barclays.⁴⁸ Интересно, что три из 72 гаваней связаны с Лондонским Сити либо через прямые структурные связи с Великобританией, либо через членство в Британском содружестве наций. Практически все эти налоговые гавани связаны с ведущими промышленно развитыми странами, особенно много их на Карибских островах, в периферийной зоне Европы, на Среднем Востоке и в Восточной Азии. Большинство тесно связано с «большой тройкой» глобальных финансовых центров – Лондоном, Нью-Йорком и Токио.

После мирового долгового кризиса 1980-х, в результате которого некоторые увязшие в многочисленных долгах бедные страны отказались от частных займов банковских синдикатов, крупнейшие западные банки направили свои маркетинговые усилия на развитие «частных» банковских услуг для 8 миллионов богатейших людей мира. Частная банковская деятельность включает предоставление универсальных финансовых услуг состоятельным клиентам. На банковской конференции в Лондонском Сити в 1995 году я узнал, что цель данной отрасли – переместить большую часть капитала богатых клиентов в оффшорные тресты и компании в течение следующего десятилетия. В Латинской Америке, например, богатство сосредоточено в руках немногочисленной группы людей: 300000 человек обладают личным капиталом в 3,7 триллиона долларов.⁴⁹ Более 50 % наличных средств и ценных бумаг богатых людей в Латинской Америке находится в оффшорных банках и компаниях. Интересно, что даже Всемирный банк в отчете за 2006 год по Латинской Америке отметил, что уклонение от уплаты налогов затормозило развитие данного региона.⁵⁰ Образовался замкнутый

⁴⁷ См. www.ghanaweb.com/public_agenda/article.php?ID=4824, опубликовано 12 февраля 2006 г.

⁴⁸ Institutional Investor, February 22, 2006; www.institutionalinvestor.com/default.asp?page=1&SID=614639&ISS=21302&type=12, опубликовано 24 февраля 2006.

⁴⁹ Guillermo E. Perry, J. Humberto Lopez, and William F. Maloney, *Poverty Reduction and Growth: Virtuous and Vicious Circles* (Washington, D.C.: World Bank, 2006).

⁵⁰ *The Price of Offshore* (London: Tax Justice Network, March 2005).

круг – недостаток финансирования, безработица и социальная маргинализация, в результате – бедность, преступность и экстремизм.

Исследование направлений глобального управления капиталом показывает, что оффшорная финансовая сфера существенно преуспела в достижении своей цели – переносе активов своих состоятельных клиентов в оффшорные структуры. Исследование, опубликованное в 2005 году, показало, что примерно 11,5 триллиона долларов, принадлежащих богатым клиентам, находились в оффшоре – в зоне, свободной от налогов или с минимальными налогами.⁵¹ Если бы доходы с этого капитала облагались средним налогом в 30 %, прибыль государства увеличивалась бы на 255 миллиардов долларов в год, позволяя сократить налоги для менее обеспеченных людей или профинансировать проект ООН «Миллениум», призванный за 10 лет вдвое сократить уровень бедности. Сегодняшний глобальный бюджет помощи бедным странам составляет 78 миллиардов долларов – мизерную сумму по сравнению с недополученными доходами, которые не включают дополнительные потери от корпоративного уклонения от налогов (во всех формах) или губительное воздействие налоговой конкуренции на развивающиеся страны, оцененное в 2000 году британской благотворительной организацией Oxfam в 50 миллиардов долларов.⁵²

⁵¹ Tax Havens: Releasing the Hidden Billions for Poverty Eradication (Oxford: Oxfam Great Britain, June 2000).

⁵² «Offshore Hazard: Isle of Jersey Proves Less Than a Haven to Currency Investors», Wall Street Journal, September 17, 1996, p. 1.

Торговля островами

Джерси и другие подобные налоговые гавани обеспечивают оффшорный интерфейс, в котором соединяются регулирование и полная свобода, законное и незаконное. Внешне кажется, что оффшорные банки копируют банковскую систему внутри стран, однако недостаток прозрачности и отчетности означает, что оффшорные компании не проходят проверку, поэтому невозможно узнать, кто владеет этими компаниями, кто получает прибыль от оффшорных трестов и какой цели они служат. Эта секретность обеспечивает идеальные условия для того, чтобы преступность и коррупция стали неотличимы от законной экономики. Компании не используют налоговые гавани, чтобы добавить экономическую ценность своей деятельности, они стремятся участвовать в экономической вседозволенности или же осуществлять финансовые аферы. Деятельность в налоговой гавани предполагает участие в экономике мошенничества, коррупции, отмывания денег, уклонения от налогов, продажи оружия, бандитизма, внутренней торговли или других форм искажения рынка, которые все дальше отходят от истинного предпринимательства и создания богатства. Практически неизбежно Джерси, прозванный сатирическим журналом *Private Eye* «гнилым островом», заслужил свою репутацию за практику уклонения от налогов, которая отразилась в шутке Лондонского Сити «Джерси или тюрьма», которая относится к каждому, кто ходит по краю пропасти в своих налоговых махинациях.

Моя работа и бесконечные волнения, связанные со сферой уклонения от налогов, наверняка надоели мне, и я уволился из трастовой компании, перейдя на должность экономического советника правительства острова осенью 1987 года.

Правительство Джерси, известное как Штаты Джерси, не работает по Вестминстерской модели с правительством и оппозицией. Нет там и партийной системы. У законодательных органов нет сил и средств для расследования деятельности исполнительной власти. Местных политиков больше волнуют бизнес-интересы. Должности представляющего судьи и президента совмещает бейлиф острова (доверенное лицо), назначаемый Великобританией, что говорит об отсутствии четкого разделения между законодательной и судебной ветвями власти. Единственная газета Джерси, *Jersey Evening Post*, многие годы контролировалась наиболее влиятельным политиком острова. Нет университетов или научно-исследовательских центров. Примерно одна четверть работоспособного населения занята в оффшорном финансовом центре острова, а большинство остальных жителей зависят от поступления его доходов в местную экономику. В подобных условиях невозможно критически оценить намерения политиков. Отсутствие проверок и равновесия сил, требуемых в демократическом государстве, создает идеальную среду для некомпетентности и коррупции, особенно на маленьком острове, где процветают конформизм и секретность. *Wall Street Journal* точно описал подобную политику в 1996 году: «Джерси... управляется группой людей, которые, хотя и представляют собой социальную и политическую элиту, являются в большинстве своем владельцами малого бизнеса и фермерами, которые столкнулись с индустрией мирового масштаба с оборотом в миллиарды долларов. Они потеряли почву под ногами».⁵³

Регулирование банковской и финансовой систем в то время (1987 год) испытывало недостаток опытных специалистов и находилось под политическим контролем. Меры регулирования были минимальными и в основном только пускали пыль в глаза. Они были призваны создать видимость регулирования, однако Джерси не хватало административных мощностей для обеспечения соблюдения необходимых требований. Подобное продолжа-

⁵³ Harry McRandle, «Financial Crime: 500-Case Backlog», *Jersey Evening Post*, February 9, 2006.

ется и по сей день. В январе 2006 года Jersey Evening Post сообщила, что нехватка полицейских возможностей для расследования финансовых преступлений означала, что остров рискует нарушить свои обязательства по внедрению международных стандартов финансовой честности.⁵⁴ В 1987 году ситуация ухудшилась, из-за того что некоторые ведущие политики входили в совет директоров компаний, которые им предстояло регулировать. Например, Пьер Хорсфолл, владелец гостиницы, был директором филиала швейцарского банковского гиганта UBS и одновременно президентом Государственного комитета по финансам и экономике, а также председателем Департамента финансовых услуг, то есть ответственным за регулирование банковской деятельности. Его преемник, Фрэнк Уокер, владелец газеты и премьер-министр острова, совмещал свои обязанности по регулированию с управлением Barclays Bank. Подобные несовместимые должности оправдывались тем, что сотрудники регулирующих органов получали возможность понять принципы деятельности оффшорных банков, но на самом деле эти перекрестные должности указывали на политическую культуру, в которой конфликты интересов наделены законным статусом.

Как государственные служащие мы не должны были видеть, слышать или говорить ничего плохого о налоговой гавани. Эта позиция «трех обезьян» возникла из-за постоянных страхов, что финансовые скандалы повредят репутации Джерси. Подобная стратегия была очень рискованна и в итоге развалилась на части, когда Wall Street Journal раскрыл торговые отношения между Cantrade Bank, филиалом UBS и Робертом Янгом, британским торговцем валютой, обвиненным в нарушении Закона США об инвестировании полученных от рэкета капиталов. В длинном обличении перекрестных политических и финансовых интересов Wall Street Journal пришел к выводу о том, что Джерси – оффшорная угроза, «существующая благодаря слабому контролю и политическому вмешательству». Ассистент окружного прокурора штата Нью-Йорк Джон Москоу был еще более критичен: «Джерси видит свою задачу в сотрудничестве с криминальными органами власти, если того требует закон, не избегая общения с преступниками».

На острове любого, кто задает «неудобные» вопросы, попросят прекратить «выставлять грязное белье острова на всеобщее обозрение». А упорствующим посоветуют «покинуть остров с первым же судном». В небольшом сообществе без эффективной защиты от доносчиков и ограниченным количеством рабочих альтернатив подобная стратегия легко затыкает рот несогласным. В результате жители Джерси, как и население многих небольших сообществ, избегают вслух высказывать свои мысли. Один человек, который открыто выступил против налоговой гавани острова, Розмари Пестана, женщина средних лет, работающая уборщицей в больнице, говорит: «Джерси управляют богатые люди, а если мы будем говорить об этом, то затянем себе петлю на шею. Если они не смогут заставить вас замолчать, то начнут запугивать». К сожалению, уровень разводов, алкоголизма, наркомании и домашней преступности на острове невероятно высок.

Как и в других налоговых гаванях, налоговая политика Джерси ориентирована на создание налоговых условий, привлекательных для богатых клиентов и иностранных корпораций. Публично заявляется, что Джерси привлекает оффшорный бизнес благодаря своей политической стабильности и низким налогам, служа важным каналом для денежных потоков в Лондонский Сити. Этот аргумент не учитывает поток грязных денег и уклонение от налогов, и, несмотря на все улики, указывающие на то, что Джерси используется для сокрытия ворованных капиталов и уклонения от налогов, официальные власти острова фактически отрицают, что Джерси является налоговой гаванью. На самом деле, хотя официально налоговая ставка в 20 % остается неизменной в течение десятилетий (она была установлена немецкими оккупантами в 1940-е), налоговая политика постоянно корректировалась,

⁵⁴ Accountancy, September 1996, p. 29.

чтобы создать новые возможности для привлечения иностранного бизнеса. В 1984 году, к примеру, Штаты приняли закон о трестах, чтобы систематизировать деятельность по учреждению оффшорных трестов в Джерси. Позднее был представлен закон о создании особой категории не облагаемого налогом бизнеса, не являющегося частью местной экономики. В 1993 году был принят закон о разрешении учреждения «международных бизнес-корпораций», который позволял компаниям с иностранными акционерами платить налоги от 2 до 0,5 %, в зависимости от общей прибыли, зарегистрированной на острове. Эти новые формы компаний были ограждены от местной экономики, чтобы помешать иностранному бизнесу и индивидам использовать их в своих целях, и были намеренно созданы для привлечения оффшорной налоговой деятельности. В 2005 году Штаты решили сократить ставку налога на корпорации на все бизнесы до 0 %, чтобы конкурировать с другими налоговыми гаванями, предлагающими ту же ставку. В январе 2006 года в силу вступил закон о предоставлении страховым компаниям права участвовать в оффшорном страховании и конвертировать капитал в ценные бумаги для перепродажи.

На налоговые гавани оказывается постоянное давление со стороны сферы уклонения от налогов, чтобы создать новые типы оффшорных корпоративных структур. Политически слабая экономика небольшого острова может быть захвачена крупнейшими банками и бухгалтерскими фирмами, которые ищут подходящие государства для удовлетворения своих интересов. Это объясняет легкость, с которой два бухгалтерских предприятия, Ernst & Young и Price Waterhouse (нынешний PricewaterhouseCoopers), смогли убедить влиятельных политиков Джерси ускорить принятие закона, позволяющего создавать товарищества с ограниченной ответственностью. Целью этого закона было защитить эти фирмы от судебных исков их акционеров, озабоченных неудавшимся и небрежным аудитом. Эти две компании поручили юридической фирме из Лондонского Сити составить законопроект за 1 миллион долларов и договорились с президентом Финансового и экономического комитета Джерси Пьером Хорсфоллом представить этот закон законодательным органам Штатов в качестве решенного вопроса. Однако неожиданно небольшая группа политиков выразила недовольство тем, как закон был представлен Штатам, и разразился политический скандал, спровоцированный конфликтом интересов. Оппоненты закона утверждали, что из острова сделали «законодательство напрокат», и выражали обеспокоенность тем, что Штаты Джерси поработаны транснациональными корпорациями, преследующими свои интересы. Их страхи подтвердились старшим партнером одной причастной к этому делу фирм, который позднее заявил британской финансовой прессе: «Нам прямо заявили, что законопроект будет представлен Штатам в марте, *будет принят* [курсив мой – С. Х.]... и войдет в свод действующих законов и юридических актов в сентябре».⁵⁵

Этот закон о товариществе с ограниченной ответственностью (ТОО) действительно стал действовать в сентябре, но ни одно предприятие в Джерси так и не стало ТОО. На самом деле все эти действия были нацелены на то, чтобы вынудить британское правительство уменьшить регулятивную силу своего собственного закона о ТОО, – стратегия, оказавшаяся эффективной. Руководители Джерси, многие из которых пользовались плодами налоговой гавани, без зазрения совести торговали политическим суверенитетом острова. Этот процесс захвата острова происходил постепенно и при попустительстве со стороны его населения, хотя горстка политиков выступила против некоторых предложений относительно налоговой гавани, а слова одной смелой группы гражданских активистов широко цитировались в Guardian: «Мы не должны торговать своим островом».

Политический кризис, возникший из-за принятия закона о ТОО в 1997 году, привлек внимание политиков Великобритании, включая старших членов кабинета лейбористского

⁵⁵ Richard Rahn, «The Injustice of Tax Justice», Washington Times, April 2005.

правительства. Джерси оказался в центре нежелательного внимания не только со стороны британского правительства, которое поручило Эндрю Эдвардсу, бывшему министру финансов, исследовать регулятивную деятельность острова, но и со стороны Группы по разработке финансовых мер борьбы с отмыванием денег, назначенной МВФ для усиления контроля над отмыванием денег террористами и глобальной торговлей наркотиками. В то же время Организация экономического сотрудничества и развития, научно-исследовательский центр ведущих промышленных стран, в 1998 году выступила со своей инициативой, направленной против губительной налоговой практики. На короткое время налоговые гавани, подобные Джерси, попали под беспрецедентную проверку.

В отчетах Эдвардса, опубликованных в 1998 году, отмечались 153 способа улучшения регулятивной системы вместо зависимости от Британской короны.

Однако требование о раскрытии имен владельцев оффшорных компаний и трестов, информации о регистрировании оффшорных трестов и их учредителях, получающих от них прибыль, осталось невыполненным. Я сопровождал одного политика на разбирательстве этого дела с участием Эндрю Эдвардса. Мы предложили обязать оффшорные тресты Джерси, по крайней мере, регистрировать подробные сведения о своих учредителях и бенефициариях, а также предоставлять годовые финансовые отчеты. Однако, к нашему сожалению, даже эти минимальные меры не были приняты. Возможность сделать прозрачнее деятельность оффшорных компаний была упущена. К сожалению, МВФ практически легализовал налоговые гавани, поощряя регулятивную деятельность, чем облегчил жизнь террористам и торговцам наркотиками, при этом игнорируя более широкий вопрос нелегального оттока капитала и уклонения от налогов. Эта неспособность раскрыть главный оффшорный секрет означала, что и сегодня найдутся желающие воспользоваться такими налоговыми гаванями, как Джерси.

Мы отплываем утром

Более десяти лет работая в политической системе налоговой гавани, я очень многое узнал о политической коррупции и подрывной деятельности сферы уклонения от налогов. Все это время я стремился сохранить честность и добросовестность в общении с политиками и руководителем своего департамента, главного советника Штатов. Иногда напряжение становилось невыносимым, особенно с тех пор как в моем отделе стало не хватать сотрудников, а работы было слишком много. Я знал, что моя роль экономического советника должна была сводиться к легализации незаконной деятельности, и что друзья за пределами острова часто критиковали мою работу. Более того, в 1997 году обсуждался вопрос об уменьшении моей профессиональной независимости путем ограничения консультационной деятельности моего отдела работой с ведущими политиками, а не со всеми членами законодательного собрания Штатов. К этому времени мне уже исполнилось 40 лет, мои сыновья достигли школьного возраста, и я должен был решить – остаться в этой должности, несмотря на новые условия, или же прислушаться к совести и уехать с острова.

Мысль о переезде не очень-то радовала меня. Я был очень привязан к острову. Быть сравнительно крупной рыбой в очень маленьком пруду довольно-таки привлекательно, и даже несмотря на большую загрузку, мне удавалось соблюдать разумный баланс между работой и жизнью. Я был президентом кинематографического общества Джерси и делал кинообзоры для местной радиостанции BBC. В выходные я участвовал в гонках на катамаранах на западном берегу острова. У моей жены тоже было много увлечений – она занималась изобразительным искусством, да и оба наши сына родились на этом острове. Переехать и найти работу в другом месте было бы нелегко. Искушение ничего не менять было невероятно сильным, особенно после завершения ремонта своего огромного дома – этого тяжелого труда, плодами которого так хотелось бы насладиться. У нас было много причин остаться в Джерси – стабильная и хорошо оплачиваемая работа и сравнительно легкая жизнь.

Наконец, после длительных самокопаний, в январе 1998 года я подал заявление об увольнении с госслужбы Джерси и согласился отработать шесть месяцев перед уходом. На следующий день после опубликования новости о моем увольнении в Jersey Evening Post со мной связалось кадровое агентство, предложив мне вдвое большую зарплату за работу в одной оффшорной компании. Я знал эту компанию, и мне нравились ее менеджеры, но я решительно отклонил предложение. В конце июня мы организовали вечеринку перед отплытием, попрощались с друзьями и двумя днями позже отплыли на пароме из Сент Хельер в Уэймут (Англия). Я смотрел с палубы на скалы северного берега, утопающие в тумане, и думал о том, что остров, который я так любил еще мальчиком, изменился до неузнаваемости. Если раньше я с гордостью называл себя уроженцем Джерси, то теперь мне было стыдно за то, что остров потонул в алчности и бездумном эгоизме тех, кто создал здесь налоговую гавань. Перенаселенный, с завышенными ценами, наводненный машинами и уродливыми офисными зданиями, остров утратил прежнюю общность и целостность. Как говорил мне однажды вечером в Центре искусств Сент Хельер Джерри Дорей, бывший сенатор Штатов Джерси: «В Джерси сформировалась социальная структура, очень напоминающая фойе гостиницы “Хилтон”. Остров превратился в собрание чужих друг другу индивидов, которые гонятся за деньгами». Мои друзья на острове думали, что я сошел с ума, раз уезжаю. Лишь немногие (если таковые были) поняли истинные мотивы моего переезда. Я больше не мог участвовать в оффшорной экономике и не хотел, чтобы мои дети, став взрослыми, решили, что мы заработали свои деньги на распространении бедности и несправедливости.

Вскоре мы нашли новый дом в Чилтерн Хиллс, между Лондоном и Оксфордом, а я стал директором издательской и консультационной фирмы, специализирующейся на оценке

политических и экономических рисков в развивающихся странах. Но мое участие в сфере оффшорных налоговых гаваней на этом не закончилось. В 1999 году Oxfam предложила мне роль советника в команде, исследующей воздействие налоговых гаваней на развивающиеся страны. Доклад Oxfam «Использование скрытых миллиардов для ликвидации бедности» (Releasing the Hidden Billions for Poverty Eradication), опубликованный в июне 2000 года, вызвал огромный международный интерес, прежде всего, потому, что развивающиеся страны, по оценкам Oxfam, теряли ежегодно не менее 50 миллиардов долларов из-за губительной налоговой практики транснациональных компаний. Разумеется, политики и банкиры Джерси не очень-то обрадовались моему участию в том, что они считали «нападками на остров». Мои критические статьи о налоговых гаванях в *Financial Times*, *Guardian*, *Le Monde* или в программах BBC, рассказывающих о текущих событиях, воспринимались как откровенное предательство. Пресса Джерси изо всех сил пыталась меня изобличить. Лондонские журналисты BBC сообщили мне, что официальные лица Джерси пытались отговаривать их брать у меня интервью, намекая на мою «личную заинтересованность» во всем этом. Обозревателю одной газеты сказала мне, что с ней лично связался Фил Остин, генеральный директор Jersey Finance – маркетингового инструмента финансовой индустрии острова, который дал ей понять, что я якобы связан с коммунистами и социалистическими организациями в Великобритании. На похожую нелепую клевету пошел и Ричард Ран, приглашенный специалист Института Като, который написал в *Washington Times*.⁵⁶ Интересно, что эта газета принадлежит преподобному Сан Миунг Муну, осужденному в США за уклонение от налогов. В 2005 году я пригрозил сообщить о деятельности Криса Брайта, редактора *Jersey Evening Post*, Британской комиссии по жалобам на прессу, если он опубликует клеветническую статью. Он сразу же капитулировал. Над всем этим можно было бы посмеяться, как над банальной политической грызней, однако это показало, на что может пойти сфера уклонения от налогов, чтобы избежать судебного расследования. Это не милые люди; тут замешаны огромные деньги; многие «шкафы полны скелетов».

В ноябре 2002 года множество общественных деятелей, ученых, журналистов, специалистов в области финансов и других профессионалов съехались во Флоренцию (Италия) для обсуждения вопросов, поднятых докладом Oxfam. Меня поразила глубина знаний участников съезда о воздействии налоговых гаваней и их решимость вынести эти вопросы на международное обсуждение гражданского общества. Через несколько дней мы договорились о координации исследований, а спустя четыре месяца была официально открыта компания Tax Justice Network на церемонии в парламенте Великобритании. Впоследствии сформировались национальные сети по всей Европе, в США и Латинской Америке, а в январе 2007 года предполагалось открытие сети в Африке. Спустя 60 лет после высказывания Джоном Мейнардом Кейнсом и Гарри Декстером Уайтом своих опасений по поводу оттока капитала и уклонения от налогов в Бреттон Вудс в 1944 году, гражданское общество, наконец-то, начинает проникать в суть проблемы перманентной бедности в мире изобилия.

⁵⁶ Baker, *Capitalism's Achilles Heel*, pp. 172, 173.

Слон в посудной лавке

Вдохновленный кампанией по гражданским правам в США в 1960-е годы, я посвятил себя борьбе за справедливость во всем мире еще будучи подростком и сохранил эти идеалы, несмотря на губительную деятельность в оффшорных компаниях. Как и многие участники движения за справедливость во всем мире, я убежден, что увеличение помощи бедным странам или списание их долгов будут неэффективными до тех пор, пока мы не устраним неравенство и причины бедности. А это означает борьбу с коррупцией, расхищением денег, оттоком капитала и уклонением от налогов, что потребует гораздо более эффективного регулирования финансовых систем, которые поощряют эту деятельность. При поддержке льготных условий, установленных Базельским соглашением I по банковской деятельности, оффшорные банки стали развиваться невероятными темпами, однако почти ничего не предпринималось для регулирования их деятельности в развивающихся странах или запрета использования оффшорных счетов и трастов для уклонения от налогов. Согласно некоторым оценкам, за последние десять лет примерно 5 триллионов долларов были вывезены из бедных стран на Запад, а 1 триллион «грязных» денег ежегодно поступает на оффшорные счета, приблизительно половина этих средств – из развивающихся стран.⁵⁷

Открытость налоговых гаваней для плодов криминальной деятельности, коррупции и неуплаты налогов может объяснить, почему потоки капитала шли с Юга на Север, из бедных стран в богатые, а не наоборот, как считает экономическая теория.⁵⁸ Это во многом объясняет, почему стольким развивающимся странам недостает денежных ресурсов для финансирования своего собственного развития, а также почему им приходится все активнее опираться на внешние долги и помощь, чтобы финансировать услуги, которые должны оплачиваться доходами от налоговых поступлений. При таком большом объеме активов Латинской Америки на оффшорных счетах, не облагающихся налогом (что вряд ли изменится в современных условиях банковской и трастовой секретности), снижение уровня бедности в ее странах, скорее всего, невозможно без жесткого преследования практики невыплаты налогов. Это было признано Всемирным банком в отчете за 2006 год о сокращении бедности в Латинской Америке. Ситуация в Африке и на Среднем Востоке еще тяжелее, что объясняет постоянную безработицу, преступность и социальную напряженность, которые иссушили силы таких богатых нефтью и газом стран, как Алжир, Египет, Ливия, Нигерия и Саудовская Аравия. Этот «слон в посудной лавке» стал слишком большим, чтобы его игнорировать: активы на сумму 11,5 триллиона долларов на оффшорных счетах – серьезные деньги, и эта цифра, согласно оценкам, постоянно растет.

Кроме уклонения от налогов, коррупции и расхищения средств местной элитой, международная торговля и инвестиции сформированы таким образом, чтобы активно использовать налоговые гавани для уклонения от налогов. Джерси, к примеру, многие годы использовался для импорта таких основных видов сырья, как бананы и кофе, в Европу. Конечно, ни одно из этих тропических растений не смогло бы вырасти под влиянием холодного и ветреного Ла-Манша, но на бумаге подобная торговля проходит через Джерси, частично для перевода доходов на оффшорные счета, а частично – для сокрытия масштабов, поскольку на этих рынках доминирует лишь горстка монополистов. По оценкам британского правительства, на сегодняшний день, по крайней мере, половина всей мировой торговли проходит – на бумаге – через налоговые гавани, так что масштабы отмывания денег огромны.

⁵⁷ K. Guha, «Globalisation: A Share of the Spoils: Why Policymakers Fear ‘Lumpy’ Growth May Not Benefit All», Financial Times, August 28, 2006.

⁵⁸ Там же.

Опыт таких стран, как Аргентина и Бразилия, говорит о том, что как минимум часть денег, исчезнувших в оффшоре, вернется в страну: нелегально вывезенные в оффшорную компанию на Каймановых или Нормандских островах и впоследствии реинвестированные в «родную» страну под видом внешних прямых инвестиций. Это привлекает налоговые льготы, субсидии и другие привилегированные условия, которые меняют местные рынки не в пользу законопослушных предприятий. Однако в большинстве случаев капитал покидает страну навсегда и инвестируется в казначейские облигации западных государств или попадает на ведущие фондовые биржи, или вкладывается в недвижимость в Швейцарии, Лондоне, Флориде и на юге Франции.

Хотя чемоданы, полные денег, все еще актуальны для отмывателей денег, факс, компьютер, Интернет и сложная система секретных оффшорных компаний и трестов гораздо чаще используются для превращения «грязных» денег в законный капитал. Столкнувшись с растущими потоками «грязных денег», правительства активнее пытаются регулировать международные системы перевода денег, банки, занимающиеся мошенничеством, и налоговые гавани, но их усилия обречены на неудачу, если международное сотрудничество по обеспечению эффективного обмена информацией не будет действовать «на автомате» в мировом масштабе, а также если не будут приняты комплексные меры против параллельной экономики налоговых гаваней и оффшорных финансовых центров. Один эксперт по отмыванию денег цитирует заявление швейцарского банкира о том, что в 99,99 % случаев не удастся выявить потоки «грязных денег».⁵⁹ Это ужасающий факт, хотя, вероятно, Швейцария ничем не хуже других основных оффшорных финансовых центров.

⁵⁹ «Буш заявил, что богатые уклоняются от налогов: это проблеск честности или он просто оговорился?», Pacific News Service, комментарии к новостям, Люси Комисар, 9 сентября 2004 г. Президент сказал это во время выступления в Мунципальном колледже Северной Виргинии в Аннандэйле 9 августа 2004 г. Полная цитата: «Что касается налогов, помните, что мы собираемся повысить их только для определенной категории людей, прежде всего для богатых, которые всегда придумают, как избежать налогов, в то время как владельцы малого бизнеса вынуждены нести большую часть налогового бремени».

Восстание элиты

Неспособность решить эти важнейшие проблемы мировой финансовой системы породила атмосферу беззакония и неэтичного поведения, которая, подобно раку, поражает целостность рыночной системы и демократической идеи. Руководители компаний, преданные добросовестному управлению и этическим принципам, оказались втянутыми в конкуренцию на несправедливой основе против корпоративных преступников, готовых максимально использовать систему уклонения от налогов. Во всем мире налоговое бремя все активнее переносится с богатых на малообеспеченных и бедных. Благодаря целой системе хитростей и уловок, мировая экономика служит, в первую очередь, интересам самых богатых. Они стали отдельной категорией людей, особенно в своих налоговых делах. Большинство из них держат свои богатства в оффшорных налоговых гаванях, таких, как Джерси, Швейцария или Каймановы острова. Они могут жить там, где им хочется, но самое главное – оставаться богатыми. Их активы мобильны, и поэтому они могут сами решать, где им платить налоги.

Как заметила миллионерша и владелица недвижимости Леона Хелмслей в 1980-е годы, налоги предназначены для «маленьких людей». Тогда многих шокировали ее слова. Но сейчас положение настолько ухудшилось, что многие уверены – богатые вообще не платят налоги. Президент Джордж У. Буш подтвердил это в августе 2004 года, сказав, что попытки обложить налогом богатых людей ни к чему не приводят, потому что «действительно богатые люди всегда придумают, как избежать налогов».⁶⁰

В результате сложился такой экономический и социальный порядок, который не соответствует и не может соответствовать требованиям благосостояния и безопасности в XXI веке. Во всем развивающемся мире уклонение от налогов и расхищение ресурсов для пополнения секретных банковских счетов породило жестокую ненависть в народе, повсеместную безработицу, низкий уровень общественных услуг и общую нехватку экономических и социальных возможностей. Однако эту ситуацию можно изменить. Большинство этих проблем можно решить с помощью укрепления международного сотрудничества. Эффективный обмен информацией между официальными лицами разных стран сможет во многом облегчить борьбу с оттоком капитала и уклонением от налогов. Препятствия, создаваемые секретной деятельностью банков, можно преодолеть, включив соответствующие корректирующие статьи в международные договоры. Секретность оффшорных трестов уменьшится благодаря обязательной регистрации важнейших сведений о личности учредителя и бенефициария. Почему те, кто получает привилегии, используя компании и тресты, не должны предоставлять необходимую информацию о себе? Мировые структуры могли бы договориться об обложении налогом транснациональных корпораций там, где они на самом деле получают прибыль. Подобную практику можно внедрить за сравнительно короткий срок. Положительное воздействие на развитые и развивающиеся страны будет огромным. Для тех, кто действительно хочет, чтобы бедность осталась в прошлом, это, возможно, лучший способ достижения цели.

⁶⁰ Jonathan Beatty and S. C. Gwynne, *The Outlaw Bank: A Wild Ride into the Secret Heart of BCCI* (Washington, D.C.: Beard, 2004 [1993]), p. 315.

Глава 4

Двойная игра ВССИ:⁶¹ Банк Америки – Банк джихада Люси Комисар

Как США использовали оффшорный банк, чтобы продавать оружие, финансировать исламский джихад и отмывать деньги. Как его саудовские владельцы и американские сотрудники обманули вкладчиков на 10 миллиардов долларов. И как им всем удалось выйти сухими из воды.

Директор ЦРУ Роберт Гейтс назвал его «Международным банком мошенников и преступников». Он был верным партнером торговцев оружием и наркотиками. А также диктаторов Третьего мира и ЦРУ. Был частью окружения семьи Бушей и других влиятельных лиц Вашингтона. Его крупнейшими акционерами были шейхи Саудовской Аравии и ОАЭ. Большое жюри называло отмывание денег «корпоративной стратегией» ВССИ, а украденные банком деньги за 20 лет – примерно от 9,5 до 15 миллиардов долларов – стали крупнейшим банковским преступлением в истории. Большая часть этих денег так и не была найдена. Администрация Джорджа Буша-старшего, будучи у власти, когда было раскрыто это мошенничество, не спешила принимать какие-либо меры против банка, дожидаясь обвинительного приговора окружного прокурора штата Нью-Йорк Роберта Моргентау. Однако расследование так и не затронуло оффшорную систему банка, которая действует примерно в 70 финансовых центрах по всему миру, скрывая от сотрудников правоохранительных органов владельцев банковских счетов и компаний. И не коснулось «денежных мешков» Персидского залива, которые руководили криминальной деятельностью ВССИ. Вот как семья Бушей и их сторонники использовали и защищали самый преступный банк в мире.

Международный кредитно-коммерческий банк был основан в 1972 году пакистанским банкиром Ага Хасаном Абеди при поддержке шейха Халифа бен Зайед Эль Нахиана, правителя богатого нефтью Абу Даби и главы ОАЭ. Четвертью акций владел Bank of America, который достаточно скоро вышел из дела, хотя сомневался в правильности этого решения. В 1970-е годы ВССИ распространял свое влияние в развивающихся странах, а потом решил перейти в высшую лигу.

⁶¹ ВССИ – Международный кредитно-коммерческий банк.

Торговля оружием

Норманн Бейли, член Совета национальной безопасности, отслеживающий действия террористов во всем мире по передвижению американских денег, обратил внимание на ВССИ в 1981 году. Совет национальной безопасности выяснил, что ВССИ был замешан в «терроризме, поставках технологий, включая несанкционированные поставки американских технологий в Советский Союз, продаже оружия, манипулировании рынками ценных бумаг»,⁶² а также в незаконном ввозе оружия, партизанских действиях и нарушении эмбарго и бойкотов. ВССИ постоянно снабжал незаконных торговцев оружием поддельными документами и аккредитивами.

Бейли также удалось получить сведения о сотрудничестве между ВССИ и ЦРУ. ВССИ фактически стал одним из секретных банков управления, через который проходили деньги для секретных операций. Директор ЦРУ Уильям Кеси несколько раз встречался с Ага Хасаном Абеди в гостинице «Мэдисон», в Вашингтоне, напротив Washington Post.⁶³ ЦРУ использовало филиалы ВССИ в Исламабаде и других районах Пакистана, чтобы перевести примерно 2 миллиарда долларов, отправленных Вашингтоном моджахедам Осамы бен Ладена, для помощи в борьбе с СССР в Афганистане. ВССИ управлял наличными деньгами, которые пакистанские военные и члены правительства «позаимствовали» из инвестиций США, отправленных моджахедам. Он также работал со средствами, предназначенными саудовским службам разведки. ВССИ был не просто банком моджахедов. Он распределял деньги, чтобы обеспечить перевозку их оружия через порт и таможню Карачи. Он даже организовал сопровождение на мулах, чтобы доставить оружие в Афганистан.

Моджахедаы финансировали свое движение «Золотой полумесяц», получая доход от многомиллиардной торговли оружием и наркотиками. Северо-западная пограничная область со стороны Пакистана стала основным местом производства и транзита опиума из Афганистана. Когда я приезжала в Пешавар (Пакистан) в середине 1980-х годов, пограничная столица была пыльным городом, в котором конные повозки соперничали с машинами, на местных рынках продавались русские «калашниковы» среди разнообразных бурок, которые специально шили для иностранных покупателей. Я прибыла в Пешавар, чтобы расследовать войну США в Афганистане, которая как раз бушевала по ту сторону границы. Я обнаружила, что американцы и их саудовские союзники отправляли львиную долю секретных денег и оружия Гулбуддину Хекматиару, лидеру и основателю исламской партии Афганистана (Hezb-i-Islami), самой радикальной из исламских военных группировок. Я выяснила, что пакистанские военные, посредники в поставках, крали оружие и наличные деньги, предназначенные для афганских повстанцев.

Десять лет спустя я переключилась на исследование секретной оффшорной банковской системы и выяснила, что по охвату рынка ВССИ стал ведущим банком для всех участников региональных теневых операций со счетами для торговли оружием и наркотиками, моджахедов, пакистанцев и ЦРУ.

Деньги ЦРУ переводились из США в al-Taqwa Bank в Нассау, затем на Барбадос, в Карачи и филиал ВССИ в Исламабаде. Al-Taqwa (переводится как «страх Господень») – не настоящий банк из кирпичей и цемента, вкладчиков и услуг. Этот оффшорный банк, учрежденный для финансирования джихада, – фактически всего лишь корреспондентский счет Banca del Gottardo, бывшего швейцарского филиала коррумпированного Banco Ambrosiano

⁶² «Дело ВССИ: отчет Комитета Сената ООН по внешним связям», сенаторы Джон Керри и Хэнк Браун, декабрь 1992 г., 102-е заседание Конгресса, 2-я сессия, Сенат (отчет Керри).

⁶³ Peter Truell and Larry Gurwin, *False Profits* (Boston: Houghton Mifflin, 1992), p. 135.

(«Банка Ватикана»), который закрылся после присвоения более миллиарда долларов со счетов своих клиентов. (Эта история легла в основу одной из сюжетных линий «Крестного отца»-3.) В ВССИ также поступали доходы от торговли наркотиками и взятки военных и правительственных чиновников Пакистана. Деятельность ВССИ позволила Осаме бен Ладену получить необходимые знания о теневых оффшорных финансовых системах, которые он впоследствии использовал в организации джихада против Америки. А ЦРУ было прекрасно осведомлено о способностях своего ученика. После 11 сентября агенты США добились прекращения операций al-Taqwa в Швейцарии, Лихтенштейне и Нассау, закрыв его отделения. Швейцарская полиция допрашивала президента al-Taqwa Юсефа Мустафу Нада, члена радикального Исламского братства мусульман, а швейцарские агенты провели обыск в его доме в городке Кампионе д'Италия – итальянской налоговой гавани на озере Лугано.

Однажды в 2002 году я отправилась на пароме из Лугано, на швейцарской стороне, в Кампионе. Нада, мужчина примерно 60 лет, встретил меня на пирсе и отвез по серпантинной дороге в свой дом на вершине горы, где комнаты в стиле «люкс», украшенные орнаментом и инкрустированной мебелью, напоминали мне о Голубой мечети в Стамбуле. У него были изысканные манеры, которые прекрасно сочетались с элегантным убранством дома.

Я уже несколько лет расследовала деятельность Banca del Gottardo и вышла на людей со связями в службах разведки. Один из них прислал мне секретный список акционеров al-Taqwa Bank в Нассау, в который входили члены семьи бен Ладена.

Я показала этот список Юсефу Нада, и он сразу же признал его подлинность. Он сказал: «Вы можете спросить господина Никати (заместителя федерального обвинителя Швейцарии). Он расследовал все эти дела. Даже ФБР узнало об этом только три года назад». Потом он поправил себя: «Они знают с 1997 года. Я говорил с ними... Сестры бен Ладена? Спросите господина Накати. Это старая история, и они все знают. ФБР в курсе, да и министерство финансов тоже. У них есть фотокопия списка». На этом наше интервью закончилось. Нада перевез меня через мост, который соединяет Кампионе с Лугано, и высадил у железнодорожного вокзала.

Практически по всему миру сотрудничество между ВССИ и ЦРУ было столь же плодотворным, как в Америке. Член Совета национальной безопасности Оливер Норт учредил панамские оффшорные компании и открыл секретные счета в ВССИ, чтобы перевести туда 20 миллионов долларов – плату за оружие для террористических отрядов «Контра» в Никарагуа и для Ирана в 1985–1986 годы. В рамках этих нелегальных операций ВССИ предоставил более 11 миллионов долларов для финансирования 1250 американских противотанковых ракет с оптическим слежением, проданных иранским революционерам во время заключения сделки о выкупе американских заложников в Ливане. Чеки, подписанные Нортом, были выписаны на парижское отделение ВССИ, в котором (что совсем неудивительно) не оказалось никаких записей о счетах, когда позднее американские представители правоохранительных органов пытались их отыскать.

Через ВССИ также проходили взятки администрации Рейгана-Буша панамскому лидеру Мануэлю Норьеге, который стал клиентом ВССИ по предложению ЦРУ. Сирийский наркоторговец, террорист и торговец оружием Монсер Эль Кассар заключил соглашение о продаже оружия Ирану на сумму 42 миллиона долларов в рамках плана Норта, используя оффшорный филиал ВССИ на Каймановых островах для перевода наличных.

ВССИ также оказывал услуги Саддаму Хусейну, опять же с согласия его друзей в Вашингтоне. Банк перевел миллионы долларов в Атланту – филиал Banca Nazionale del Lavoro (BNL), принадлежащего итальянскому правительству, который являлся американским банкиром Ирака, так что с 1985 по 1989 год он мог выдать Ираку тайный кредит на сумму 4 миллиарда долларов, чтобы помочь Хусейну закупить оружие. Член Конгресса Генри Гонсалес провел слушание по делу BNL в 1992 году, во время которого он приводил

цитаты из конфиденциальных документов ЦРУ о том, что управление уже давно было в курсе того, что глава ВССИ участвовал в выдаче этого кредита Ираку.

Выплаты 15 %-ных комиссионных по кредитам, выданным BNL, направлялись на банковские счета иракских лидеров через офисы ВССИ на Каймановых островах, а также в оффшорных филиалах Люксембурга и Швейцарии. BNL был клиентом Kissinger Associates, и Генри Киссинджер входил в международный совет консультантов банка вместе с Brentom Скаукрофтом, который впоследствии стал советником Джорджа Буша-старшего по вопросам национальной безопасности. Принимая во внимание эти связи, возмущение администрации Буша по поводу иракских выплат «нефть в обмен на продовольствие» весьма лицемерно. Буш и его друзья знали, что Саддам дает взятки под их контролем: ведь деньги проводились через их излюбленный криминальный банк. До 11 сентября оружие, купленное Саддамом с помощью фондов BNL, было использовано в первой войне в Заливе против американских войск и их союзников.

Другим крупным закупщиком оружия был террорист Абу Нидал, основатель «Фатах» и «Черного сентября» в Палестине. Будучи клиентом ВССИ с 1981 года, он пользовался счетом в Лондоне на 60 миллионов долларов для покупки оружия и техники. Менеджер лондонского отделения ВССИ Гассан Кассем обнаружил, что его лучший клиент был террористом № 1 в мире, когда кто-то показал ему фотографию Абу Нидала во французском информационно-аналитическом журнале L'Express. Менеджер отвез эту информацию в штаб-квартиру банка, где ему сказали: «Уничтожьте это немедленно, возвращайтесь в свое отделение и никому об этом не говорите. У генерального директора и так много проблем, чтобы создавать ему новые». Кассем предупредил агентов MI5, одной из британских служб разведки, отслеживавшей переводы со счетов ВССИ сирийского оперативного сотрудника разведки агенту Абу Нидала, который в 1986 году использовал свою девушку в неудавшейся попытке пронести бомбу на борт израильского самолета в лондонском аэропорту Хитроу. Британцы передали эту информацию ЦРУ, которое, как оказалось, не очень-то интересовалось этим делом – или, возможно, уже знало о нем.⁶⁴

Клиентами банка, торговавшими наркотиками, были не только политики. ОАЭ, родина известнейших акционеров банка, были любимым местом отмывания «грязных» денег. К середине 1980-х годов Управление по борьбе с наркотиками, Налоговое управление и, конечно же, ЦРУ знали, что ВССИ отмывает кокаиновые деньги и открыл многочисленные отделения в Колумбии, чтобы обслуживать счета Медельинского картеля и других наркокартелей. Согласно секретным отчетам ЦРУ: «Значительная часть незаконной банковской деятельности ВССИ, особенно связанная с наркофинансами в Западной полушарии, сосредоточена в отделениях на Каймановых островах».⁶⁵ Агенты Управления по борьбе с наркотиками США, участвующие в операции (C–Chase), которая впервые привела руководителей ВССИ на скамью подсудимых в США, обнаружили 19 миллионов долларов, отмываемых с помощью переводов через филиалы ВССИ в Панаме, Женеве, Париже, Лондоне и Нассау.

⁶⁴ James Ring Adams and Douglas Frantz, *A Full Service Bank: How BCCI Stole Billions around the World* (New York: Simon & Schuster, 1992), p. 238.

⁶⁵ Truell and Gurwin, *False Profits*, p. 117.

Оффшорные секреты

В 1976 году Абеди перенес штаб-квартиру BCCI в Лондон, однако фактически банк действовал через сеть оффшорных центров, особенно в Люксембурге и на Каймановых островах, а также в Ливане, Дубаи, Шардже и Абу Даби (последние три города – часть ОАЭ). Секретность оффшорных банков и корпораций была крайне важна для мошеннических операций BCCI. Оффшорные центры (также известные как налоговые гавани) позволяют клиентам открывать банковские счета и компании через подставных лиц либо вообще без указания сведений об учредителе. Они регистрируют оффшорные компании под фиктивными именами, нанимают подставных лиц, а затем «тиражируют» их в компаниях-учредителях, филиалах и отделениях. Отчеты ведутся во множестве разных юрисдикций, чтобы при переводе денег замечать следы в документах. Ни одно правительство не в состоянии отследить деятельность подобной компании. Никто не может раскрыть серии фиктивных операций. Оффшор используется для того, чтобы прятать или переводить деньги для торговцев наркотиками и оружием, диктаторов, террористов, коррумпированных политиков, финансовых мошенников, тех, кто уклоняется от налогов и идет на другие преступления. Оффшор существует, потому что крупные банки мира хотят существовать – они получают огромную прибыль благодаря своим секретным отделениям. BCCI не мог придумать более совершенную систему. BCCI был учрежден в оффшорном Люксембурге. Затем был сформирован BCCI Holdings с BCCI SA в Люксембурге, чтобы вести деятельность в Европе и на Среднем Востоке, и BCCI Overseas в отеле Grand Cayman на Каймановых островах, также в оффшорной зоне, чтобы работать с развивающимися странами. Международная кредитно-инвестиционная компания на Каймановых островах – «банки внутри банка» – была лишь почтовым ящиком, который в 1990 году держал акции на сумму 7,5 миллиардов долларов. Обязанности по аудиту были распределены между компаниями Ernst&Whinney и Price Waterhouse, которые не делились информацией друг с другом. Bank of England был обвинен в недосмотре, хотя продолжал утверждать, что все было в полном порядке.

К 1977 году у BCCI было 146 отделений в 43 странах. Его акции возросли с 200 миллионов до 2,2 миллиарда долларов. Bank of America почувствовал неладное, так как было слишком мало отчетов о кредитах, и в 1978 году забил тревогу, но не вызвал никакой тревоги в США. Предостережения могли снизить цены на акции, которые Bank of America выгодно продавал, превращая инвестиции на сумму 2,5 миллиона в 34 миллиона долларов. Молчание действительно золото.

В 1983 году у BCCI было 360 отделений в 68 странах: 91 в Европе; 52 в Америке; 47 на Дальнем Востоке, в Южной Азии и Юго-Восточной Азии; 90 на Среднем Востоке и 80 в Африке. К середине 1980-х годов филиалы открылись уже в 73 странах, а сумма акций составляла 22 миллиарда долларов.

Благодаря взяткам влиятельным банкирам и представителям министерства финансов, BCCI получал депозиты центрального банка, а иногда право работать с товарными кредитами США или особое соглашение о переводе денег через страну с валютно-кредитным контролем, или право открыть банк в стране, где это не разрешалось иностранцам. В Перу 3 миллиона долларов, которые были переведены через Швейцарский банк в Панаму, принесли BCCI депозиты на 250 миллионов долларов от администрации президента Алана Гарсиа.

BCCI подкупил массу официальных лиц в Аргентине, Бангладеше, Ботсване, Бразилии, Камеруне, Китае, Колумбии, Конго, Гане, Гватемале, Береге Слоновой Кости, Индии, Ямайке, Кувейте, Ливане, Маврикии, Марокко, Нигерии, Пакистане, Панаме, Перу, Саудовской Аравии, Сенегале, Шри-Ланке, Судане, Суринаме, Тунисе, ОАЭ, США, Замбии и Зимбабве.

ВССІ знал, как получать прибыль с криминальных предприятий, но ему не очень-то удавалось эффективно сотрудничать с легальным бизнесом. В 1983 году он открыл отделение для торговли на рынках акций и товаров. Для того чтобы избежать налоговых выплат, торги проводились в Лондоне, но регистрировались на свободных от налогов оффшорных Каймановых островах, которые не возражали против подобного мошенничества. (Citibank делал то же самое на валютных торгах в 1970-е, но после того как Комиссия по ценным бумагам и биржевым операциям раскрыла эту налоговую аферу в 1981 году, только что назначенный Рейганом директор по правоисполнительной деятельности Комиссии по ценным бумагам юрисконсульт Джон М. Феддерс предоставил банку свободу действий, объясняя это так: «Я не согласен, что компания, нарушающая налоговое законодательство и регулирование валютных операций, является плохой корпорацией!..» Наверное, Абеди читал об этом в газетах). Торговцы, работающие с ВССІ, потеряли более 800 миллионов долларов в спекуляции с казначейскими облигациями США с 1979 по 1986 год, однако соответствующая документация хранится в секретных протоколах на Каймановых островах.

Высокопоставленные друзья

Банк, активно участвующий в криминальной деятельности, осознает важность высокопоставленных друзей. Абеди обратил свой взор на Средний Восток, где он нашел крупных инвесторов. Шейх Абу Даби Зайед и его семья заплатили не более 500000 долларов, однако они оказались владельцами почти четверти акций банка. Большая часть инвестиций была безрисковой – с гарантированными ставками дохода и компенсационными соглашениями. Шейх Камал Адхам, глава Саудовской разведки с 1963 по 1979 год и шурин покойного Саудовского короля Фаисала, бывший связным ЦРУ в этом районе, стал одним из крупнейших акционеров ВССИ. Джордж Буш-старший знал Адхама еще с тех пор, когда возглавлял ЦРУ в 1975 году. Другим инвестором был принц Турки бен Фаисал Эль Сауд, преемник Адхама на посту главы разведки.

Учитывая полученные наличные, ВССИ выдал кредиты на сумму 2 миллиарда долларов своим акционерам и другим лицам, тесно связанным с банком. Например, Камал Адхам позаимствовал 313 миллионов долларов, включая деньги для покупки своих акций. Фараон Гаит, сын советника короля Фахда, тоже был инвестором ВССИ, а также подставным лицом при незаконной покупке трех американских банков. Он получил кредиты на сумму 300 миллионов долларов.

Кредиты арабских спонсоров были списаны или погашены на бумаге с помощью перевода денег между оффшорными банками. Фактически ВССИ действовал по схеме Понзи. В то время как пакистанские банкиры и их друзья брали кредиты, деньги поступали от 1,4 миллиона вкладчиков, многие из которых были владельцами малого бизнеса или иммигрантами из Южной Азии.

Заинтересованность арабов в этом банке была далеко не только финансовой. Согласно секретному досье ЦРУ на ВССИ в середине 1980-х годов, «основные акционеры банка являются членами верхушки крупнейших политических партий Среднего Востока, включая правителей Дубаи и ОАЭ, а также несколько влиятельных жителей Саудовской Аравии. Их больше интересует не прибыль, а продвижение мусульманских идей».⁶⁶ Принцы Абу Даби также пользовались преимуществами, предложенными «отделением особых соглашений» ВССИ, которое, согласно расследованию сенатора Джона Керри, доставляло крупным инвесторам проституток, особенно несовершеннолетних девственниц.

У банка также были американские друзья.

Демократы: Джимми Картер и его окружение

Джимми Картер встретился с Абеди через своего бывшего министра финансов Берта Лэнса, которому банкир оказал помощь, когда тот попал в темную историю с инвестициями в банке штата Джорджия. Путешествуя на Боинге 707, принадлежащем ВССИ, Картер сопровождал Абеди в поездках в Африку, целью которых было убедить официальных лиц вложить иностранный капитал в его банк. Взамен бывший президент получил 8 миллионов долларов для финансирования проектов по здравоохранению. Позднее Картер защищал ВССИ, когда банку предъявили обвинение в криминальной деятельности.

Лэнс также представил Абеди Джексону Стефенсу, сокурснику Картера по Военно-морскому училищу США. Владелец Stephens, Inc. в Литл-Роке (штат Арканзас), крупнейшего частного инвестиционного банка за пределами Уолл-стрит, Стефенс облегчил ВССИ проникновение в Америку.

⁶⁶ Там же, с. 57

Эндрю Янг, посол Картера в ООН и позднее мэр Атланты, получал 50000 долларов в год за консультационные услуги ВССИ, а также кредит на сумму 150000 долларов, который затем был списан банком. Янг получал свой гонорар за то, что представлял Абеди бизнесменам и государственным чиновникам в более чем десятке развивающихся стран и помогал ему получать вклады от их центральных банков.

Республиканцы: Буш и его окружение

Буш был связан с банком через техасского бизнесмена Джеймса Бата и крупнейшего акционера ВССИ Калида бен Махфуза. Бат инвестировал деньги в развитие США от лица бен Махфуза, и они, вместе с третьим партнером Фараоном Гаитом (гражданином Саудовской Аравии с дипломом магистра бизнеса Гарварда), владели Main Bank в Хьюстоне. В 1976 году, когда Буш-старший возглавлял ЦРУ, управление продало несколько самолетов Air America, свою тайную «собственность» со времен Вьетнамской войны, компании Skyway, которой владели Бат и бен Махфуз. Бат тогда помог профинансировать нефтяную компанию Буша-младшего, Arbusto Energy, Inc., в 1979 и 1980 годы.

Harken Energy Corporation, поглотившая Arbusto, столкнулась с финансовыми проблемами в 1987 году, и друг Картера Джексон Стефенс помог ей получить 25 миллионов долларов благодаря финансовой поддержке швейцарского Union Bank (UBS). В рамках этой сделки членом совета директоров стал акционер Harken шейх Абдуллах Таха Бакхш, чьим основным банкиром был бен Махфуз. Когда Джордж Буш-старший был избран президентом в 1988 году, Harken получил новых инвесторов, включая Салема бен Ладена, сводного брата Осамы бен Ладена, и Калида бен Махфуза. Сам Осама бен Ладен был занят в то время другими делами – формировал Аль-Каиду.

Скупая Америку

У ВССИ были оффшорные отделения по всему миру, однако необходимо было расширить свое присутствие в США. Переводы денег банк осуществлял в долларах; будучи оффшорным учреждением без договора с Америкой, он должен был использовать Bank of America как свой корреспондентский банк. Корреспондентский счет – это счет банка в другом банке, с помощью которого он может переводить деньги для себя и своих клиентов. Однако у ВССИ возникли проблемы, так как он не хотел предоставлять Bank of America необходимую документацию о денежных переводах. Тогда было бы сложно отмывать криминальные доходы – основную часть бизнеса банка. ВССИ попробовал купить Chelsea National Bank в Нью-Йорке, но официальные лица штата отказали ему, потому что если бы ВССИ разделился на два оффшорных центра, ни один правительственный орган, ведающий банковской системой, не смог бы проконтролировать его деятельность по всему миру.

Поэтому Абеди решил обхитрить регулятивные органы и проникнуть в банковскую систему США. К счастью для него, другие регулятивные органы Америки были не такими чванливыми, как в Нью-Йорке. ВССИ тайно купил банки с помощью влиятельных друзей с хорошими политическими связями в США и богатых друзей в Персидском Заливе. К концу 1970-х годов ВССИ владел четырьмя крупнейшими банками, включая National Bank of Georgia и Financial General Bankshares (позднее переименованный в First American), которые вели деятельность в округе Колумбия, Флориде, Джорджии, Мериленде, Нью-Йорке, Теннесси и Виргинии, чтобы лучше отмывать деньги в американской финансовой системе.

Фараон Гаит – саудовский партнер друзей Буша Джемса Бата и Калида бен Махфуза – был подставным лицом при покупке National Bank of Georgia и нескольких других банков. С помощью кредита ВССИ он купил долю Берта Лэнса в National Bank of Georgia за цену, вдвое превышающую их рыночную стоимость. Друг Лэнса Джексон Стефенс в Арканзасе помог организовать продажу акций. Лэнс, который испытывал в это время финансовые трудности, также получил кредит от ВССИ на сумму 3,4 миллиона долларов – без какой-либо гарантии или обеспечения.

Другим важным другом ВССИ был Кларк Клиффорд, министр обороны Линдона Джонсона и советник нескольких президентов. Когда я брала у него интервью в 1970-е годы, он отвел меня к окну своего кабинета и похвастался, что оно выходит на Белый дом. Так близко к власти! Когда Лэнс представил его остальным членам сговора, Клиффорд и его протеже Роберт Элтман оказали тайную – и незаконную – помощь ВССИ в покупке Financial General Bankshares. Клиффорд стал председателем банка, когда его переименовали в First American, а Элтман его генеральным директором. Кларк был юрисконсультom и ВССИ, и First American.

В число тайных акционеров входили шейх Камал Адхам, принц Турции бен Фаисал Эль Сауд, еще один член Саудовской разведки, Абдул-Рауф Кхалил и шейх Кхалифа бен Салман Эль Кхалифа, премьер-министр Бахрейна, чей брат – правитель Бахрейна – заключил с Harken Energy знаменитый оффшорный контракт о бурении скважин. Пять фиктивных компаний, контролируемых бен Махфузом и его братьями, купили акции First American Bankshares. Вместо тайных владельцев выступали бывший сенатор штата Миссури Стюарт Симингтон, генерал военно-воздушных сил в отставке Элвуд Кесада и армейский генерал в отставке Джеймс Гарвин. Симингтон, участвовавший в предвыборной кампании 1960 года вместе с Кларком Клиффордом в качестве руководителя избирательного штаба, стал председателем Credit and Commerce American Holdings – фиктивной компании на оффшорных Антильских островах, которая была учреждена для покупки американских банков на деньги ВССИ.

Подставные лица ВССИ в Америке старались получить разрешение правительства на покупку First American, убеждая Федеральную резервную систему, которая оказывала влияние на федеральные банки, в том, что они собирались инвестировать свои личные средства, дополненные деньгами из банков, не связанных с ВССИ. Федеральный резерв, возглавляемый Полом Волкером, располагал доказательствами того, что ВССИ стоял за этой сделкой, однако никак на это не отреагировал. ЦРУ и Министерство иностранных дел сообщили Федеральному резерву, что у них не было никаких сведений о том, что за этой покупкой стоят люди со Среднего Востока. Кроме того, нанятые ВССИ эксперты – Клиффорд и бывший советник Федерального резерва Болдвин Таттл – были так убедительны.

Единственное возражение исходило от Сиднея Бейли, представителя финансовых учреждений Виргинии, который отметил, что банком владели несколько иностранных инвесторов через фиктивные компании, зарегистрированные за пределами США. Деньги поступали из небольшого французского банка, действующего от имени ВССИ. Позднее Бейли сказал: «Мне казалось, что мои слова стали гласом вопиющего в пустыне. Федеральный резерв практически не обратил никакого внимания на мое заявление».⁶⁷

В течение 13 лет Клиффорд занимал пост председателя First American Bankshares и юриста ВССИ, но позднее он заявил, что не знал, что ВССИ контролировался этим банком. Элтман также скрыл правду, когда его спросили, занимали ли акционеры First American деньги у ВССИ. Он заявил: «У нас нет доступа к такой информации». Возможно, информация и была в другом месте, тем не менее, ВССИ выдал кредит и Клиффорду, и Элтману, чтобы они могли купить, а затем продать акции ВССИ, что принесло Клиффорду 6,5 миллиона, а Элтману 3,3 миллиона долларов.

First American хорошо знал, как заводить друзей. Он выдал ссуду в миллион долларов Майклу Диверу, чиновнику Белого дома при Рейгане, который впоследствии стал сторонником влиятельных лиц Саудовской Аравии. Банк также выдал кредит консервативному журналисту Роберту Новаку. В совет директоров First American входили лоббист Роберт Грей из Hill of Knowledge (который стремился к укреплению ВССИ в Конгрессе США) и Карл Харрмладший, лоббист военно-воздушного пространства, служивший в Комитете по координации операций Совета национальной безопасности (который курировал секретные операции ЦРУ). У ЦРУ было несколько счетов в ВССИ и First American,⁶⁸ с помощью которых управление перевело, по крайней мере, полмиллиона долларов правительства США панамскому президенту Мануэлю Норьеге.

⁶⁷ Там же, с. 134.

⁶⁸ Beatty and Gwynne, *Outlaw Bank*, p. 118.

Расследование Керри и дело Тампа

Вашингтонский юрист Джек Блум был младшим советником Комитета по международным отношениям Сената США в 1972–1976 годы и в этой должности вел расследования о незаконных внешних выплатах американских корпораций, а также расследования деятельности международной нефтяной промышленности. Ранее он был младшим советником Антитрестового и антимонопольного подкомитета Сената. Он был страстным противником коррупции и многое знал о криминальной деятельности внутри правительства США.

Его наняли в качестве особого советника в Подкомитет по терроризму, наркотикам и международной деятельности Джона Керри для расследования связи между ужесточением закона о наркотиках и интересами внешней политики США. С тех самых пор, как администрация Рейгана подавила разоблачения наркоторговцев с помощью своих протеже из Никарагуанской «Контры», Керри хотел исследовать связь между внешней политикой США и торговлей наркотиками. Но Сенат не дал ему такой возможности. Наконец, в 1987 году он начал слушание по этому делу, продлившееся до 1988 года.

Блум объяснил мне, что «Комитет по международным отношениям рассматривал отношения между торговлей наркотиками и оружием и нашей внешней политикой. Игнорировали ли мы все, что там происходило, чтобы поддержать войну в Никарагуа? Мы коснулись вопроса об отмывании денег». Блум сказал, что он случайно вышел на Ли Рича, который отбыл тюремное заключение в США за торговлю наркотиками. Рич родился во Флориде, но по линии отца был гражданином Каймановых островов. Он признался присяжным: «Раньше я отмывал свои деньги на Каймановых островах. Потом США поумнели, и банкиры посоветовали мне перевести деньги в Панаму. Там, как мне сказали, можно было сотрудничать только с Норьегой. Он направил меня в ВССИ». Сенатор-демократ из штата Джорджия Сэм Нанн, председатель Постоянного подкомитета по расследованиям, получил ту же информацию на своих слушаниях, но проигнорировал ее. Так же поступило и Управление юстиции.

Блум рассказывал: «Мы продолжаем действовать. Я нашел человека, который работал на ВССИ. Я встретился с ним в Майами. Он сказал: “Это их основное направление работы. Они группа преступников”. По его словам, кроме денег, полученных от торговли наркотиками, они управляли личными финансами Норьеге, а банкиры, которые этим занимались, жили в Майами. У Норьеге даже была кредитная карта Visa ВССИ». Эту информацию Блум сообщил суду.

Хосе Бландон, бывший панамский дипломат, настроенный против Норьеге, сказал Блуму, что ВССИ был банком Норьеге и участвовал в крупнейшей криминальной деятельности, включая перевод денег Медельинского картеля. В соседней комнате эти показания слушали федеральные сотрудники таможни, сделавшие запись разговора. Когда представитель таможни Уильям вон Рааб поинтересовался в ЦРУ, что им было известно об этом банке, он получил лживый ответ от заместителя директора Роберта Гейтса. Министр финансов Буша Николас Брейди посоветовал Раабу держаться подальше от этого дела. Рааба отстранили от расследования, а поскольку он продолжил упорствовать, ему приказали подать в отставку.

Блум выслушал точно такую же историю о беззакониях ВССИ от Амджада Авана, возглавлявшего деятельность банка в Латинской Америке и бывшего личным банкиром Норьеге. Аван признался, что у ВССИ были клиенты, нарушившие закон, что банк отмывал деньги, полученные от продажи наркотиков, тайно владел First American Bank и контролировал его.

Тампа (штат Флорида) – солнечный порт в бухте, связанной с Мексиканским заливом, известен своими сигарами ручной работы, креветками и перевозкой фосфатов. Сюда приезжают туристы с западного побережья Флориды, персонал из расположенной поблизо-

сти базы военно-воздушных сил Макдилл и некоторые менее интересные лица. Скандал с ВССИ начался с дела о торговле наркотиками в Тампе. Блум рассказывает: «Мы узнали о готовящихся арестах по делу об отмывании денег (по результатам расследования о торговле наркотиками – операция C–Chase). Мы начали с отмывания денег, но потом зашли гораздо дальше и получили сведения о достаточно обширной криминальной деятельности банка. После этого мы написали отчет и решили, что дело требует дальнейшего расследования. Но Управление юстиции не приняло ни одной улики. Я говорил с ними. У меня был главный свидетель в банке (Аван), готовый дать показания, но они не хотели слушать. Я записывал его показания в течение трех дней с помощью агентов под прикрытием в гостиничном номере в Майами, но правительство не расшифровало запись».

Блум убедил двух бывших служащих ВССИ встретиться с федеральным обвинителем в Тампе. Оба информатора признали тот факт, что ВССИ управлял First American. Федеральные обвинители выдали несколько повесток в суд, но практически ничего не сделали для расследования этих фактов или для передачи данной информации ФБР или другим агентствам. Блум рассказывает: «Они хотели на этом закрыть дело в Тампе и не собирались проводить более широкое расследование. У них уже было дело, и им совсем не хотелось приплетать к нему ничего лишнего. Мнение о том, что остальные факты “лишние”, просто поражало!»

В октябре 1988 года, за месяц до выборов президента США, руководитель банка и восемь его служащих были обвинены в отмывании миллионов долларов для Медельинского картеля. В обвинении ничего не было сказано о Норьеге, который все еще значился в платежных списках ЦРУ – подобные отношения инициировал кандидат-республиканец Джордж Буш-старший, когда возглавлял управление. Блум предупредил Керри, который приобщил к делу сведения об участии Норьеги в торговле наркотиками и его сотрудничестве с ВССИ.

Но Управление юстиции под руководством генерального прокурора Ричарда Торнберга заключило с банком сделку, по которой подсудимые признали свою вину. Пять пакистанских банкиров получили от трех до 25 лет тюремного заключения. Как ни странно, их адвокаты не позволили им заключить сделку о признании вины, что могло сократить срок заключения, но в таком случае была бы обнародована информация о ВССИ. Управление юстиции максимально сократило дело. Оно отказалось воспользоваться законом об инвестировании полученных от рэкета капиталов, призванного помочь в расследовании дела о торговле наркотиков и организованной преступности, что могло привести к конфискации активов банка.

ВССИ был оштрафован на 14 миллионов долларов – примерно столько вложили секретные агенты, прикидываясь торговцами наркотиков! Штаб прокурора США в Тампа согласился не предъявлять банку или каким-либо его филиалам другие обвинения, «находящиеся в процессе расследования или известные правительству в период приведения в исполнение этого соглашения». Управление юстиции даже написало письма органам регулирования штата с просьбой не препятствовать деятельности ВССИ! Благодаря сделке банк продолжил свое существование, а у его служащих, отбывающих тюремное заключение, не было никакого желания болтать лишнее.

Керри критиковал это соглашение как «грустную хронику страны, которая должна воспринимать отмывание денег очень серьезно... Если банки сознательно участвуют в отмывании денег, их необходимо закрыть». Когда Управление юстиции возразило, что ни один закон не позволяет правительству закрывать банки, отмывающие деньги, он создал проект такого закона. Однако этот проект не пропустили республиканцы под предводительством сенатора Оррин Хэтч, который выступил с речью о том, что ВССИ – добропорядочный корпоративный гражданин. Затем Хэтч попросил ВССИ выдать кредит на 10 миллионов долларов своему другу.

Тем временем записи свидетельств о связи First American Bank и ВССИ и о взятках американским должностным лицам исчезли. Блум рассказывал: «Я не сомневаюсь в том,

что федеральные власти намеренно сделали это, чтобы помешать следствию. Единственный вопрос – является ли это результатом коррупции на высшем уровне или же способом скрыть незаконную деятельность правительства». ⁶⁹

Федеральные адвокаты заявили позднее, что официальные представители Управления юстиции сообщили им, что ВССИ – политическое дело, поэтому Вашингтон сам решит, как вести расследование и какие обвинения предъявлять. ЦРУ нужен был криминальный банк, и оно не собиралось устраивать публичный скандал с ВССИ. Когда Керри попытался выяснить, что знает ЦРУ, управление неоднократно искажало или скрывало информацию. Но Блуму удалось обнаружить связи ЦРУ и банка. Он выяснил, что за 1980-е годы ЦРУ подготовило сотни докладов, в которых обсуждались криминальные связи ВССИ (торговля наркотиками, отмывание денег) и незаконный контроль First American Bank. Те, кто были в курсе дел, – бывшие руководители ЦРУ Ричард Хелмс и Уильям Кейси – позднее заявляли, что не имели об этом ни малейшего понятия. ЦРУ прекратило дальнейшее расследование улик в этом деле. Документы были уничтожены, как сообщил один из агентов. ⁷⁰ ЦРУ передало свои отчеты министру финансов Дональду Рейгану, который не дал им никакого хода и не предоставил информацию обвинителям Тампа.

Министерство финансов и Управление юстиции тоже скрывали улики. Согласно докладу члена штаба, представителя штата Нью-Йорк от демократов, Чарльза Шумера, в 1983 году иорданский торговец оружием и контрабандным кофе сообщил таможенным службам о криминальной деятельности ВССИ. В 1984 году Служба внутренних доходов получила информацию об отмывании денег ВССИ от бывшего водителя, работающего в отделении банка в Майами. Но запросы агентов Службы о расследовании деятельности банка были отклонены их руководством. В 1986 году Служба получила сведения из Индии об отмывании денег ВССИ в нескольких странах, но никаких ответных действий не последовало. Агент Управления по борьбе с наркотиками записал показания служащего ВССИ, участвовавшего в мошеннических операциях банка, о том, как он отмывал деньги клиентов. Никакого дальнейшего расследования не было. В отчете Шумера упоминалось о сотнях улик против ВССИ, которыми могли бы воспользоваться федеральные агенты.

Роберт Мазур, детектив таможенной службы, действующий под прикрытием Bank in Тампа, обнаружил, что его предложение об интенсификации расследования угрожает трансфертам банка, поэтому он, раздраженный, перешел в Управление по борьбе с наркотиками. Управление юстиции запретило ключевым свидетелям общаться с Керри и отказалось одобрить повестки в суд, выданные его подкомитетом. Управление попыталось заткнуть рот Мазуру, но в итоге он рассказал подкомитету, что сотни улик о преступлениях ВССИ были проигнорированы, включая Федеральный резерв Пола Волкера. Когда Дейвид Баррис, агент команды по борьбе с наркотиками в Тампе, сообщил представителю Федерального резерва,

⁶⁹ Там же, с. 24.

⁷⁰ В 1980 году, во время пика рейгановской децентрализации, Конгресс снял регулирование с отрасли сбережений и кредитов. Он позволил ссудо-сберегательным компаниям (ССК) инвестировать в рискованную область недвижимости. Кроме того, поднялся лимит страхования по ССК с 40000 до 100000 долларов, хотя типичный сберегательный счет составлял не более 6000 долларов. Конгресс забыл, зачем нужно регулирование. Мошенники открыли офшорные компании и счета; затем они начали выдавать себе и своим друзьям кредиты, которые так и не выплатили. Значительное число криминальных банков располагалось в Техасе, Колорадо и Флориде – во всех штатах, находящихся под влиянием семьи Бушей. Нил Буш, сын Джорджа Буша-старшего, был членом совета директоров Silverado, коррумпированной ССК в Колорадо. Ему предъявили штраф на 50000 долларов и запретили заниматься банковской деятельностью, но он не сел в тюрьму. Другой сын, Джеб Буш (нынешний губернатор Флориды) был партнером строительной компании во Флориде, которая финансировалась просроченными кредитами, выданными Федеральной ССК округа Бровард. Буш и его партнеры настаивали на том, что они не имели к этому кредиту никакого отношения, и им позволили сохранить здания – за счет налогоплательщиков. Администрация Рейгана знала о проблеме с ССК еще в середине 1980-х годов, когда ее решение обошлось бы стране в 20 миллиардов долларов, но она ждала до выборов 1988 года, на которых победил Джордж Буш-старший, и только тогда разоблачила эти аферы и закрыла банки. Оплата долгов ССК 800 банкам обойдется американцам в 500 миллиардов долларов, включая 1 миллиард долларов за Silverado. Это крупнейшее хищение в мировой истории.

что банк, по словам сотрудника ВССИ, контролировал First American и банк в Джорджии, представитель ответил, что не может предпринимать какие-либо действия без документации.

Непрофессиональность? Неумение работать? Или же защита криминального банка с политическими связями? Блум сказал мне: «Когда я только начал разбираться в этом деле, мне показалось все это таким гнусным и запутанным. В чем проблема? В их некомпетентности? Или хуже? Мы никогда не сможем это выяснить». Он отметил: «Все эти люди тесно связаны с командой Буша в Техасе. Значимые лица из Саудовской Аравии играли ключевую роль».

Керри был младшим сенатором, а полномочия его подкомитета по борьбе с терроризмом и наркотиками были ограничены исследованием связей между этими двумя направлениями. Когда подкомитет попытался организовать слушание по делу ВССИ, ему помешали Управление юстиции и Сенат.

Керри не получил поддержку ведущих демократов, которые не хотели раздувать финансовые скандалы, после того как некоторым, в том числе председателю Банковского комитета Дональду Реглу, не понравилось, что их уличили в получении взяток от мошенника Чарльза Китинга, работающего в сфере сбережений и кредитов. Китинг и его компания Lincoln Savings and Loan инвестировали миллионы долларов в Trendinvest – оффшорного спекулянта по валютным операциям. Одним из членов совета директоров Trendinvest был Альфред Хартман, руководитель Banque de Commerce et Placements ВССИ и заместитель председателя Bank of New York—Inter-Maritime Bank, расположенных в Женеве. Банкротство Lincoln Savings and Loan стоило налогоплательщикам 2,5 миллиарда долларов. Желание избежать скандала превзошло коррупцию, поэтому председатель Комитета по международным отношениям, сенатор Клэборн Пелл, прекратил дальнейшее слушание дела.⁷¹

⁷¹ Adams and Frantz, Full-Service Bank, p. 43.

Надзор вполглаза: британские бухгалтеры и Bank of England

Бухгалтеры Price Waterhouse UK помогали поддерживать криминальную деятельность. Люди, руководящие BCCI, были не настолько умны, как им казалось. Он играли 10 миллиардами долларов в депозитах, скупая и продавая валюту, торгуя различными товарами; теряя деньги, они скрывали убытки, фальсифицируя бухгалтерские записи. Они скрывали потери с помощью выдуманных торгов через сети фиктивных компаний, защищенных оффшорной секретностью.

Но к 1986 году Price Waterhouse обнаружила потери на сумму 430 миллионов долларов в торговле товарами – весь наличный капитал банка. По их правилам аудиторы должны были сообщить об этом только управляющим, которые руководили криминальным банком, а не органам правопорядка, которые могли бы защитить вкладчиков или кредиторов. И они ничего не сказали Price Waterhouse в США, которая проводила аудит операций BCCI в Америке.

До 1987 года Price Waterhouse (PW) делила бухгалтерские обязанности с Ernst&Whinney, но эта компания отказалась заниматься аудитом банка, жалуясь на отсутствие доступа ко всем бухгалтерским книгам, в которых отражались операции BCCI по всему миру. Однако, даже будучи единственным аудитором, PW была ограничена законами о конфиденциальности банковской деятельности и не получала информацию о филиалах в оффшорных юрисдикциях, таких как Швейцария. Тогда PW перестала настаивать, даже в самых вопиющих случаях. Записи о кредитах в Лондоне были написаны на языке урду, но когда PW прислала в банк человека, говорящего на этом языке, его не пустили. Аудиторы не настаивали. Когда BCCI отказывался называть личности заемщиков, аудиторы вновь мирились с этим.⁷² Ведь у PW могли возникнуть другие заботы. Ее карибские партнеры взяли кредит в BCCI на сумму более 500000 долларов.⁷³

Несмотря на то что регулятивные органы в других странах выражали беспокойство, PW держала в секрете аферы и кризисы BCCI. Когда компания узнала, что BCCI незаконно приобрел First American Bank через подставных лиц, она не сообщила Price Waterhouse в США. В своих аудиторских заключениях PW представила ложную информацию о том, что бухгалтерские книги BCCI были «правдивыми и безукоризненными».

Тем не менее Price Waterhouse в США должна была все-таки догадаться об истинном положении дел. Роберт Бенч был младшим заместителем инспектора по валютным операциям в министерстве финансов, когда его отправили скопировать доклад ЦРУ по BCCI. Он уволился и перешел работать в PW, чтобы защищать интересы BCCI.⁷⁴ Только в 1991 году Price Waterhouse UK обнародовала всю правду. По запросу Bank of England PW составила секретный отчет «Песчаная буря», в котором детально описывались фальсифицированные записи и фиктивные компании, использование подставных лиц со Среднего Востока, схем Понзи.

Другим доказательством отсутствия надзора над деятельностью банка стала работа комитета, в который вошли представители восьми стран. Он был учрежден в 1987 году Базельским комитетом – центральным клубом крупнейших банков мира, чтобы отслеживать операции BCCI, когда пошли слухи о непонятных сделках и крупных потерях. Комитет был

⁷² Kerry Report, p. 102–40.

⁷³ Truell and Gurwin, False Profits, p. 359.

⁷⁴ Там же, с. 287.

практически бесполезным: он не предпринял никаких действий, даже после того как обвинения, связанные с Тампа, стали известны общественности.

В 1988–1989 годы Bank of England узнал об участии ВССИ в финансировании терроризма и отмывании денег, полученных от торговли наркотиками, но не закрыл ВССИ. В 1990 году, когда Price Waterhouse сообщила Bank of England о мошенничестве ВССИ, банк опять-таки не предпринял никаких действий. Он даже попытался препятствовать сотрудничеству бухгалтеров с агентами окружного прокурора штата Нью-Йорк Роберта Моргентау, который вел единственное серьезное расследование деятельности ВССИ.

В 1990 году центральный банк Англии решил, что для ВССИ было бы лучше переместить свою штаб-квартиру, служащих и бухгалтерские книги из британской юрисдикции в Абу Даби, где кому-то другому пришлось бы волноваться об этом. Когда, наконец-то, были предъявлены обвинения, правительство Абу Даби отказалось предъявить отчеты и протоколы следователям по уголовным делам из США и Великобритании.

Моргентау: ветер переменился не в пользу ВССИ

В 1989 году, заручившись поддержкой Керри, Блум отправился на встречу с окружным прокурором Нью-Йорка Робертом Моргентау. Он работал окружным прокурором штата Нью-Йорк (Манхеттен) с 1975 года и был наиболее влиятельным финансовым криминальным следователем в США. И до сих пор таковым является. Блум сообщил ему об отказе Управления юстиции расследовать причастность ВССИ к отмыванию наркоденог и другим преступлениям. Моргентау начал расследование и столкнулся с огромным количеством препятствий со стороны Управления юстиции, которое отказывалось сотрудничать, давать доступ к свидетелям или делиться информацией. Моргентау даже пришлось отправить факс прокурору США в Тампа с просьбой ответить на его телефонный звонок.⁷⁵ Его главный следователь, Джон Москоу, узнал о записях показаний информаторов Блума. Однако многие месяцы, по словам Москоу, обвинители утверждали, что таких записей не существует.

Но вот Моргентау получил подарок. Председатель комитета по внутреннему контролю ВССИ в Лондоне, Масихур (Артур) Рахман, сообщил своему руководству, что фактические финансы банка были уничтожены мошенничеством и манипуляциями, и подал в отставку. Ему звонили с угрозами убить и его, и его семью. Рахман связался с офисом Моргентау и передал аудиторский отчет Price Waterhouse, в котором сообщалось, что благодаря целой серии фиктивных займов ВССИ стал тайным владельцем First American Bankshares (ныне межштатный банковский холдинг США) ценой в 11 миллиардов долларов.

В мае 1991 года Керри, наконец-то, удалось провести однодневное слушание перед банковским комитетом, который отказался предоставить своих служащих для слушания; Керри воспользовался услугами своих людей. Сенатор Клэборн Пелл оказал услугу своему другу Кларку Клиффорду, отложив выдачу повестки до конца слушания. Управление юстиции приказало ключевым свидетелям не сотрудничать с Керри и отказалось предоставить документы для выдачи повестки. После того как Керри пригрозил, что не даст согласие на избрание Роберта Гейтса директором ЦРУ, официальный представитель Управления дал показания о том, что ЦРУ уже многие годы знает о деятельности ВССИ и имеет счета в банке. Когда Блум рассказал Пеллу, что у него есть доказательства связи ВССИ с First American, Пелл вычеркнул его из платежной ведомости комитета.

Блум сообщил мне, что сторонники банка препятствовали проведению многих слушаний Керри: «Мы позднее узнали, что в период между сентябрем 1988 и июлем 1991 года, когда банк закрылся, ВССИ потратил 26 миллионов долларов на адвокатов и лоббистов, пытаясь продолжить свой бизнес. Они наняли людей, чтобы закрыть расследование». В итоге банковские следователи заинтересовались этим делом и обнаружили, что ВССИ использовал подставных лиц, чтобы купить банки в Америке. В январе 1991 года, после нескольких лет бездействия, несмотря на получение разоблачительной информации о ВССИ, Федеральный резерв приказал провести расследование и выяснить, контролирует ли ВССИ First American. В марте Федеральный резерв объявил, что ВССИ незаконно приобрел 60 % акций First American и приказал банку привести в исполнение план по отделению активов. Позднее резерв заявил, что оштрафует Фараона Гаита на 17 миллионов долларов за его роль в этой афере.

Bank of England в сотрудничестве с правительством Абу Даби и Price Waterhouse пытался реорганизовать ВССИ и скрыть криминальность банка. Но в июне 1991 года Bank of England сообщил Федеральному резерву, что новый аудит Price Waterhouse показал нали-

⁷⁵ В этой главе «Конго» мы называем Демократическую республику Конго (ДРК) – бывший Заир – со столицей в Кишасе, а не Республику Конго, граничащую с ДКР, чьей столицей является город Браззавиль.

чие огромного количества нарушений в ВССІ. Две недели спустя британские регулятивные органы закрыли операции ВССІ в 18 странах и распорядились о строгом надзоре или ограничениях в 44 странах. Семнадцать филиалов в ОАЭ и три отделения в Пакистане, где у ВССІ все еще были влиятельные политические связи, продолжали работать.

Много лет спустя выяснилось, что Bank of England, судя по документам, подозревал об аферах в ВССІ, по крайней мере, в течение семи лет. Иск на 850 миллионов фунтов стерлингов (1,6 миллиардов долларов) по обвинению в преступной халатности, предъявленный ВССІ компанией Deloitte, которая руководила распродажей имущества банка от имени кредиторов, был снят в 2005 году согласно решению Верховного суда Великобритании.

Обвинения

Окружной прокурор Моргентау предъявил серьезные обвинения, касающиеся американских и саудовских сил, стоящих за ВССИ, в то время как Управление юстиции старалось ограничить масштабы судебного преследования лишь обвинением в торговле наркотиками.

В июле 1991 года большое жюри округа Нью-Йорк вынесло обвинение по делу ВССИ, его филиала ICIC на Каймановых островах (на самом деле туда входили несколько компаний, включая Международную кредитно-инвестиционную компанию и Международную кредитно-коммерческую компанию) и шести лиц, включая Абеди, Клиффорда и Элзмана. Банк обвинили в использовании многомиллиардной схемы обмана вкладчиков, фальсифицировании банковских записей с целью сокрытия незаконных денег и хищении капитала на сумму более 30 миллионов долларов. Банк был признан криминальным предприятием, чья корпоративная стратегия предусматривала поиски путей оттока капитала, черных рынков капитала и прибыли от торговли наркотиками.

Клиффорд и Элзман были признаны виновными в присвоении миллионов долларов в виде фиктивных кредитов, махинациях с акциями и получении гонораров за мнимые юридические услуги, а также в том, что Калид бен Махфуз украл у банка примерно 300 миллионов долларов. Также были признаны виновными Фараон Гаит и Фаисал Сауд Эль Фулаидж, бывший председатель Кувейтских авиалиний. Камал Адхам согласился сотрудничать со следствием.

Итоги расследования Моргентау вынудили Федеральный резервный банк Нью-Йорка (не Федеральный резерв Волкера в Вашингтоне, который позволил подставным лицам ВССИ приобрести First American) принять меры по закрытию ВССИ. Джон Москоу, возглавлявший расследование Моргентау, убедил Джеральда Коррига, президента Федерального резервного банка, в том, что ВССИ ведет незаконную деятельность и должен быть закрыт. Федеральный резерв оштрафовал ВССИ на 200 миллионов долларов и принял меры по отстранению его акционеров (включая Фараона Гаита, Камала Адхама и Фаисала Сауда Эль Фулаиджи) от участия в банковской деятельности США. Он также оштрафовал бен Махфуза на 170 миллионов долларов.

И, наконец, в августе Федеральное большое жюри в Тампа предъявило обвинения Сва-леху Накви и пятерым другим служащим ВССИ, а также известному колумбийскому наркобарону Джерардо (Дон Чепе) Монкада, но не Абеди или самому банку. Оно обратило все свое внимание только на отмывание денег от продажи наркотиков и на связь между банком и Норьегой (который уже не считался другом Америки), а не на преступления против вкладчиков банка.

Большое жюри использовало в основном информацию, полученную в результате операции C-Chase, затронуло несколько руководителей ВССИ, но проигнорировало улики, свидетелей и доказательства, которые раскрыли бы масштабную преступную деятельность банка (даже подкуп законодательных органов штата Джорджия) или то, что ЦРУ, Рейган и Буш незаконно пользовались услугами ВССИ. Генеральный прокурор Уильям Барр, заменивший на этом посту Торнбурга, раньше работал на ЦРУ. ВССИ признал себя виновным в сотрудничестве с Медельинским картелем с целью отмывания 14 миллионов долларов, полученных от торговли кокаином.

В октябре 1991 года помощник генерального прокурора Роберт Меллер III курировал вынесение обвинения федеральным большим жюри Клиффорду и Элзману за соучастие в заговоре с целью обмана руководства Федерального резерва, введя его в заблуждение по поводу связи между ВССИ и First American, препятствуя расследованию Федерального резерва и предоставляя ему ложную информацию о кредитах, выданных ВССИ акционе-

рам First American, включая кредиты, которые брали сами адвокаты из Вашингтона. Однако Меллер не стал преследовать бен Махфуза и других арабов из нефтяных стран с могущественными связями. И он не подтвердил обвинение Моргентау в том, что ВССИ был криминальным банком с 1972 года. Или в том, что банк потратил миллионы долларов на взятки крупнейшим банкирам и другим представителям финансовой элиты в десятках развивающихся стран. Он так и не допросил всех свидетелей, которые знали о деятельности ВССИ, и не убедил ЦРУ раскрыть имеющуюся у него информацию.

Согласно докладу Керри, Управление юстиции неоднократно препятствовало расследованию – его собственному и Моргентау. Управление обманывало и других следователей, игнорировало доказательства отмыwania денег и отказывалось предоставлять документы или свидетелей, которые могли вывести на друзей Буша.

В ноябре Управление юстиции объявило о признании банка ВССИ, Абеди, Накви и Фараона виновными. Опять же обвинение ограничивалось незаконным приобретением акций двух банков в Калифорнии и Майами.

Наконец, в декабре 1991 года Управление предъявило банку серьезное обвинение, и в тот же день ВССИ признал себя виновным в рэке, включая отмыwanie денег и незаконное приобретение First American и других американских банков. Он согласился выплатить 550 миллионов долларов в американские фонды, часть которых пойдет в «фонд жертв», а часть в помощь First American и Independence Bank. Штраф в 10 миллионов долларов будет выплачен штату Нью-Йорк. Но только один из обвиняемых был арестован, во Франции, а остальные оказались в полной недостижимости на Среднем Востоке и в Пакистане.

Расследование Моргентау продолжилось. В июле 1992 года большое жюри Нью-Йорка предъявило обвинения Калиду бен Махфузу и его помощнику в хищении у ВССИ и его вкладчиков 300 миллионов долларов и в использовании денег вкладчиков для покупки акций банка. Федеральный резерв США подтвердил, что бен Махфуз нарушил нормативные акты, регулирующие банковскую деятельность. Но он находился в Саудовской Аравии и не был подвластен американскому уголовному праву, поэтому Моргентау отказался от обвинений в 1993 году, после того как бен Махфуз согласился выплатить 225 миллионов долларов. Кроме того, совместно с Национальным коммерческим банком он заключил сделку с кредиторами ВССИ о выплате 253 миллионов долларов, чтобы удовлетворить их требования. Камал Адхам, бывший глава Саудовской разведки, согласился выплатить штраф на сумму 105 миллионов долларов. В итоге общая сумма штрафов превысила 1,5 миллиарда долларов, но это была лишь крупица исчезнувшей суммы, и никто не сел в тюрьму. Управление юстиции вообще не стало преследовать бен Махфуза, друга семьи Буша и источника денег.

Кларк Клиффорд избежал суда с помощью «защиты Пиночета», сославшись на свое здоровье. Элтман выпутался, убедив лежковерных присяжных в том, то он, чье состояние оценивалось миллионами долларов наличными и в акциях, просто не знал, кому принадлежал на самом деле этот банк. Клиффорд умер в 1998 году в возрасте 92 лет. Элтман все еще практикующий адвокат, живет в Потомаке, в пригороде Вашингтона (штат Мериленд), с женой Линдой Картер, актрисой, знаменитой по фильму 1970-х годов «Чудесная женщина» (Wonder Woman).

Что произошло с миллиардами долларов, выкачанными из ВССИ, которые так и не были возвращены вкладчикам? Участие международных банков в секретной оффшорной системе помогло эффективно скрыть следы этих денег. Но годы спустя после развала ВССИ Калид бен Махфуз все еще располагал огромными наличными средствами, и бывший финансист Джорджа Буша-старшего стал финансистом Осамы бен Ладена. В 1992 году бен Махфуз учредил фонд «Мувафак» («благословенное утешение») на оффшорных Каймановых островах, снабдив его 30 миллионами долларов. Министерство финансов США назвало это «под-

ставной компанией Аль-Каиды, которая финансируется за счет богатых саудовских бизнесменов».

Национальный коммерческий банк Саудовской Аравии с капиталом 21 миллиард долларов, которым владел бен Махфуз, был крупнейшим частным банком в мире. Он был филиалом Inter-Maritime Management SA, отделения Bank of New York – Inter-Maritime Bank in Geneva. Как ни странно, другой межгосударственный филиал, Unimags Trading, делил женеvский адрес с SICO – Саудовской инвестиционной компанией под руководством Йеслама бен Ладена. SICO является холдинговой компанией Saudi inladen Group (SBG), крупнейшей строительной компанией на Среднем Востоке, действующей через сеть оффшорных предприятий под руководством большой семьи бен Ладенов. Йеслам – сводный брат Осамы бен Ладена.

В 1998 году США указали Саудовской Аравии на то, что Национальный коммерческий банк финансировал деятельность Осамы бен Ладена в Афганистане и Чечне. Калид бен Махфуз был членом совета директоров Dar al-Mal al-Islami (DMI) – Финансового Ома ислама, базирующегося в Женеве банка, который распределял субсидии королевской семьи в мусульманском мире. DMI, основанный в 1981 году, с капиталом 3,5 миллиарда долларов, также имел связи с семьей бен Ладенов: одним из 12 членов совета директоров был Хайдар Мохаммед бен Ладен, сводный брат Осамы.

Действительно, подобные связи весьма интересны. Президент DMI, Мохаммед Эль Фаисал, был также инвестором и членом совета директоров al-Shamal Bank, в котором размещались счета членов Аль-Каиды. Во время дачи показаний на суде над подозреваемыми в организации нападения на посольства США в Кении и Танзании в 1998 году осведомитель Аль-Каиды, Ессам Эль Риди, рассказал о том, как бен Ладен перевел 230000 долларов из al-Shamal Bank в Аризонский банк, чтобы купить самолет для переправки ракет ближнего действия из Пакистана в Судан. Более того, DMI Эль Фаисала был основным акционером al-Taqwa, фиктивного банка в Нассау, которым пользовалось ЦРУ.

В 1999 году во время расследования нападений на посольства США в Африке американские следователи обнаружили подозрительные переводы десятков миллионов долларов из Национального коммерческого банка в «благотворительные» организации, как считалось, чтобы перечислять деньги Осаме бен Ладену. Некоторыми из этих «благотворительных» организаций руководили члены семьи бен Махфуза. Саудовская Аравия провела аудит, который подтвердил переводы денег бен Ладену.

В общей сложности из Национального коммерческого банка пропали 2 миллиарда долларов. Бен Махфуза заключили под домашний арест и заставили продать свои акции. Но деньги все еще поступали бен Ладену. К хроникам халатности Сената и комитетов по разведке можно добавить тот факт, что они не стали расследовать причастность ЦРУ и представителей саудовской разведки к деятельности банка, который финансировал незаконную торговлю наркотиками и оружием и терроризм. Большинство членов Конгресса тоже не проявили к этому никакого интереса. В отчете подкомитета Керри 1992 года сообщалось, что Белый дом знал и о криминальной деятельности ВССИ, и о том, что ЦРУ предоставляло ложную информацию следователям Конгресса, и о том, что ВССИ постоянно давал взятки государственным деятелям США. За исключением демократов Шумера (Нью-Йорк) и Генри Гонзалеса (Техас), которые составляли разгромные доклады, Конгресс не выражал практически никакого интереса.

Если бы руководство Конгресса поддержало предпринятые расследования, возможно, удалось бы найти ответы на вопросы, поставленные в отчете Керри: о ВССИ и влиятельных лицах Америки, включая отношения с покойным директором ЦРУ Уильямом Кейси; об использовании ВССИ центральными фигурами «Октябрьского сюрприза» (дело о взятках, которые Рейган и Буш давали иранским военным, чтобы они удерживали у себя американ-

ских заложников до президентской гонки между Картером и Рейганом в 1980 году); о финансовых сделках между директорами ВССИ и мошенником ссудо-сберегательной отрасли Чарльзом Китингом и его фиктивными компаниями и об инвестициях в недвижимость в США крупнейшими акционерами ВССИ.

В докладе также был поставлен вопрос о международных операциях банка, включая масштаб его участия в пакистанской ядерной программе; манипуляции рынками товаров и ценных бумаг в Европе и Канаде; связях ВССИ с осужденным иракским торговцем оружием Саркисом Саркеналианом, сирийским торговцем наркотиками, террористом и торговцем оружием Монзером Эль Кассаром, а также другими крупными торговцами оружием; о финансировании товарных и других бизнес-сделок международного криминального финансиста Марка Рича; о продаже филиала ВССИ женеvского *Banque de Commerce et Placement* турецкой *Sukorova Group*, которая владела организацией, связанной с отделением итальянского банка BNL в Атланте, причастного к продаже оружия Саддаму Хусейну. Подкомитет Керри заявил, что не мог бы ответить на подобные вопросы без документов, в доступе к которым ему отказали чиновники в США, Великобритании и Абу Даби. Многие документы, которые находились в распоряжении банка, были уничтожены: после того как было начато расследование, и пакистанские руководители сбежали, на огнестойких складах Лондона, где хранились отчеты и записи ВССИ, произошли семь пожаров. В одном из них погибли четверо пожарных. Обвинения так никому и не были предъявлены.

Глава 5

Высокая цена дешевых мобильных телефонов

Кетлин Керн

Гражданская война в Конго стала причиной гибели 4 миллионов человек за последние десять лет – это раздор, начатый западными транснациональными компаниями в поисках дешевых поставок колтана и других минералов.

Больница города Гома располагает одной палатой для жертв насилия, ждущих операцию, и одной палатой для послеоперационного восстановления. В предоперационной палате я держала на руках годовалую девочку, замороженную бледным электрическим светом, уставленной на растяжке. Она выгнула спину и протянула руки, стараясь обнять этот новый увлекательный мир, не замечая жестокости, которую преподнесла ей жизнь.

Ее мама сказала мне, что назвала ребенка Эстер. Сжимая свои груди, она призналась, что у нее нет молока. Она не сказала, какая операция ей предстояла. Может, ее насильник (или насильники) «наградили» ее свищем, разорвав стенку между прямой кишкой и влагалищем пенисом, ружьем или мачете. Возможны также сотни других ран. Мы видели фотографии женщин, которым стреляли во влагалище, сыпали соль в глаза, пока они не слепли (и таким образом не могли опознать нападавших), сжигали или ампутировали конечности после изнасилования.

Неделей раньше мы посетили в Букаву офис правозащитной организации, где нам показали кровавые фотографии недавней резни в соседней деревне Каниола. Нападавшие были членами милиции Interahamwe, которые организовали геноцид в Руанде. Они убивали своих жертв ножами или сжигали их, чтобы ружейные выстрелы не услышали миротворцы ООН на соседней базе. Сотрудник этой организации, показывавший нам снимки, недавно сменил на посту предыдущего директора Паскаля Кабунгулу Кимбембе, убитого в начале года перед собственным домом офицером конголезской армии.⁷⁶

Это пещерное варварство, охватившее восточный Конго, – следствие мировой потребности в современных товарах (мобильных телефонах, ноутбуках и музыкальных центрах), в производстве которых используется минерал колтан (производное от колумбита и танталита). Дело в том, что 80 % известных мировых запасов колтана находятся в Конго, который стал для американских военных столь важным в стратегическом плане регионе, как и Персидский залив.⁷⁷ Но потребность в золоте, алмазах, меди, цинке, уране, кобальте, кадмии,

⁷⁶ Свидетельство во время слушаний в Конгрессе, проведенных членом палаты представителей Синтией МакКинни 16 апреля 2001 года, www.house.gov/mckinney/news/pr010416.htm.

⁷⁷ По данным Международного комитета спасения от 2004 года, примерно 3,9 миллиона человек погибли с 1998 года из-за нестабильности в регионе: 38000 смертей регистрируются в Конго каждый месяц, что считается «нормой» для этой страны, то есть 1250 смертей каждый день. Более 70 % этих смертей, большинство которых можно было легко предотвратить благодаря медицине, приходится на незащищенные восточные провинции. «Менее 2 % смертей связаны напрямую с насилием», – отмечает Ричард Дж. Бреннан. «Тем не менее, если бы не такие жестокости, как незащищенность и отсутствие помощи, уровень смертности снизился бы практически до нормальных показателей». Британский медицинский журнал Lancet подтверждает статистику Международного красного креста, согласно которой в период с 1998 по 2004 год отмечены 3,9 миллиона смертей, связанных с войной. Журнал также отмечает, что каждые несколько месяцев «волна смертей, равная двум цунами Юго-Восточной Азии [имеется в виду катастрофа декабря 2004 года], проходит по территории страны». Lancet заявляет, что высокий уровень смертности постоянен. Первая статья, в которой обсуждался процесс сбора статистических данных Lancet и Красного креста: Benjamin Coghlan, Richard J. Brennan, Pascal Ngoy, et al, Mortality in the Democratic Republic of Congo: A Nationwide Survey, Lancet 367 (January 7, 2006), www.thelancet.com.

древесине и других ресурсах, которыми богат Конго, также сыграла свою роль в холокосте, охватившем страну в последнее десятилетие.

Холокост на экваторе

С 1996 года примерно 4 миллиона человек погибли в Демократической республике Конго (бывшем Заире), будучи прямыми или косвенными жертвами гражданской войны.⁷⁸ Никакой другой конфликт со времен Второй мировой войны не приводил к подобному истреблению. После геноцида в Руанде в 1994 году солдаты народности хуту из армии Руанды и милиция хуту Interahamwe, которые были ответственны за массовые убийства, бежали в Конго вместе с гражданскими хуту, которых было более миллиона. Президент Пол Кагаме, представитель народности татси, отправил войска Руанды в Конго в 1996 году, утверждая, что хуту за границей представляли собой угрозу безопасности Руанды. Армия убила сотни гражданских лиц хуту, которые укрылись в Конго, когда Кагаме пришел к власти. В 1997 году Руанда, Бурунди (правительство которого тоже было из татси) и Уганда отправили свои войска в помощь конголезским повстанцам под предводительством Лорента Кабилы, который пытался свергнуть заирского диктатора Мобуту Сесе Секо.⁷⁹ Из-за военных действий мирным жителям пришлось покинуть свою землю и перебраться на рудники, где они добывали золото, алмазы и колтан, чтобы выжить.

В 1997 году повстанцы свергли Мобуту и заменили его Кабиллой. Ссылаясь на покушение на его жизнь и уничтожение беженцев хуту руандской армией, Кабила в 1998 году изгнал из Конго военных Руанды и Уганды. Однако Руанда вновь вторглась в страну, чтобы преследовать хуту, якобы угрожающих ее безопасности. Уганда в ответ попыталась подавить угандийское восстание на территории Конго, образовав буферную зону, подобную той, которую создал Израиль, когда бомбил, а затем оккупировал южный Ливан в 1980-е годы.⁸⁰ Планируя это вторжение, руандский президент Кагаме и угандийский президент Йовери Мусевени договорились поставить нового президента в Конго, сохраняя контроль над восточной частью страны, близ их границ. Кабила призвал на помощь Анголу, Намибию и Зимбабве, и в 1998 году восточный Конго оказался втянутым в бесконечную войну. Уганда контролиро-

⁷⁸ В 1961 году США поставили президентом Конго Мобуту, который с помощью Америки и Бельгии убил Патриса Лумумбу, первого премьер-министра Конго/Заира, после того как Бельгия предоставила стране независимость. Лумумба был популистом, который не хотел попадать под влияние ни США, ни Советского Союза. После того как он публично заявил о том, что ресурсы Конго должны приносить пользу конголезцам, алмазная корпорация DeBeers испугалась, что потеряет доступ к алмазам Конго; намерения Лумумбы, несомненно, ускорили его гибель. Как только Лумумбу убрали с дороги, действующий премьер-министр Адула одобрил сделку с представителем DeBeers Морисом Темпелсменом и передал эту новость президенту США Джону Кеннеди. В меморандуме министерства иностранных дел от 1961 года «Соглашение по алмазам Конго» говорится о том, что США должны поддержать это предложение: *How US Foreign Policy over Decades Was Influenced by the Diamond Cartel*, www.minesandcommunities.org/Company/diamonds1.htm. На этом сайте можно найти частичную расшифровку обсуждения от 6 апреля 2001 года, проведенного конгрессменом Синтией МакКинни, во время которого Джанин Фаррелл Робертс давала показания. Исследование Робертс можно найти в книге *Blood-Stained Diamonds: A Worldwide Diamond Investigation* (Bristol: Impact Media, 2001). В последующие десятилетия Мобуту грабил страну так же, как бельгийцы до него, размещая миллиарды долларов в иностранных банках. Темпелсмен и его команда помогали Мобуту управлять Конго/Заиром и обеспечили ему финансирование из США. Тем не менее, Мобуту стал ограничивать западным странам доступ к ресурсам Конго, что также могло стать причиной того, что США поддержали Кабилу, Руанду и Уганду, намеревавшихся свергнуть Мобуту. Темпелсмен является крупнейшим донором Демократической партии. Во время президентства Билла Клинтона он несколько раз останавливался в Белом доме и плавал на яхте вместе с Клинтонами, когда они отдыхали в Martha's Vineyard. Susan Schmidt, *Tempelsman Plan Got the Ear of U.S. Aides*, *Washington Post*, August 2, 1997.

⁷⁹ Madeleine Drohan, *Making a Killing: How and Why Corporations Use Armed Force to Do Business* (Guilford, Conn.: Lyon's Press, 2004), pp. 302–3.

⁸⁰ «Отчет Совета экспертов о незаконной добыче природных ресурсов и эксплуатации других богатств Демократической республики Конго», 2001 г., www.un.org/Docs/sc/letters/2001/357e.pdf; Asad Ismi, «Congo: The Western Heart of Darkness», *Canadian Centre for Policy Alternatives Monitor*, October 2001, опубликовано на веб-сайте организации «Месторождения и общины»: www.minesandcommunities.org/Country/congo1.htm.

вала северную территорию, а Руанда южную. Солдаты Руанды, Бурунди и Уганды грабили банки, заводы, фермы и зернохранилища в регионе, увозя их содержимое в свои страны.

Правительство Руанды завладело семилетними запасами колтана Конго (примерно 1500 тонн), перевезя их в Кигали в 1998 году.⁸¹ В то время колтан стоил 18 долларов за фунт (40 долларов за килограмм). В последующие годы военные силы Руанды, используя заключенных, систематически вывозили колтан из восточного Конго в Руанду. В январе 2000 года на международном рынке колтан стоил 30 долларов за фунт, а к декабрю того же года – уже 380 долларов. (Нехватка колтана привела к нехватке Sony PlayStation 2 в рождественский сезон 2000 года). Так как для добычи руды нужны только кирка и лопата, военная, политическая и корпоративная элиты могли получить огромную прибыль, эксплуатируя руандских заключенных или обедневших конголезцев.

Брат угандского президента Мусевени Салим Салех руководил тремя авиалиниями, которые он отдавал в аренду угандским военным, позаботившись о том, чтобы с их помощью, а также с помощью конголезских повстанцев и дельцов его самолеты возвращались в Уганду, полные золота, древесины и кофе. Он также получал прибыль от торговли колтаном и сотрудничал с ливанским бизнесменом Кхалилом Назимом Ибрахимом, вывозя алмазы из страны (группа «Виктория») – без налогов, лишая тем самым Конго столь необходимого ему дохода.

Экспортная история Уганды показывает масштабы хищений. С 1996 по 1997 год производство колтана в Руанде удвоилось, принося ей и ее конголезским союзникам ежемесячно 20 миллионов долларов.⁸² Правительство Руанды заявляло, что страна производила весь колтан, идущий на экспорт, – 1440 метрических тонн в год. Однако в отчете группы экспертов ООН за 2001 год (о котором мы поговорим позже) приводится официальная правительственная статистика, которая показала, что страна производила 83 метрических тонны в год.⁸³

В Руанде нет алмазных рудников, но экспорт алмазов страны увеличился с 166 каратов в 1998 году до 30500 в 2000. В 1999 году Уганда не производила колтан, однако экспортировала 69,5 тонн этой руды. В 2000 году Уганда получила более 1,25 миллиона долларов за экспорт алмазов, хотя в стране нет алмазных рудников. Производство золота в стране составило 0,0044 тонны, но на экспорт ушло 10,83 тонны.⁸⁴

Перемирие, подписанное в 2002 году, оставило президента Джозефа Кабилу, который заменил своего убитого отца, у власти. Его вице-президентами были четверо военачальни-

⁸¹ Небольшие колтановые залежи разрабатывались некоторое время в Руанде, Бурунди, Уганде и Заире, где он часто был побочным продуктом оловянной руды в промышленной добыче олова: Pole Institute, *The Coltan Phenomenon: How a Rare Mineral Has Changed the Life of the Population of War-Torn North Kivu Province in the East of the Democratic Republic of Congo*, January 2002, www.pole-institute.org/documents/coltanglais02.pdf.

⁸² Указания Парламентской группы по регионам Великих озер и предотвращению геноцида «Незаконные минералы и конфликт», март 2003 г., www.appggreatlakes.org/cgi-bin/site/index.cgi?back=&pid=27&keywords=&topic=Briefing_Papers. См. также официальный ответ Руанды в «Отчете Совета экспертов», 2001 г.: [at www.gov.rw/government/04_22_01news_Response_To_UN_Report.htm](http://www.gov.rw/government/04_22_01news_Response_To_UN_Report.htm).

⁸³ «Отчет Совета экспертов», 2001 г. См. также кн.: Dena Montague and Frida Berrigan, «The Business of War in the Democratic Republic of Congo», *Dollars and Sense*, July/ August 2001. В отчете отражается расхищение ресурсов политическими, военными и коммерческими интересами Конго и Зимбабве и отмечается, что эта сеть перевела 5 миллиардов долларов в активах из горнодобывающего сектора государства в частные компании. С 1998 по 2000 годы ни один из этих переводов не обогатил казну Конго. В отчете отмечается, что голод и высокий уровень смертности в районах, контролируемых правительством, обусловлены оттоком ресурсов из государственных компаний, таких, как Gécamines, прибыль от которых шла коррумпированным чиновникам в Зимбабве и Конго.

⁸⁴ «Отчет Совета экспертов» 2001 года о хищениях в Конго заставляет усомниться в заявлениях Руанды о том, что она вторглась в Конго ради собственной безопасности. Совет располагал письмом от 26 мая 2000 года, в котором высшее военное командование КДО-Гома (конголезской милиции, пользующейся поддержкой Руанды) призывало свои подразделения наладить хорошие отношения с их «братьями» из Interahamwe. 30-летний боец Interahamwe, живущий в Букаву, сообщил сотруднику ООН в 2002 году: «Мы не часто воевали с Патриотической армией Руанды за последние два года. Мы думаем, они устали от этой войны, как и мы. В любом случае они находятся здесь, в Конго, не для того чтобы преследовать нас, как они притворяются. Мы знаем, что они добывают здесь золото и колтан и видим, как они грабят население».

ков, чьи солдаты устроили погром в Конго. В последующие годы Руанда и Уганда продолжали свои набеги на страну. Руанда отправила 6000 солдат в восточный Конго в декабре 2004 года, якобы для умирения повстанцев хуту, которые угрожали ее безопасности.⁸⁵ Войска Руанды устроили бойню в провинции Северного Киву, сжигая и расхищая все на своем пути. Наша делегация видела результаты этого мародерства в университетском городке Букаву почти год спустя, когда мы посетили ассоциацию студентов. Молодой человек показал нам пустые комнаты, заметив, что все – мебель, компьютеры, телефоны и факсы – было украдено солдатами Руанды. В ответ на протесты студентов против нарушения гражданских прав руандские военные и поддерживающая их конголезская милиция напали на их студенческий центр.

⁸⁵ В слушании от 16 апреля 2001 года конгрессмен Синтия МакКинни изучила обвинения, предъявляемые Кагаме за организацию убийства президентов Руанды и Бурунди 6 апреля 1994 года: их самолет был сбит ракетой «земля-воздух», предоставленной США через Уганду. Камерунский журналист Чарльз Онана сделал схожие заявления в своей книге «Секреты геноцида в Руанде» (The Secrets of the Rwanda Genocide). Кагаме подал на него в суд за клевету, но парижский суд принял решение в пользу Онана. Благодаря хорошим отношениям с тутси на западе страны после геноцида в Руанде Кагаме получил свободу действий на вопиющие нарушения прав человека (примерно так же мир не призывает Израиль к ответу за нарушение прав человека из-за попытки немцев уничтожить всех евреев во время Второй мировой войны). Конголезцы ненавидят это снисходительное отношение к Руанде. В гостинице в Гома, где остановилась наша делегация, менеджер, обнаружив наше стремление разобраться в причинах жестокости в регионе, сказал нам: «Тутси жестокие люди». Затем он рассказал о зверствах, совершенных тутси в Руанде до геноцида.

Изнасилование как орудие войны

Впервые я приехала в восточный Конго в октябре 2005 года как член Христианской миротворческой команды для изучения возможностей реализации проекта противодействия насилию, который наша команда уже апробировала на Среднем Востоке и в Америке. Мы быстро поняли, что в Конго нас ожидают такие трудности, с которыми нашей организации еще никогда не приходилось сталкиваться. Мы обнаружили, что мировая общественность, включая нашу церковь, ничего не знает о массовых изнасилованиях, практикующихся всеми вооруженными группировками. Желая придать этот факт гласности, мы обращали на него внимание тех пасторов и гражданских лидеров, с которыми встречались, чтобы укрепить хрупкий социальный порядок в их разоренной стране.

Для многих конголезских женщин изнасилование (зачастую в присутствии семьи) – лишь начало мучений. Насильники инфицируют от⁸⁶/4 до⁸⁷/3 женщин ВИЧ, поэтому близкие изнасилованных, считая их «заразными» (даже если это не так), вывозят несчастных вместе с детьми из деревни. Иногда они разрешают женщинам остаться, если они убьют детей, родившихся в результате изнасилования. А те, которых не убивают, часто становятся беспризорными – феномен, которого, по словам некоторых конголезцев, не существовало до 1996 года.

Лишенные социальной поддержки, многие женщины вынуждены сами кормить себя и своих детей. Мы видели их в каждом районе, куда приезжали: согнувшись пополам, они тащат на себе тяжелые поклажи с продуктами или строительными материалами, привязывая их к себе ремнями, которые глубоко врезаются в их лбы. Конголезские церкви и общественность пытались обеспечить медицинскую помощь, консультации и профессиональное обучение выживших после изнасилования, а также снять с них клеймо изгоев. Но изнасилованных и изгнанных женщин слишком много, чтобы эти попытки закончились успехом. По данным Женского фонда ООН и групп по защите прав человека, сотни тысяч женщин и девушек были изнасилованы с 1998 года, большинство из которых боялись заявить об этом, страшась пересудов. Глава женской организации в Букаву сообщила нам, что в 2004 году небольшой грант, предоставленный датской лютеранской церковью, позволил ей помочь 1200 изнасилованным женщинам в данном регионе. Ей пришлось закрыть программу, когда деньги закончились, и теперь она не может даже просто документировать факты изнасилования.

На востоке Конго изнасилование как орудие войны привело к более серьезным последствиям для всех жителей. Так как вооруженные группировки часто нападают на женщин, работающих в поле, многие из них стали бояться выходить из дома. В результате люди, живущие на плодородных землях, где урожай снимают круглый год, вынуждены голодать.

Жестокость вооруженных группировок передалась и мирному населению. «Что-то сломалось в нашем обществе», – сказала мне Жанна Мулири-Кабекатио, глава Протестантского женского общества в Северном Киву. Ее организация записывает сведения об изнасилованиях и сексуальных нападениях, немыслимых до войны. Она рассказала нам о девочках – некоторым было не больше 18 месяцев – изнасилованных соседями, братьями, водителями такси и учителями. В ответ ее организация научила 36000 детей противостоять насилию, а их родителей – оберегать своих дочерей, не позволять им ходить куда-либо одним или оставаться наедине с мужчиной, даже своим учителем.

⁸⁶ Montague and Berrigan, «The Business of War».

⁸⁷ McKinney hearing, April 16, 2001.

Некоторые истории произвели на нее особое впечатление. Одна молодая женщина родила мертвого малыша через день после смерти своего трехлетнего ребенка. Труп новорожденного еще оставался в доме, когда в него ворвались пятеро вооруженных мужчин, а ее муж сбежал. Она была слишком слаба, чтобы сопротивляться насильникам. Ей понадобились пять операций, чтобы выжить, но у нее больше никогда не будет детей. А ее муж женился на другой.

Была еще девочка, изнасилованная двумя братьями и их отцом. Когда ее мать поняла, что дочка беременна, она отправила ее к тем, кто ее изнасиловал, сказав, что теперь они должны о ней заботиться. «Сейчас девочка психически больна и не выносит, когда кто-то до нее дотрагивается», – сообщила нам Мулири-Кабекатио. «Мы не можем предъявить обвинения насильникам, потому что она онемела. Она в ужасающем состоянии».

Рассказав нам эти истории, она помолчала и сказала: «От этого можно сойти с ума».

На фоне миллионов умерших от голода и болезней, на фоне продолжающейся резни, несмотря на присутствие 15000 миротворцев ООН, на фоне того, что государственные служащие уже десять лет не получают зарплату, эти сотни тысяч изнасилований практически незаметны.

Участие Запада в конголезских войнах

Жители Запада, рассказывающие подобные истории, должны помнить о том, что мы извлекали выгоду из колониализма, который представлял африканцев дикарями. Долгое время люди из Первого мира судили об африканцах главным образом по их жестокости, например, геноциду в Руанде или «семейной порнографии», или облепленным мухами детям со вздувшимися животами.

Мы спрашивали пасторов, правозащитников и активистов женского движения, которые работали с жертвами изнасилований, как именно следует рассказать эти истории. Большинство согласилось с тем, что ситуация настолько тяжелая, что было важнее всего просто как можно больше рассказывать об этом. «Христос учил, что надо говорить правду до самой смерти», – сказала директор женской организации в Гома. Однако, по ее мнению, если мы хотим добиться справедливости, то должны рассказать о том, как западные компании наживаются на бедствиях Конго. «С нами обращаются так, как будто мы – всемирная мусорная корзина», – сказала она, имея в виду огромное количество поставляемого в регион оружия. Правительство Руанды использует военную поддержку США для снабжения армии Конголезского демократического объединения (КДО-Гома), которая зверствует в восточном Конго. США также финансирует президента Кабила и его конголезскую армию, которая воюет с КДО. Представитель правозащитной организации CODHO рассказывал нашей делегации об «англоязычном заговоре» США, Великобритании и Южной Африки, нацеленном на поставку оружия милиции и армиям. Так они способствуют дестабилизации региона, обеспечивая себе доступ к богатейшим ресурсам Конго.

Практически все конголезцы, с которыми мы встречались, отмечали этот фактор, считая его ключевым в создании отчаянной ситуации в Конго и сравнивая с «заряженным пистолетом» в руках Запада. Руанда и Уганда, возможно, и ведут себя как разбойники, но средствами для насилия и грабежа их снабжают транснациональные корпорации Первого мира.

На слушаниях в Конгрессе США 6 апреля 2001 года конгрессмен США Синтия МакКинни раскрыла причастность западных стран раздуванию конфликта в регионе и присутствие корпоратократий практически на каждой его стадии. Руандский президент Пол Кагаме обучался военным наукам в США, в Форте Ливенворт в 1990 году.⁸⁸ Америка применила силу, чтобы помешать миротворцам ООН вступить в Руанду и прекратить геноцид в 1994 году, предоставив стране 75 миллионов долларов на закупку вооружения, когда Кагаме пришел к власти.⁸⁹ Спецназ США стал тренировать руандскую армию в 1994 году, за три месяца до 6 апреля, когда в самолеты с президентами Руанды и Бурунди была пущена ракета – событие, которое привело к геноциду в Руанде. Обучение, проводимое спецназом, включало борьбу с повстанцами, военные действия, психологические операции и инструктирование о том, как воевать в Заире.⁹⁰ В августе, до приказа о вторжении в 1996 году, Кагаме посетил Пентагон, чтобы получить одобрение США. Солдаты Руанды и Уганды, прошедшие подготовку в Форте Брэгг, участвовали во вторжении 1996–1997 годов с целью свержения Мобуту.⁹¹ По некоторым данным, военное предприятие Brown and Root, филиал Halliburton, построило военную базу на границе между Конго и Руандой, где тренировалась армия

⁸⁸ Ismi, «Congo: The Western Heart of Darkness».

⁸⁹ McKinney hearing, April 16, 2001.

⁹⁰ Dena Montague, «Stolen Goods: Coltan and Conflict in the Democratic Republic of the Congo», SAIS Review 22, no. 1 (Winter—Spring 2002).

⁹¹ Amy Goodman and David Goodman, *The Exception to the Rule: Exposing Oily Politicians, War Profiteers and the Media That Love Them* (New York: Hyperion Press, 2004).

Руанды.⁹² Корпорация Bechtel предоставила Кабиле спутниковые карты и фотографии местности, чтобы он мог следить за передвижением армии Мобуту.⁹³ Bechtel – прекрасный пример соединения корпоративных и политических интересов. Бывший министр иностранных дел Джордж Шульц входит в совет директоров Bechtel, а бывший министр обороны Каспер Вейнбергер занимал должность юрисконсульта. Дже Шихан, старший вице-президент, является отставным генералом морской пехоты США и членом Совета по оборонной политике Пентагона.⁹⁴

В 1996–1997 годы многие корпорации вели переговоры с Кабилей о доступе к минералам в восточном Конго. Он отправил своего представителя в Торонто в начале 1997 года для обсуждения с горнодобывающими компаниями «инвестиционных возможностей». В результате этой поездки Кабила получил 50 миллионов долларов, которые использовал для военного похода на Каишасу – столицу Конго. В мае 1997 года компания American Mineral Fields (AMF) подписала с Кабилей договор на миллиард долларов сразу же после захвата его войсками Гомы (недалеко от границы между Конго и Руандой). Финансовый представитель Кабилы, прошедший подготовку в США, провел переговоры, предоставив компании AMF, возглавляемой другом президента США Билла Клинтона, Майком МакМарроу, эксклюзивные права на эксплуатацию цинковых, медных и кобальтовых рудников данной области. В том же месяце Tenke Mining объявила о заключении с Кабилей контракта, который до этого был подписан с правительством Мобуту в 1996 году. В Руанду потянулись представители других корпораций для заключения деловых соглашений.

Как сообщает Washington Post, американские солдаты (по всей видимости, спецназ) были замечены среди руандских военных в Конго 23 и 24 июля 1998 года – за неделю до «официального» вторжения Руанды в Конго. Представители канадских горнодобывающих компаний Barrick Gold (в чей совет директоров входили бывший президент США Джордж Буш-старший, бывший премьер-министр Канады Брайан Малрони, бывший сенатор США Говард Бейкер и советник Клинтона Вернон Джордан) и Heritage Oil and Gas прибыли вместе с военными силами Уганды и Руанды, вторгшимися в Конго в 1998 году, и обеспечили себе прибыльные нефтяные контракты. В 1999 году финансовая ветвь КДО-Гома (конголезской армии, сотрудничающей с Руандой) получила 5 миллионов долларов в качестве кредита от Citibank NY. Она также получила финансирование от бельгийской компании Cogesom.⁹⁵ Бельгия, Дания, Япония, Швейцария и США удвоили свою помощь Руанде (с 26,1 миллиона долларов в 1997 году до 51,5 – в 1999 году), что обеспечило ей вторжение в Конго.⁹⁶

⁹² Montague and Berrigan, «The Business of War»; Ismi, «Congo: The Western Heart of Darkness»; «Report of the Panel of Experts», 2001; Five Years On: A Review of the OECD Guidelines and National Contact Points, September 22, 2005, www.oecdwatch.org/docs/OECD_Watch_5_years_on.pdf; All Party Parliamentary Group, «Illegal Minerals and Conflict».

⁹³ «Отчет Совета экспертов», 2001 г.

⁹⁴ «IMF Concludes 2002 Article IV Consultation with Rwanda», September 20, 2002, www.imf.org/external/np/sec/pn/2002/pn02104.htm; «Rwanda Laying Foundations for 'Robust Growth,'» afrol News, www.afrol.com/html/News2002/rwa023_econ_growth.htm; «IMF Executive Board Completes Final Review of Uganda's PRGF Arrangement and Approves 16-Month Policy Support Instrument», Press Release No. 06/14, January 24, 2006.

⁹⁵ одной из этих корпораций была Kinross Forrester. Как это ни удивительно, ее возглавлял бельгийский военный спекулянт Джордж Форрест, заслуживший порицание ООН за расхищение минералов в Конго: Congo Asset Strip, Mines and Communities Website, February 27, 2006, www.minesandcommunities.org/Action/press949.htm.

⁹⁶ ... Также оправдалось мнение Джона Перкинса о моральных принципах Всемирного банка, который переводил страховые деньги корпорациям в Конго. Multilateral Investment Guarantee Agency (MIGA), страховое ответвление Всемирного банка, одобрило страхование от «политических рисков» для принадлежащих Австралии медного и серебряного рудников Anvil Mining в Диклуши в сентябре 2004 года. Месяц спустя Anvil предоставила материально-техническую поддержку конголезской армии во время жестокого подавления небольшого восстания в городе Килва. Нападающие убили 100 гражданских лиц. Всемирный банк расследовал это дело по приказу Пола Вулфовица, но тянул с докладом до тех пор, пока не начались протесты общественных организаций. Австралийская полиция расследует деятельность Anvil, которая заявила, что армия реквизировала ее транспорт и провизию. World Bank Buries Internal Report on Controversial Congo Mining Project, January 31, 2006, http://www.choike.org/nuevo_eng/informes/3933.html.

Руанда и Уганда, продолжающие обогащаться за счет грабежа, получили одобрение Международного валютного фонда и Всемирного банка за увеличение своего ВВП. В двусмысленно прозвучавшем пресс-релизе МВФ 2002 года отмечалось, что представители фонда в Руанде «призывали официальных лиц неукоснительно соблюдать мир», хотя рост ВВП, которому так аплодировал МВФ, был результатом усилившегося давления правительства Руанды на восточный Конго и использования экономической нестабильности для эксплуатации региона. В 2006 году МВФ также похвалил Уганду: «Налоговые ограничения, наряду с разумным денежным регулированием, способствовали уверенному росту Уганды и помогли удержать инфляцию на одном уровне в последние десять лет. За последние годы эта политика способствовала достижению удачного уровня золотовалютных резервов». И вновь МВФ предпочел проигнорировать то, как Уганде удалось накопить эти резервы.⁹⁷

В 2001 году Всемирный банк решил преобразовать Gécamines, полуразрушенную горнодобывающую компанию Конго. В рамках этой реформы рабочие, уволенные из-за приватизации предприятия, должны были проходить переобучение. Второй важной целью банка была разработка плана восстановления рудников, что позволило бы Конго получать доход. Вместо этого временное правительство продало большую часть Gécamines и его заводов частным предпринимателям, вопреки рекомендациям консультантов Всемирного банка.⁹⁸ Таким образом, Всемирный банк, который должен был тщательно изучить горнодобывающую промышленность страны и восстановить Gécamines, позволил иностранным компаниям отобрать у Конго то, что когда-то было важнейшим источником его дохода.⁹⁹

⁹⁷ Rights and Accountability in Development (RAID), Unanswered Questions: Companies, Conflict and the Democratic Republic of Congo: Executive Summary, report, April 2004, p. 2, www.raid-uk.org/docs/UN_Panel_DRC/Unanswered_Questions_Full.pdf.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Human Rights Watch, «The Curse of Gold: IX. International Initiatives to Address Resource Exploitation in the DRC», http://hrw.org/reports/2005/drc0505/12.htm#_Toc102992181; RAID, Unanswered Questions; All Party Parliamentary Group on the Great Lakes Region, «The OECD Guidelines and the DRC», February 7, 2005, www.appggreatlakes.org/cgi-bin/site/index.cgi?back=&pid=75&keywords=2005&topic=.

Совет экспертов ООН и принципы Организации экономического сотрудничества и развития

Хотя тяжелейшее положение в Конго в 1996–2004 годы не особенно волновало западные страны, Совет безопасности ООН, начиная с 2000 года, старался ликвидировать причины царящей в регионе жестокости. Был учрежден Совет экспертов, который подготовил серию отчетов о том, как высокопоставленные политики, военные и бизнесмены из Конго и соседних стран совместно с вооруженными группировками контролируют ресурсы Конго. Совет отметил, что милиция и армия использовали эти ресурсы для закупки оружия, которое только подогревало войну.

Совет экспертов ориентировался в своей работе на «Принципы транснациональных корпораций» Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Утвержденные в 1976 году, эти принципы были призваны способствовать торговле и формированию ответственного корпоративного поведения.¹⁰⁰ Правительства, придерживающиеся этих принципов, учредили Национальные контактные центры (НКЦ), которым было поручено пропагандировать их и принимать меры к корпорациям-нарушителям.

Основываясь на отчете Совета экспертов (октябрь 2002 года), неправительственная организация Rights and Accountability in Development (RAID) составила свой собственный доклад в 2004 году, отмечая нарушения принципов ОЭСР корпорациями в Конго (табл. 1).

В отчете совета от 2002 года были перечислены 85 транснациональных компаний, которые получили выгоду от войны в Конго, включая шесть американских компаний. За исключением бельгийского сената, правительства стран, где базировались эти корпорации, не предприняли практически ничего для привлечения их к ответственности за соучастие в жестокости, царящей в Конго. Действительно, в большинстве случаев оказалось, что отчет вызвал прямо противоположную реакцию. Некоторые компании оказали давление на свои правительства и Совет безопасности, чтобы их вычеркнули из списка обвиняемых.¹⁰¹

Один из членов Совета отметил, что у него не было точных сведений о том, какие из 85 компаний, бывших в этом списке, вынудили правительства своих стран вступить за них. Тем не менее, о пяти канадских компаниях, которые значились в списке, но затем были вычеркнуты, он сказал: «Можно предположить, что какие-то из них связались с министерством иностранных дел, особенно с Марком Бролтом, который был в то время послом Канады в регионе Великих Озер Африки».¹⁰² Канадская компания First Quantum Minerals заявила многим СМИ, что она «стремилась добиться полного опровержения».¹⁰³

В приложениях к документам ежегодного собрания Национальных контактных центров в 2005 году представлены сведения об ответах двух британских компаний по поводу отчета Совета экспертов ООН и о вмешательстве британского Национального контактного центра. Компания по производству алмазов DeBeers заявила, что Совет не представил никаких доказательств своих утверждений, несмотря на запросы, направленные ею в 2002 и 2003 году. НКЦ Великобритании писал: «Принимая во внимание сложившуюся ситуацию и основываясь на предоставленной информации, НКЦ Великобритании пришел к выводу,

¹⁰⁰ Электронное письмо автору, 7 апреля 2006 года.

¹⁰¹ См., например, http://www.cbc.ca/story/news/national/2002/10/24/mining_congo021024.html.

¹⁰² «OECD Guidelines for Multinational Enterprises: 2005 Annual Meeting of the National Contact Points», <https://www.oecd.org/dataoecd/20/13/35387363.pdf>.

¹⁰³ См.: www.un.org/News/Press/docs/2003/sc7642.doc.htm. Член Совета экспертов, о котором идет речь, написал автору в электронном письме: «Было очевидно, что цель резолюции заключалась не в проведении дальнейшего расследования, но в поиске способов оправдания как можно большего числа компаний, упомянутых в списке».

что обвинения Совета экспертов ООН в адрес DeBeers ничем не обоснованы». НКЦ также поделился мнением о компании Avient Corporation, утверждая, что ее авиационный бизнес в Конго ни в чем не нарушает закон.¹⁰⁴

Столкнувшись с протестами корпораций, Совет безопасности ООН рекомендовал продлить мандат Совета экспертов на шесть месяцев (резолюция № 1457 от 23 января 2003 года). Продление было разрешено с целью «проверки, аргументирования и при необходимости корректировки сведений Совета» и предписывало «...и уточнить названия компаний, внесенные в предыдущие отчеты Совета, скорректировав их в соответствии с перечнями, приложенными к этим отчетам».¹⁰⁵

В четвертом и последнем отчете Совета экспертов в октябре 2003 года был сделан вывод о нецелесообразности дальнейшего расследования деятельности большинства корпораций, отмеченных в предыдущих отчетах. Многие корпорации, настаивающие на неправомерности включения их в список, были перенесены в двусмысленную категорию «решенное». Это означало, что компания признала свою вину и предприняла какие-то меры к исправлению ситуации или прервала торговые отношения с сомнительными партнерами из Конго, или все так завуалировала, что Совет засомневался в своих прежних утверждениях, или компания работала в Конго задолго до 1998 года, или не сделала ничего плохого, хотя и работала в конфликтных зонах, или же имела лишь косвенное отношение к резне и разграблению.

В 2003 году из отчета невозможно было понять, в какую именно категорию «решенное» попадала каждая компания. Таким образом, теоретически компания, которая сознательно купила колтан, добытый заключенными под контролем руандских военных, но затем прекратила подобную торговлю, была виновна не больше компании, ведущей себя более-менее этично, но не предоставившей доказательств законности своей деятельности. Действительно, Совет так и не предоставил информацию о том, какое «решение» принималось по каждому делу. Одни компании, никак не отреагировавшие на отчет Совета, оказались в категории «решенное», тогда как другие, попавшие в категорию «для дальнейшего расследования», заслуживали этого не больше, чем компании из категории «решенное». Компании, которые проигнорировали заявление Совета, избежали дальнейшей проверки.

Хотя в отчете 2003 года было четко указано, что резолюцию не следует интерпретировать как освобождение от наказания, большинство корпораций из списка и правительства их стран заявили, что она их оправдала.¹⁰⁶

¹⁰⁴ Некоторые корпорации, которые закупали дешевый колтан из Руанды во время колтанового бума в 1999–2000 годы, заявили, что раз они прекратили это делать после 2001 года, значит приняли во внимание этические соображения. Например, американская корпорация Kemet объявила в 2003 году, что она потребует от своих поставщиков «предоставлять свидетельство о том, что они не будут (а) незаконно добывать какие-либо танталовые руды на конголезских рудниках, (б) закупать нелегальные материалы, содержащие танталовую руду, включая колтан, из конголезских рудников и (в) продавать какие-либо незаконные материалы корпорации Kemet из таких руд»: www.kemet.com/kemet/web/homepage/kechome.nsf/weben/KEMET%20Supports%20Avoiding%20Tantalum%20Mined%20in%20Restricted%20Areas%20of%20Congo. Однако вновь целесообразно обратиться к сравнению с пиратством: пираты, которые годами насилием и грабежом прокладывали себе путь по всему побережью, не смогут оправдаться тем, что они «не делали этого по крайней мере два года».

¹⁰⁵ См.: www.foe.org/camps/intl/unreportmemo.pdf. Копии отчетов ООН и писем, которые «Друзья земли» и RAID отправили правительственным чиновникам о том, что корпорации не соблюдают требований, можно найти здесь: www.foe.org/new/releases/84drccomplaint.html.

¹⁰⁶ Friends of the Earth, Groups File Complaint with State Department against Three American Companies Named in UN Report, August 4, 2004, www.foe.org/new/releases/84drccomplaint.html. См. также параграфы 22–64 отчета Совета экспертов ООН от 16 октября 2002 года, который охватывает деятельность правительств Конго и Зимбабве по нелегальной эксплуатации ресурсов Конго. Интересно, что в отчете ежегодного собрания национальных контактных центров 2005 года в разделе «Обратная связь НКЦ» отмечено: «Финские и американские НКЦ обменивались мнениями по поводу американской компании и ее финских филиалов по вопросу исключения компаний из итогового отчета Совета ООН». Тот факт, что в отчете не упоминается название ОМ группы, создает впечатление, что цель НКЦ – защищать корпорации. OECD Guidelines for Multinational Enterprises: 2005 Annual Meeting of the National Contact Points, <http://www.oecd.org/dataoecd/20/13/353887363.pdf>. «Друзья земли» и RAID также представили доклады о влиянии деятельности ОМ группы на

После того как Совет экспертов ООН в 2002 году обвинил западные корпорации в участии в расхищении ресурсов Конго, посол США Ричард С. Уильямсон (представитель ООН по особым делам) сообщил Совету безопасности ООН, что «правительство США рассматривает заявления против этих [американских] компаний и примет соответствующие меры». Однако организация «Друзья земли» (Friends of the Earth), которая следила за обвинениями Совета в адрес американских компаний, в октябре 2003 года отметила, что «до сих пор администрация Буша уделяла больше внимания реабилитации американских компаний, чем проведению тщательного расследования того, как американские компании могли повлиять на конфликт в [Конго] через цепочки поставок».¹⁰⁷

Так как американское правительство не приняло необходимых мер к своим корпорациям, занесенным в список Совета экспертов, «Друзья земли» и британская группа RAID 4 августа 2004 года подали жалобу в министерство иностранных дел против Cabot Corporation, Eagle Wings Resources International (EWRI) и OM Group, Inc.

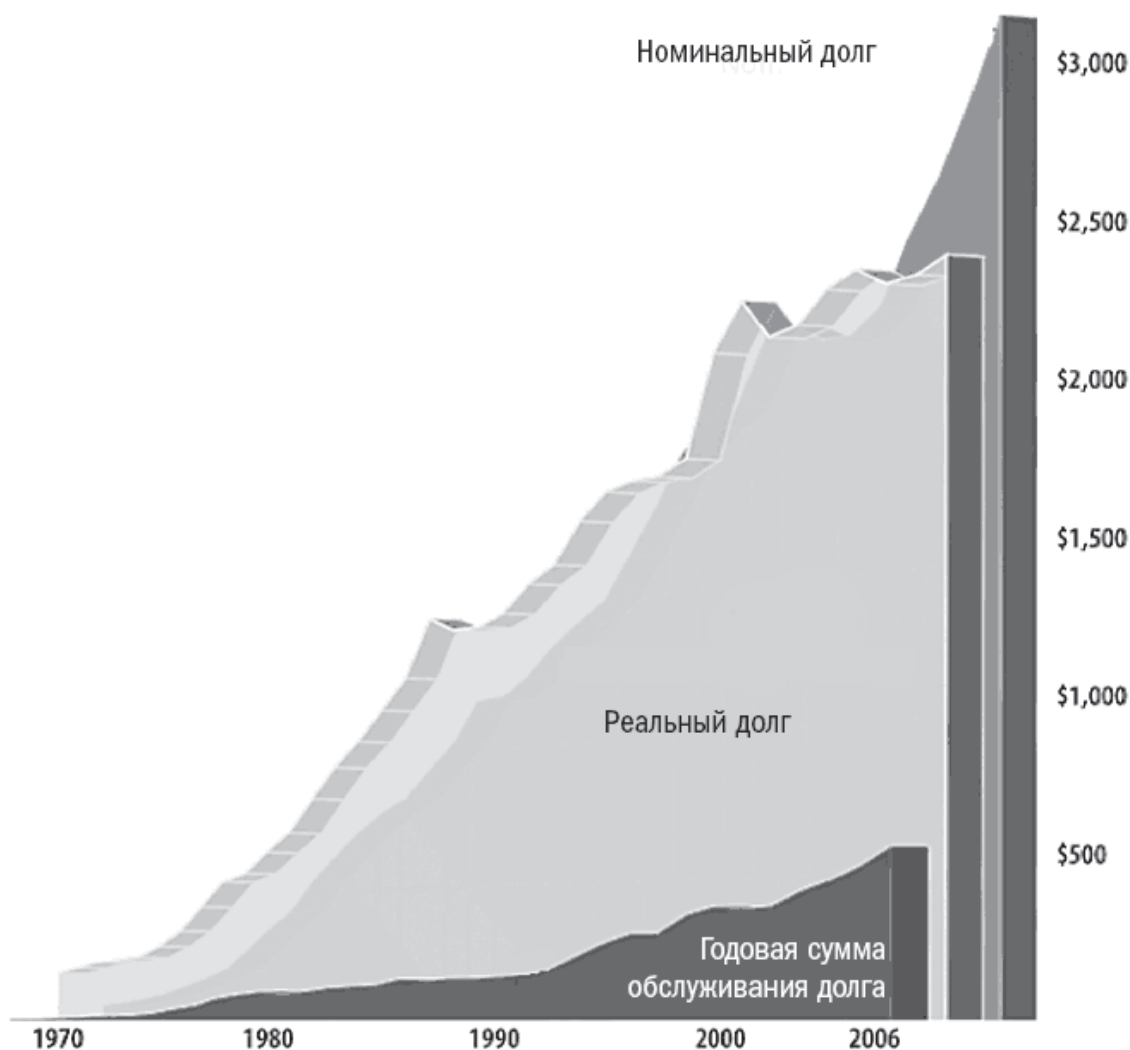
Как утверждалось, бостонская Cabot скупала колтан, добытый в Конго во время войны. Cabot отрицала эти обвинения, но отчет бельгийского сената подтвердил, что у EWRI (филиала Trinitech Holdings) был заключен долгосрочный контракт на поставку колтана компании Cabot. Совет заявил, что EWRI имела привилегированный доступ к залежам колтана и использовала пленников в качестве рабочей силы, благодаря тесным связям с военными Руанды. Совместная деятельность OM Group, базирующейся в Огайо, с бельгийским гражданином Джорджем Форрестом вызвала подозрения. Совет особо отметил Форреста в своем отчете 2001 года как человека, наживавшегося на жестокости в восточном Конго. Совет обвинил его компанию, Groupement pour le Traitement des Scories du Terril de Lubumbashi, Ltd. (GTL), в намеренном игнорировании технических соглашений, согласно которым строительство двух нефтеперерабатывающих заводов и конвертора для производства германия в Конго должно было проходить поблизости от залежей кобальта и меди. Вместо этого руду переправляли на переработку на завод OM Group в Финляндии, лишая тем самым прибыли государственную горнодобывающую компанию Gécamines.¹⁰⁸

Таблица 1. Корпоративные нарушения принципов ОЭСР в Конго

окружающую среду, как отмечается в отчете Всемирного банка. В этом отчете высказывается сомнение по поводу достаточности принимаемых мер по предотвращению радиоактивного заражения конголезских рабочих на заводе OM группы, от деятельности которого в Лубумбаши страдает местное население из-за недопустимо высокого уровня загрязнения.

¹⁰⁷ Колин Фримен, интервью по телефону и электронной почте, декабрь 2005 – январь 2006. Фримен работал с «Друзьями земли» до перехода в RAID. См. также *Fives Years On: A Review of the OECD Guidelines and National Contact Points*, September 22, 2005, www.oecdwatch.org/docs/OECD_Watch_5_years_on.pdf. Я связалась с американскими компаниями, отмеченными в третьем отчете ООН. Две из них, Cabot и Kemet, предоставили ссылки на веб-страницы, на которых они опровергали обвинения их в наживе на незаконной покупке колтана. Страница Cabot содержит ссылку на pdf-файл, в котором сказано: «Cabot не будет покупать никакие танталовые ресурсы из какого-либо незаконного источника в какой-либо части мира». Однако в 2001 году в отчете Совета экспертов ООН отмечалось: «Фактически экспорт всего колтана из восточной части Демократической республики Конго выгоден либо повстанцам, либо иностранным армиям». В течение того периода, о котором сказано в отчете, 60–70 % колтана в восточном Конго были добыты под контролем руандских военных заключенными. Министр энергетики Джорджа Буша-младшего (назначенный в 2005 году), Сэмюэль Бодман, был генеральным директором и председателем Cabot в 1997–2001 годы, когда Cabot скупала большое количество незаконного колтана из Конго, поступившего на рынок.

¹⁰⁸ RAID, *Unanswered Questions*, report, April 2004. Организация по защите прав человека повторяет итоговые выводы RAID в своем отчете: «Международное сообщество, возможно, захочет утвердить постоянную команду экспертов, которые смогли бы расследовать эти случаи по всему миру вместо временных советов». Arvind Ganesan and Alex Vines, *Engine of War: Resources, Greed and the Predatory State*, www.hrw.org/wr2k4/14.htm.

Источник: *Rights and Accountability in Development (RAID), Unanswered Questions: Companies, Conflict and the Democratic Republic of Congo: Executive Summary, report, April 2004, p. 2, www.raid-uk.org/docs/UN_Panel_DRC/Unanswered_Questions_Full.pdf*

Уесли С. Шольц, глава Национального контактного центра США, отказался от дальнейшего расследования деятельности компаний, ссылаясь на решение Совета в его отчете 2003 года о том, что вопросы, касающиеся американских компаний, решены. Тем не менее, в январе 2003 года он сообщил трем компаниям, что у «Друзей земли» и RAID еще оставались к ним претензии, и предложил организовать неформальный диалог между этими двумя организациями и корпорациями. Однако официально он придерживался того мнения, что «на самом деле Принципы подчеркивают, что надо обращать внимание не на прошлую деятельность компании, а на стремление исправить свое поведение в будущем. Мы не заседаем в суде и не решаем, соблюдают компании свои обязательства согласно Принципам или нет. Судить можно только о прошлой деятельности, когда вы признаете, что совершили ошибку».

Когда RAID связалась с Шольцем в сентябре 2005 года по поводу намечающейся встречи, он сказал, что компании подтвердили получение его письма, но не ответили на него.¹⁰⁹

США были не одиноки в своей политике вседозволенности и пренебрежительного отношения к Принципам ОЭСР применительно к транснациональным корпорациям. Вместо

¹⁰⁹ Для получения дополнительной информации См.: <http://www.raid-uk.org/news.htm>.

того чтобы проанализировать суть обвинений, некоторые государства подвергли сомнению само право назначенного ООН совета заявлять о нарушениях Принципов ОЭСР и их применимости к поставщикам компаний.

Изменяя Принципы

Принимая во внимание неэффективные попытки НКЦ ответить должным образом на обвинения в корпоративных преступлениях в Конго, RAID предложила пересмотреть Принципы ОЭСР. Требовалось нечто большее, чтобы заставить правительства стран Первого мира расследовать нарушения своих корпораций. В докладе также отмечалось, что правительства должны добиться обеспечения соблюдения Принципов корпорациями. Их исключительно рекомендательный характер означал, что корпорации не столкнутся ни с какими последствиями за деятельность, способствующая усилению человеческих страданий.¹¹⁰

Эти выводы были подтверждены в отчете организации «Надзор ОЭСР» (OECD Watch) от 22 сентября 2005 года «Пять лет работы: обзор принципов ОЭСР и национальных контактных центров» (Five Years On: A Review of the OECD Guidelines and National Contact Points). Организация пессимистично отметила: «То, что Принципы помогли сократить число конфликтов между местными сообществами, гражданскими группами и транснациональными компаниями, не подтверждается никакими фактами». Основная причина неэффективности Принципов заключалась в том, что НКЦ, как правило, очень узко их интерпретировали, в то время как они относились к деятельности корпораций. НКЦ утверждали, что сотрудничество между транснациональными бизнесами и их поставщиками относилось к торговле, а не инвестированию и, таким образом, выходило за рамки Принципов. Поэтому корпорации, отмеченные в отчете Совета ООН, были виновны в покупке ворованных ресурсов только в том случае, если они владели компаниями, занимающимися расхищением. Но эти корпорации практически не контролировали другие компании в своих цепочках поставок, и, таким образом, их нельзя было обвинять в незаконном и неэтичном поведении компаний, напрямую вовлеченных в добычу ресурсов.

Общественные организации утверждали, что формулировки Принципов четко указывают на то, что они применимы и к инвестированию, и к торговле. Они также заявляли, что корпорации должны «взять на себя ответственность за качество продукции в цепочках поставок и разработать такие правила менеджмента, которые обеспечили бы высокое качество продукта». Компании нанимают субподрядчиков в других странах, чтобы производить товары особого вида и качества и вполне могут себе позволить нанять людей, которые не нарушают Принципы.

В отчете Надзора ОЭСР были предложены способы повышения авторитета Принципов ОЭСР для транснациональных корпораций с помощью расширения властных полномочий НКЦ, правительств и общественных организаций относительно корпоративных нарушений. Например, Надзор предложил учредить НКЦ, более независимые от своих правительств и бизнеса, которые обладали бы большей властью для расследования нарушений Принципов. Эти НКЦ должны будут представлять своим парламентам ежегодные отчеты и предоставлять свои решения для тщательного анализа парламентскими комиссиями и омбудсменам. Правительства могли бы давать корпорациям субсидии, кредиты и обеспечивать им страхование от политических рисков при соблюдении Принципов ОЭСР. Общественным организациям можно было бы дать право указывать НКЦ на их слишком узкую трактовку Принципов. В странах, не обязанных соблюдать Принципы ОЭСР, общественные организации могли бы

¹¹⁰ Сеймур Херш, первым написавший о скандале в Абу Грайбе в американских СМИ, ссылаясь на Христианскую мировую творческую команду как на источник в своей статье в New Yorker от 5 мая 2004 года «Цепь насилия» (Chain of Command). После похищения четырех членов ХМК в Багдаде Херш сказал представителю газеты Democracy Now Эмми Гоодмен, что работа ХМК была «крайне необходимой»: www.democracynow.org/article.pl?sid=05/11/30/153252.

подавать жалобу прямо в НКЦ через посольства тех стран, где зарегистрированы эти корпорации.¹¹¹

Если национальные и международные правительственные органы не санкционируют подобные реформы, корпоратократии и их местные поставщики продолжают уклоняться от ответственности за финансирование войн и нарушений прав человека.

¹¹¹ Найджел Уотсон-Кларк, телефонное интервью с Энди Ровеллом, 21 апреля 2006 года; все его цитаты заимствованы из этого интервью, если нет иных ссылок на источник.

Свидетельство

Впервые приехав в Конго в октябре 2005 года, я попыталась понять сложившуюся ситуацию с помощью других проектов, которые моя общественная организация, Христианская миротворческая команда, учредила многие годы назад в качестве системы ориентиров. На Гаити и Чиапасе мы жили среди людей, испытавших на себе жестокость военизированных группировок. Мы наблюдали за палестинцами, столкнувшимися с жестокостью израильских солдат и поселенцев.

Ко времени вторжения в Ирак в 2003 году мы разбили лагерь недалеко от водоочистных предприятий и больниц для защиты инфраструктуры, когда США начали бомбардировку. (Разрушение этих предприятий во время первой войны в Заливе и наложение санкций привели к серьезному гуманитарному кризису в последующие годы). Когда мы слышали истории о том, как американские военные издеваются над иракскими семьями во время рейдов на поселения и пытаются иракских заключенных (практически ни одному из них не были предъявлены обвинения), наша команда стала документировать эти случаи. Мы отправляли отчеты всем соответствующим американским военным и гражданским властям за три месяца до скандала в Абу Грайбе.¹¹²

Из всех проектов Христианской миротворческой команды, с которыми я работала, более всего меня поразила ситуация в Колумбии своим сходством с положением в Конго. Колумбия тоже богатая ресурсами страна. Ее ресурсы питают военные, военизированные и партизанские группировки, чьими жертвами становятся в основном мирные жители. Террор – похищения, пытки и нанесение увечий – позволяет вооруженным группировкам контролировать ресурсы. Транснациональные корпорации весьма заинтересованы в том, чтобы помешать важнейшим демократическим переменам.

Однако в Колумбии есть более-менее функционирующее правительство, судебная система и пресса, хотя членов правительства, прокуроров, судей и журналистов часто убивают. (Лидер колумбийской церкви однажды сказал мне: «В Колумбии ты вправе говорить все, что думаешь, но любой человек вправе убить тебя за это»). Колумбийская церковь, гражданское население и небольшие крестьянские общины в регионе Magdalena Medio, с которыми мы общались, сразу же находили возможность для участия в социальных реформах с помощью нашей команды. Около тысячи семей, изгнанных военизированными группировками, вернулись на свои фермы, заручившись нашим обещанием сопровождать их.

Однако в Конго лишь немногие видели хотя бы какой-то смысл в такой работе команды, которую мы традиционно выполняли в Америке и на Среднем Востоке. Мы предложили женщинам сопровождать их на полях и услышали в ответ, что неминуемо разделим судьбу конголезцев, на которых нападают вооруженные группировки. «Конечно же, вас изнасилуют», – сказала женщина, которая работает в Департаменте по защите прав женщин и детей в Букаву. Нас уверили в том, что присутствие белых людей может спровоцировать милицию на нападение на конголезские общины, в которых их приняли (хотя темнокожие представители международных служб могли тайно приезжать к ним и документировать происходящие там жестокости, как сообщили нам некоторые женщины). Мы почувствовали себя беспомощными. Конечно, мы могли отказаться от дешевых товаров, чтобы прекратить резню в Конго. Но у корпоратократий миллионы потребителей, готовых занять наше место. Кроме того, мобильные телефоны, ноутбуки и цифровые камеры значительно увеличили возможности правозащитников документировать жестокости со стороны государства и отдельных лиц.

¹¹² См.: www.news24.com/News24/Africa/News/0,2-11-1447_1865_650,00.html.

В конце концов, когда они узнали, что мы не представляем организации международной помощи и проекты по развитию, конголезцы просили нас просто поведать миру их истории. Поэтому я рассказываю вам о 50–60 жертвах изнасилования, которые пели и танцевали для нас, когда мы вошли в зал Лютеранского собрания в Букаву. О лютеранке, которая сказала нам: «Когда они поют, они забывают о том, что случилось». Об удрученном пасторе, который оживился только тогда, когда мы пообещали привезти делегацию женщин из Северной Америки для встречи под его опекой с 250 жертвами изнасилований. О студенте университета, который так сказал о западных странах: «Они осуждают многое, но ничего не меняется, международное сообщество должно хотеть этих изменений».

И я напишу о трагедии малышки Эстер и ее мамы: во-первых, о том, что изнасилование выгнало их за пределы разрушенного общества, и во-вторых, о том, что в Конго более чем достаточно богатств для Эстер и миллионов других конголезских детей, чтобы обеспечить их едой, чистой водой, образованием и достойным медицинским обслуживанием на всю жизнь. Но вместо этого ресурсы страны идут на то, чтобы украшать состоятельных людей драгоценностями и производить PlayStation, мобильные телефоны и оружие для богатых обществ Первого мира.

Термин Джона Перкинса – «экономический убийца» – кажется слишком мягким для описания поведения корпоратократий и их приспешников в Конго. С учетом того, что они сделали с конголезцами, к данной ситуации более подходит термин «экономический военный преступник».

Как и всех нераскаявшихся экономических убийц и военных преступников, их надо посадить в тюрьму, защищая от них общество.

Глава 6

Нефть и новая борьба за Африку: наемники на линии фронта Эндрю Роуэлл, Джеймс Мариотт

Частные армии становятся неотъемлемым атрибутом корпоративной деятельности в Третьем мире. Эта глава о том, как один офицер защищал нефтяное хищничество Shell от жителей дельты Нигера.

«Мне нравится Нигерия. Мне нравится пульс Африки. Это очень стимулирует. Мне будет этого не хватать».¹¹³ Найджел Уотсон-Кларк всегда был склонен к восторженности и приключениям. В течение 12 лет он служил в Британском королевском флоте и активно занимался прыжками с парашютом, принимая участие в соревнованиях.

После отставки он, как и многие бывшие военнослужащие, сменил множество профессий – руководил парашютной школой в Испании и был личным телохранителем в Великобритании. Один из его друзей работал в службе морской безопасности. В конце концов, Уотсон-Кларк перешел на работу в Chevron в Анголе. Затем, в 2002 году, подвернулась работа в Нигерии.

В следующие три с половиной года он координировал службу безопасности Shell на стратегически важном морском нефтепромысловом объекте. Официально он занимал должность офицера связи в регионе Echo Alpha. В его задачу входила защита оранжевой нефтяной платформы Shell – «Морской орел» – в семи милях от берега.¹¹⁴ Его направили на специальный 250-футовый корабль службы безопасности «Служба свободы», принадлежащий филиалу американской компании Tidewater. Базирующаяся в Луизиане Tidewater владела крупнейшей флотилией кораблей, предназначенной для нефтяной и газовой промышленности.¹¹⁵

Уотсон-Кларк находился здесь по одной простой причине. Реки и мелководья дельты Нигера – стратегически важны и для нефтяной промышленности, и для нигерийского правительства. Фактически нефть – источник жизненных сил страны, приносящий более 80 % ее дохода, 90 % прибыли от международной торговли и составляющий 40 % ее ВВП.¹¹⁶

Нигерийские нефть и газ – основные активы для Shell, а также для американских компаний Chevron и ExxonMobil.¹¹⁷ В настоящее время дельта обеспечивает около 10 % продукции Shell Group. Тем временем Shell контролирует более 50 % нефтяных и газовых запасов страны.¹¹⁸ Таким образом, судьбы Shell и Нигерии переплелись.

Такие судна, как «Служба свободы» Tidewater, – важнейшая часть нефтяной промышленной сети, которая охватывает целые континенты. Shell – часть этой сети, и ее деятельность в Нигерии была бы невозможной без сетевой структуры филиалов, субподрядчиков и консультантов.

¹¹³ См.: www.news.moneycentral.msn.com/ticker/article.asp?Feed=BW&Date=20060130&ID=5457691&Symbol=US:TDW.

¹¹⁴ Shell Petroleum Development Company of Nigeria Limited, 2004 People and the Environment Annual Report, May 2005.

¹¹⁵ M. Enfield, The Oil Industry in the Delta, PFC Energy, presentation to the Conference on Nigeria's Delta Region, Meridian International Center, February 15, 2005.

¹¹⁶ J. Bearman, «Shell Set to Rise Again with Nigerian Gas», African Energy, June 2005, pp. 8–9; Enfield, The Oil Industry in the Delta.

¹¹⁷ Michael Fleshman, «Report from Nigeria 2», Nigeria Transition Watch no. 9 (New York: Africa Fund, 1999).

¹¹⁸ Karl Maier, This House Has Fallen: Nigeria in Crisis (Harmondsworth: Penguin, 2006), p. 142.

Международная сеть Shell

Эта сеть действительно международная: мировая деятельность Royal Dutch Shell контролируется из Гааги и Лондона. Ее отдел разведки и добычи, базирующийся в Гааге, контролирует Нигерийское ответвление компании Shell в Нигерии, базирующееся в Лагосе. Один из многочисленных филиалов компаний Shell в Нигерии – SNEPCO, исследовательская компания Shell в Нигерии. SNEPCO наняла компанию Ecodrill (филиал крупной Expro Group) для помощи в нефтедобыче. Именно Ecodrill наняла Уотсон-Кларка, который работал на одном из кораблей Tidewater. Сама же Tidewater, несмотря на то что базируется в Луизиане, руководит своей западно-африканской деятельностью не из Нигерии, а из Абердина – нефтяной столицы Шотландии.

Для того чтобы эффективно работать в такой коррумпированной стране, как Нигерия, Shell, ее филиалы и субподрядчики должны поддерживать близкие отношения с некоторыми правительственными кругами и различными ответвлениями нигерийской милиции. Только так можно вести там бизнес. Иногда эта близость напоминает вращающуюся дверь между корпорацией и правительством. А в других случаях она принимает форму финансовых отношений между корпорацией и нигерийской милицией или мобильными полицейскими силами (МПС). Многие годы Shell отрицала существование каких-либо подобных финансовых отношений, но сейчас подтверждает это. Нигерийцы часто не видят разницы между правительством и Shell или между Shell и милицией, так же как не видят разницы между Shell и ее субподрядчиками. Для них все они – часть интересов правящего союза.

Захват заложников

11 января 2006 года. На борту «Службы свободы» находились 61-летний американский шкипер Патрик Лендри и два инженера: 54-летний Милко Ничев из Болгарии и 54-летний Гарри Ибенкс из Гондураса. Также на судне находились 12 представителей нигерийских военно-морских сил, которым Shell выплачивала жалование. В обязанности Уотсона-Кларка входили обеспечение безопасности Shell, забота о команде «Службы свободы» и обучение нигерийцев, у которых были две надувные шлюпки. «Они должны были обеспечить безопасность объекта в случае нападения или вторжения», – сообщил Уотсон-Кларк. – «Мы патрулировали территорию круглосуточно. Это было действительно особое задание – мы не входили в порт и не покидали объект».

Уотсон-Кларк был солдатом на передовой нефтедобычи, который защищал интересы частной компании, а не государства. Колониальные силы всегда использовали вооруженные группы для защиты своих коммерческих активов в дельте. Роль, которую он играл, практически ничем не отличалась от роли британского военно-морского офицера Королевского флота, защищавшего в 1660-е годы корабли Королевской африканской компании, которые перевозили рабов из дельты в американские колонии. В течение 150 лет Великобритания играла жизненно важную роль в атлантической работорговле. После работорговли настало время плантаций масличной пальмы. А сегодня эксплуатируются ресурсы – нефть и газ.

Офицер связи службы безопасности должен был попасть в водоворот насилия, бушевавшего в дельте Нигера в последние десять лет, причиной которого стала борьба за нефть – за контроль над ней, получение прибыли.

40 лет общины, обитающие в дельте Нигера, боролись за нефтяные богатства, которые добывались на их земле иностранцами, но они не получили от этого практически никакой прибыли. Кто-то из них разбогател, что подтверждало существование безудержной нигерийской коррупции, но это была всего лишь небольшая кучка. Копании тоже разбогатели, но запутанные налоговые операции уводили большую часть их дохода из Нигерии, прежде чем кто-либо понимал, сколько денег они заработали. А простому населению нечем похвастаться, поскольку многие общины в дельте прозябают в нищете.

Сегодня нигерийское правительство должно передавать 13 % доходов от нефтедобычи регионам дельты Нигера, где эта нефть добывается. На самом же деле общины получают гораздо меньше. Живя в самом сердце нефтяного мира, эти регионы страдают от повседневного загрязнения окружающей среды (круглосуточно сжигаемый газ, грохочущий в африканской ночи, портит рифленые крыши и обжигает горло людей).

Вот уже 40 лет общины жалуются на свое тяжелейшее положение. Часто их протесты жестоко подавляются военной силой, оставляя на поле брани горы трупов, множество раненых и бездомных.¹¹⁹ Детей, даже 10-летних, насиловали и убивали. Целые деревни и города были уничтожены. Невозможно выразить словами страдания жителей дельты. После одного из нападений на город Оди в 1999 году президент нигерийского сената Чуба Окадигбо просто сказал: «Факты говорят сами за себя. О чем можно говорить, если уже не с кем разговаривать?»¹²⁰

За последние десять лет возмущение только росло, поэтому молодежь, ставшая более радикальной, использует новые тактики для ответного удара, применяя насилие и захват заложников. Работать в таком регионе для Уотсона-Кларка было небезопасно – такие кон-
трактники, как он, часто становились объектом нападения. Главные управляющие Shell

¹¹⁹ «Kidnappings, Sabotage Slash Nigerian Oil Output», Agence France Presse, January 12, 2006.

¹²⁰ См.: <http://english.aljazeera.net/NR/exeres/5F9B91A6-C289-446B-A08EFF9A2BA73791.htm>.

могущественны, но они далеко, их не достать, а работающие на них контрактники рядом. А Shell использование контрактников вместо штатных сотрудников было очень выгодно, позволяя ей откешиваться от них в случае необходимости.

11 января страсти накалились. Меры безопасности на «Службе свободы» были усилены. Свою уязвимость Уотсон-Кларк и его команда ясно осознали днем, когда заметили три быстро приближающихся катера, на которых находились 40 человек: на их одежде были видны традиционные знаки воинов народа айжав. С корабля отправили на перехват одну из шлюпок. «Мы перехватили три катера, а когда подошел наш корабль, они увидели, что мы превосходим их числом и оружием, и отступили, – вспоминал Уотсон-Кларк. – Это было тактическим ходом».

Некоторые нигерийцы из военно-морского флота все еще были на борту «Службы свободы». «Честно говоря, я думал, что мы контролируем ситуацию, хотя они [повстанцы] были хорошо вооружены. Я решил, что мы с ними справимся», – рассказывал Уотсон-Кларк.

Ему удалось вывести другие грузовые суда из опасной зоны и закрыть доступ к нефтеналивному судну «Морской орел». Затем команда Уотсона-Кларка начала обстрел: «Насколько я помню, мы первыми открыли огонь, а потом они [повстанцы] стали стрелять из всего, что у них было». У повстанцев оказались и бронебойные снаряды, поэтому «Службе свободы» пришлось нелегко. «Это было очень тяжело, наш корабль подвергся жестоким разрушениям».

Уотсон-Кларк находился на мостике. Вокруг него рвались снаряды. Чудом никто не был ранен, кроме Уотсона-Кларка, оцарапавшего подбородок. Но нигерийские солдаты, служившие на корабле, не старались отбить нападение повстанцев – те люди, которые находились в шлюпках, уклонялись от сражения, а остававшиеся на борту просто спрятались. «Нападающие поднялись на борт, потому что никто уже не мог оказать им сопротивление. Мы должны были сдаться. Тогда я подумал: “Это плохо”. Не знаю почему, но я испугался. Мне еще не доводилось попадать в подобную переделку, даже на флоте. Как будто я участвовал в каком-то фильме».

Только оказавшись в заложниках, Уотсон-Кларк понял, что нападающие, возможно, и не собирались брать заложников. Повстанцы заспорили о том, стоит ли обстреливать реактивными снарядами нефтеналивное судно «Морской орел». Через три часа заложников увезли в дельту Нигера. Для внешнего мира они исчезли в болотах. Весть о нападении взвинтила цены на нефть.¹²¹

Для Уотсон-Кларка и других заложников плен стал лишь началом. «Они сразу же поняли, что я представитель Shell, – вспоминал он. – Они всегда обращались только ко мне. Некоторым повстанцам не нравилось то, что я защищал. Для них я был олицетворением всего того, против чего они боролись, – против Shell и их федерального правительства».

¹²¹ Xinhua Financial Network News, «China Defends African Policy, Touts Mutual Benefits following CNOOC Oil Deal», January 13, 2006.

Входит Китай: новый экономический конкурент

В тот же день, 11 января, министр иностранных дел Китая Ли Заоксинг отправился в Африку для обеспечения растущих потребностей Китая в африканской нефти и газе. Эта поездка предусматривала, конечно же, и посещение Нигерии. Опытный дипломат, бывший посол Китая в США, Ли был направлен в столицы Африки лишь потому, что китайцы заинтересовались богатыми ресурсами континента. Китаю, как и многим другим странам, требовалось все больше африканской нефти, поскольку ее потребление в Китае за последние десять лет заметно возросло. К 2005 году Китай импортировал 40 % нефти,¹²² что делало его вторым крупнейшим экспортером нефти после США.

Через два дня после приезда Ли Заоксинга Китай сделал свой первый доклад на континенте. «Африка изобилует природными ресурсами, которых так не хватает для экономического развития Китая», – сказал прессе заместитель министра иностранных дел Лу Гуо-зэн.¹²³ Во время своего путешествия Ли подчеркнул, что планы Китая укрепить свои связи с Африкой основывались на концепции взаимной выгоды в экономическом и военном сотрудничестве.¹²⁴ Китай намеревался получить доступ к ресурсам в обмен на военную помощь.

Его визит не прошел незамеченным в нефтяных столицах мира. За неделю до поездки китайская государственная нефтяная компания CNOOC объявила, что заплатит 2,3 миллиарда долларов за 45 % акций в оффшорном нигерийском нефтяном блоке. Такое решение заставило аналитиков задуматься: этого блока избегали Shell и другие крупнейшие западные нефтяные компании, и даже охотно скупающая активы индийская Oil and Natural Gas Corporation отказалась от него из-за сомнительной законности права владения им. Китай показал этим, на какой большой риск он готов пойти в своем желании скупать иностранные энергетические активы.¹²⁵

Сделка между Китаем и Нигерией была заключена как взаимовыгодная. «Китай – гигантский рынок с гигантскими потребностями, и мы можем их удовлетворить», – сказал Нгози Оконджо-Ивеала, министр финансов Нигерии и бывший вице-президент Всемирного банка.¹²⁶ «Сделка с Нигерией предоставила CNOOC первую базу в Африке. Мы будем исследовать дальнейшие возможности на этом континенте», – сказал Фу Ченгиу, президент CNOOC.¹²⁷ Всего за шесть месяцев китайские фирмы подписали нефтяные соглашения на 7 миллиардов долларов с Казахстаном, Нигерией и Сирией.¹²⁸ Шесть недель спустя CNOOC заключила другое нефтяное соглашение в Экваториальной Гвинее.

¹²² «China Unveils New Partnership Plan for Africa», AFX News, January 16, 2006.

¹²³ T. Pitman, «Chinese Foreign Minister Heads to Africa on Weeklong Tour of Oil-Rich Continent», Associated Press, January 11, 2006.

¹²⁴ A. R. Mihailescu, U.P.I. Energy Watch, February 7, 2006.

¹²⁵ См.: www.cnooc.com.cn/defaulten.asp.

¹²⁶ J. McDonald, «China Spending Billions on Foreign Oil But Trying to Curb Appetite», Associated Press, Beijing, February 6, 2006.

¹²⁷ См.: <http://api-ec.api.org/fi/lelibrary/BacApr5.pdf>.

¹²⁸ См.: www.israeleconomy.org/strategic/africatranscript.pdf.

Интересы Вашингтона в Дельте

Нигде за интересами Китая в Африке не следили так пристально, как в Вашингтоне. После 11 сентября Америка старалась обеспечить себе экономическую безопасность через диверсификацию своих источников энергии. За последние пять лет эксперты администрации Буша и множество влиятельных правых рассматривали Африку, особенно Нигерию, как альтернативный вариант зависимости от нефти Среднего Востока. Африка стала «следующим Заливом» – нефтяным резервуаром, расположенным далеко от таких проблемных стран, как Ирак, Иран и Саудовская Аравия. В настоящее время Нигерия поставляет 10 % американской нефти, но правительство США планирует наращивать объемы и в следующее десятилетие импортировать примерно 30 % нефти.¹²⁹

Если западно-африканская нефть чрезвычайно важна для США, необходимо усилить ее защиту. После 11 сентября на каждой конференции и в каждом докладе аналитики доказывали, что Гвинейский залив следует объявить зоной «особого интереса» Америки и защищать его американскими вооруженными силами. Например, конгрессмен-республиканец Эд Ройс сказал на нефтяной конференции в январе 2002 года: «Я считаю, что нефть Африки должна рассматриваться как приоритетный элемент национальной безопасности США после 11 сентября».¹³⁰

На этой же конференции присутствовала подполковник Карен Квиатковски из Департамента обороны по делам Африки. Она тоже отметила, как «важна Африка для оборонительной политики и безопасности США», и объяснила, как за последнее время Америка развивала программу «международного военного обучения и подготовки» в Нигерии. Количество атташе министерства обороны в Африке за последние три года удвоилось. Квиатковски заявила, что военные стремятся понять задачи и трудности американских энергетических компаний и инвесторов в Черной Африке: «Чем больше мы знаем, тем лучше сможем помочь».¹³¹

В результате была сформирована рабочая группа – Группа инициативы нефтяной политики в Африке (African Oil Policy Initiative Group). Ее отчет был передан в Комитет Палаты представителей по энергетике и торговле 12 июня 2002 года. Председатель комитета, республиканец Билли Тозин из Луизианы, сказал: «11 сентября заставило американскую общественность осознать, насколько мы зависим от энергетических ресурсов Среднего Востока. Этот день показал нам ценность диверсификации энергетических поставок. Важно строить новые отношения с новыми поставщиками ресурсов... и обратить свой взгляд на Африку и другие регионы мира».¹³² Согласно одной из ключевых рекомендаций отчета, «Конгресс и администрация президента должны объявить Гвинейский залив зоной “особого интереса”» для США.¹³³

С тех пор другие эксперты приходили к таким же выводам: «Соединенные Штаты имеют жизненно важные – растущие – национальные интересы в Западной и Центральной Африке, сконцентрированные в Нигерии и Анголе, но не ограничивающиеся ими», – сообщила оперативная группа Центра стратегических и международных исследований (CSIS) в марте 2004 года. Эта «сложная, нестабильная область» была критически важной для

¹²⁹ Там же.

¹³⁰ См.: его комментарии <http://usembassy.state.gov/nigeria/wwwhp061402b.html>.

¹³¹ См.: <http://www.israeleconomy.org/strategic/africawhitepaper.pdf>.

¹³² Отчет можно найти на: www.csis.org/africa/GoldwynAfricanOilSector.pdf.

¹³³ Available at http://www.csis.org/africa/0507_GulfofGuinea.pdf.

«безопасности и диверсификации энергетических поставок США».¹³⁴ В июле 2005 года новая оперативная группа CSIS рекомендовала США «четко обозначить безопасность и управление в Гвинейском заливе в качестве приоритетного направления внешней политики США».¹³⁵

В том же месяце, когда Уотсон-Кларк был взят в заложники, влиятельный Совет по внешним отношениям опубликовал доклад своей независимой оперативной группы в Африке. Вновь отмечалась важность африканской нефти для национальной безопасности США. Но теперь также подчеркивалась опасность, исходящая от Китая, который тоже боролся за эту нефть. «К концу декады, – говорилось в докладе, – Черная Африка, скорее всего, станет таким же важным источником импорта энергетических ресурсов США, как и Средний Восток. Китай, Индия, Европа и другие конкурируют друг с другом и с США за доступ к нефти, природному газу и другим природным ресурсам».

Одним из председателей оперативной группы был Энтони Лейк, бывший помощник советника по вопросам национальной безопасности администрации Клинтона, а в 2002 году – председатель Комитета ЮНИСЕФ по гуманитарной помощи. На обсуждении доклада Лейк подчеркнул, что интересы США в Африке выходят за пределы «гуманитарных» забот и касаются трех важнейших вопросов: нефть, Китай и терроризм. «Африка обеспечит постоянный рост нефтедобычи в течение последующих двух или трех лет в любой стране мира. К 2010 году Африка, возможно, будет поставлять нам столько же нефти, сколько и Средний Восток».

Говоря о Китае, Лейк отметил следующее: «В настоящее время Китай получает 28 % всей импортируемой нефти из Африки. Ему принадлежат 40 % нефтяной промышленности Судана. Китайские компании, активно поддерживаемые своим правительством, в состоянии конкурировать с американскими предприятиями благодаря очень эффективным, если не сказать нечестным, методам. Например, недавно Китай выдал Анголе кредит на 2 миллиарда долларов под будущие поставки нефти, чтобы получить право на эксплуатацию нефтяных месторождений в этом регионе. Такими же методами Китай борется за нефтяные запасы, в которых мы так сильно нуждаемся, в богатом нефтью Гвинейском заливе, включая Нигерию».¹³⁶

Лейк также заявил, что Китай не враг США в Африке, он лишь мешает добиться большей прозрачности, лучшей бизнес-практики и снижения коррупции на континенте.

Другим председателем оперативной группы был Стивен Моррисон, также руководитель Африканской программы в CSIS и бывший представитель администрации Клинтона. Моррисон был центральной фигурой в спорах об эксплуатации африканской нефти и о необходимости обеспечения прозрачности сделок. Соглашаясь с экспертами правых в Вашингтоне в том, что нефть Африки должна получить статус особого интереса США, Моррисон также заявлял, что эти соглашения должны были быть прозрачными и способствовать развитию страны и соблюдению прав человека.

Циничный наблюдатель, возможно, скажет, что это очень мудрая позиция: в течение стольких лет заключалось такое количество коррумпированных сделок, когда местное население не получало практически никаких средств, что статус кво не может продолжаться. Если энергетическую безопасность США можно гарантировать только африканской нефтью, эксплуатация этой нефти может быть гарантирована только в том случае, если Америка пообещает африканцам выгоду от этого. Таким образом, прозрачность нефтяных

¹³⁴ См.: www.cfr.org/publication/9371/more_than_humanitarianism.html.

¹³⁵ Rory Carroll, «China's Gold Mine», *Guardian*, March 28, 2006.

¹³⁶ P. Brookes and J. Hye Shin, *China's Influence in Africa: Implications for the United States*, Heritage Foundation Background paper no. 1916, February 22, 2006.

соглашений становится инструментом, который позволит сделать эксплуатацию африканской нефти приемлемой для местного населения.

В то время как Вашингтон и европейские столицы использовали эти новые инструменты эксплуатации, Китай предпочел старые методы, с их грубой силой денег, попранием прав человека и отсутствием прозрачности. «Китай стремится удовлетворить свои собственные коммерческие и стратегические интересы, основываясь на бесчувственной, расчетливой логике», – писал Рори Кэрролл в *Guardian*. «Они пришли делать деньги – и как можно больше».¹³⁷

Действия Китая в Африке, конечно же, обеспокоили Вашингтон. «Америка, ее союзники и друзья считают, что их видению процветающей Африки, управляемой демократами, которые соблюдают права человека, законы и принципы свободной торговли, угрожает растущее влияние Китая на этом континенте, – писал правый Фонд наследия в Вашингтоне. – Укрепляющиеся связи между Китаем и Африкой тревожат нас не только потому, что они способствуют заключению сделок по энергетическим ресурсам и оружию, но и потому, что конкурируют с американо-африканской торговлей».¹³⁸ Правый эксперт, который создал жестокую эпоху рейгановской экономики, теперь жаловался на недобросовестное поведение Китая – новой экономической силы на континенте! Так же как и старые экономические убийцы в Африке – Америка и Европа – демонстрировали показную добросовестность по отношению к континенту, новый экономический убийца – Китай – не только вторгся на их территорию, но и использовал при этом те же бизнес-методы, которые старые экономические убийцы с опозданием объявили аморальными и устаревшими.

Однако в конечном счете и те, и другие стремятся к эксплуатации, и неважно, как это преподносится. Один ученый из китайской Академии социальных наук утверждал в интервью *Economist*, что поведение Китая на самом деле напоминало поведение старых колониальных держав. «Так как мы пришли туда в основном для зарабатывания денег и получения доступа к ресурсам, – сказал он, – сложно найти разницу».¹³⁹

¹³⁷ «No Questions Asked: China and Africa», *Economist* (U.S. edn.), January 21, 2006.

¹³⁸ K. Houreld, «My Rendezvous with the River Rebels», *Daily Mail*, March 22, 2006.

¹³⁹ M. Birnbaum, *Nigeria: Fundamental Rights Denied: Report of the Trial of Ken Saro-Wiwa and Others, Article 19, in association with the Bar Human Rights Committee of England and Wales and the Law Society of England and Wales, Appendix 10: Summary of Affidavits Alleging Bribery*, June 1995.

Военизация торговли

«Нам грубо дали понять, что мы останемся здесь надолго. Я осознал, что мы оказались в очень тяжелой ситуации», – вспоминал Найджел Уотсон-Кларк. Заложников отвели в деревню, где-то в дельте Нигера. «Мы все четверо чувствовали, что попали в большую беду, из которой нам сложно будет выпутаться».

После двух дней плена Уотсону-Кларку приказали позвонить в агентство новостей Reuters и продиктовать требования похитителей. В частности, они добивались передачи контроля над нефтью местному региону; Shell должна была выплатить 1,5 миллиарда фунтов стерлингов в качестве компенсации за загрязнение окружающей среды, а также требовали освободить бывшего губернатора штата Бэйилса Дипреи Аламиесейга (Diepreye Alamiyeseigha) и изгнать иностранцев из региона.

«Главные требования касались расширения контроля над ресурсами, изгнания всех иностранцев и выплаты 1,5 миллиарда фунтов стерлингов штату Бэйилса, – рассказывал Уотсон-Кларк. – Они ни в коем случае не требовали денег лично себе. И не настаивали на обычных в таких случаях условиях освобождения заложников». Многие годы заложников брали с целью получения за них выкупа, но на этот раз все было по-другому. Как только Уотсон-Кларк прочитал требования похитителей, ему стало не по себе – он понимал, что их никто никогда не выполнит.

Похитители отслеживали новости по CNN и BBC, чтобы выяснить, какую шумиху вызвал захват заложников, и были недовольны тем, как мало об этом говорили. Как ни странно, в то время мировая пресса была занята исключительно китом, заплывшим в Темзу в Лондоне. «Этот кит очень их разозлил», – говорил Уотсон-Кларк.

Похитители Уотсона-Кларка называли себя MEND – Движением за эмансипацию дельты Нигера (Movement for the Emancipation of the Niger Delta). Мировая пресса называла их «пиратами», «партизанами» и «темными», но это была молодежь из дельты, чьи жизни искалечила нефть, подтолкнув их к жестокому сопротивлению, чтобы привлечь внимание к своей тяжелой судьбе. Их требования были продиктованы застарелым нефтяным конфликтом. Для жителей дельты Нигера, особенно для племени иджо, эти требования были абсолютно оправданными. Один из представителей MEND пожаловался британскому журналисту: «У нас нет питьевой воды, школ, электричества, работы». Другой сказал: «Мы не террористы, мы борцы за свободу».¹⁴⁰

Сведущие в этом конфликте люди считают MEND союзом молодежных группировок иджо, которые стали радикалами за последние несколько лет. Иджо – одна из крупнейших этнических групп в дельте с наиболее активной общиной, борющейся с нефтяными магнатами в союзе с малочисленными огони. Обе общины, как и другие в дельте, уже давно требуют расширения контроля над прибылью от торговли нефтью, добываемой на их земле. Они также добиваются справедливой компенсации за загрязнение окружающей среды и разрушение их региона.

Именно огони привлекли внимание мировых СМИ, когда их лидер, Кет Саро-Вива, был убит нигерийскими военными после фиктивного суда в 1995 году. Свидетели двух главных обвинителей на этом процессе позднее признались, что им заплатили Shell и другие за лжесвидетельства против Саро-Вива.¹⁴¹ Это заявление компания энергично отрицает.¹⁴²

¹⁴⁰ S. Buerk, e-mail to Andy Rowell, July 11, 2005.

¹⁴¹ См.: www.guardian.co.uk/oil/story/0,1717598,00.html.

¹⁴² Environmental Rights Action, Hell in Iko: The Story of Double Standards, July 10, 1987; Andrew Rowell, Green Backlash: Global Subversion of the Environment Movement (London: Routledge, 1995), p. 294–95.

Первый протест огони против Shell был отмечен в 1966 году, всего через восемь лет после обнаружения компанией Shell нефти в дельте. В следующем году иджо по имени Исаак Боро сформировал Службу добровольцев дельты Нигера и устроил восстание под красным флагом. «Если мы будем бездействовать, – писал он, – мы обречем себя на нескончаемое рабство». Он выступил против нефтяных компаний и «их постоянных жестокостей по отношению к нашему народу и их злостному нежеланию улучшить жизнь людей». Солдат доставили на место восстания на лодках Shell. Вскоре Боро сдался, и на этом завершилась первая революция иджо.

Поднятое Боро восстание вдохновило Алхаджи Докубо Асари на формирование Добровольных сил жителей дельты Нигера в 2004 году, что грозило затяжной войной в дельте. Эта угроза вызвала шок в нефтяной промышленности, и цены на нефть в мире подскочили. Конечно же, Асари был арестован и обвинен в измене. До сих пор многие иджо требуют освобождения Асари.

Требование MEND освободить губернатора штата Бэйилса Дипреи Аламиесейга объяснялось тем, что он стал героем иджо, потому что боролся за увеличение доли доходов от торговли нефтью для своего народа. Но он был арестован за коррупцию и отмывание денег. Последнее требование MEND повторяло, по сути, предписание нигерийского суда к Shell выплатить 1,5 миллиарда долларов в качестве компенсации за загрязнение окружающей среды в дельте Нигера, особенно в районе поселений иджо. Действительно, в следующем месяце нигерийский федеральный суд оставил свое решение в силе,¹⁴³ но компания Shell все-таки отказывалась платить.

Хотя восстание Боро вынесло нищету и загрязнение окружающей среды на политический уровень, нефтяные компании в сотрудничестве с армией продолжают подавлять любое инакомыслие всякий раз, когда люди требуют справедливого распределения нефтяных доходов и прекращения загрязнения их региона. В начале 1980-х годов представителей народности ико в Андониланде арестовали после демонстрации. В 1987 году два человека погибли и примерно 40 домов были уничтожены после вмешательства Мобильных полицейских сил (МПС), которых местные окрестили «Смертельными силами».¹⁴⁴ В 1990 году 80 человек погибли и 495 домов были уничтожены, когда МПС напали на общину в Умечеме; Shell вызвала именно МПС после очередной демонстрации против компании.¹⁴⁵ Список на этом не заканчивается. Тысячи огони были убиты в начале 1990-х годов во время ответного удара сил безопасности за их выступление против Shell.

В мае 1994 года местный военачальник, майор Пол Окунтимо писал: «Деятельность Shell по-прежнему невозможна, пока не будут приняты жесткие военные меры для продолжения спокойной работы».¹⁴⁶ В итоге жесткие военные меры были приняты. Позднее Shell признала, что, по крайней мере, однажды она заплатила полевую надбавку Окунтимо и его людям.¹⁴⁷

¹⁴³ Hon. O. Justice Inko-Tariah, Chief J. Ahiakwo, B. Alamina, Chief G. Amadi, Commission of Inquiry into the Causes and Circumstances of the Disturbances That Occurred at Umuechem in the Etche Government Area of Rivers State in the Federal Republic of Nigeria, 1990; J. R. Udofi a, «Threat of Disruption of Our Oil Operations at Umuechem by Members of Umuechem Community», Letter to Commissioner of Police, October 29, 1990.

¹⁴⁴ Подполковник Пол Окунтимо, RSIS Operations: Law and Order in Ogoni Etc., комментарии председателя Оперативной группы по внутренней безопасности Речного штата для его Превосходительства, конфиденциально, 12 мая 1994 года.

¹⁴⁵ A. Rowell, «Shell Shock», New Zealand Listener, December 14–20, 1996; A. Rowell, «Shell Cracks», Village Voice, December 11, 1996.

¹⁴⁶ A. Rowell, J. Marriott, and L. Stockman, The Next Gulf: London, Washington and Oil Conflict in Nigeria (London: Constable, 2005).

¹⁴⁷ WAC Global Services, Peace and Security in the Niger Delta – Conflict Expert Group, Baseline Report, Working Paper for SPDC [Shell Petroleum Development Company], December 2003.

В конфликты были втянуты не только огни и Shell. В конце 1990-х годов двое молодых людей из племени илладже были убиты, после того как безоружный молодой человек захватил нефтяную платформу Chevron. Опять же были вызваны МПС, которые прибыли на вертолетах Chevron. Месяц спустя нигерийские силы (на этот раз им заплатила Chevron) убили четырех протестующих, а еще 67 человек пропали без вести. Покойный нигерийский академик Клод Аке назвал эту связь между правительством и компаниями «военизацией торговли», обвинив союз частных нефтяных компаний с государством в угнетении и жестокости.¹⁴⁸

В декабре 2003 года благодаря утечке информации стало известно, что сотрудников Shell, «а особенно руководство компании, при посещении местных поселений обычно сопровождают МПС». Согласно тому же источнику, методы деятельности Shell «создают, поощряют или усиливают конфликты», и «после 50 лет в Нигерии» Shell стала «неотъемлемой частью конфликтов в дельте Нигера».¹⁴⁹

Но другие игроки тоже вскоре станут частью конфликтной ситуации. Когда Уотсон-Кларк и его товарищи по несчастью погибали от диареи и усталости в болотах,¹⁵⁰ в аэропорту Абуджа уже готовилась красная дорожка для китайского министра иностранных дел Ли Заоксинга. В качестве услуги за услугу Ли пообещал Нигерии поспособствовать включению Африки в Совет безопасности ООН: «Китай поддерживает Африку в ее желании реформировать ООН», – сказал он, забыв отметить, что Китай постоянно блокировал резолюции ООН, осуждающие Судан за геноцид в Дарфуре. Теперь Китай стремился заполучить нефть Африки.¹⁵¹

«Китай и Нигерия – хорошие друзья», – говорил он. – «У нас много общего в области политики, экономики, спорта и студенческого обмена».¹⁵² Торговля, спорт и студенты – это не все, чего Нигерия ждет от Китая. Когда в том же месяце вице-президент Нигерии Аттику Абубакар давал интервью Financial Times, он выразил озабоченность медлительной реакцией США на борьбу против таких повстанцев, как MEND. Он объяснил, что в отсутствие поддержки США Нигерия обратилась к Китаю за поставками оружия. В 2005 году китайцы заключили сделку на 250 миллионов долларов о поставке Нигерии 12 истребителей; сообщалось также, что Китай обеспечит десятки патрульных катеров для слежения за бухтами дельты.¹⁵³

Хотя за последние годы американцы усилили свое военное присутствие в Гвинейском заливе, чтобы отстоять свои интересы, Китай вновь опередил всех других. Заложником был британский пехотинец, но его похитителям, возможно, скоро придется столкнуться с китайским оружием. Чем сильнее интерес Китая в нефтяных ресурсах дельты, тем больше он будет участвовать в военизации этих ресурсов.

Дни шли, и похитители Уотсона-Кларка возвращались с рассказами об убийствах и перестрелках. «Стало очень, очень тяжело, – вспоминал он. – С каждым днем нас охватывало все большее отчаяние. По своей природе я оптимист, но мною все больше овладевало отчаяние, так как я понимал, что мы не выберемся. Стало совсем тяжело».

¹⁴⁸ См.: http://news.biafranigeriaworld.com/archive/bbc/2006/01/21/nigerian_rebels_vow_new_oil_raids.php.

¹⁴⁹ «China Backs Africa for Seat on UN Security Council», Agence France Presse, FM, Abuja, January 16, 2006.

¹⁵⁰ Там же.

¹⁵¹ См.: www.defenseindustrydaily.com/2005/09/nigeria-spends-251m-for-chinese-f7-fighters-after-oil-deals/index.php; D. Mahtani, «Nigeria Accuses US of Failure to Help Protect Its Oil Assets», Financial Times, February 28, 2006.

¹⁵² Цитируется по: www.winne.com/nigeria/topinterviews/edmund_daukoru.php.

¹⁵³ Там же.

В центре внимания СМИ

Кризис с заложниками случился в самое неподходящее время для доктора Эдмунда Даукору. Министр по нефтяным ресурсам Нигерии, Даукору стал президентом ОПЕК 1 января 2006 года. Каждый первый день Нового года нефтяной картель меняет президента, и теперь пришла очередь Нигерии. Будучи министром, ответственным за нефть, именно Даукору получил желанную корону.

Этот год должен был принести ему мировую славу, поэтому молодой 62-летний министр с удовольствием предвкушал два своих важнейших выхода в качестве президента ОПЕК. Скромный мальчик из дельты Нигера прошел длинный путь, в основном с нефтяной компанией Shell. «Я с самого начала был нефтяником», – говорил Даукору. «После получения среднего образования Shell отправила меня учиться за границу. Я изучал геологию в Королевском колледже в Лондоне. Защитив докторскую, я вернулся в Нигерию, чтобы работать в Shell. Так что я с самого начала был приверженцем Shell – сперва как ученик, а потом как сотрудник».¹⁵⁴ Даукору работал на компанию в Нидерландах, Италии, Испании, Франции, Швейцарии, Тунисе и, конечно же, в Нигерии.

Этот приверженец Shell «поднялся по карьерной лестнице и стал первым местным главным геологом в отрасли, а затем первым местным генеральным управляющим и руководителем исследований месторождений». В то время это была высшая должность, которую нигериец мог достичь в Shell. Компания помогла Даукору стать управляющим в Нигерийской национальной нефтяной корпорации (NNPC) на 18 месяцев (1992–1993).¹⁵⁵

Однако вскоре после прихода к власти диктатора генерала Сани Абача в 1993 году Даукору уволили из NNPC.¹⁵⁶ Но шесть лет спустя президент Обасанджо пригласил его в советники. В ответ на назначение министром по нефтяным ресурсам в 2005 году Даукору заявил: «Мы должны взять свою судьбу в собственные руки».¹⁵⁷

Он не единственный «нефтяник», который перешел из Shell в правительство. Руфус Ада Джордж, бывший сотрудник Shell Petroleum Development Company (SPDC), был губернатором Речного штата в дельте во время восстания огони в начале 1990-х годов. Годвин Омене, заместитель управляющего SPDC, был назначен главой Комиссии по развитию дельты Нигера в 2001 году. Эрнест Шоункан, ставший ненадолго президентом в 1993 году, был директором SPDC.

Переход руководящего состава Shell на государственную службу только подтверждает уверенность населения дельты в том, что Shell и правительство едины. Действительно, активист огони Кен Каро-Вива однажды сказал о нарастающем протесте общины: «Он [протест] направлен против Shell и федерального правительства, потому что они заодно друг с другом в стремлении уничтожить народ огони». Борьба Каро-Вива против Shell стоила ему жизни, в то время как карьера Даукору в компании вывела его на самую вершину нефтяной отрасли. Они оба родились в дельте, судьба обоих зависела от нефти, но результаты оказались раз-

¹⁵⁴ P. Adams, «Nigeria's Burden of Proof: Arrests Have Been Made But the State Oil Business Has Still to Satisfy the Industry that Its Reforms Are Working», *Financial Times*, November 3, 1993, p. 34; *Economist*, «Oiling the Big Wheels», November 6, 1993, p. 107.

¹⁵⁵ См.: веб-сайты: <http://allafrica.com/stories/200507150045.html>; <http://www.odili.net/news/source/2005/jul/17/201.html>; and <http://allafrica.com/stories/200507250536.html>; «Oil Exploration: 'We Must Take Our Destiny in Our Hands,'» *This Day*, July 24, 2005.

¹⁵⁶ M. Umar, «Stakeholders Applaud Daukoru's OPEC Presidency», *Business Day*, February 13, 2006.

¹⁵⁷ См.: www.weforum.org/site/homepublic.nsf/Content/China+Will+Rely+On+Domestic+Demand+For+Economic+Growth+%2C+Says+Zeng.

ными. Оба получили международную известность: Саро-Вива – благодаря своей смерти, а Даукору – благодаря назначению на должность президента ОПЕК.

История Даукору показывает, как вращающаяся дверь между компанией и государством позволяет малочисленной элите получать выгоду от эксплуатации нефти. Но Даукору, будучи черным, стал одним из редких исключений из правил нефтяной промышленности. Управляющие Shell всегда были белыми, до 2004 года, когда Базиль Омии стал первым нигерийцем, возглавившим важнейший филиал Shell в Нигерии – Shell Petroleum Development Company.

После назначения президентом ОПЕК приверженец Shell Даукору превратился из нигерийской знаменитости в человека с мировым именем. В нигерийской прессе его воспевали: «Это назначение укрепит уверенность международной торговли в целесообразности инвестирования в Нигерию», – заявляла Business Day.¹⁵⁸

Впервые в качестве президента ОПЕК он появился на Международном экономическом форуме в Давосе (Швейцария) – на ежегодном съезде мировой бизнес- и политической элиты. Давос расположен в Швейцарских Альпах; за окнами конференц-зала чистое, морозное голубое небо служило декорацией для утопающих в снегу сельских домиков. В зале примерно 2300 делегатов собрались на эксклюзивное заседание для налаживания связей и общения.

Представители ОПЕК приезжают в Давос вот уже десять лет, но на этот раз акцент был сделан на специальную программу, представляющую «Энергетический саммит» с темой «Управление тектоническими сдвигами». Доктор Даукору оказался в высокопоставленной компании. В саммите участвовал Билл Гейтс, богатейший человек мира, и такие политические гиганты, как Билл Клинтон, генеральный секретарь ООН Кофи Аннан, президент Всемирного банка Пол Волфовиц и министр финансов Великобритании Гордон Браун. То тут, то там мелькали голливудские звезды, такие как Майкл Дуглас, и легенды спорта – Пеле и Мохаммед Али. Рок-звезда Боно тоже прибыл в Давос.

В повестке дня много места уделялось растущему значению Китая и Индии. О Китае, достигшем роста ВВП 9,9 %, писали все газеты. Зенг Пеийан, вице-премьер Китая, быстро уверил публику, что ожидаемый рост потребления энергии в Китае не отразится на ценах на нефть и газ. «Китай не только крупнейший потребитель энергии, но и крупнейший производитель энергии», – сказал он.¹⁵⁹

Даукору тоже умел успокоить волнения по поводу энергетического рынка. На второй день конференции, во время делового обеда, он выступил с речью. Он начал с анализа ситуации на рынке за последние два года. «Нам было нелегко удовлетворить все возрастающую потребность в нефти крупных энергетических компаний, особенно из Китая и Индии, как и из других стран с развитой экономикой, таких, как США».

Затем Даукору заявил, что если и существовала одна-единственная важнейшая задача, то она заключалась в необходимости предотвратить резкие скачки на энергетическом рынке в будущем. «Век начался тремя годами высокой рыночной стабильности, что было выгодно всем участникам, – сказал он. – Но с тех пор мы столкнулись с абсолютно другой, весьма изменчивой ситуацией».

Если он имел в виду кризис, разворачивающийся в Нигерии, он не сказал об этом ни слова. Но проблема с заложниками так или иначе затрагивалась в Давосе. Председатель Royal Dutch Shell Иерун ван дер Вир завел разговор об этих заложниках. Фуншо Куполокун из Национальной нефтяной корпорации Нигерии уверил делегатов в том, что «дельта Нигера

¹⁵⁸ См.: www.weforum.org/site/knowledgenavigator.nsf/Content/_S15722?open&event_id=1462&year_id=2006.

¹⁵⁹ См.: www.timesonline.co.uk/article/0,3-2016701,00.html.

– безопасное место». Недавние волнения были лишь временным обострением – такие нефтяные компании, как Shell, уже привыкли к этому.

«То, что вы видите сейчас, – лишь очередной этап. Мы быстро справимся с ним», – сказал Куполокун. Во всяком случае захват заложников отвлек внимание общественности от того факта, что Нигерия и Западная Африка добывали нефть быстрее, чем ОПЕК. «Благодаря современным технологиям, нефтедобыча перестала быть проблемой», – сказал он. – «Проблема заключается в необходимости сокращения сроков подготовки месторождений к эксплуатации».¹⁶⁰ А жалобы населения на мучительную нищету и смертоносное загрязнение окружающей среды – всего лишь досадная помеха. Главное – как можно быстрее добывать нефть.

Передачи CNN о встречах в Давосе можно было смотреть в дельте, где Уотсона-Кларка удерживали похитители. После трансляции встречи между Обасанджо и Брауном члены MEND обрадовались. «Им это понравилось, они подумали, что это каким-то образом относится к ним. Они говорили: “Дела идут”, но в таком случае нас никогда бы не освободили».

¹⁶⁰ Найджел Уотсон-Кларк, цитируется по www.newsandstar.co.uk/news/viewarticle.aspx?id=326757; <http://news.bbc.co.uk/1/hi/england/somerset/4666186.stm>.

Долгожданные новости

Наконец, в понедельник 30 января рано утром родителей Уотсона-Кларка разбудил звонок сына. Найджела освободили. «Он сказал, что с ним все в порядке. Мы так рады, что он жив и здоров», – сказал его отец. Британский верховный комиссар в Нигерии Ричард Гозни сообщил программе «Сегодня» на «Радио-4» ВВС: «Поздно ночью мы узнали, что переговоры, которыми руководил губернатор штата Бэйилса в дельте Нигера, завершились успехом. Рано утром, с первыми лучами солнца, мы увидели заложников, они были живы и здоровы».¹⁶¹

На следующее утро Уотсон-Кларк прилетел в аэропорт «Хитроу», где его ждали жена Бриония Томкис и четверо детей. «Так замечательно оказаться дома. Я прекрасно себя чувствую. Моя семья со мной, а это очень хорошо», – сказал он ожидавшей его прессе.¹⁶²

Как это ни странно, Уотсон-Кларк не чувствовал облегчения, а только благодарность. «Я потрясен работой различных агентств, которые были там, в Лагосе, и освободили нас», – вспоминает он. Когда его спросили, какие именно агентства, он ответил: «Скотланд Ярл, ФБР, его начальство из Exro Group, Нигерийское отделение Tidewater и... были еще другие люди, о которых я не хотел бы говорить». Он добавил, что «помогли общие усилия». Были ли замешаны в этом секретные агенты, Уотсон-Кларк не сказал. Британским или американским агентам было не впервой вмешиваться в дела Нигерии. Как бы то ни было, Уотсон-Кларк был рад, что выпавшая на его долю новостная шумиха закончилась, и он дома.

А к доктору Даукору общественное внимание лишь начинало пробуждаться. В тот день, 31 января, он был в Вене, председательствовал на 139-м Экстренном собрании конференции ОПЕК в местном секретариате организации. Флаги государств картеля висели за спинами делегатов, как безмолвные телохранители, следящие за происходящим. Букеты оранжевых, желтых и белых цветов на главном столе переговоров оживляли унылое убранство зала. Вновь прозвучала озабоченность «высоким уровнем ценовой неустойчивости» на нефтяном рынке. Доктор Даукору в стильном сером костюме с поднятым воротником выглядел абсолютно спокойным. Если насилие в Нигерии и волновало его, он этого не показывал.

Когда пресса спросила его, увеличит ли ОПЕК производительность в 2006 году, Даукору ответил: «Мы всегда утверждали, что у нас гораздо больше резервных мощностей, чем нужно рынку». Он сообщил, что ОПЕК обладал резервной мощностью не менее 2 миллионов баррелей, и отметил, что в первом полугодии Нигерия планировала увеличить ежедневную добычу нефти на 600000 баррелей сверх добываемых 2,5 миллиона баррелей в день. Позднее его окружили представители мировых нефтяных СМИ, жаждущие подробнее расспросить ведущего нефтяного лидера на тот момент. Цена за баррель зависела от каждого его слова.

Другой человек, чьи слова могли повлиять на нефтяной рынок, тоже выступал в тот день. Алхаджи Докубо Асари, лидер Добровольческих сил жителей дельты Нигера, находящийся в заключении, сказал, что освобождение заложников стало «жестом доброй воли в сторону международного сообщества», но добавил, что нападения не прекратятся. Великобританию он отметил особо: «Мы, иджо и жители дельты Нигера, хотим напомнить людям во всем мире, что Великобритания способствовала незаконной, преступной и бесчеловечной оккупации и эксплуатации наших земель в течение 112 лет».¹⁶³

¹⁶¹ Alhaji Dokubo Asari, www.timesonline.co.uk/article/0,3-2017164,00.html.

¹⁶² Citigroup Global Markets, «Delta Force», The Pump, February 27, 2006.

¹⁶³ «Shell Defends Use of Nigerian Airfield by Attack Chopper», Agence France Presse, February 16, 2006. Also see www.coanews.org/tiki-read_article.php?articleId=738; <http://quote.bloomberg.com/apps/news?>

Интересно, что Асари обвинял старую колониальную державу в проблемах дельты Нигера, в то время как новые силы – Америка и Китай – начинали бороться за нефть Нигерии. Несомненно, Shell было выгодно британское колониальное правление в Нигерии, и ее продолжающееся доминирование в нефтяной отрасли Нигерии является колониальным наследием. Как ни парадоксально, монополистическое положение компании означает, что для Shell Нигерия остается также смертельным наследием.

В феврале 2006 года Citigroup опубликовал подробное исследование по Нигерии. «Согласно нашему анализу, – говорилось в нем, – Нигерия – важнейшая зона роста для Shell к началу нового десятилетия». Хотя рост Shell зависит в основном от шельфовых нефтяных месторождений, опыт Уотсона-Кларка показывает, что нефтедобыча в водном бассейне не ограждает местных жителей от проблем. Citigroup пришел к выводу, что Shell «из всех нефтяных компаний больше всех зависела от Нигерии. По нашим оценкам, к 2010 году в Нигерии добыча компании будет составлять 17 % от общего объема добываемой ею нефти в отличие от сегодняшних 11 %». Более того, в отчете сообщалось, что от этого региона зависит большая часть планируемого роста Shell в 2010 году.¹⁶⁴

Итак, спираль насилия продолжает раскручиваться, а в центре ее – Shell. В феврале MEND вновь захватила заложников, хотя позднее их тоже освободили целыми и невредимыми. Через две недели после освобождения Уотсона-Кларка нигерийские военные вертолеты напали на регион, расстреляв примерно 20 человек. Правительство заявило, что их целью были баржи, на которых тайно вывозили нефть. MEND обвинила военных в нападении на мирных жителей. Вновь Shell участвовала в насилии – появилась информация, что вертолеты использовали взлетную полосу компании, – и вновь Shell заявляла о своей непричастности к военным действиям. «Решение о вооруженном вторжении всегда принимают соответствующие власти, а не частные компании, подобные Shell», – сказал представитель компании.¹⁶⁵

Тем не менее, в следующем месяце Чарльз Драгонетт, старший аналитик Разведывательного управления ВМС США, признал, что Shell обратилась с просьбой о защите к американским военным. Драгонетт назвал мятеж иджо и конфликт, возникший из-за попытки президента Обасанджо удержать власть, причинами, по которым «ситуация в дельте Нигера не улучшится, по крайней мере, в ближайшее время», и заявил, что «нефтедобыча в Нигерии будет очень нестабильной в обозримом будущем».¹⁶⁶ Спустя 50 лет после того как Shell предоставила катера для усмирения восстания Исаака Боро, компания продолжает участвовать в военных и нефтяных конфликтах в Нигерии.

Китай только начинает вмешиваться. Интересно, что в отчете Citigroup было отмечено, что если «Shell захочет диверсифицировать свой портфель рисков» в Нигерии, потенциальными покупателями станут бразильская компания Petrobras и CNOOC, китайская государственная нефтяная компания.

Важность Нигерии для энергетических планов Китая вновь подтвердил государственный визит президента Ху Дзинтао в апреле 2006 года. В связи с этим Нигерия предоставила Китаю четыре лицензии на бурение в обмен на обязательство инвестировать, по крайней мере, 4 миллиарда долларов в нефтяную отрасль и инфраструктурные проекты.¹⁶⁷ В то время как красная дорожка вновь разворачивалась для почетного китайского гостя, MEND отправила электронное письмо следующего содержания: «Мы хотели бы предупредить китайское

pid=10000006&sid=aEmm3EpJnEh4&refer=home; <http://www.theallineed.com/news/0602/16185243.htm>

¹⁶⁴ Цитируется по www.fin24.co.za/articles/markets/display_article.asp?Nav=ns&lvl2=markets&ArticleID=1518-25_1903224.

¹⁶⁵ См.: <http://www.voanews.com/english/2006-04-27-voa13.cfm>.

¹⁶⁶ См.: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2006/04/30/AR2006043001022.html>.

¹⁶⁷ Речь Дика Чейни, произнесенная на осеннем обеде в Институте нефти, Лондон, 15 ноября 1999 г.

правительство и его нефтяные компании, чтобы они держались подальше от дельты Нигера. Китайские граждане, обнаруженные на нефтяных объектах, будут считаться ворами. Китайское правительство, инвестируя в нефть, толкает своих граждан под наш огонь».¹⁶⁸

Один человек уж точно не окажется на линии этого огня – Найджел Уотсон-Кларк. Он подал заявление об увольнении по возвращении домой, так как единственная работа в службе безопасности, которую могла предложить ему компания, оказалась опять на месторождении Echo Alpha. «Все в Нигерии знают, что существует огромная разница между тем, что происходит в Абудже, и баснословным богатством, которое вывозится из Нигерии и побережных штатов, где добывается», – сказал он. «Мне, конечно, не нравится то, что MEND сделала с нами, но их вынудили к этому. Их вынудили делать то, что они делают. Там множество людей, которые не получают никакого дохода от богатств страны. У них нет ровным счетом ничего». В Африке, отмечает он, нефть называют черным проклятием.

¹⁶⁸ Carola Hoyos, «Big Players Anticipate Iraq's Return to Fold», Financial Times, February 20, 2003.

Глава 7

Иракское дело: экономические убийцы за работой

Грег Маттит

Финальный приз

Еще за год до того как Дик Чейни стал вице-президентом США, он, будучи в то время главой компании Halliburton, так сказал о стратегии США в эпоху дефицита нефти: «К 2010 нам понадобятся поставки нефти в объеме 50 млн баррелей в день. Откуда поступит эта нефть? Запасы нефти есть во многих регионах мира, но в первую очередь нужно вести речь о Ближнем Востоке, где сосредоточены две трети мировых запасов нефти, а нефть – самая дешевая. Этот регион и есть наш главный приз».¹⁶⁹

Проблема для Чейни заключалась в том, что этот «приз» стал недостижимым для западных нефтяных компаний с 1970-х годов, когда большинство стран Ближнего Востока национализировали свою нефтяную отрасль. В Саудовской Аравии иностранные нефтяные компании не могут делать инвестиции. Конституция Ирана запрещает иностранный контроль над нефтяными ресурсами страны. Правительство Кувейта пытается привлечь иностранные компании к разработке нефтяных месторождений на севере страны, но этому препятствует парламент. Казалось, что легче всего будет изменить ситуацию в пользу западных компаний в Ираке, где находится 10 % всех мировых запасов нефти. Если бы удалось открыть Ирак для транснациональных корпораций, то, возможно, удалось бы путем давления заставить его соседей последовать этому примеру.

Именно такая перспектива представлялась американским нефтяным компаниям. Незадолго до вторжения США в Ирак в 2003 году американская нефтяная компания ConocoPhillips сделала такое заявление: «Мы знаем, где находятся лучшие иракские запасы нефти и жаждем получить доступ к ним».¹⁷⁰ Компания Shell заявила, что она намерена «добиться физического и долговременного присутствия в Ираке».¹⁷¹

Человеком, который способствовал выполнению этих планов, был Дэн Витт. Внешне он мало напоминал хищника – экономического убийцу. Маленького роста, в круглых очках и аккуратно причесанный, он больше походил бы на школьника, если бы не носил дорогие деловые костюмы. Один из коллег назвал его «сгустком энергии». Для него – привычное дело посетить за неделю три-четыре страны, курсируя между Вашингтоном и Лондоном, где у него находится второй офис, с выездом в такие страны, как Казахстан, Россия, Ливия и другие, где реализуются его проекты.

Витт возглавляет Международный центр по налогам и инвестициям (International Tax and Investment Center) – организацию, которая лоббирует выгодную для корпораций налоговую и инвестиционную политику в развивающихся странах и странах с переходной экономикой. Как он сам говорит: «Наше кредо заключается в том, что политика открытой экономики, которая привлекает инвестиции, более благоприятствует процветанию, чем политика закрытой экономики».

Сегодня этот центр, спонсорами которого являются 85 корпораций, имеет оборот 2,5 млн долларов. Несмотря на то что центр представляет интересы большого бизнеса, сам

¹⁶⁹ Shell in the Middle East, magazine, April 2005.

¹⁷⁰ Andrew Rowell, «Undue Influence», in al-Khaleej, June 4, 2006 (UAE) (in Arabic).

¹⁷¹ «ITIC 10-Year Review, 2003» (Washington, DC: International Tax and Investment Center, 2003), p. 4.

он зарегистрирован в Налоговой службе США как некоммерческая организация и называет себя «научно-исследовательским фондом». «Мы организуем своего рода «круглый стол», за которым лидеры корпораций делятся своими знаниями с политиками», говорит Витт, представляя свой центр как посредника между инвесторами и законодателями. Между тем, его центр отчитывается только перед его спонсорами-корпорациями, которые обеспечивают ему 90 % дохода. В совет директоров центра входят некоторые руководители крупнейших транснациональных корпораций мира.

Если центр и является «образовательным фондом», то «учителями» здесь являются корпорации, которые «дают уроки» правительствам развивающихся стран. Витт разделяет мнение многих западных правительств, корпораций и учреждений, таких, как Всемирный банк, о том, что развивающимся странам нужна «помощь специалистов» извне для содействия проводимым в них реформам, чтобы соответствовать стандартам лучшего мирового опыта. Те, кто так считают, представляют вопросы экономики и развития инфраструктуры лишь техническими, а не политическими, утверждая, что радикальная экономическая реформа ведется не с помощью лоббирования, а всего лишь посредством консалтинга. Порой такое лицемерие становится уж слишком явным. Так, в одном из своих интервью Витт извиняется за то, что «консультирует по Ираку», хотя никогда там не был: «Я чувствую себя немного неуютно от того, что не был там. Как можно делиться знаниями о стране, даже не побывав там? В этом случае будешь выглядеть лицемером».¹⁷² От занятия, которое заключается в том, чтобы «делиться знаниями», обычно не чувствуют себя неуютно. Между тем, когда за предложением оказать консалтинговые услуги и «поделиться знаниями», как в случае с Ираком, стоят те, у кого за спиной 150 тысяч солдат, размещенных в Ираке, от такого предложения довольно трудно отказаться.

Международный центр по налогам и инвестициям не ведет образовательную деятельность в масштабах государств в целом, а сосредотачивается лишь на отдельных политиках и официальных лицах. «С общественностью работать всегда сложно», поясняет Стив. «Мы не хотим брать на себя функции средств массовой информации».

Между тем, центр проводит тщательно спланированную политику, рассчитанную не только на сегодняшний день, но и на долгосрочную перспективу. Объектами этой политики становятся не только действующие правительственные чиновники, но и те, кто имеет шансы войти в правительства в будущем. Особенно активно такая работа ведется на территории бывшего Советского Союза. В докладе, посвященном итогам 10-летия работы центра, отмечается: «Высшие руководители стран СНГ, определяющие налоговую политику, узнают о деятельности Международного центра по налогам и инвестициям задолго до своего назначения на этот пост, еще будучи депутатами Госдумы, чиновниками менее высокого ранга в различных министерствах или главами региональных администраций».¹⁷³

Вице-президент компании Chevron Overseas Кент Поттер так говорит о роли центра: «Он во многом схож с Организацией экономического сотрудничества и развития и с Международным валютным фондом, разница лишь в том, что центр представляет частные компании».¹⁷⁴

Международный центр по налогам и инвестициям действительно может играть такую же роль, как вышеупомянутые государственные организации. Сам же Дэн Витт критически относится к своим коллегам из государственных институтов. «Слишком часто эти консультанты, обслуживающие проекты Всемирного банка или Департамента международного развития, не имеют опыта работы в данной сфере. Если бы они были опытными специалистами,

¹⁷² «ITIC Annual Report 1997».

¹⁷³ Deepa Babington, «About Half of All Iraqis Unemployed – Govt. Official», Reuters, February 9, 2006.

¹⁷⁴ «One Iraqi in Five Living in Poverty», Agence France Presse, January 25, 2006.

разве работали бы в организациях-донорах всего лишь за 85 тысяч долларов в год?» Если Витт с презрением относится к тем, кто получает «всего лишь» 85 тысяч долларов в год, то каково же его истинное отношение к тем странам, которым он пытается помочь?

Нефтяники Ирака

«Ирак – богатая страна, но его народ беден», сказал мне Хасан Джума, когда мы сидели в его гостиной старого дома в Басре, где он снимал квартиру. Для того чтобы убедиться в правоте его слов, мне нужно было осмотреться по сторонам. В квартире было очень аккуратно, но не было почти никакой мебели. Оштукатуренные стены, кое-где покрашенные, были испещрены трещинами. Хасану еще повезло: он 32 года работал в нефтяной отрасли и зарабатывал 200 долларов в месяц. Этих денег хватало только на то, чтобы заплатить за квартиру и прокормить семью из шести человек.

Сегодня, по данным иракского министерства планирования, более 50 % иракцев безработные.¹⁷⁵ Исследование, проведенное министерством труда в феврале 2006 года, показало, что пятая часть населения – а это 2 миллиона семей – живет за чертой бедности, которая исчисляется суммой меньше доллара в день на человека.¹⁷⁶

Нефтяник Хасан – коренастый мужчина, которому за 50, говорит не спеша, со спокойной уверенностью, так, что к его словам хочется прислушаться. Он совершенно прав по поводу богатства Ирака. Бывшая Месопотамия – или иначе Междуречье – известна как колыбель цивилизации. На плодородных землях между реками Тигр и Евфрат, где находится современный Ирак, человечество впервые стало возделывать землю и создавать города, там же была изобретена письменность. В древности богатством Ирака считалась вода, а сейчас это нефть – товар, на котором основана вся современная экономика.

Богатство Ирака делает его лакомым куском для Запада. Между тем, планам Дэна Витта существенно мешают иракские нефтяники, которые противостоят тому, чтобы Запад взял эту страну под контроль.

Хасан Джума возглавляет профсоюз, созданный вскоре после падения режима Саддама Хусейна, в который уже входит больше половины нефтяников южного Ирака. Сегодня Единый профсоюз работников нефтяной отрасли пытается отстоять природные ресурсы Ирака, защищаясь от хищнических транснациональных корпораций. Для будущего Ирака важно сохранить контроль над нефтяными ресурсами в руках нации, считает Хасан. «Нефть должна остаться в руках иракцев, ведь это – единственное наше национальное достояние, на котором построена наша экономика», – говорит он.

¹⁷⁵ См., например: отчет Группы развития национальной политики в области энергетики США «Национальная энергетическая политика», май 2001 г., с. 8–5; речь Джека Стро, министра иностранных дел и по делам Содружества Великобритании «Стратегические приоритеты внешней политики Великобритании», 6 января 2003 г.; доклад Министерства обороны Великобритании «Современные силы в современном мире (обзор стратегической обороны)», июль 1998, глава 2, параграф 40; Министерство иностранных дел и по делам Содружества, «Международные приоритеты Великобритании: стратегия Министерства иностранных дел и по делам Содружества», декабрь 2003 г.; Министерство торговли США, меморандум для президента, отчет по диалогу по энергетическим вопросам между США и Великобританией, 30 июля 2003 г.

¹⁷⁶ Dan Witt, «Applying the Principles of Taxation to the Russian Economy», Tax Features, September 1992, p. 7.

Карьерное продвижение Витта и создание его центра

Несмотря на наличие стратегического интереса к нефтяным ресурсам Ирака и Ближнего Востока в целом, что подтверждается многочисленными документами,¹⁷⁷ правительства Великобритании и США очень задевают обвинения в том, что они начали войну в Ираке в основном из-за нефти. Эти обвинения заставляют правительства Великобритании и США быть очень осторожными в реструктуризации нефтяной отрасли послевоенного Ирака. При этом партнерам этих правительств, частным компаниям и фондам нет нужды вести себя так же осторожно.

Сам Дэн Витт перешел из правительственных организаций в фонды и аналитические центры, проводящие правую политику, где он мог открыто продвигать свои радикальные взгляды. Получив степень магистра делового администрирования в университете Western Michigan University в 1984 году, Витт начал преподавать экономику в университете Victoria University of Wellington в Новой Зеландии. Там он приобрел известность как сторонник дерегулирования экономики. По возвращении в США два года спустя он начал работать в администрации Рейгана, сначала в Административном и бюджетном управлении, а потом – в президентской Комиссии по приватизации. Эта комиссия кардинально преобразовала систему услуг, которые государство предоставляет населению. Помимо рекомендаций приватизировать государственные предприятия, такие, как железнодорожная компания Amtrak и топливные базы ВМС США Naval Petroleum Reserves, а также создать конкуренцию в системе почтовой службы, комиссия пошла еще дальше, превращая граждан страны в потребителей. В своем докладе комиссия рекомендовала передать сферу образования, государственное жилищное строительство и реализацию правительственной программы медицинской помощи Medicare частному сектору, а население оплачивало бы эти услуги ваучерами, выдаваемыми им государством. Комиссия также призвала Агентство США по международному развитию продвигать политику приватизации в развивающихся странах.

Связи, которые Витт установил в администрации Рейгана, позже принесли ему пользу. Между тем, даже рейгановская экономическая политика казалась ему недостаточно жесткой. Один из членов комиссии, Ричард Финк, предложил Витту должность вице-президента в организации Citizens for a Sound Economy – лоббистской группе, которая продвигала политику дерегулирования экономики, и Витт с радостью принял это предложение. Финк основал эту организацию в 1984 году на деньги семьи Кох. Эта семья владела нефтяной компанией Koch Industries – второй крупнейшей частной компанией Америки. Через два года работы в Citizens for a Sound Economy Витт ухватился за другую возможность. Фонд Tax Foundation, который продвигал политику корпораций, призывая с 1937 года к снижению налогов внутри страны, испытывал финансовые затруднения и имел долги на сумму 500 млн долларов. Витт убедил Citizens for a Sound Economy сделать «дружественное приобретение контрольного пакета акций» этого фонда, куда он затем и перешел, став его исполнительным директором в апреле 1991 года.

В то время Советский Союз был уже на последнем издыхании, а его республики фактически заявляли о своей независимости. Именно это побудило Витта перейти от вопросов налогов внутри США, которыми он занимался ранее, к международным проблемам.

Уже через семь месяцев после этого его фонд «сыграл значительную роль в организации» конференции с участием представителей СССР и США, посвященной торговым и двусторонним экономическим отношениям, которая была проведена в Москве в декабре 1991 года. Эту конференцию посетили президент СССР Михаил Горбачев и президент России

¹⁷⁷ «ITIC 10-Year Review, 2003», p. 3.

Борис Ельцин. В американскую делегацию входили посол США Роберт Страусс, министр труда США Линн Мартин, заместитель министра финансов Джон Робсон, а также множество руководителей корпораций, которые приехали по приглашению Tax Foundation. Эта конференция стала для Витта началом его новой деятельности. Конференция состоялась всего за три недели до официального объявления о прекращении существования Советского Союза и обозначила новое направление, в котором пошли вновь созданные независимые государства. А на этом направлении огромное влияние имели Витт и его коллеги.

Летом 1992 года Tax Foundation направил в Россию делегацию из 11 руководителей корпораций – «вице-президентов по налогам из City Bank, Exxon и Philip Morris – людей, которые с интересом поехали в то сумасшедшее место в то время», – с целью проконсультировать Госкомитет по налогам и Министерство финансов России в части налогообложения иностранных инвестиций.

Tax Foundation предложил Чарльзу Маклуре из Института Гувера Стэнфордского университета представить официальное заявление этой делегации. Маклур с 1983 по 1985 годы был заместителем министра финансов, и именно его предложения легли в основу рейгановского акта о налоговой реформе 1986 года. Этот акт снизил верхнюю планку налога с 50 до 28 % и одновременно увеличил нижнюю планку с 11 до 15 %. Таким образом, значительная часть налогового бремени перешла от богатых к бедным.

В своем официальном заявлении Маклур предложил ряд рекомендаций для российской системы налогообложения. В частности, он порекомендовал снизить размер налогов и призвал Россию консультироваться с иностранными инвесторами, прежде чем принимать любой новый закон. В новостном бюллетене Tax Foundation Витт писал, что «был рад увидеть, что всего через три дня после того, как мы сделали это официальное заявление, Верховный Совет России проголосовал за снижение максимальной ставки на личные доходы граждан с 60 до 40 %».¹⁷⁸

Затем последовал ряд визитов в Россию и Казахстан, и в 1993 году Tax Foundation подписал протокол о сотрудничестве с министрами финансов этих двух стран. Вновь созданные правительства этих независимых государств стремились быстрее избавиться от политического наследия советской эпохи, а Витт хотел заполнить образовавшийся политический вакуум так, чтобы эта политика служила интересам американских корпораций.

Витт и Маклур решили, что пришло время создать новую организацию – Международный центр по налогам и инвестициям (International Tax and Investment Center), которая отделится от Tax Foundation, а ее президентом станет Витт. Финансы для новой организации было найти несложно – идея понравилась корпорациям, и спонсорами центра стали 20 крупнейших компаний США, такие, как Bechtel, Chevron, Citibank, Boeing, Nestle и Philip Morris.

Следующий шаг – создание необходимых политических институтов по обе стороны бывшего «железного занавеса». Витт и Маклур назначили сопредседателями совета директоров центра Джона Робсона и лорда Питера Уолкера. Робсон, юрист, в 1970-е годы возглавлял Комитет гражданской авиации США (Civil Aeronautics Board); известный своей жесткостью, он стал инициатором дерегулирования отрасли авиаперевозок. Затем, по протекции Дональда Рамсфелда, он работал в фармацевтической компании Searle, а потом перешел в администрацию Джорджа Буша-старшего заместителем министра финансов.

Питер Уолкер тоже умел быть жестким. Будучи министром энергетики в кабинете Маргарет Тэтчер, он одержал победу над Национальным профсоюзом шахтеров. В то время как Витт и Маклур сыграли главную роль в экономической политике Рейгана по приватизации и снижению налогов, та победа, которую Уолкер одержал над профсоюзом шахтеров, сыграла решающую роль в ослаблении Тэтчер влияния британских профсоюзов.

¹⁷⁸ Eduardo Lachica, «New Kazakh Tax System Is Applauded by Investors», Asian Wall Street Journal, May 7, 1995.

Как в России, так и в Казахстане, центр достиг больших успехов в плане влияния на налоговую политику государств. Как утверждает центр, те принципы, которые он продвигал в России, «стали основой налоговой политики в этой стране».¹⁷⁹ В 1999 году в России была принята первая часть нового Налогового кодекса, в котором отменялась прогрессивная шкала подоходного налога и вводился единый налог в размере 15 % для всех граждан, независимо от уровня их доходов. В Казахстане центр достиг еще большего влияния – там Чарльз Маклур подготовил документы, которые послужили основой для Налогового кодекса страны, принятого в 1995 году. Этот кодекс не обсуждался в парламенте по той простой причине, что президент Казахстана Нурсултан Назарбаев распустил парламент. Как и в российском документе, в Налоговом кодексе Казахстана речь шла как о налогах с физических лиц, так и о налогах с компаний. Подоходный налог был снижен с 60 до 40 %, а экспортные тарифы для корпораций были отменены. «Это простой и в то же время универсальный Налоговый кодекс, учитывающий интересы бизнеса, мы им очень довольны», – говорит Джене Хэндел, главный финансист корпорации Chevron.¹⁸⁰

Безусловно, Хэндел и его коллеги из Chevron были не меньше довольны успехами центра в части налогообложения нефтяной и газовой отрасли. В 1998 году шесть из одиннадцати рекомендаций, данных центром Комитету по налогообложению природных ресурсов Казахстана, были внесены в налоговый кодекс в виде поправок или инструкций.

¹⁷⁹ Министерство обороны США, «Операции по охране нефтепровода», пресс-релиз, 4 сентября 2003 г.

¹⁸⁰ Yergin, *The Prize: The Epic Quest for Oil, Money, and Power* (London: Simon & Schuster, 1991), p. 541.

Нефть и газ

Нефть и газ всегда занимали особое место в работе Международного центра по налогам и инвестициям. В исполнительный комитет центра входили четверо руководителей от корпораций; трое из них более 10 лет были представителями компаний Chevron, BP и British Gas. Делая упор на нефть и газ, центр разделяет стратегические интересы американского и британского правительств, внешняя политика которых многие годы подчинена главной цели – обеспечить постоянный приток нефти. В первой половине XX века нефть ценилась главным образом военными: им требовалось горючее для кораблей и танков, а позже и самолетов. Нефть сыграла важную роль во Второй мировой войне.

Одной из главных целей неудачного наступления Гитлера на Советский Союз были нефтяные месторождения Азербайджана, в то время как на другом краю света атака японцев на Перл-Харбор была вызвана стремлением получить контроль над акваторией Тихого океана и судоходными маршрутами, по которым поставлялась нефть из Индонезии. Военные лидеры всех противоборствующих сторон прекрасно знали, что если они не смогут обеспечить себе поставки нефти, то их военные машины остановятся.

С тех пор значение нефти для военных целей ничуть не уменьшилось. Так, во время вторжения в Ирак и его оккупации в 2003 году американские войска тратили 1,4 млн галлонов топлива в день.¹⁸¹ Но, начиная с середины XX века, нефть стала играть такое же большое значение в экономике, как и в военном деле, став рыночным товаром. Даниэль Ергин, признанный специалист по истории нефтяной отрасли, замечает: «Какими бы не были повороты глобальной политики, как бы не возвышались и не теряли свое влияние те или иные нации, в годы после Второй мировой войны одна тенденция сохранялась неизменной – неуклонно растущее потребление нефти. Нефть стала королем всего и вся, монархом, наряд которого – трубы нефтепроводов».¹⁸²

На протяжении почти всего XX века Соединенные Штаты были крупнейшей нефтедобывающей страной мира. По мере того, как запасы нефти в США уменьшались, потребление «черного золота» в Северной Америке, Европе, а позднее – и в Азии, увеличивалось. Страны – основные потребители нефти и страны, добывающие нефть, оказались в совершенно разных регионах мира. Нефть стала главной движущей силой в мировой геополитике, особенно на Ближнем Востоке, где находится 60 % мировых запасов нефти.

Возможно, наиболее отчетливо это было видно в доктрине Картера от 1980 года. В своем обращении к нации президент Картер заявил: «Я прямо и ясно изложу нашу позицию. Любая попытка любой внешней силы получить контроль над регионом Персидского залива будет рассматриваться как посягательство на жизненные интересы Соединенных Штатов Америки, и такое посягательство будет отражено любыми необходимыми средствами, в том числе и с помощью военной силы. И, хотя президент говорил о «внешней силе», данная политика в равной мере применяется и к игрокам на самом Ближнем Востоке, что и было продемонстрировано Войной в Заливе 1991 года, вторжением в Ирак в 2003 году и демонстрируется сейчас в кризисе вокруг Ирана.

Я впервые побывал в Ираке в 2005 году, через два года после вторжения коалиционных войск, где меня принимали Хасан Джума и Единый профсоюз работников нефтяной отрасли. Я провел неделю в обжигающе жарком климате Басры, встречаясь с нефтяниками и посещая их рабочие места. В то время я работал в британской неправительственной организации

¹⁸¹ «BP, UK Investigate Grangemouth's Woes», Octane Week, July 24, 2000; Fiona O'Brien, «BP Amoco Safety under Spotlight after UK Mishaps», Reuters, June 15, 2000.

¹⁸² Интервью Дэвида Бэкона и Марты Манди, международная делегация в Басре, май 2005 г.

PLATFORM и восемь лет изучал влияние британских нефтяных компаний в мире. Я также наблюдал за тем, что происходило в иракской нефтяной политике после 2003 года.

В мае 2005 года я посетил нефтеперерабатывающий завод в Басре. Как любое подобное предприятие, он представлял собой нагромождение труб, соединяющих здания странной формы. Всюду ощущался запах серы, а над всеми постройками возвышалась гигантская факельная башня с извергающимися языками пламени, жар от которых чувствовался даже внизу, на земле. Но чем отличался завод Басры, так это древностью своего оборудования: компьютеры в диспетчерской – как из фильмов 1970-х годов, ветхие здания и покрытые ржавчиной трубы.

Идя по территории завода, я занервничал. Я знал об авариях на нефтеперерабатывающих заводах Великобритании и США, когда старые трубы и клапаны не выдерживали высокого давления. Подумав об этом, я невольно пригнулся и съезжился.

Я спросил директора завода в Басре, как обстоят дела на предприятии с безопасностью. Мой вопрос его удивил. Аварии происходят крайне редко, сказал директор, так как все системы часто проверяются. «Для оператора этот завод словно дом родной», – пояснил мой собеседник. Меня поразил такой резкий контраст по сравнению с американскими и британскими нефтеперерабатывающими заводами, руководители которых не очень-то думают о безопасности, видя в рабочей силе прежде всего расходы, которые нужно свести к минимуму. На многих заводах из-за большого сокращения персонала проверки оборудования проводятся крайне редко, а неисправные запчасти не ремонтируются и не заменяются.

Например, нефтеперерабатывающий завод Grangemouth компании BP в Шотландии, на котором я побывал в 2002 году, после нескольких аварий двумя годами раньше, которые сопровождались взрывами, утечкой газа и пожарами, получил самый большой штраф за нарушение техники безопасности за всю историю Шотландии. Сильный пожар, с которым семь часов боролись 50 пожарных на 14 пожарных машинах, проще было потушить в самом его начале, но одна из двух пожарных машин, которые находились непосредственно на территории завода, сломалась.

Как эксперты, так и депутаты местного парламента называли одной из причин аварий нехватку квалифицированного персонала.¹⁸³ В 1998 году на этом нефтеперерабатывающем заводе сократили 200 работников, а в 1999 году еще 400 человек. Но не успели еще высохнуть чернила на докладе о пожаре 2000 года, как BP вновь сокращает своих рабочих на целых 40 %, с 2,5 тысяч до 1,5 тысяч человек.

Совсем иная ситуация на нефтеперерабатывающем заводе в Басре. Пожаров там не было с 2003 года, о чем мне с гордостью рассказал Фарадж Рабат Мизбан, руководитель пожарной охраны завода. Между тем, во время вторжения в Ирак на заводе произошли 23 пожара, в том числе и взрыв цистерны с нефтью в результате атаки самолета F-16.

Фарадж, тихий, жилистый человек с неприятной ухмылкой, работает на этом нефтеперерабатывающем заводе с 1976 года. В начале 1980-х он был музыкантом и играл на канане, национальном струнном музыкальном инструменте. Его музыкальный коллектив имел успех и часто выезжал на гастроли за рубеж. Но сам он не мог поехать с ними – ему не давали разрешения на выезд за границу, так как он отказался вступать в партию БААС.

В жизни Фараджа отражена трагедия всего иракского народа. Его нефтеперерабатывающий завод, расположенный на юго-востоке Ирака, оказывался в эпицентре боевых действий во время трех последних войн. Война с Ираном 1980–1988 годов унесла жизни нескольких коллег Фараджа – они погибли в результате артобстрелов Басры иранцами. Всего лишь через два года после окончания той войны Саддам Хусейн захватил Кувейт. Последовавшая за этим Война в Заливе, по словам Фараджа, «была очень страшной войной, так как

¹⁸³ UNICEF, Child and Maternal Mortality Survey – Iraq, July 1999.

мы увидели оружие, с которым раньше не сталкивались, – самолеты F-16, самолеты-невидимки Stealth, самолеты Tornado, крылатые ракеты. Мужчины, женщины, дети, даже животные – все замирали от страха, когда слышали звук летящего самолета».¹⁸⁴ Фараджу та война принесла несчастье. Около его дома взорвалась ракета, выпущенная союзными войсками, и ранила его сына, который играл неподалеку. В результате сын стал инвалидом, прикованным к постели, и нуждается в постоянном уходе по сей день, хотя прошло уже 15 лет.

После того как возглавляемые США коалиционные силы изгнали Саддама Хусейна из Кувейта, шиитские мусульманские группы на юге Ирака начали готовиться к выступлению против Саддама, получив сигнал, что американцы поддержат их восстание, что на деле так и не сбылось.

Саддам отреагировал на это самыми жестокими репрессиями за всю историю своего правления. Так, Фарадж был арестован всего лишь за участие в демонстрации; его три месяца держали в тюрьме в ужасных условиях.

В 1990-е годы к Ираку были применены международные санкции. В результате умерли сотни тысяч людей, особенно детей, из-за нехватки лекарств и продовольствия. Исследование, проведенное детским фондом UNICEF Организации Объединенных Наций, показало, что в период между 1991 и 1998 годами в Ираке умерло на полмиллиона детей больше, чем составила бы смертность в обычное время, без режима санкций.¹⁸⁵ Многие дети умерли из-за отсутствия чистой питьевой воды, так как международное сообщество посчитало хлор товаром «двойного назначения», поэтому его импорт был запрещен международными санкциями. Когда американо-британские войска вторглись в Ирак в марте 2003 года, большинство жителей юга страны, равно как и многие жители других районов, приветствовали их приход, так как это означало конец правления Саддама.

Но надежды на лучшее улетучились, так как на смену им пришли суровые реалии оккупации. Фарадж вспоминает один инцидент. Когда он с товарищами возвращался домой после ночной смены, они встретили нескольких американских солдат. Рабочие поприветствовали американцев, но те повели себя очень нервно и агрессивно. Солдаты загнали рабочих на территорию завода, закрыли калитки и не выпускали их. Когда один из старших рабочих попытался объяснить с ними, его швырнули на землю и придавили голову сапогом.

Многих американских солдат, по возрасту почти юнцов, приучили видеть в каждом иракце потенциального террориста. Но такой стереотип укоренился не только у 18-летних солдат, но и у высокопоставленных бюрократов – представителей оккупационных властей, а также у консультантов, предлагающих иракцам «рекомендации» о том, как им развивать свою экономику.

Большая часть этих рекомендаций исходит из того предположения, что иракцы не способны самостоятельно управлять своей нефтяной отраслью, поэтому им не обойтись без транснациональных корпораций. После своего визита на нефтеперерабатывающий завод я пришел к противоположному выводу. Хасан Джума так высказался о транснациональных корпорациях: «Хотя их оборудование производит впечатление, нельзя сказать то же самое об их технических навыках».

Начало Единому профсоюзу работников нефтяной отрасли положил митинг, организованный Хасаном Джума 20 апреля 2003 года, всего лишь через несколько дней после падения режима Саддама. Профсоюзы в Ираке были запрещены с 1987 года, когда диктатор объявил вне закона все профсоюзы, кроме государственного (который фактически был не профсоюзом, а частью его аппарата спецслужб). Цель работников нефтяной отрасли – не просто защита своих прав: «После начала оккупации некоторые активисты посчитали

¹⁸⁴ ITIC, Strategic Questions for Our Future (Washington, DC: International Tax and Investment Center, undated [2004]).

¹⁸⁵ ITIC Bulletin, January 2003, p. 3.

крайне важным создать профсоюз нефтяников для защиты национальной экономики. Ведь мы все хорошо знали, что американцы пришли сюда за нефтью».

На том первом митинге был создан комитет из девяти человек. Вначале многие работники не хотели организовывать профсоюз, так как ассоциировался у них с одним из инструментов репрессий эпохи Саддама. В то время страна только что была оккупирована, но американцы не знали, как дальше управлять этой страной.

Поэтому комитет решил, прежде всего, организовать рабочих на восстановление работы предприятия и хотя бы частичный ремонт повреждений, нанесенных войной. Как только эти усилия дали какой-то результат, в комитет стали вступать рабочие, затем был создан профсоюз Южной нефтяной компании и проведены выборы его руководства. Хасан Джума был избран президентом, а Фарадж получил должность в исполнительном комитете профсоюза.

Следующей задачей профсоюза было налаживание взаимоотношений с оккупационными властями. Первые два месяца оккупации рабочим не платили зарплату. К июню 2003 года терпение рабочих стало иссякать. Фарадж, Ибрагим Радхи (рабочий завода, член профсоюза) и еще 100 рабочих блокировали пункт заправки топливом транспорта британской армии. Они перекрыли дорогу краном, а сами сели у колес грузовиков.

Прибыли бронетранспортеры с солдатами, протестующих рабочих взяли под прицел автоматов. Но рабочие вели себя храбро, продолжая сидеть и показывая своим видом солдатам, что те могут стрелять, если хотят.

Благодаря этой акции протеста тут же начались переговоры, и уже через несколько часов все долги по зарплате рабочим были выплачены. Британское военное командование поняло, что рабочие контролировали жизненно важное для оккупантов топливо. После акции протеста о профсоюзе заговорили все, и число членов профсоюза выросло со 100 до 3000 человек.

Тем не менее, мнение иракских нефтяников продолжали игнорировать, так как оккупационные силы пытались установить контроль над иракской нефтяной отраслью с помощью американской компании Halliburton. Эта нефтяная компания, как и ее хозяева, политики и военные, была плохо подготовлена к выполнению этой задачи, а ее попытки восстановить нефтяной сектор Ирака и управлять им по большей части терпели провал.

В августе 2003 года профсоюз организовал забастовку, во время которой в течение двух дней в Ираке была полностью прекращена добыча нефти. Как и акция протеста на нефтеперерабатывающем заводе, эта забастовка сыграла ключевую роль в дальнейшем успехе профсоюза. Месяцем позже глава американской оккупационной администрации в Ираке Пол Бремер предложил для иракских рабочих тарифную сетку, начиная с суммы в 69 тысяч иракских динаров (40–45 долларов) в месяц. На такую зарплату рабочие просто не смогли бы прожить. Угроза дальнейших забастовок привела к новым переговорам, в результате которых две самые низкие ставки были отменены, и минимальный размер зарплаты составил 100 тысяч динаров.

С тех пор профсоюз достиг многого. Так, удалось вынудить подрядчика компании Halliburton заменить 1200 иностранных рабочих иракцами. Кроме того, удалось пролоббировать строительство жилья для рабочих, а также создание рабочих мест для иракцев-выпускников нефтяной академии.

Тем временем профсоюз вырос до 23 тысяч человек и был преобразован в Единый профсоюз работников нефтяной отрасли. Были созданы 10 представительств этого профсоюза в 10 иракских нефтяных компаниях в Басре, Амаре, Насирии и Самаве – четырех южных провинциях Ирака, где находится большая часть нефтяных запасов страны.

Но Хасан знает, что основная борьба еще впереди. «В этой войне есть два этапа. Первый – это военная оккупация. Второй этап – это экономическая война и разрушение экономики Ирака».

Международный центр по налогам и инвестициям в Ираке

Летом 2003 Дэн Витт решил переехать в Ирак. Витт увидел для себя новые возможности в политическом и экономическом восстановлении Ирака, а также большое сходство с тем, как центр работал в Советском Союзе. В бывшем СССР центр начал свою деятельность в эпоху резких политических перемен и практически стал работать «с чистого листа».

«Прежде всего, я подумал, почему бы нам не вспомнить то, что мы делали в Казахстане в 1993 и 1994 годы, и не сделать в Ираке то же самое», – говорит Витт.

Спонсоры центра одобрили его намерение начать деятельность в Ираке. На заседаниях совета директоров центра, проходивших в конце 2004 и в начале 2005 года и посвященных стратегическому планированию, директора и спонсоры центра – большей частью представители больших транснациональных корпораций – утверждали, что у центра должны быть более масштабные цели, нежели один Ирак. Они говорили, что центру нужно обеспечить доступ нефтяных компаний в другие богатые нефтью страны региона. Делая такое заявление, совет директоров выбрал не самую удачную фразу из военного лексикона, сказав, что работа в Ираке должна быть продолжена, и «Ирак нужно рассматривать как плацдарм для дальнейшего расширения на Ближнем Востоке».¹⁸⁶ Под «дальнейшим расширением» подразумевались богатые нефтью Иран и Ливия.

Витт обратился к некоторым спонсорам центра, которые охотно согласились профинансировать проекты в Ираке, в дополнение к обычным финансовым вливаниям.

В проекте приняли участие шесть нефтяных компаний: BP, ChevronTexaco, ExxonMobil, Shell, Total и ENI. Для управления проектом Витт нанял Брайана О'Коннора, бывшего экономиста BP, который затем был советником по вопросам энергетики Департамента международного развития Великобритании. О'Коннор работал в центре советником по вопросам налогообложения нефтяной отрасли, начиная с 2000 года, когда он руководил проектом Евросоюза по реформированию налоговой системы в России. Хотя проект Евросоюза имел государственное финансирование, центр с восторгом написал в своем новостном бюллетене, что «те области законодательства, которые затрагивает проект, зачастую совпадают с приоритетами спонсоров центра, в том числе договорные трансфертные цены, налогообложение нефтяной и газовой отрасли, налог на добавочную стоимость, налоги в сфере охраны окружающей среды и налог на доходы... По мере разработки проекта мы регулярно будем интересоваться мнением своих спонсоров и обращаться к ним за рекомендациями».¹⁸⁷

Для работы над иракским проектом Витт и О'Коннор создали экспертную группу из девяти экономистов, среди которых только один был иракцем – Мухаммад Али Зайни. Сегодня он работает в Центре глобальных исследований энергетики (Centre for Global Energy Studies), расположенном в Лондоне, – аналитическом центре, который был основан бывшим министром нефтяной промышленности Саудовской Аравии шейхом Ахмадом Заки Ямани. В группу экспертов иракского проекта также вошел еще один сотрудник Центра глобальных исследований энергетики, Лео Дроллас, бывший коллега О'Коннора и бывший экономист BP.

Экспертной группе предстояло подготовить доклад, который обоснует необходимость участия крупнейших транснациональных корпораций в иракской нефтяной отрасли, которая ранее в течение 30 лет находилась в собственности государства.

¹⁸⁶ Сэр Морис Хэнки, письмо Артуру Бэлфуру, 1918 г., цитируется по кн.: Yergin, The Prize, p. 188.

¹⁸⁷ Последние концессии были национализированы в 1975 г.

Это была не первая попытка Запада взять под свой контроль иракскую нефть. Еще в 1918 году, когда подходила к концу Первая мировая война, Британия назвала Ирак «крайне важным источником нефти». Сэр Морис Хэнки, секретарь британского кабинета министров времен Первой мировой войны, написал в письме министру иностранных дел Артуру Бальфуру: «Единственно, где Британия может поставить под свой контроль резервы нефти, это в Персии (Иране) и Месопотамии (Иране)... Контроль над этими резервами стал главной военно-стратегической целью Британии».¹⁸⁸

После окончания Первой мировой войны Британия оккупировала Ирак по мандату Лиги наций, достигнув той цели, к которой стремился Хэнки, – контроля над нефтяными запасами. В 1925 году король Ирака, Фейсал, которого привели к власти британцы, передал концессионный контракт на разработку иракских нефтяных месторождений консорциуму западных компаний, названному Turkish Petroleum Company (и позже, в 1929 году, переименованному в Iraq Petroleum Company). В этот консорциум входили компании, которые стали известны как BP, Shell, Total и ExxonMobil. Это был типичный для британских колоний концессионный контракт. Даже просьба иракской стороны получить 20 % в этой концессии была отвергнута, хотя это условие было оговорено ранее достигнутыми соглашениями.

Недовольство иракской стороны несправедливыми условиями контракта нарастало, и в 1950-е и 1960-е годы все чаще звучали призывы пересмотреть контракт. Особенно остро стоял вопрос о несправедливом распределении доходов между компанией и государством. Кроме того, многие считали, что иностранные компании получили слишком большой контроль над нефтяной отраслью Ирака. Эти компании искусственно ограничивали объемы добычи иракской нефти, чтобы больше развивать свои другие нефтяные месторождения, и использовали свою монополию на информацию, дабы занижать цены на нефть, тем самым лишая Ирак доходов. Подобные обвинения транснациональным корпорациям в то время предъявляли и другие нефтедобывающие страны, большинство которых имели аналогичные сделки с ними. Все это в конечном итоге привело к национализации нефтяной отрасли во многих странах. В Ираке такая национализация прошла в два этапа, в 1961 году и в 1972.¹⁸⁹ И эту ситуацию Дэн Витт и его спонсоры из нефтяных компаний хотели повернуть вспять.

1970-е годы для иракской нефтяной отрасли были самыми успешными. В 1970–1979 годы Иракская национальная нефтяная компания, освободившись от контроля транснациональных корпораций, увеличила добычу нефти с 1,5 млн до 3,7 млн баррелей в день, а разведанные запасы нефти увеличились более чем вдвое благодаря интенсивным геологоразведочным работам. Все эти успехи были сведены на нет в 1980 году, когда Саддам Хусейн вторгся в Иран, положив начало восьмилетней войне, которая унесла миллион жизней. Лишь в конце 1980-х иракская нефтяная отрасль вновь на короткое время оправилась, до второго фатального военного эксперимента Саддама – вторжения в Кувейт в 1990 году. Затем последовали 12 лет международных санкций, от которых нефтяная отрасль Ирака понесла большой урон, так как вся инфраструктура пришла в упадок. К 2003 году, когда в Ирак вторглись американские и британские войска, иракская нефтяная отрасль уже «созрела», для того чтобы оказаться под контролем иностранцев под благовидным предлогом получения необходимых инвестиций.

В самом начале оккупации инфраструктура нефтедобывающей отрасли была разграблена, как и большая часть других предприятий страны. Наглядным примером служит Иракская нефтедобывающая компания. Я побывал на одной нефтедобывающей буровой вышке этой компании, на гигантском нефтяном месторождении в Южной Румайле, которое находится в пустыне, в двух часах езды к юго-западу от Басры. Начальник объекта, Назир Мох-

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ Rowell, «Undue Influence.»

син Моха, рассказал мне об этом разграблении в рабочей бытовке, где я тщетно пытался ощутить дуновение ветерка от работающего вентилятора. «Все оборудование было разграблено, здесь оставили лишь каркас вышки». Грабежи продолжались целых четыре месяца, до июля 2003 года. «Все грабежи происходили при попустительстве коалиционных сил, которые ничего не предприняли для предотвращения разграбления», – говорит Назир. Общий ущерб, нанесенный Иракской нефтедобывающей компании, составил 240 млн долларов.

При этом здание Министерства нефтяной промышленности в Багдаде охранялось американскими войсками от разграбления. Другие же государственные учреждения Ирака были разграблены. Если в остальных учреждениях были лишь мебель и оборудование, которые можно установить вновь, то в Министерстве нефтяной промышленности хранились данные о нефтяных месторождениях Ирака, которые невозможно было бы восстановить.

Даже после такого грабежа иракские нефтяники твердо намеревались самостоятельно восстанавливать свою отрасль. В августе 2003 года рабочие Иракской нефтедобывающей компании начали восстанавливать свое оборудование. Отыскав необходимые запчасти, где только было можно, рабочие за 45 дней восстановили и запустили первую нефтяную вышку. А через несколько дней работали уже 12 вышек.

Сидя рядом с Назиром в бытовке, Хасан Джума расхваливал эти успехи рабочих. «Рабочие Иракской нефтедобывающей компании – настоящие воины. Они восстанавливают отрасль из руин, несмотря на сговор, цель которого – разделаться с их компанией». Другой нефтяник, продолжая разговор, сказал, что иракские нефтяники уже в третий раз восстанавливают свою отрасль, разрушенную войной, причем в крайне враждебной обстановке. Рабочие чувствуют себя собственниками своей нефтяной отрасли, в которую они вложили много сил, поэтому они не хотят отдавать ее в чужие руки.

Перед Дэном Виттом стояла задача обеспечить своим спонсорам контроль над иракской нефтью, которого они жаждали, несмотря на национальные амбиции иракцев, привыкших считать себя собственниками своей нефтяной отрасли. «Это весьма щекотливое дело, с политической точки зрения, – привести в страну иностранцев и отдать им в руки добычу нефти», – признает Витт.¹⁹⁰

Было решено создать видимость, будто иракцы сами контролируют свою нефть.

¹⁹⁰ Thomas W. Walde, «The Current Status of International Petroleum Investment: Regulating, Licensing, Taxing and Contracting», CEPMLP Journal 1, no. 5 (July 1995), published by the University of Dundee.

Соглашения о разделе продукции

Витт и его сотрудники завершили подготовку своего отчета осенью 2004 года. Они предложили иракцам передать добычу иракской нефти иностранным компаниям по контракту, называемому «соглашение о разделе продукции».

Соглашения о разделе продукции были впервые применены в 1960-е годы в Индонезии, когда в нефтедобывающих странах началась национализация нефтяной отрасли. В Индонезии нефтяные компании сумели избежать национализации, которая в то время происходила повсеместно. В соглашениях о разделе продукции природные ресурсы называются «законной собственностью» государства, а иностранная компания даже называется «подрядчиком». Но на практике иностранные компании контролируют разработку нефтяных месторождений и большую часть доходов. Фактически соглашения о разделе продукции можно составить так, что они станут точным аналогом старых соглашений о концессиях.

Эту мысль поясняет Томас Уолде, один из любимых профессоров Дэна Витта. Уолде, специалист по законодательству в нефтяной и газовой отрасли и профессор университета Dundee University в Шотландии, считает подобную политику «удачным компромиссом». Он говорит о «полезной, с политической точки зрения, риторике, содержащейся в контракте о разделе продукции (который напоминает контракт на оказание услуг, в котором государство якобы поручает компании выполнение работы, а та является исполнителем)», и о том, что контракт одновременно является моделью соглашений о концессиях/ лицензиях во всех важных аспектах... Может показаться, что правительство играет главную роль в этом шоу, но на самом деле всем руководит компания под прикрытием закона, символизирующего сохранение национального суверенитета».¹⁹¹

Дэну Витту соглашения о разделе продукции могут казаться идеальным вариантом.

Впервые я столкнулся Дэном Виттом на радиопередаче. На BBC есть программа, называемая «Мир, скажи свое слово», в которой эксперты обсуждают определенную тему, а слушателей приглашают высказывать свое мнение, присылая его по e-mail. Летом 2005 года меня пригласили в студию в качестве одного из экспертов на передачу о будущем иракской нефтяной отрасли. Еще одним экспертом был Витт, который в то время находился в Лондоне, но отказался прийти в студию и предпочел участвовать в передаче по телефону.

Хотя я не был знаком лично с Виттом, но знал об его организации. Тем летом 2005 года я читал отчет Международного центра по налогам и инвестициям за 2004 год и был не согласен почти со всем, о чем говорилось в отчете.

Начнем с того, что в отчете центра утверждается, будто соглашения о разделе продукции сегодня «являются нормой в большинстве стран за пределами Организации экономического сотрудничества и развития».¹⁹² Несмотря на то что соглашения о разделе продукции используются во многих странах, это происходит обычно там, где запасы нефти относительно невелики, или их добыча дорогостояща, или высоки риски при разработке месторождений. Соглашения о разделе продукции не используются в таких странах, как Ирак, где есть огромные разведанные и без труда извлекаемые нефтяные запасы. На практике данные Международного энергетического агентства (International Energy Agency), если оценивать их с точки зрения доли мировых нефтяных запасов, а не количества стран, показывают, что соглашения о разделе продукции используются при разработке лишь 12 % нефтяных запав-

¹⁹¹ ITIC, «Petroleum and Iraq's Future: Fiscal Options and Challenges», Fall 2004, p. 10.

¹⁹² Dunia Chalabi (International Energy Agency), «Perspective for Investment in the Middle East/ North Africa Region», presentation to the OECD, Istanbul, February 11–12, 2004, p. 7.

сов. При этом 67 % нефтяных запасов разрабатываются национальными нефтяными компаниями либо в одиночку, либо при приоритетном участии.¹⁹³

Но, возможно, самым лживым в отчетах центра было то, что экономические модели в нем прогнозируются только до 2010 года. В этот период в экономических моделях отображаются инвестиции иностранных нефтяных компаний и вытекающий из них рост экономики Ирака.

Между тем в отчетах не были отображены модели экономики после 2010 года, когда начнет поступать первая нефть из новых месторождений и придется делить доходы. Я считал бы это все элементарной ошибкой, если бы это не вписывалось столь удачно в цели иракских политиков, стремящихся получить впечатляющие результаты за довольно короткое время.

Искусственно подогнанные временные рамки скрывали тот факт, что инвестиции нефтяных компаний будут им возвращены в виде доходов от нефти, как только пойдет первая нефть. Это выглядит так, как если бы я взял в банке кредит, который нужно было бы начать выплачивать через пять лет, и затем бы проанализировал свои финансы через четыре года. Конечно, я буду богаче до той поры, пока не начну возвращать долг.

Я поднял эту проблему в дискуссии с Виттом по радио и потребовал от него объяснений. Он ушел от вопроса, сказав общую фразу о важности инвестиций. Я ответил, что Ирак, безусловно, нуждается в инвестициях, но вопрос в том, в какой форме и на каких условиях. «Дэн Витт, каким будет ваш ответ?», – спросил его ведущий передачи. В ответ – тишина. Тогда ведущему пришлось обратиться к третьему приглашенному эксперту: «Дэвид Хорган, вы все еще на линии?» Третий эксперт, глава ирландской компании, которая недавно получила небольшой контракт на иракскую нефть, продолжил дискуссию со мной, без Дэвида Витта.

Я был потрясен. Человек, который общается с министрами финансов разных государств и представляет интересы некоторых самых могущественных корпораций в мире, предпочел ретироваться, когда я задал ему простой вопрос! Размышляя об этом, я понял, что он прекратил дискуссию именно потому, что привык иметь дело только с министрами и главами компаний. Во время дискуссии он постоянно повторял одну и ту же мысль: «Именно таким образом в Ирак могут прийти инвестиции. Обычно с ним не спорят по поводу того, какой должна быть цена этих инвестиций, поэтому он не может объяснить данный вопрос общественности.

Здесь невольно вспоминается история о голом короле. Международный центр по налогам и инвестициям не упомянул о доходах, важнее которых для Ирака быть ничего не может. Нефть приносит Ираку более 90 % доходов госбюджета. Если страна потеряет хотя бы часть этих доходов, все развитие Ирака окажется под угрозой.

Когда я работал с Яном Рутледжем, известным экономистом в сфере энергетики из британского города Шеффилд, я стремился исправить вышеупомянутое упущение Международного центра по налогам и инвестициям. Уже несколько лет я был большим почитателем работ Рутледжа. В конце 1990-х годов нефтяные компании вели большую лоббистскую

¹⁹³ Эти цифры приводятся в реальном выражении (по ценам на 2006 г.), без учета дисконтирования. Расчеты основаны на данных, предоставленных Министерством нефти Ирака и другими источниками, по месторождениям в Халфайе, Нахр-Умаре, Майнуне, Западной Курне, Гарафе, Насирии, Рафидане, Амаре, Тубе, Ратави, Восточном Багдаде и Адабе. Модели денежных потоков были разработаны для этих месторождений с соблюдением условий соглашения о разделе продукции (PSA), которое применяется в России, Ливии и Омане. Был разработан ряд стандартных положений; полный список положений и методологии См. в кн.: Greg Muttitt Crude Designs: The Rip-off of Iraq's Oil Wealth (London: PLATFORM, November 2005), а также на www.carbonweb.org/crudedesigns.htm. Экономисты используют концепцию дисконтирования для учета того, что сегодняшние деньги стоят дороже, чем та же сумма будет стоить завтра, потому что сегодняшние деньги можно инвестировать прямо сейчас и приумножить. Благодаря этой концепции, денежные суммы можно выражать в чистой текущей стоимости – сегодняшней сумме, эквивалентной стоимости этих же денег в будущем. Итак, чистые потери (то есть общие расходы за вычетом общей прибыли) для Ирака колеблются от 16 до 43 миллиардов долларов, выраженные в чистой текущей прибыли на 2006 г., со ставкой дисконтирования 12 %. Этот метод подробнее разъясняется в кн. Crude Designs.

кампанию с целью не допустить увеличения налогообложения с их нефтяных разработок в Северном море, заявляя, что повышение налогов делает нефтяные разработки там экономически нерентабельными. Нефтяные компании грозились прекратить работы в случае повышения налогов. Исследование, проведенное Рутледжем, показало, что многие компании просто-напросто обманывают, а на самом деле разработки в Северном море для них – самые прибыльные, даже при высоких налогах. Недавно Рутледж написал книгу «Подсевшие на нефть» (Addicted to Oil),¹⁹⁴ которая стала одним из лучших произведений о развитии глобальной отрасли энергоресурсов и о стратегии, ставшей причиной войны в Ираке.

Изучая схемы инвестиций в нефтяные месторождения Ирака, мы можем оценить, каким образом будут делиться доходы от нефти. Конечно, это зависит и от условий конкретных контрактов о разделе продукции – одни будут более выгодными для компаний, а другие менее.

В своих расчетах мы использовали широкий спектр условий различных соглашений о разделе продукции, которые практиковались когда-либо в мире, – от довольно жестких условий соглашений в Ливии до щедрых для нефтяных компаний условий российских контрактов. Приняв цену на нефть – 40 долларов за баррель, мы подсчитали, что эти соглашения о разделе продукции только для 12 нефтяных месторождений Ирака, которые названы приоритетными для освоения (из более чем 60 известных, но неосвоенных месторождений), оборуют Ирак на сумму от 74 до 194 млрд долларов, по сравнению с государственными компаниями, которые бы занимались нефтяными разработками.¹⁹⁵ Эта сумма в шесть раз превышает валовой внутренний продукт Ирака. Если цена на нефть останется такой же высокой, как сегодня (около 70 долларов за баррель), убытки, которые понесет Ирак, станут значительно выше.

Соглашения о разделе продукции обычно действуют 25–50 лет, в течение которых их условия остаются неизменными. Когда я расспрашивал Дэна Витта об этих соглашениях летом 2006 года, он признался, что часто слышит высказывания о несправедливости этих сделок. «Казахи и азербайджанцы мне сегодня говорят, что, возможно, отдали компаниям слишком много, оставив под контролем своих правительств слишком маленькую долю, либо иностранные инвесторы платят меньше, чем следует. Но, отвечая на их упреки, я вынужден напоминать им, что слишком велики политические риски, поскольку делать инвестиции иностранным компаниям приходится в нестабильной и рискованной среде». Я стал спорить с ним по этому поводу. Если риски уменьшатся, сможет ли иракское правительство изменить условия соглашений? Витт вынужден был согласиться со мной: «Хозяин всегда остается хозяином... Если у правительства появятся такие политические цели, оно заставит другую сторону сесть за стол переговоров».

Между тем, в Казахстане Витт лоббировал совершенно противоположную точку зрения. В 2001 и 2002 годах правительство Казахстана пыталось изменить условия соглашений о разделе продукции, сделав их соответствующими новым реалиям жизни страны, но Витт оказал огромное давление на правительство, дабы сохранить прежние условия соглашений. В частности, Международный центр по налогам и инвестициям угрожал Казахстану тем, что иностранные компании вообще уйдут из страны, оставив ее без денег. Центр при любой возможности вел активную лоббистскую деятельность среди казахстанских министров и депутатов, а также использовал давление со стороны других внешних сил, в частности, Европейского банка реконструкции и развития (European Bank for Reconstruction and Development). «Неизменность условий контракта – это проблема, которая висит над Казахстаном, как гро-

¹⁹⁴ Выступление Дэниела Уитта на Втором экономическом саммите «Евразия 2002», Казахстан. Источник: ITIC Bulletin, special edn., April 19, 2002, p. 1.

¹⁹⁵ Там же.

зовая туча. Этот вопрос затронет сегодняшних инвесторов в плане их инвестиций в будущие разработки и, конечно, повлияет на новых инвесторов», – угрожал Витт казахстанскому правительству в 2002 году.¹⁹⁶ В итоге Витт одержал победу, условия соглашений о разделе продукции остались неизменными.

Так же и в Ираке могут заключить долгосрочные соглашения о разделе продукции, пока у власти находится слабое правительство, продолжается военная оккупация, а в стране небезопасно жить. В такой ситуации нефтяные компании будут настаивать на получении большей доли дохода из-за наличия высоких рисков, а слабое иракское правительство не сумеет настоять на более жестких условиях соглашения. Такое несправедливое соглашение, заключенное на десятки лет, будет воспринято многими иракцами как наглое мошенничество, подобное тем, которые происходили в Ираке в колониальном прошлом.

В соглашениях о разделе продукции иностранные компании часто не подпадают под действие любых новых законов страны, которые могут повлиять на доходы этих компаний, благодаря наличию в них «пункта о стабилизации». Кроме того, такие контракты часто предусматривают рассмотрение любых возникающих разногласий не в судах данной страны, а в международных инвестиционных трибуналах, принимающих решения исходя из коммерческих соображений и не учитывающих национальные интересы страны и ее законы.

Таким образом, Ирак могут лишить не только возможности самостоятельно определять, какие именно собственные природные ресурсы следует разрабатывать, что является одним из самых важных экономических решений в стране, экономика которой зависит от нефти. Ирак могут также лишить возможности регулировать свой нефтяной сектор и даже принимать новые законы, вследствие чего страна утратит контроль над своей самой важной отраслью экономики.

¹⁹⁶ Daniel Witt, «Take Democratization Slowly, So that Everyone Wins», Arizona Daily Star, November 12, 2005.

Какова цель – демократия или разорение?

Несмотря на заявления американского правительства о том, что оно несет на Ближний Восток демократию, Дэна Витта, судя по всему, мало заботят такие вопросы. В своей статье, написанной в конце 2005 года о раскритикованных международной общественностью выборах в Азербайджане, где у Международного центра по налогам и инвестициям имеется представительство, Витт писал: «Западные лидеры должны принять тот факт, что в странах, где демократия только развивается, у местной оппозиции нет равных возможностей для победы на выборах. Даже свободная пресса не заинтересована в том, чтобы писать о деятельности оппозиции. Но самое главное – это то, что произойдет после выборов. Реформы – социальные, экономические и политические – должны быть продолжены. Запад должен взять эти страны под свое крыло, а не отталкивать их лекциями о свободных и честных выборах».¹⁹⁷

В полном соответствии с циничным отношением Витта к демократии его отчет по Ираку был представлен тем, кто находится у власти. Направить отчет тем, кто принимает решения по Ираку, помогли оккупационные силы, особенно британские.

После завершения работы над отчетом в сентябре 2004 года сотрудники Международного центра по налогам и инвестициям встретились с чиновниками министерств финансов и иностранных дел Великобритании, дабы обсудить, какая стратегия наиболее эффективно сможет убедить иракцев, входящих в правительство, последовать рекомендациям центра. Так, экземпляр отчета, который получил тогдашний министр финансов Ирака (а ныне – вице-президент) Адил Абдул-Махди, был для весомости отправлен ему не Дэном Виттом, а самим послом Великобритании в Ираке Эдвардом Чаплиным. Учитывая, что в Ираке все еще находятся 8500 британских солдат, Абдул-Махди и его коллеги не могли проигнорировать послание от такого адресата.

Также британское правительство повторило рекомендации центра в своих собственных предписаниях иракскому министерству нефтяной промышленности. В британском «Кодексе практических рекомендаций для иракской нефтяной отрасли» во вступлении почти слово в слово приводились рекомендации Международного центра по налогам и инвестициям и заявлялось, что «возрождение и развитие нефтяного сектора в Ираке потребует значительных международных инвестиций... Для этого Ираку необходимо сотрудничать с иностранными нефтяными компаниями, чтобы обеспечить должный уровень прямых иностранных инвестиций».¹⁹⁸

Затем в январе 2005 года центр представил свои аргументы министрам и другим чиновникам иракских министерств финансов, нефтяной промышленности и планирования на встрече в Бейруте. Эта встреча была проведена параллельно с другим мероприятием, организованным там же Всемирным банком и Международным валютным фондом. Сам Витт умаляет ту роль, которую сыграли на той встрече Всемирный банк и Международный валютный фонд, утверждая, что «с технической точки зрения это были две разные встречи, которые проводились в одном месте, бок о бок». Но присутствие там представителей Всемирного банка и МВФ, безусловно, заставило иракцев как следует подумать о предложениях центра.

При правлении Саддама Хусейна Ирак завяз в долгах, став страной с самым высоким внешним долгом на душу населения в мире. В этот долг входили как репарации, которые Ирак был обязан выплачивать Кувейту за вторжение 1990 года, так и кредиты, взятые у других стран. Большей частью эти кредиты взял лично Саддам, который направил деньги на строительство своих дворцов и закупку вооружений, а не на благо иракского народа. Тем

¹⁹⁷ Foreign and Commonwealth Office (FCO), «Code of Practice for the Iraq Oil Industry», undated (Summer 2004), p. 4–5.

¹⁹⁸ Rowell, «Undue Influence».

не менее, когда Парижский клуб кредиторов, в который входят промышленно развитые державы, в ноябре 2004 года принял решение о списании 80 % долгов Ирака этим странам, одним из условий этого соглашения было то, что Международный валютный фонд должен дать положительную оценку состоянию экономики Ирака в 2005 и 2008 годах. Кроме необходимости получить это одобрение, Ираку также может понадобиться поддержка Всемирного банка и МВФ для получения кредитов в будущем. В любом случае участие этих двух организаций в мероприятии сделало рекомендации Витта «предложением, от которого трудно отказаться».

Британское правительство также вмешалось в процесс и оказало центру Витта помощь в проведении конференции, в частности, направив на нее высокопоставленного дипломата из посольства Великобритании в Багдаде. Крис Браун, первый секретарь посольства по вопросам экономики, сделал на конференции краткий доклад о проблемах энергетической отрасли. Витт называет Брауна «отличным парнем – возможно, одним из тех людей, которые прекрасно знают ситуацию в Министерстве нефтяной промышленности Ирака и помогают иракцам ознакомиться с лучшим мировым опытом».¹⁹⁹ Браун консультировал Витта, подсказывая ему, каких чиновников стоит пригласить на конференцию, и помогал установить контакт с представителями власти в Багдаде.

После конференции в Бейруте Витт приостановил свой проект в 2005 году, ожидая, какие политики придут к власти в Ираке после переходного процесса. Но работа Витта уже начала давать результаты. В ноябре 2005 года Ахмад Чалаби заявил, что соглашения о разделе продукции – это шаг вперед для Ирака. Этот бывший порученец Пентагона стал вице-премьером Ирака и председателем Энергетического совета, то есть самым влиятельным лицом, принимающим решение о развитии иракской нефтяной отрасли. «Для того чтобы резко увеличить добычу нефти, нам нужны соглашения о разделе продукции», – заявил Чалаби.²⁰⁰

В начале 2006 года Витт вновь возобновил свои усилия, на этот раз больше координируя их с американским правительством, а не с британским. В частности, он стал работать с американским Управлением по торговле и развитию (Trade and Development Administration).

Витт утверждает, что он не представляет чьи-либо интересы, а всего лишь продвигает «передовой опыт». Он также говорит о том, что финансирование иракского проекта было «нецелевым» для удобства оформления бухгалтерской отчетности, хотя спонсоры понимали, что деньги пойдут на иракский проект, никаких договорных обязательств, вынуждающих центр направлять средства именно туда, не было. Это очень важно для Витта, так как если его центр сочтут представителем интересов компаний, ему придется платить налоги как коммерческой организации.

Между тем, хотя работа Витта в Ираке не преследовала интересы какой-либо отдельной компании, она, безусловно, велась в интересах нефтяных компаний в целом. Те шесть компаний, которые участвуют в проекте, уже, судя по всему, получают выгоду. Летом 2005 года Министерство нефтяной промышленности Ирака объявило о начале предварительных переговоров с четырьмя из них – BP, ChevronTexaco, ENI и Total – о будущих контрактах.²⁰¹

Пока что Дэн Витт с энтузиазмом отзывается о результатах своей деятельности: «Я уверен, что наш отчет оказал определенное влияние, так как все чаще раздаются мнения о необходимости реализации соглашений о разделе продукции в Ираке».²⁰²

¹⁹⁹ «Iraq Exports Could Hit Pre-War Levels in '06 – Chalabi», Reuters, November 12, 2005.

²⁰⁰ «Iraq Fast-Tracks Upstream Contract Talks with IOCS», Middle East Economic Survey 48, no. 25 (June 20, 2005).

²⁰¹ Там же.

²⁰² *Займы* выдаются по процентным ставкам, установленным Банком, в то время как *кредиты* направляются в беднейшие страны без уплаты процентов. В целях упрощения займы, упоминаемые в этой статье, включают также кредиты.

Те решения, на которые Витт стремится повлиять, скоро будут приняты, и их с нетерпением ждут нефтяные компании. Ни одна крупная нефтяная компания не начнет инвестировать свои средства в Ирак, пока не будет создана необходимая законодательная база, опасаясь потери своих средств в результате судебных процессов. Прежде всего, необходимо, чтобы в стране была конституция. В Ираке конституция была принята на референдуме в октябре 2005 года, но в нее еще будут вноситься поправки вплоть до конца 2007 года. После своего окончательного формирования иракское правительство сможет принять Закон о нефти, который определит будущую структуру нефтяной отрасли и те условия, на которых будут осуществляться иностранные инвестиции. Только после принятия такого закона будут подписаны долгосрочные контракты.

В декабре 2005 года иракское правительство подписало с МВФ Резервное соглашение. Это соглашение дало Ираку финансирование, а также стало новым этапом в сокращении внешнего долга страны. Взамен в соглашении были оговорены условия, по которым должна была развиваться иракская экономика. Соглашение обязало правительство сократить государственные субсидии на топливо, в том числе на бытовой газ, ламповое масло, дизельное топливо и бензин, на которых работают электрогенераторы автономных электростанций. Без генераторов иракцам не обойтись – электричество в стране зачастую поступает лишь четыре часа в день. Цены на топливо выросли втрое, причем без разработки каких-либо альтернативных социальных программ. Это спровоцировало уличные беспорядки и привело к отставке министра нефтяной промышленности Ибрагима Бахр аль Улоума. В конце соглашения мелким шрифтом было напечатано, что Ирак обязан принять закон о нефти не позднее 2006 года, причем обязательно привлечь к его разработке Международный валютный фонд.

Витт планирует играть в этом процессе ключевую роль: «Содействовать проведению плодотворных переговоров между инвесторами и иракцами, чтобы они опирались на самый передовой международный опыт. Надеюсь, наш вклад в подготовку этих переговоров ускорит их проведение».²⁰³

Тем не менее, его успех отнюдь не гарантирован. На протяжении всей истории глобальной нефтяной промышленности соотношение сил нефтедобывающих стран и западных корпораций постоянно меняется, поскольку ситуация в каждой стране развивается под влиянием происходящего в других странах. Пока решается нефтяное будущее Ирака, ветер перемен может повернуть против западных компаний. Венесуэла, занимающая шестое место в мире по запасам нефти, дважды вынуждала иностранные компании пересматривать контракты на более справедливых условиях – в противном случае им предлагалось покинуть страну. А такая небольшая страна, как Боливия, повторила этот маневр в мае 2006 года еще решительнее, введя войска на территорию своих газовых месторождений. Россия, занимающая седьмое место в мире по запасам нефти, возможно, начинает отмену результатов стремительной приватизации 1990-х годов, что выражается в давлении правительства на олигархов, разбогатевших за счет присвоения государственных компаний. И в Кувейте ситуация балансирует на грани: с одной стороны, правительство стремится привлечь иностранные компании, а с другой стороны, парламент этому противится. Заинтересованные круги Запада явно надеются на то, что, вынудив Ирак допустить транснациональные корпорации к управлению его нефтяной промышленностью, они тем самым окажут давление на Иран, Кувейт и всех остальных производителей нефти. И, наоборот, события, происходящие в этих странах, способны отразиться на настроениях в Ираке.

Усиливая свою деятельность в Ираке, Витт надеется на возобновление поддержки со стороны правительства Великобритании. Это может еще раз открыть ему доступ к высокопоставленным лицам, принимающим решения, в новом правительстве Ирака. Тем не менее, он

²⁰³ Доклад об операции, 13 марта 1984 года, Приложение А, параграф 2.

не учел один важный фактор – реакцию простых жителей Ирака, многие из которых выступают против передачи управления нефтяными запасами их страны корпорациям, причинившим им такой значительный урон в прошлом.

Не меньшим препятствием на пути честолюбивых замыслов Витта стали рабочие нефтяной отрасли. Пока Дэн Витт обхаживает политиков и правительственных чиновников в дорогих отелях, Хасан на буровых установках и перекачивающих станциях непрерывно объясняет 23 тысячам рабочих, входящих в профсоюз, какие проблемы стоят перед ними. Он завоевал их преданность и знает, что объявленная профсоюзом забастовка способна остановить весь экспорт нефти Ираком, а это может повлечь взвинчивание мировых цен на нефть. Профсоюз неустомимо заручался поддержкой и солидарностью членов профсоюзов и антивоенных движений по всему миру, которые при необходимости готовы прийти ему на помощь.

Несомненно, профсоюз приложит все усилия к тому, чтобы остановить разворовывание ресурсов Ирака иностранными кампаниями. Борьбе за иракскую нефть суждено стать одной из самых важных – и напряженных – экономических битв начала XXI века.

Как говорит Хасан Джума: «Точка зрения всех [иракских] рабочих нефтяной отрасли заключается в том, что они против приватизации. Мы считаем приватизацию экономической колонизацией. Власть твердит, что приватизация поможет развитию нашей отрасли и будет полезной, однако нам приватизация совсем не кажется развитием: мы рассматриваем любой план приватизации нефтяного сектора как страшное бедствие».

Глава 8

Вопрос на 100 миллиардов долларов и Всемирный банк

Стив Беркман

Всемирный банк настоял на проведении политики экономического развития, основанного на внешних долгах, и сотни миллиардов долларов займов Всемирного банка должны были способствовать прогрессу развивающегося мира. Куда ушли эти деньги?

Стимулируя развитие кредитования, но не заботясь о последствиях, руководители Всемирного банка возвели стену дезинформации вокруг своих кредитных операций, создав иллюзию полного благополучия в сфере развития. Они придумали миф о том, что движутся в «авангарде» развития, замалчивая при этом информацию об огромном количестве неплатежей в кредитном портфеле Всемирного банка, обогативших правящую элиту Третьего мира и оставивших горы долгов, которые невозможно погасить. Восхваляя самих себя, они повели банк совсем не в том направлении, о котором заявляли вначале, пренебрегая своими профессиональными обязательствами. Их занимала только собственная карьера, а не живущие в нищете люди, которым они обещали помощь.

Где 100 миллиардов долларов?

Международный банк реконструкции и развития (МБРР): общая сумма предоставленных займов – 394 миллиарда долларов.

Международная ассоциация развития (МАР): общая сумма предоставленных займов – 151 миллиард долларов.

Такие суммы заявлены в годовом отчете Всемирного банка за 2004 год. Эти данные стали предметом недавних дебатов, поставивших под сомнение назначение и достоверность займов и кредитов, выданных Всемирным банком правительствам стран Третьего мира для финансирования экономического развития и снижения уровня бедности.²⁰⁴

Критики Всемирного банка обвинили его в том, что приблизительно 100 миллиардов долларов из более чем 500 миллиардов долларов займов, выданных банком с момента своего основания, были утрачены из-за необдуманного предоставления кредитов коррумпированным правительствам. Приводя в пример кредитные операции Всемирного банка с печально известными коррумпированными режимами на Филиппинах, в Заире, Индонезии, Нигерии и Гаити, критики представили банк как организацию, одержимую самим процессом предоставления займов, неважно кому, неважно для чего. Предполагалось, что кредиты Всемирного банка должны были способствовать прогрессу слаборазвитых стран Третьего мира, тем не менее, заявленные программы почему-то никогда не помогали достичь этой цели. Наоборот, бедные еще больше погружались в трясину нищеты, тогда как их правящая элита наживала свои грязные богатства.

В ответ на эти заявления руководство Всемирного банка утверждает, что предпринимаемые им меры безопасности удерживают потери при кредитовании на минимальном уровне.

²⁰⁴ Основываясь на ежегодных выплатах в среднем 20 миллиардов долларов.

Но прежде чем мы отправимся дальше, позвольте мне дать несколько пояснений по поводу руководства Всемирного банка, поскольку важно отличать саму организацию от тех, кто ею управляет. Длительное время в этом банке верховодят бюрократы, которых больше заботит собственное благосостояние, чем выполнение банком своей миссии. Эти руководители от имени Всемирного банка расходуют миллиарды долларов на коррумпированные и нестабильные режимы Третьего мира и ни перед кем не отчитываются, продвигаясь по служебной лестнице в корпоративной культуре, для которой процесс кредитования важнее его результатов. Сомнительные кредиты могли быть предоставлены с одобрения конкретных руководителей, но обвинять в этом будут весь банк в целом. Руководители банка могут быть причастными к поддержке неудавшихся проектов, к многолетнему игнорированию расхищения средств банка, а также к обременению стран Третьего мира непомерными долгами, но они никогда не понесут за это личную ответственность. Таким образом, организация подвергается жесткой критике за свои неудачи, а те, кто действовал от ее имени, получают лишь премии и новые должности.

Руководство Всемирного банка, пытаясь продемонстрировать свою финансовую ответственность, рассказывает нам о том, что условия договоров о займах, нормативы предоставления кредитов, контролирующие использование средств, отслеживание кредитных операций и периодические аудиторские проверки – все это является доказательством чистоты кредитного портфеля Всемирного банка. Это руководство также говорит о больших достижениях в последние 10 лет программ банка, направленных на борьбу с коррупцией: в качестве примера борьбы с коррупцией Всемирный банк часто отмечает создание нового Отдела расследований случаев коррупции и мошенничества, а также организацию «горячей линии» для приема сообщений о мошенничестве и коррупции; кроме того, в банке есть своя служба расследования подобных случаев. Рассказывается и о практике прекращения работы с компаниями, признанными виновными в даче взяток и «откатов», о многочисленных научных исследованиях банка по теме борьбы с коррупцией и о выделении займов на проекты по борьбе с коррупцией. Но Всемирному банку еще придется доказать, что все эти меры хоть как-то повлияли на злокачественную опухоль коррупции, пустившую метастазы по всему его кредитному портфелю.

Несмотря на то что страсти вокруг Всемирного банка накалились до предела, ни одна из противоборствующих сторон не предоставляла надлежащих доказательств своих заявлений. Критики банка твердят о неспособности его займов привести к достижению поставленных целей и о явном риске предоставления кредитов коррумпированным режимам, но не подтвердили свои заявления вескими доказательствами. Несмотря на логичность предположений о том, что режимы Маркоса, Сухарто, Абаха, Аристиды и подобные им диктатуры просто не могли не воровать доверенные им средства банка, пока все это не доказано, они остаются всего лишь догадками.

Таким образом, вопрос остается без ответа. Потерял ли Всемирный банк за несколько прошедших десятилетий 100 миллиардов долларов в мошеннических сделках или это всего лишь безосновательные заявления критиков, не располагающих доказательствами? К сожалению, я сам, имея 16-летний опыт работы в кредитных подразделениях Всемирного банка, после многократных расследований случаев коррупции убедился в том, что 100 миллиардов долларов вполне могли исчезнуть в мошеннических сделках, и что заявления критиков не такие уж необоснованные. В этой главе я предлагаю выборку из множества случаев мошенничества и хищений, которые наблюдал и расследовал в течение нескольких лет в финансируемых Всемирным банком кредитных операциях. Это реальное доказательство того, насколько глубоко коррупция проникла в кредитный портфель банка, и насколько этот факт скомпрометировал миссию Всемирного банка и доверие к нему. Это подтверждение

тому, что банк, возможно, действительно потерял 100 миллиардов долларов, если не больше, в мошеннических сделках и в результате хищений за последние несколько десятилетий.

Либерия: вы принесли деньги?

Накануне вечером я прилетел в Монровию рейсом авиакомпании Pan-Am, который показался мне бесконечно долгим. А сейчас, когда мы поднимались по ступеням мэрии в лучах теплого утреннего солнца, уровень адреналина у меня в крови подскочил, так как я начинал осознавать реальность происходящего. Стоял ноябрь 1983 года, и я участвовал в своей первой «полевой миссии» для Всемирного банка. Я жаждал приступить к работе, поскольку после нескольких лет обивания порогов, налаживания связей и такой жизни, при которой я сам начал уставать от себя, нашелся мудрый и достаточно смелый человек, чтобы предоставить мне работу. У меня не было связей в международном банковском деле, не было и экономического образования, зато имелся некоторый опыт работы с иностранными проектами и техническая подготовка, а в Всемирном банке, как оказалось, подобные сотрудники были нужны. Спустя несколько дней, подписав контракт на оказание консультационных услуг сроком на один год с Западно-Африканским отделением Всемирного банка, я оказался здесь, в Монровии, столице Либерии, маленькой Западно-Африканской страны, управляемой в то время Сэмюелем Доу с его жестоким, коррумпированным и неэффективным режимом.

Разбитые ступени из белого камня с недостающими пролетами балюстрады носили следы запустения. Когда мы вошли в вестибюль мэрии, я, увидев еще большее обветшание и разруху, представил себе, как он мог бы выглядеть прежде. Он был хорошо спланирован и напоминал о старых временах, но, к сожалению, плохое управление, коррумпированное правительство, грязная политика и Бог знает, что еще, превратили его в жалкое зрелище. В последующие годы я увижу много подобных мест, вид которых всегда будет пробуждать во мне чувство горечи из-за тщетности попыток добиться каких-либо результатов от проектов, финансируемых Всемирным банком в Африке. Я буду много размышлять о неспособности наших африканских партнеров и исполненного благих намерений западного общества, предоставляющего финансирование, нормализовать ситуацию на африканском континенте.

Мы прогуливались по пустому вестибюлю с Бенни ди Зитти и двумя консультантами, когда кто-то позвал нас с балкона на втором этаже. Бенни, «предводитель миссии», мой руководитель и наставник, который станет для меня хорошим другом на многие годы. К счастью для меня, он обладал большим опытом в этом бизнесе, поскольку я, нанятый лишь несколько дней назад без какого-либо инструктажа относительно сути операций Всемирного банка или самой его миссии, очень нервничал. Бенни, гражданин Канады итальянского происхождения, выросший в Уганде и говоривший на английском, французском и суахили в дополнение к своему родному итальянскому, чувствовал себя как дома в любом окружении и обладал чудесной способностью выполнять необходимую работу спокойно и без излишнего ажиотажа. В Всемирном банке были и другие люди, подобные Бенни, преданные делу и трудолюбивые сотрудники, которые изо всех сил старались что-то сделать в крайне тяжелых условиях. К сожалению, я вскоре узнал, что старание и упорный труд далеко не всегда преобразуются в положительные результаты для финансируемых банком проектов в Африке.

Мы прибыли туда, чтобы контролировать реализацию проекта городского развития Монровии, который финансировался Международной ассоциацией развития, кредитным подразделением Всемирного банка, предоставляющим беспроцентные кредиты беднейшим странам мира. Этот конкретный кредит на сумму 10 миллионов долларов был предоставлен правительству Либерии на улучшение условий жизни бедняков, населяющих Монровию и пригород. У местного населения не было доступа к чистой воде, многие дороги были просто непроходимыми, очистных сооружений и канализации просто не существовало, а по всему городу лежали кучи мусора. В результате реализации этого проекта предполагалось хотя бы

отчасти изменить ситуацию к лучшему, а в мою задачу входила помощь местным властям в разработке программ обучения персонала, которые научили бы местных руководителей и рядовых работников эффективно выполнять свои обязанности.

Мы поднялись на балкон второго этажа и миновали ряд кабинетов. Везде было необычно тихо, проходя мимо кабинетов, я видел сотрудников, пребывавших в состоянии летаргии разной степени. Казалось, что спать за столами или слушать музыку по радио было их единственным занятием. В конце коридора находился кабинет мэра, куда нас провели. Каким-то образом я оказался впереди нашей маленькой процессии.

Как только мы вошли, мэр вышел из-за своего стола. Низкого роста, полноватый, он был одет в хорошо отутюженную солдатскую форму со знаком отличия на воротнике, свидетельствующим о полковничьем звании, а на боку у него висел револьвер с отделкой из жемчуга в ковбойском стиле. С серьезным видом он подошел ко мне, уставившемуся на револьвер. Внезапно он протянул руки вперед, расплылся в широкой улыбке и сказал: «Всемирный банк, Всемирный банк, добро пожаловать, добро пожаловать». Когда он схватил меня за плечи, его лицо снова стало серьезным. Он пристально взглянул на наши кожаные чемоданы, набитые документами по проекту, и произнес: «Вы привезли деньги? Где деньги?»

Я стал сбивчиво объяснять, что у нас есть только аванс на командировочные расходы, но, к счастью, Бенни пришел мне на помощь. Он спокойно объяснил, что Всемирный банк оплачивает затраты на реализацию проекта непосредственно подрядчикам, как только они появляются, поэтому мы не привезли с собой наличные. Мэр, явно разочарованный, безучастно смотрел на нас несколько секунд, прежде чем предложил присесть. Затем мы уселись, чтобы обсудить наши планы на период выполнения миссии, и я сконцентрировался на предстоящей работе.

За некоторыми редкими исключениями, все финансируемые Всемирным банком проекты в Африке предусматривают обучение сотрудников местного правительства всех уровней, для того чтобы они должным образом выполняли свои функции. Моя работа заключалась в том, чтобы с помощью программ тренингов обеспечить достижение этой цели, но очень скоро я понял, что все не так просто, как кажется. В последующие годы я узнал, что истинным стимулом к обучению у чиновников, особенно за границей, была высокая стипендия и другие пособия от приглашающей организации, поскольку эти выплаты значительно превышали их зарплату. Было обычной практикой выплачивать тысячи долларов на оплату обучения и стипендию правительственному чиновнику с ежемесячным окладом в 300 долларов, причем никто никогда не требовал отчета о том, как они были потрачены. А выплаты самым высокопоставленным чиновникам достигали десятков тысяч долларов.

Позже тем же утром совместно с руководителем проекта от Либерии мы посетили Департамент коммунальных служб, чтобы посмотреть, как продвигаются дела. Проходя через несколько разных офисов, я заметил такую же летаргию, охватившую работников департамента, как и в мэрии. Они даже не пытались делать вид, что работают, – одни спали за своими столами либо растянулись на скамьях, тогда как другие просто лениво развалились за столами. Я также обратил внимание на отталкивающую обстановку: плохое освещение, выбитые стекла, сломанную мебель и явно неработающую офисную технику. Затем мы посетили автопарк или, точнее, кладбище автомобилей, где ощущалась та же неприкрытая апатия в такой же ужасающей обстановке. Рабочие спали или болтали, собравшись небольшими группами, лишь изредка можно было увидеть, как кто-то обучал молодого ученика починке шин, смазке моторов или другой не очень высококвалифицированной работе в мастерской.

Для реализации проектов, касающихся ремонта дорог, канализации и уборки мусора, требовались грузовики, грейдеры, трактора и другая техника в хорошем рабочем состоянии. Однако весь транспорт находился в нерабочем состоянии. Автопарк состоял из нескольких

автомобилей: одни стояли без колес, другие – без моторов, а третьи требовали разного рода ремонта.

Мы поговорили с местным управляющим, который отыскал кучу причин, препятствующих продвижению работ. У них не было средств на эксплуатационные расходы. У них не было запасных частей. Местному поставщику топлива давно уже не платили, поэтому он не даст им топливо в кредит. Рабочие несколько месяцев не получали зарплату. Те несколько автомобилей, которые были на ходу, «позаимствовал» министр. И так далее. Несмотря на то что предоставленные банком средства на реализацию проекта предусматривали среди прочего приобретение запасных деталей, до сих пор ничего не было заказано; дополнительное финансирование ежедневных эксплуатационных расходов, которое должно было обеспечить правительство, тоже не предвиделось. В результате – абсолютное бездействие.

Постепенно я осознал, что бездействие было лишь частью проблемы, когда я вернулся в Либерию четыре месяца спустя для заключительной оценки Второго проекта по развитию системы водоснабжения. До сих пор еще не освоившись и все еще благоговей перед деятельностью Всемирного банка в Африке, я медленно учился «читать между строк», чтобы научиться видеть разницу между сказанным и написанным и реально сделанным. Либерийская корпорация водоснабжения и канализации (ЛКВК) в 1978 году получила от Международной ассоциации развития кредит на 8 миллионов долларов, а сейчас Всемирный банк готовился одобрить второй кредит примерно на 5 миллионов долларов. Моя работа опять заключалась в том, чтобы обеспечить эффективное использование средств, которые будут предоставлены на обучение персонала. Но с чего начинать? Несмотря на помощь банка и других спонсоров предыдущего проекта, внутренние проблемы ЛКВК казались непреодолимыми.

Либерийская корпорация водоснабжения и канализации была государственным предприятием, которое должно было существовать за счет оплаты услуг населением, то есть предприятию следовало работать на коммерческой основе. Однако это явно не соответствовало реальному положению дел, и наша группа обнаружила серьезные проблемы в части взимания платы за услуги. Несмотря на то что счета от ЛКВК регулярно получают около 13 тысяч частных потребителей, фактически оплачивают их только три тысячи. К счастью, крупнейшие частные потребители платят довольно исправно. Таким образом, взимается приблизительно 50 % от сумм, предъявляемых к оплате частным потребителям.

Одной из причин таких больших неплатежей ЛКВК является отсутствие достоверных сведений о дебиторской задолженности. Сервисное бюро ЛКВК составляет отчет по дебиторской задолженности, но в нем упоминается около 22 тысяч счетов, тогда как сегодня число активных потребителей оценивается в 13 тысяч. Более того, в этом отчете новые долги постоянно прибавляются к старой задолженности, которая в совокупности составляет свыше 17 миллионов долларов США.²⁰⁵

Задолженность потребителей перед Либерийской корпорацией водоснабжения и канализации в три раза превышала сумму нового кредита, который планировал предоставить банк этому предприятию. В данной сумме задолженности еще не учитывали приблизительно 4,6 миллиона долларов долга правительства за услуги, оказанные различным министерствам и муниципальным предприятиям. Кроме того, в нашем отчете отмечалось, что тяжелое финансовое положение ЛКВК отчасти вызвано неэффективной организационной структурой предприятия. В основном перерасход бюджетных средств обусловил раздутый штат, но были и другие причины:

²⁰⁵ Walden Bello, David Kinley, and Elaine Elinson, *Development Debacle: The World Bank in the Philippines* (San Francisco: Institute for Food and Development Policy, 1982), p. 22.

- а) неточное измерение дозировки химикатов, приводящее к их перерасходу;
- б) при определении уровня подачи воды не учитывалось уменьшение ее потребления в ночное время, что приводило к чрезмерным затратам и расточительству;
- в) неповоротливая громоздкая система снабжения, из-за чего ремонт транспортных средств и оборудования растягивался на долгий срок;
- г) непомерная закупочная цена на химикаты (столь высокая отчасти из-за возможных рисков неплатежей);
- д) использование транспорта в личных целях.

Сейчас меня удивляет, как мы могли в то время ожидать, что ЛКВК приведет свои дела в порядок. Почему мы давали этому предприятию новый кредит, если оно не могло собрать со своих клиентов то, что ему причиталось? И каким образом этот новый кредит мог помочь им, когда предыдущий кредит привел к фиаско? Но в то время я был новичком в этих делах и решил держать свои сомнения при себе, поскольку эти проблемы не имели ничего общего с обучающими программами, за которые я отвечал.

Кредит, естественно, был предоставлен. Через три года я приехал в Либерию, чтобы провести оценку проекта, и обнаружил, что ЛКВК работает еще хуже, чем прежде. Если часть проблем можно было объяснить ухудшением политической ситуации в стране, то большинство из них было вызвано некомпетентностью и коррупцией внутри организации – тем обстоятельством, которое банк продолжал игнорировать.

Мой годовой контракт был продлен еще на три года, и я продолжил работу над проектами в Либерии. В июне 1985 года меня попросили оценить успехи Центра профессионального обучения Монровии (ЦПОМ), финансирование которого проходило в рамках Четвертого образовательного проекта. Этот проект стоимостью в 12,6 миллиона долларов был последним из ряда образовательных кредитов на общую сумму 30 миллионов долларов, предоставленных с 1972 по 1988 год на совершенствование профессионального обучения.

Встретившись с руководителем проекта от Министерства образования Либерии, мы отправились с ним в ЦПОМ, располагавшийся на окраине города. Он размещался в здании школы, которая была построена на большом участке земли и находилась в довольно хорошем состоянии. После встречи с руководством центра и преподавателями, на которой мы обсудили усовершенствование учебных планов, программ преподавания, приобретение оборудования и отношения в коллективе, я обошел помещения, чтобы проверить, как сделан ремонт здания и какие улучшения осуществлены на средства проекта. В начале своей карьеры я работал в строительной отрасли, поэтому мне было интересно посмотреть, как были выполнены работы и какими оказались затраты на строительство здесь, на месте.

Работа по установке средств защиты на дверях и окнах, а также сооружение забора вокруг территории центра выполнялась по двум отдельным контрактам. Я решил осмотреть эти объекты, потому что они казались мне гораздо менее важными, чем другие, на которые уже не хватило средств. Кроме того, стоимость этих двух контрактов показалась мне слишком высокой по сравнению с многими другими.

Стоимость подряда на установку средств защиты превышала 60 тысяч долларов – и это на установку стальных решеток на все двери и окна первого этажа. По словам руководителя проекта, это было необходимо для предотвращения краж оборудования центра. Многолетние наблюдения убедили меня в том, что в Западной Африке, где так усердно устанавливают решетки и другие средства защиты на общественных зданиях, мародерством обычно занимаются те, кто там находится.

Осмотрев стальные решетки на окнах и дверях и прикинув, сколько материала пошло на их сооружение, я отправился на местные предприятия, занимающиеся металлообработкой, для того чтобы сравнить стоимость работ. Представившись эмигрантом, переезжающим в эту местность вместе с частной фирмой, я выяснил стоимость деталей, идентичных тем, которые были установлены в ЦПОМ. Узнав цены на «улице», я, к своему удивлению, обнаружил, что работу в ЦПОМ можно было сделать меньше, чем за 15 тысяч долларов, то есть потратить примерно одну четверть реально израсходованных денег. Конечно, в Европе или в США это стоило бы еще дороже, чем заплатил ЦПОМ. Но когда я обсудил все это с руководителем проекта, он, улыбнувшись, заверил меня, что администрация дала подряд фирме, предложившей самые низкие цены. Но поскольку правительство любит затягивать выплаты, подрядные организации повысили цены, чтобы компенсировать задержку платежей.

Это не соответствовало действительности: в документах по проекту было указано, что подрядной организации заплатили сразу после выставления ею счета-фактуры. Когда я указал на этот факт, руководитель слабо улыбнулся и ничего не ответил. Куда подевались еще 45 тысяч долларов, знают только Бог, подрядчик и несколько государственных чиновников.

Подряд на сооружение забора оказался еще интереснее. ЦПОМ располагался вдоль дороги, ведущей из Монровии, и занимал несколько гектаров земли, покрытой низкорослым кустарником, которая, за исключением самих зданий, пустовала. За территорией центра стояло несколько хибар. По неким необъяснимым причинам было решено оградить забором территорию центра, для того чтобы местные жители не выходили к дороге по владениям центра, а их скот не пасся на пустоши.

Бетонный забор высотой около 2 метров дополняли установленные через каждые 12 метров прожекторы. Такой забор обошелся более чем в 250000 долларов. Сам забор был сделан некачественно, а работы по установке прожекторов так и не были закончены. Несмотря на это, в бухгалтерских документах по проекту указывалось, что подрядчику заплатили немедленно и в полном объеме, как только он выставил счет. Когда я поделился своими наблюдениями с руководителем проекта, он не придавал значения тому, что меня беспокоило, сказав, что не видит проблемы – он вернет подрядчика, чтобы тот закончил работу.

Я снова провел собственное расследование, проконсультировавшись у местного поставщика строительных материалов и поговорив с местными каменщиками. Мне опять назвали цены, значительно меньшие, чем у подрядчика, выбранного для проекта и сделавшего «предложение по самой низкой цене». Узнав реальные цены, я подсчитал, что стоимость контракта на самом деле должна была составить около 75 тысяч долларов, выявив необъяснимую разницу приблизительно в 175 тысяч долларов. Но больше всего меня поразило то, что подрядчик оставил десятиметровую брешь в стене в том месте, где пролегал тропинка, по которой местные жители ходили через территорию центра к дороге. По-видимому, если бы тропу перекрыли, в этой болотистой местности людям не осталось бы выхода к дороге. Поэтому местное население продолжало все так же свободно ходить по территории центра, а скот – пастись. Это стало одним из уроков в моем непрекращающемся изучении экономического развития Африки.

Последняя, четвертая моя миссия в Либерию пришлось на сентябрь 1987 года, когда условия в стране ухудшились до такой степени, что Всемирный банк перестал кредитовать правительство Доу. Я так и не смог понять, почему руководству банка потребовалось столько времени, чтобы понять бессмысленность ведения дел с этим коррумпированным режимом. Чем было вызвано прекращение предоставления кредитов: этим озарением, снизошедшим на руководство банка, или неспособностью правительства выполнить некие бюрократические требования, я не знаю. Будучи все еще новичком во Всемирном банке, я был уверен, что мы занимались полезным делом, стараясь изменить ситуацию, и надеялся, что в результате нашей работы получится что-то хорошее. Я верил, что мои коллеги, чиновники и поли-

тики, с которыми мы работали, пытались сделать все, что могли, в тех чрезвычайно тяжелых обстоятельствах, а случаи мошенничества и коррупции, которые я заметил в проектах Всемирного банка, были лишь исключением, но не правилом. В последующие годы я придю к пониманию, что в большинстве случаев, если внимательно присмотреться к проектам банка, то окажется, что они в большей степени предполагали личное обогащение государственных чиновников, чем снижение уровня бедности и улучшение плачевных условий жизни среднего африканского жителя. Эти фрагменты из моих ранних наблюдений и постижения деятельности Всемирного банка в Либерии обнажают огромную пропасть между яркими картинками, рисуемыми банком при описании его усилий в области развития Африки, и существующими в действительности хаосом и коррупцией. Даже если будут все признаки того, что кредитные операции Всемирного банка не достигают результатов, банк никогда не признает этого. Он никогда не согласится с тем, что, возможно, его деньги были потрачены впустую из-за несостоятельной политики, некомпетентности или коррупции, но, скорее всего, по причине всех этих трех факторов вместе взятых. И несмотря на постоянный рост долгового бремени, взваленного на плечи населения Африки, Всемирный банк никогда не сократит объемы предоставляемых кредитов, даже имея неопровержимые доказательства того, что вышеупомянутые негативные факторы сведут на нет все благие усилия по обеспечению экономического прогресса. В эту игру будут играть и дальше, год за годом, в одной стране за другой.

Коррупция: «не подмажешь – не поедешь»

Мои первые миссии в Либерии были всего лишь началом постижения мира экономического развития. Каждая страна африканского континента, в которой я работал, все больше укрепляла мою уверенность в том, что весь бизнес представлял собой лишь видимость: Всемирный банк со своими местными партнерами напустил тумана, убеждая всех в том, что на миллиарды, предоставленные для сокращения уровня бедности в странах Третьего мира, вершились благие дела. Между тем, деньги, предоставляемые нами на развитие, редко шли на осуществление чего-либо полезного, действительно нужного бедным. Все так же, год за годом, банк продолжал представлять страстные отчеты об успехах в одной сфере деятельности за другой, в одной стране за другой, вопреки ярким свидетельствам обратного. С помощью таких отчетов руководство Всемирного банка стремилось защитить себя от нападок критиков.

Что же скрывается за этими страстными отчетами? Улучшилась ли жизнь обыкновенных людей, или руководство банка скрывало явные провалы своей политики предоставления кредитов коррумпированным и неэффективным правительствам? Был ли банк честен, когда писал о том, что его клиенты стремятся улучшить жизнь своего населения, или он скрывал истинное положение дел, пока у него была возможность удовлетворять свою страсть предоставления кредитов? К сожалению, любовь банка к предоставлению кредитов сделала его слепым по отношению к простой истине. Эта истина заключается в том, что предоставление денег коррумпированным правительственным чиновникам является верным средством создания катастрофической ситуации, так как нет предела изобретательности этих чиновников, обворовывающих финансируемые банком проекты.

Начиная с крупных контрактов на миллионы долларов и заканчивая ежедневными операциями с текущими счетами, руководители проектов выдумывали разного рода аферы для присвоения денег Всемирного банка. С помощью соучастников со стороны или без них они учреждают холдинг-компании, занимаются фальсификацией результатов тендеров, подделывают документы на поставку продукции, заводят тайные счета, платят за товары и услуги, предлагаемые по завышенным ценам, и совершают другие жульнические действия в целях личного обогащения. Если некоторые защитники банка не придают значения этим преступным действиям, считая, что такова «цена бизнеса», «простая смазка колес», то на деле эти действия затрудняют реализацию проектов гораздо больше, чем потеря денежных средств. Игнорируя тот факт, что сотни украденных долларов могут принести экономический ущерб на тысячи долларов, сторонники Всемирного банка считают, что коррупция не мешает ему в выполнении своей миссии. Каким бы ни был процент средств, украденных со счетов проектов, сам процесс походит на воровство бензина на 20 долларов у машины стоимостью в 20 тысяч долларов. У вас может быть машина, но вы никуда не уедете на ней.

Нигерия: небольшие комиссионные

Когда я замещал коллегу, уехавшего в отпуск, ко мне обратился сотрудник посольства Великобритании по поводу продажи учебных пособий. Речь шла о контракте на сумму приблизительно 25 миллионов долларов на поставку университетских пособий по финансируемому Всемирным банком проекту в Нигерии. К британскому агенту по продаже учебной литературы обратился человек, утверждающий, что он представляет определенных правительственных чиновников из Национальной университетской комиссии (НУК), которые обладали властью, позволявшей им отдать контракт на поставку книг любому, кому они пожелают.

Этот «представитель» предъявил конфиденциальные документы по проекту, чтобы доказать свои связи с чиновниками НУК, и сказал, что может обеспечить передачу контракта данному агенту за комиссионные – 15 % (3,75 миллиона долларов) от его суммы. Эти деньги планировалось распределить между руководителями проекта. Агент отказался платить такую сумму, и вскоре «представитель» опять связался с ним, утверждая, что руководители проекта согласны на 10 % (2,5 миллиона долларов), но не меньше. Во второй раз отвергнув такое вымогательство, агент обратился за помощью к Всемирному банку через посольство Великобритании.

Зная, что всего несколько международных компаний, жаждущих заполучить контракт, могли участвовать в тендере на такой крупный заказ книг, агент представил на рассмотрение очень конкурентоспособное предложение. Через девять дней после того, как я узнал об этой ситуации в посольстве Великобритании, со мной связался представитель другого агента, из США, который сказал, что тоже подал заявку на тендер и был проинформирован не назвавшим себя консультантом о том, что их компанию в скором времени пригласят в Нигерию для «обсуждения условий» получения контракта. Десять дней спустя после этого ко мне снова обратился американский агент, который предоставил информацию, полученную им от неизвестного лица. Агенту сказали, что «процедуры банка не позволили провести переговоры по выбору подрядчика», но поскольку всего три претендента вошли в окончательный список, нигерийская сторона решила распределить поставки на все три подряда.

Все это звучало подозрительно, и я передал полученную информацию своим коллегам и руководству Всемирного банка, которые, в свою очередь, вмешались, намереваясь провести тендер вновь, сделав его прозрачным. Тем не менее, у непробиваемых нигерийских чиновников были другие планы, основанные на принципе «разделяй и властвуй»: они использовали субподряды как средство обогащения себя и своих соучастников.

Данный подряд должен был выставляться на международные конкурентные торги. Контракт заключался с той компанией, которая предоставляла технически обоснованную заявку при самых низких ценах. Если в ходе предоставления товаров и услуг победивший претендент решал воспользоваться услугами субподрядчиков, этот факт и квалификация субподрядчиков должны были оговариваться в заявке. Но в данном случае все сложилось по-другому. Вскоре и английский, и американский агенты получили одинаковые письма, датированные 15 февраля 1991 года, от НУК, в которых говорилось следующее: «Я рад сообщить вам, что в результате оценки вашей заявки как агента по снабжению книгами по вышеупомянутому кредиту Ваша компания выиграла. Поэтому на понедельник 25 февраля 1991 года запланирована встреча представителя вашей организации с исполнительным секретарем Национальной университетской комиссии для обсуждения этого события.

Очень важно, чтобы представитель Вашей организации, направленный на эту встречу, обладал достаточными полномочиями для принятия конкретных решений от лица компании, поскольку у него может не оказаться времени на консультации со своей организацией по каким-либо вопросам, которые могут обсуждаться во время встречи, прежде чем договоренность будет достигнута».

Таким образом, афера была запущена в действие. Получив уведомление всего лишь за 10 дней до предполагаемого события, оба агента отправились в Лагос, полагая, что выиграли контракт на поставку книг на сумму 25 миллионов долларов. По их прибытии в Национальную университетскую комиссию им обоим вручили письма, датированные 15 февраля 1991 года. Эти письма были практически идентичны письмам с той же датой, которые они получили ранее, – идентичны во всем, но за одним исключением: вместо фразы «Ваша компания выиграла», в повторном письме было написано «Ваша компания вошла в окончательный список». Как сильно одно слово может все изменить! Тогда же, находясь в одной комнате с чиновниками НУК и двумя неправомочными нигерийскими претендентами, агенты

из Великобритании и США быстро уяснили, что для заключения контракта с НУК им придется поделить его со всеми остальными претендентами.

Агенты из США и Великобритании, которые в течение двух месяцев тщетно пытались выиграть контракт честным путем, обратились за помощью к Всемирному банку. Сначала банк попытался сделать тендер прозрачным, но в итоге позволил чиновникам реализовать свою схему, не став расследовать явное мошенничество, совершенное ими после того, как контракт был присужден агенту из Великобритании. Вот чем это закончилось: агент из Великобритании предоставил, несомненно, самую выигрышную заявку, и НУК информировала банк о том, что она отдала этому агенту контракт на 25 миллионов долларов. Этот выбор был одобрен банком. Но Всемирный банк не проинформировал о том, что контракт был присужден при условии участия остальных трех «претендентов» – американской и двух нигерийских компаний – в качестве субподрядчиков. Компания из Великобритании получала 50 %, американская компания – 15 %, а нигерийские компании – 20 и 15 % соответственно. Таким образом, оказалось, что 35 % (8,75 миллиона долларов), то есть сумма, вдвое превышающая первоначально запрашиваемые чиновниками НУК «комиссионные», была присуждена двум неправомочным нигерийским компаниям. В конечном счете, за большую часть того, что нигерийские компании должны были поставить в университеты, никто никогда не отчитался, как и за деньги, уплаченные этим компаниям.

Аргентина: кислород и деньги

Африка – не единственное место, где воруют средства Всемирного банка, так как коррупция сопутствовала всем финансируемым им проектам, с которыми я сталкивался немало лет. Аферы, организуемые правительственными чиновниками и их компаньонами, были направлены исключительно на мошенничество и хищения, хотя я нашел в них определенные отличия. Где-то хищения совершались с помощью более утонченных схем. Например, сложная схема мошенничества в проекте на 100 миллионов долларов в сфере здравоохранения в Аргентине относилась уже совсем к другому уровню, чем явные попытки вымогательства «откатов» чиновниками НУК в Нигерии.

Аргентинский проект был разработан для улучшения услуг в сфере здравоохранения в нескольких областях и Буэнос-Айресе. Реализацией проекта занималось национальное министерство здравоохранения. Средства Всемирного банка должны были пойти на ремонт больничного оборудования и предоставление консалтинговых услуг для улучшения политики и положения дел в области здравоохранения.

Реализацией проекта занимались региональные проектные подразделения, которые отчитывались перед центральным координационным отделом в министерстве. Контракты присуждали региональные подразделения после одобрения центрального отдела, который заведовал распределением средств Всемирного банка. Это породило многоуровневый процесс присуждения контрактов, который чиновники на обоих уровнях использовали в своих целях. Программа восстановления больниц предусматривала множество контрактов на строительные работы и закупку медицинского оборудования. Среди подрядов на поставку оборудования был контракт на 750 тысяч долларов на приобретение установок, вырабатывающих медицинский кислород, для двух больничных комплексов.

После получения заявления от проигравшего претендента о нарушениях условий тендера следователи Всемирного банка выяснили, что контракт был присужден вновь созданной местной компании, которая была заявлена в качестве эксклюзивного представителя уважаемого американского производителя кислородных станций. В заявлении утверждалось, что победивший претендент имел связи с центральным отделом проекта и подлежал дисква-

лификации, поскольку не предоставил финансовую отчетность за трехлетний период, как того требовали условия тендера.

Всемирный банк с помощью своего тогда еще только что созданного отдела по борьбе с коррупцией и расследованию мошенничества, проверил это заявление и обнаружил следующее. Местная компания, выигравшая тендер, была образована специально для того, чтобы получить контракт на поставку кислородных станций, и официально зарегистрирована как корпорация только через месяц после подачи заявки на участие в тендере. Руководители компании не разбирались в производстве медицинского кислорода, а их связи с чиновниками из проектного подразделения подтвердились при проверке.

Притязания выигравшего претендента на то, что он был эксклюзивным представителем американского производителя, оказались ложными, так как этот производитель подтвердил, что его продукция распространялась через любых дистрибьюторов страны. Единственным участием американского производителя в процессе тендера было то, что он предложил этой местной компании скидку со своих низких цен.

Несмотря на то что Всемирный банк уведомили о победе в тендере местной компании, проектное подразделение передало контракт американскому производителю. Когда местным чиновникам, управляющим проектом, указали на это отклонение от инструкций Всемирного банка, они привели неубедительную отговорку, заявив что американская компания могла выполнить требование о предоставлении бухгалтерской отчетности за трехлетний период, поэтому и выиграла тендер. Хотя эта отговорка просто подтверждала, что местный претендент не имел достаточной квалификации для выполнения контракта, руководство банка, как видно, удовлетворилось ею.

В тендер был включен пункт о 100 тысячах долларов, предназначенных на строительные работы по сооружению в больничных комплексах двух небольших зданий под установки, генерирующие кислород. На деле эти работы попросили провести вышеупомянутую американскую компанию – производителя кислородных станций, не имевшую представительства в Аргентине и какого-либо опыта в строительстве. Когда эта американская компания стала протестовать против такого условия договора, руководители проекта сказали: «Всемирный банк пожелал, чтобы контракт был составлен таким образом». Производителю пообещали, что строительством займется местная компания, а деньги, которые поступят производителю на эти цели, это 100 тысяч долларов, он потом должен перевести обратно, этой местной компании.

Расследование Всемирным банком других странностей в заключении контракта обнаружило, что возведение зданий под кислородные станции было включено в контракты на проведение строительных работ в больницах, присужденные другим аргентинским компаниям, которые и построили их. В результате выставление двойных счетов-фактур за строительные работы произошло с ведома определенных руководителей проекта, действовавших в сговоре с начальниками местного «представительства» американского производителя, получивших 100 тысяч долларов неожиданного дохода буквально ни за что. Несмотря на то что кислородные станции от американского производителя поступили и были установлены во вновь построенных зданиях, обнаружилось, что оборудование не полностью отвечает техническим требованиям, изначально заявленным на конкурсе. По причине некомпетентности местного «представительства», уточнявшего технические требования к станциям для американского производителя, и аферы руководителей проекта, потребовались еще 180 тысяч долларов на модификацию оборудования в соответствии с исходными требованиями.

В течение нескольких лет после передачи контракта этой холдинг-компаниям оборудование в двух больницах бездействовало. Правительственным чиновникам не удалось заставить местное «представительство» и американского производителя выполнить технические условия тендера. Несмотря на веские доказательства сговора между местной компанией и

определенными руководителями проекта, правительство не стало преследовать участников аферы в судебном порядке.

Каскад разоблаченных афер

Было бы наивно полагать, что афера с кислородной станцией была аномальным исключением в этом проекте на 100 миллионов долларов. Руководители проекта не смогли устоять перед огромным соблазном всей этой суммы. Одно лишь вышеупомянутое расследование вскрыло еще несколько случаев, затрагивающих контракты на консалтинговые услуги и строительные работы; они продемонстрировали изобретательность руководителей проекта в присваивании выделенных на него средств.

Договор стоимостью 260 тысяч долларов на оказание консалтинговых услуг по контролю строительным работ в одной из больниц должен был выиграть один из местных консультантов. Несмотря на то что тендер уже был одобрен Всемирным банком, один из руководителей проекта проинформировал консультанта о том, что ему придется заплатить 10 % «комиссионных» для окончательного утверждения. Встретившись с этим чиновником в одном из местных баров, консультант тайно записал на диктофон попытку вымогательства и согласился заплатить взятку, как только получит контракт.

После получения контракта этот консультант отказался платить 10 %, и впоследствии контракт с ним был расторгнут. Несмотря на то что консультант представил Всемирному банку и правительственным учреждениям запись разговора, контракт так и не был возобновлен.

В ходе расследования вышеупомянутых заявлений этого консультанта обнаружилось, что контракт на предоставление консалтинговых услуг при проведении строительных работ в больнице был передан близкому другу руководителя проекта. Кроме того, было найдено доказательство не совсем честного проведения тендера и присуждения контракта. Позднее из-за низкого качества строительных работ пришлось истратить дополнительно 600 тысяч долларов сверх изначального контракта на исправление серьезных ошибок, допущенных при строительстве. Этот же консультант по строительным работам получил контракт на обслуживание строительства в другом больничном комплексе на 2,5 миллиона долларов. В данном случае результатом тоже стали дополнительные 800 тысяч долларов, пошедшие на весьма сомнительную оплату заявок на внесение каких-то изменений, за которые так никогда полностью не отчитались.

Во время расследования контракта по предоставлению консалтинговых услуг при строительстве выяснилось, что местная строительная компания выиграла контракт на 5,1 миллиона долларов на проведение строительных работ в одном из больничных комплексов. Контракт был присужден квалифицированному претенденту, предложившему наименьшую цену, и произошло это перед сменой правительства и выборами нового президента. Прежде чем подписать контракт, руководители проекта предприняли мошеннические меры для дисквалификации выигравшего и следующего за ним претендентов. Затем они передали контракт третьему претенденту, предложившему самую высокую цену – 5,9 миллиона долларов, что превышало изначальное предложение на 800 тысяч долларов. Несмотря на отсутствие доказательств прямого соучастия, была получена информация о связи руководителя проекта с вновь избранным президентом Аргентины.

Подобные сомнительные присуждения контрактов были также обнаружены при проведении других расследований в сфере здравоохранения Аргентины. Крупное мошенничество, вымогательство, обманное выставление счетов-фактур, махинации с освобождением от налогообложения и другие формы хищения, какие только можно представить, практиковались правительственными чиновниками и их сообщниками. В рамках 100-миллионного

проекта суммы хищений были сравнительно небольшими. Тем не менее, не следует забывать, что ежегодно на конкурс выставлялись тысячи контрактов для различных проектов, финансируемых Всемирным банком в Аргентине, и найти среди них хотя бы один, избежавший злоупотреблений, было редким исключением.

От одной аферы до ста миллиардов долларов

Каким образом эти несколько примеров мошенничества с финансируемыми Всемирным банком проектами превращаются в потери за последние несколько десятилетий 100 миллиардов долларов? Описанные мною случаи – лишь малая доля того, что происходит каждый рабочий день, так как ежегодно миллиарды долларов банка проходят через руки правительственных чиновников стран Третьего мира, которые считают эти средства своей собственной копилкой. Я лично видел гораздо больше, чем могу рассказать в этой короткой главе: миллионы долларов, потраченные на дороги, которые невозможно найти, миллионы, уплаченные за восстановление инфраструктуры, расходование которых невозможно проконтролировать, миллионы на улучшение системы социального обеспечения, которые каким-то образом никогда не доходят до бедных, миллионы на содействие улучшению экономической политики и миллионы на усовершенствование системы управления. Все – во имя экономического развития. Все – во имя сокращения бедности.

Кто-то не придаст значения приведенным мною случаям мошенничества, посчитав их просто случайными фактами, недостаточными для того, чтобы доказать степень коррумпированности кредитного портфеля Всемирного банка. Но они оказывают плохую услугу и себе, и банку, не желая видеть ту действительность, которую обнажают эти факты. Действительность заключается в том, что несоразмерное количество сделок по поставкам в ходе реализации финансируемых на средства банка проектов скрывает буйный расцвет мошенничества и хищений, совершаемых правительственными чиновниками, которым доверили управлять этими средствами. Каким только могло быть это количество и как оно выражается в долларах?

Не сомневаясь в том, что защитники банка предпочтут теоретический анализ и углубленные исследования, для того чтобы доказать кражу у бедных даже одного доллара путем коррупции, я утверждаю, что описанные мною случаи, как и множество других, которые здесь не рассматривались, являются достаточным доказательством глубины проблемы. Я видел целые проекты, разграбленные подчистую. Я выявлял случаи, когда за товары или услуги платили на 1000 % больше их действительной стоимости, причем эти товары или услуги вообще могли не найти адресата. Я был свидетелем разнообразнейших трюков и уловок, какие только можно представить, при совершении мошенничества в финансируемых банком проектах. Подобная необузданная коррупция может привести к единственному выводу о том, что мошенничество и хищения – это правило, а не исключение в кредитном портфеле банка.

Итак, потерял ли Всемирный банк 100 миллиардов долларов в результате коррупции за последние несколько десятилетий или нет? Даже те, кто больше остальных поддерживает традиционную позицию банка по отношению к этой проблеме («не вижу никакого зла, не слышу никакого зла, не говорю ни о каком зле»), допускают, что ежегодные потери достигают в среднем 10 %. Даже при такой более чем скромной оценке эти 10 % составляют 2 миллиарда долларов в год,²⁰⁶ не маленькая сумма даже для Всемирного банка. Я был бы рад предоставить доказательства того, что эта цифра может достигать от 30 до 40 % в некоторых странах; нет никаких сомнений в том, что, по меньшей мере, 20 % теряются ежегодно, чего никто и не отрицает. Данная цифра, хотя все еще близкая к консервативной точке зрения, применительно к 500 миллиардам долларов, которые банк предоставил в кредит за последние десятилетия, дает нам 100 миллиардов долларов, подтверждая в широком смысле заяв-

²⁰⁶ Там же, с. 59.

ления критиков банка. Да, Всемирный банк потерял 100 миллиардов долларов из своего кредитного портфеля из-за мошенничества и коррупции, возможно, он потерял даже больше.

Таким образом, несмотря на разглагольствования Всемирного банка, коррупция продолжает процветать. Правительственные чиновники и их пособники продолжают безнаказанно воровать миллиарды долларов каждый год, тогда как Всемирный банк и другие организации, предоставляющие финансирование, осторожничают, делая вид, что для них это имеет значение. Бедные продолжают жить в крайней нищете, тогда как их правители по-прежнему живут в роскоши. Мы должны добиться другого положения дел. Те, кто управляют Всемирным банком, и все финансирующее сообщество в целом, должны выполнять принятые на себя обязательства и гарантировать использование денег, предоставленных на развитие экономики, таким образом, чтобы они приносили прямую выгоду бедным. Им необходимо меньше кредитовать и больше контролировать. Им необходимо меньше изучать и больше действовать. Им следует честно и полностью признавать неудачи в своих программах кредитования.

Им следует в полной мере использовать полномочия своих организаций, для того чтобы заставить правительства расследовать факты мошенничества и хищения, дабы наказывать в судебном порядке коррумпированных чиновников точно так же, как любых других преступников, чтобы по возможности вернуть украденные средства и активы. Боги кредитования могут принести не меньше, если мы будем выполнять обещания, данные всем тем, кто борется за выживание в мире, который мы до сих пор называем развивающимся.

Глава 9

Всемирный банк и Филиппины: стремительное падение в бездну

Эллен Огюстин

Всемирный банк превратил Филиппины в испытательный полигон своей стратегии развития, основанной на экспорте, – итогом стали диктатура, нищета и долги.

Начало 1970-х. Каждый день на первых полосах газет появляются материалы о Вьетнамской войне. Мир сотрясают массовые демонстрации. В ожесточенной борьбе между коммунизмом и капитализмом правящие круги Запада опасаются «эффекта домино», вследствие которого приход к власти коммунистов в одной стране приведет к их победе в других странах. На Филиппинах у власти находится Фердинанд Маркос, сильная личность, но на окраинах страны нарастает мятеж. По мнению Соединенных Штатов и Всемирного банка, только Маркос не даст еще одной стране примкнуть к «красным» в продолжающейся холодной войне. Один из способов удержать его у власти – напрямую оказывать ему помощь. Другое и более эффективное средство – займы Всемирного банка, выдаваемые на определенных условиях и сопровождаемые контролем. Поскольку президент Всемирного банка всегда назначался из американцев, Соединенные Штаты получили то, чего хотели, а Филиппинам достались катастрофические последствия. Но на этот раз, благодаря «своим людям» в Всемирном банке, мы можем получить взгляд инсайдера на то, как ведется игра в развитие и почему результаты, как правило, сильно отличаются от официальных заявлений.

Скрытое колониальное прошлое Америки

Отношения между США и Филиппинами уходят корнями в далекое прошлое. Сейчас мало кто помнит об испано-американской войне из курса истории. США «купили» Филиппины после победы над Испанией в 1898 году. Филиппины находились под властью Испании 300 лет, и появлению нового хозяина филиппинцы отнюдь не обрадовались. Было даже создано временное правительство Филиппин, которое возглавил Эмилио Агинальдо, для того чтобы филиппинцы взяли власть в свои руки после оказания содействия американским войскам в борьбе с испанцами. Однако филиппинцев проигнорировали, что повлекло за собой кровавое восстание, продолжавшееся несколько лет, которое в итоге было подавлено, унеся жизни 250 тысяч филиппинцев. США установили типичный колониальный режим: Филиппины экспортировали сельскохозяйственные продукты, такие, как сахар, а ввозили американские промышленные товары. В 1946 году США, наконец, предоставили Филиппинам независимость, но сохранили за собой 20 военных баз на территории этой страны, включая Clark Field и Subic Bay.

Во времена своего правления Соединенные Штаты вступили в союз с богатой землевладельческой элитой страны, которая захватила власть на Филиппинах после получения независимости. Выходец из этой элитной прослойки Фердинанд Маркос вступил в должность президента в 1960 году. В 1969 году на крайне коррумпированных и жестоких выборах он был переизбран на второй срок, задействовав валютные резервы правительства. Лишившись этих резервов, страна оказалась неспособной покрыть огромный внешнеторговый дефицит и выплачивать проценты по растущему внешнему долгу.

Маркос обратился за помощью к Всемирному банку. Одним из условий предоставления помощи была девальвация песо на 60 %. В 1970-е годы девальвация денег была типичным предписанием Всемирного банка для стран Третьего мира, нуждающихся в займах. Теоретически эта мера должна была привести в равновесие торговый баланс за счет увеличения дохода от внешнеторговых операций с более дешевыми филиппинскими товарами и одновременного снижения потока исходящей из страны денежной наличности за подорожавшие с этого момента импортные товары. В действительности же девальвация оказалась настоящей катастрофой как для предприятий, так и для рабочих. Множество филиппинских предпринимателей обанкротились, когда внезапно столкнулись с подорожанием импортных комплектующих частей для своей продукции.²⁰⁷ Зарплата рабочих в промышленности уменьшилась на 50 %. Спустя несколько лет в первом, черновом, варианте доклада Миссии по нищете, о котором стало известно благодаря «своим людям», навязываемая Всемирным банком девальвация была названа основным фактором, спровоцировавшим снижение уровня жизни филиппинцев, хотя это признание было исключено из окончательного варианта доклада.²⁰⁸

²⁰⁷ Даг Хенвуд, экономист и основатель Left Business Observer, интервью Эллен Огюстин, 21 января 2006 г. Далее – интервью с Хенвудом.

²⁰⁸ Там же.

Пришли, увидели и либерализовали

Столкновение макроэкономической политики Всемирного банка с реальной жизнью людей оказалось кровавым и принесло множество жертв. Девальвация денег является частью более широкой политики либерализации (иногда называемой неолиберализмом), которая обычно предшествует займам на проведение реструктуризации экономики, а также является частью мероприятий по проведению подобной реструктуризации. Либерализация лежит в основе торговой политики Всемирного банка как в отношении Филиппин, так и большинства других развивающихся стран.

Слово «либерализация» имеет разные толкования. В общепринятом смысле слово «либеральный» означает «прогрессивный, сочувствующий менее благополучным, готовый направить правительственные резервы на компенсацию причиненного в прошлом ущерба и создание социального и экономического равенства». Тем не менее, в современной экономической науке либерализация представляет собой нечто иное. Дак Хенвуд, экономист и издатель *Left Business Observer*, дает следующее толкование:

«Либерализация означает устранение любых препятствий на пути эффективного действия рынка. Это подразумевает снятие торговых ограничений, уничтожение помех для осуществления иностранных инвестиций, снижение роли национального правительства и уменьшение регулирования экономики. По существу, это означает рейганизм с его принципом «все решит свободный рынок». Это может казаться привлекательным для американцев, особенно тем многим американцам, которые сопротивляются вмешательству государства в экономику и с подозрением относятся к «государствам всеобщего благосостояния» – с системой социального обеспечения, бесплатным обучением и т. п.²⁰⁹

Проблема той модели, которую предлагают Всемирный банк/Международный валютный фонд заключается в том, что ни одна использовавшая ее страна не достигла положительных результатов. «Страны, которые добились успехов в развитии за последние 40 лет, – это в основном те государства Восточной Азии, правительства которых активно включились в планирование экономики. Они регулировали импорт, ограничивали потоки капитала, регламентировали процентные ставки и направляли капитал в наиболее предпочтительные для развития отрасли. Китай, нынешняя “звезда” в экономике, достиг своих успехов при крайне искусном государственном управлении, при этом он не следовал ни одной из предлагаемых стандартных рекомендаций. Таким образом, послужной список либерализации совсем не впечатляет. Успешное развитие страны без проведения ею политики протекционизма – крайне необычное явление».²¹⁰

Не так давно Соединенные Штаты сами были развивающимся государством. Соответствовал ли их путь к благополучию рекомендациям Всемирного банка? Хенвуд обращается к истории США:

«Мы нарушали все те законы, которые сегодня навязываем другим странам. Мы зависели от протекционистских тарифов в начале XX века. Мы также нарушали все права на интеллектуальную собственность, которые сейчас объявляем неприкосновенными. Химическая промышленность в США возникла во время Первой мировой войны, когда мы украли немецкие патенты. В XIX веке издатели США заслужили дурную славу, переиздавая работы зарубежных авторов без их разрешения или выплаты авторских гонораров. Ортодоксальные экономисты настаивают на предоставлении рынку свободы действий и необходимости наличия иностранной конкуренции с отечественными производителями. Но это идеология

²⁰⁹ Там же.

²¹⁰ Bello et al., *Development Debacle*, p. 140–41.

сильнейшего. Когда ты «большой парень» и уже достиг вершин, то тебе хочется узаконить свободную конкуренцию и либерализацию, так как никто не сможет соперничать с тобой. На пути вверх каждый является протекционистом, а как только ты добираешься до вершины, сразу превращаешься в сторонника свободной торговли. Для богатых стран, таких как Япония, государства Западной Европы, Соединенные Штаты, Канада, свободная торговля привлекательна. Но более бедные страны, которые стремятся к развитию, не могут позволить себе режим свободной торговли. Они не смогут поднять свою промышленность в условиях конкуренции с развитыми государствами. Это просто невозможно».²¹¹

²¹¹ «Manila Export Zones Lure Business», Christian Science Monitor, September 18, 1980.

Зоны экспортного производства: субсидии для транснациональных корпораций

Одним из условий, на которых Всемирный банк предоставил необходимые Маркосу займы, было открытие Филиппин для иностранных инвестиций путем создания зон экспортного производства (ЗЭП). Крупнейшая зона была создана по другую сторону залива напротив Манилы. Иностранные корпорации обрели новые стимулы:

- разрешение стопроцентной иностранной собственности;
- разрешение платить заработную плату меньше минимальной в Маниле;
- освобождение от налогов;
- низкая арендная плата за землю и низкие затраты на воду;
- финансирование правительством содержания инфраструктуры и заводских корпусов, которые затем можно было арендовать или выкупить по низким ценам;
- ускоренная амортизация основных фондов.²¹²

Эти проекты обошлись Филиппинам недешево. На создание одной только площадки для Батаанской ЗЭП ушло 150 миллионов долларов, включая строительство дамбы и водочистой станции. Правительство Филиппин потратило миллиарды долларов из полученных в долг денег на создание инфраструктуры для энергетики, транспорта, коммуникаций, водоснабжения и вновь отстроенных объектов с целью привлечения иностранных корпораций.²¹³ Среди компаний, хорошо заработавших на этих ЗЭП, можно назвать Texas Instruments, Fairchild, Motorola и Mattel.²¹⁴ В то время как стоимость развития экспортных отраслей для Филиппин была слишком высокой, затраты транснациональных корпораций на их обустройство на Филиппинах оказались низкими. Соглашения подобного рода позволяли им сравнительно легко зарабатывать и исчезать, когда рабочие начинали требовать более реальную зарплату. Именно так и поступали транснациональные корпорации.

²¹² Bello et al., *Development Debacle*, p. 146.

²¹³ Интервью с Хенвудом.

²¹⁴ «Testimony of a Worker», in *Permanent Tribunal for the Rights of Peoples, Session on the Philippines, Philippines: Repression and Resistance* (London: KSP, 1981), p. 89–90.

Играть по правилам – и проиграть

Стандартное предписание Всемирного банка для развивающихся стран – развитие экономики, ориентированной на экспорт. Между тем, направление большей части полученных страной займов на развитие экспортно ориентированных отраслей означает, что на решение неотложных внутренних проблем почти не остается средств. Даг Хенвуд объясняет, чем это может закончиться в такой стране, как Филиппины:

«Развитие, ориентированное на экспорт, по сей день является краеугольным камнем ортодоксальной теории развития. Между тем, в таких странах, как Филиппины, есть более насущные внутренние потребности, которым следует отдавать предпочтение перед экспортно ориентированным развитием. Использование данной модели развития просто не оставляет этим странам никакой возможности для удовлетворения потребностей своих жителей. Это не только неблагоприятно, с точки зрения экономики, но и преступно по отношению к человечеству – отдавать предпочтение развитию экспорта, а не удовлетворению потребностей голодающего, страдающего от болезней необразованного населения».

«Тот идеал, к которому вы стремились, но так его и не достигли, могли бы обеспечить транснациональные корпорации, всего лишь поделившись некоторыми своими технологиями и опытом. Например, они могли бы подключить к работе филиппинских инженеров, вместо того чтобы привозить собственных. Они могли бы обучать местных рабочих более квалифицированной работе, а не только однообразной сборке. Они развивали бы местных поставщиков; комплектующие производились бы на месте сборки. Таким образом, страна могла бы использовать иностранные инвестиции как реальную стратегию развития. Этот путь также обеспечил бы поступление твердой валюты для обслуживания долгов, поскольку займы Всемирного банка нельзя погашать в национальной валюте страны-должника. Национальные правительства не могут получить какие-либо существенные суммы в виде налогов с этих транснациональных корпораций, потому что они освобождены от них и платят очень низкую заработную плату.

«... Вот почему, несмотря на открытость иностранным инвестициям и выполнение всех предъявляемых к ним требований, лишь немногие страны выигрывают в этой игре. Ее правила работают не в их пользу.

В рамках данной модели работают и конкурируют между собой 120–150 стран. С помощью экспорта они не могут сделать себя платежеспособными, не говоря уже о том, чтобы обеспечить себе процветание. Для богатых стран данная ситуация очень выгодна, так как всем этим бедным странам приходится отчаянно соперничать друг с другом, стараясь продавать свои товары как можно дешевле. При использовании этой модели в выигрыше оказывается лишь меньшинство стран».²¹⁵

Филиппины явно не входят в число победителей.

²¹⁵ Милена, филиппинская работница, интервью Эллен Огюстин, февраль 2006 г.

Темная сторона глобализации

Люди, занятые в экспортных отраслях, работают в нечеловеческих условиях.

В электронной промышленности многие рабочие со стажем более трех лет страдают от ухудшения зрения. Люди жалуются на ожоги кислотой, сыпь на коже от контакта с эпоксидными смолами и другие последствия от работы с такими растворителями, как трихлорэтилен. Даже если этим работникам выдают перчатки и маски, они не пользуются ими, поскольку это замедляет работу и затрудняет выполнение плана. Компания не требует использования этих средств защиты и, по сути, не объясняет рабочим то, почему они так необходимы.²¹⁶

В производстве консервов из тунца на экспорт 95 % занятых работают по временным трудовым договорам, причем 85 % из них – женщины. Когда заказы большие, рабочих заставляют трудиться по 12 часов в день; если спрос низкий, они работают всего по несколько часов. Их работа очень строго контролируется. Рабочим не разрешается разговаривать друг с другом во время работы, им не дают питьевую воду, не оплачивают больничные или отпуск, а заработная плата у них очень низкая.²¹⁷

Как видно из конфиденциальных документов, Всемирный банк постоянно подчеркивал, что «преимущество Филиппин по сравнению с другими странами заключается в возможности использования квалифицированной низкооплачиваемой рабочей силы».²¹⁸ Подчиняясь давлению со стороны Всемирного банка, который требовал сохранять низкий уровень заработной платы, Маркос ввел новый трудовой кодекс, позволяющий работодателям платить новым сотрудникам всего 75 % от минимального размера оплаты труда в течение шестимесячного испытательного срока. По этой причине среди работодателей появилась тенденция увольнять сотрудников прямо перед окончанием их испытательного срока.²¹⁹ Принимая рабочих на испытательный срок вместо заключения с ними постоянного договора, работодатель избегает выплаты установленных законом пособий, таких, как медицинские страховки и пенсионные начисления.²²⁰ Согласно собственному отчету Всемирного банка, с 1972 года по 1978 реальная заработная плата неквалифицированных рабочих снизилась на 30 %, а квалифицированных работников – на 25 %.²²¹

²¹⁶ Bello et al., *Development Debacle*, p. 142.

²¹⁷ Там же, стр. 143.

²¹⁸ Филомено Ста Ана III, координатор, Движение за экономические реформы, интервью Эллен Огюстин, 20 января 2006 г. Далее – интервью со Ста Ана.

²¹⁹ *The Philippines: Domestic and External Resources for Development* (Washington, D.C.: World Bank, 1979), p. 12.

²²⁰ Bello et al., *Development Debacle*, p. 20.

²²¹ Цитируется по кн.: Sam Bayani, «What's Happening in the Philippines», *Far Eastern Economic Reporter*, November 1976.

Военное положение: кому выгодно?

В дополнение к сумятице в экономике, вызванной либерализацией и снижением заработной платы, Филиппины потрясли массовые демонстрации средних и низших слоев общества, а также митинги против Маркоса с его элитой и власти Соединенных Штатов.²²² В ответ Маркос ввел в стране военное положение в сентябре 1972 года. Бизнес-круги США одобрили этот шаг, прислав поздравительную телеграмму: «Торговая палата США желает Вам успеха в Вашем стремлении восстановить мир и порядок, деловую репутацию и экономический рост. ... Мы заверяем Вас в своем доверии и сотрудничестве. ... Мы выражаем чувства своих коллег и компаньонов в Соединенных Штатах».²²³ Американское общество не разделяло это мнение. Опросы, проведенные в начале 1970-х годов, продемонстрировали, что 87 % опрошенных высказались за сокращение помощи репрессивным режимам.²²⁴ Тем не менее, авторитарное правление Маркоса соответствовало интересам американской внешней политики, поэтому Всемирный банк, стремящийся к контролю над Филиппинами, поддерживал Маркоса. В то время как помощь режиму Маркоса со стороны правительства США сократилась со 125 миллионов долларов в 1972 году до 72 миллионов долларов в 1979 году под давлением общественности,²²⁵ конфиденциальная статистика Всемирного банка свидетельствует о том, что банк вложил 2,6 триллиона долларов в 61 проект на Филиппинах с 1973 по 1981 год.²²⁶ Этот огромный приток капитала позволил Маркосу перераспределить внутренние ресурсы, увеличив расходы на армию более чем втрое.²²⁷ Репрессивные меры усилились как внутри страны, так и за границей, в частности в Соединенных Штатах, включая убийство выступающих против Маркоса активистов Силме Доминго (Silme Domingo) и Джин Бьернес (Gene Viernes) в Сиэтле.²²⁸

Первые годы военного положения принесли достижения, впечатлившие бюрократов Всемирного банка. Валовой национальный продукт увеличился на 10 % в 1973 году. Усилия правительства, направленные на привлечение иностранных компаний, принесли инвестиции в размере 55 миллионов долларов. Вследствие высоких цен на экспортируемую сельскохозяйственную продукцию 120 миллионов долларов внешнеторгового дефицита в 1972 году уже в 1973 году сменились прибылью в размере 270 миллионов долларов. Тем не менее, за следующие три года экономический рост сошел на нет, и с 1977 года по 1981 год «программа показала себя с шокирующей стороны».²²⁹ Главной причиной упадка стали протекционистские барьеры, установленные против филиппинского экспорта Австралией, Канадой, европейскими странами, Японией и Соединенными Штатами. Всего за два года, с 1978 по 1980, против филиппинского экспорта были установлены 32 барьера.²³⁰ Учил ли Всемирный банк данную тенденцию и прекратил стимулировать развитие, ориентированное на экспорт? Вовсе нет. Оказал ли Всемирный банк давление на развитые страны с целью отмены барьеров на пути филиппинских товаров? Конечно же, нет.

²²² Severina Rivera and Walden Bello, «The Anti-Aid Campaign After 4 Years», in *Logistics of Repression* (Washington D.C.: Friends of the Philippine People, 1972), p. 4.

²²³ Bello et al., *Development Debacle*, p. 21.

²²⁴ Секретная статистика Всемирного банка за 1976, 1979, 1980 и 1981 гг.

²²⁵ Bello et al., *Development Debacle*, p. 37.

²²⁶ Chong-suk Han, Sue Chin, Ron Chew, Robert Shimabukuro, and David Takam, «Unknown Heroes», *Colorlines* 4, no. 3 (Fall 2001).

²²⁷ Там же, с. 43.

²²⁸ Там же, с. 48–49.

²²⁹ См.: www.probeinternational.org/probeint/OdiousDebts/OdiousDebts/chapter13.html.

²³⁰ Там же.

Миллиард тут, миллиард там...

Наряду со стремительным экономическим спадом резко увеличился внешний долг страны. Тем не менее, если беднякам и среднему классу на Филиппинах жить становилось все тяжелее, Фердинанд Маркос и его супруга Имельда перекачивали себе миллиарды, предназначенные для проектов развития. Точная сумма наворованных ими средств неизвестна из-за банковской тайны вкладов, существующей в тех странах, где они прятали свои деньги, но большинство во согласно с оценкой Комиссии по справедливому управлению, учрежденной с целью компенсации потерь, в соответствии с которой эта сумма достигает 10 миллиардов долларов. В 1966 году, когда Маркос пришел к власти, внешний долг Филиппин составлял 1 миллиард долларов, а к моменту его отстранения от должности через 20 лет он уже достиг 28 миллиардов долларов.²³¹ Наследие Маркоса продолжает жить: до сих пор филиппинцы выплачивают многие из тех займов.

Клан Маркоса копил богатства любыми возможными способами. Его близкие друзья были назначены на высочайшие государственные посты, для того чтобы продвигать нужные сделки. Одна из наиболее печально известных сделок, касающаяся Батаанской атомной электростанции, была проведена приятелем Маркоса Эрминьо Дисини (Herminio Disini). Дисини, постоянный партнер Маркоса по гольфу, утверждал, что «обладал полномочиями провести сделку так, как пожелает».²³² Эту атомную электростанцию должны были разместить у подножия вулкана – там, где была велика вероятность землетрясений. Для строительства реактора Маркос выбрал компанию Westinghouse, несмотря на то что предложенный ею план был почти вдвое дороже проекта General Electric. После этого Дисини получил 80 миллионов долларов от Westinghouse за «содействие в заключении договора и на работы по реализации проекта». Он передал 95 % от этой суммы Маркосу.²³³ Разрешение филиппинской Комиссии по атомной энергии было получено только тогда, когда электростанцию уже начали строить. В тот момент уполномоченный Комиссии Либрадо Ибе (Librado Ibe) дал разрешение и тотчас уехал в Соединенные Штаты. Как позже он рассказал журналу *Fortune*, сопротивляться помощникам Маркоса слишком долго было небезопасно.²³⁴

Между тем, Имельда была ответственной за строительство на территории Большой Манилы, куда поступала большая часть иностранных инвестиций. Коррупция была настолько вездесущей, что Имельду прозвали «миссис 10 %» за долю, которую она, как утверждают, получала с лучших правительственных договоров. Будучи министром, отвечающим за развитие населенных пунктов, она распоряжалась значительными суммами, включая помощь от Агентства США по международному развитию.²³⁵

²³¹ Там же.

²³² Там же.

²³³ Там же.

²³⁴ Bello et al., *Development Debacle*, p. 54.

²³⁵ Анита, филиппинская работница, интервью Эллен Огюстин, 18 февраля 2006 г.

Искра, вызвавшая степной пожар

Набивая карманы, Фердинанд и Имельда неукоснительно следовали политике занижения заработной платы, поддерживаемой Всемирным банком. Забастовки были запрещены, а руководителей рабочего движения арестовывали, истязали и зверски убивали. Между тем, все больше нарастало энергичное сопротивление со стороны рабочих, которые чувствовали, что им больше нечего терять.²³⁶

К этой борьбе примкнули также многие представители среднего класса. К примеру, выпускница филиппинского университета, Анита, принимавшая участие в движении протеста после введения военного положения, так объяснила свою заинтересованность в решении этих проблем:

«Люди из Национального демократического фронта попросили меня помочь создать религиозную организацию. Возникла такая новая идея – направлять помощь среднего класса бедным рабочим Манилы и пригорода. Мы преподавали на профсоюзных курсах и создавали организации рабочих на предприятиях в то время, когда забастовки и организации были запрещены. Два наших адвоката вели судебные дела. Мы полагали, что потребуется много времени, прежде чем люди перестанут бояться законов военного положения. Тем не менее, уже в 1975 году с нами связалась группа рабочих винного завода. Среди них были люди, которые работали на компанию по несколько лет, но до сих пор не были переведены на штатные должности. Они хотели объявить забастовку. Мы пытались отговорить их, потому что профсоюз, объявляющий забастовку в одиночку, ставит себя в очень уязвимое положение. Мы полагали, что им было бы лучше занять выжидательную позицию, пока другие профсоюзы тоже не решатся на объявление забастовки, и тогда уже провести согласованную акцию. Но они сказали: “Если вы не хотите помочь нам, мы будем действовать в одиночку“. Тогда мы решили, что лучше поддержать их, чем бросать на произвол судьбы!

Поэтому мы задействовали все свои связи – священников и монахов, семинаристов, дьяконов, монахинь и местную общину. Этот завод располагался в Тондо, где люди боролись против проекта Всемирного банка, предполагавшего выселение фермерских семей для расширения портовой территории, которую планировалось передать транснациональным корпорациям. Рабочие забастовали 24 октября 1975 года. Они действительно проявили мужество, закрыв ворота и отказавшись пропустить на территорию завода администрацию. На вторую ночь столичные власти прислали 12 автобусов. Полиция взломала двери, выволокла всех рабочих и начала запихивать их в автобусы. В ответ люди из местной общины легли перед автобусами. Несмотря на это, автобусы поехали, и нам пришлось уйти с их пути. Две филиппинские монахини и итальянский священник повисли на дверях автобуса, и их протаскивали вдоль дороги. Все закричали. Наконец, автобусы остановились, а монахинь и священника затащили внутрь.

К нашему удивлению, на следующее утро в Daily Express, правительственной газете, которой руководил зять Маркоса, появились фотографии произошедшего! Фотографии были очень зрелищными: автобус, волочащий висевших на его дверях монахинь и священника, и вопящая толпа вокруг. Это была искра, вызвавшая степной пожар. Всего лишь через несколько дней после этого события начались массовые забастовки, которые продолжались весь январь. Один раз были организованы шесть забастовок за день. Профсоюзные активисты просто нахлынули в наш офис».²³⁷ Акции с участием таких людей, как Анита, профсоюзные активисты и представители местных общин, охватили всю страну.

²³⁶ Bello et al., Development Debacle, p. 15.

²³⁷ Там же, стр. 45.

Сокращение бедности в деревнях – для землевладельцев

В сельской местности также накалилась обстановка из-за невероятной нищеты и той несправедливости, к которой приводили проекты Всемирного банка. Банк финансировал проекты в сельской местности в рамках своей провозглашенной миссии по сокращению бедности, но истинной целью его было усмирение села.²³⁸ Большая часть выгод, которые обещали данные проекты, обошла бедняков стороной.

«Для того чтобы не вызвать враждебного отношения привилегированных групп, проекты Всемирного банка были специально разработаны так, чтобы эти группы и получали выгоды от данных проектов. Результаты проверок этих проектов показали, что ряд из них, например, Smallholders Tree Farming Project и проекты сельских кредитов, были выгодны в основном крупным землевладельцам, средним и крупным производителям сельскохозяйственных продуктов, а также иностранным сельскохозяйственным корпорациям».²³⁹ Согласно докладу о политике развития села, подготовленному самим Всемирным банком, «зачастую не придется рассчитывать на то, что целевой группе, на которую рассчитан проект, поступит более 50 % выгод от него; во многих случаях этот процент будет значительно ниже».²⁴⁰

«Зеленая» революция расхваливалась как лучший способ удовлетворения потребностей фермеров, но при этом была озвучена лишь половина этой истории. «Выполнение рекомендаций Всемирного банка мелким фермерским хозяйствам по повышению производительности труда, которые предусматривают использование механизированной технологии выращивания риса и интенсивное применение химикатов и удобрений, привело к банкротству многих мелких фермеров. В то же время это принесло огромные доходы производителям сельскохозяйственного оборудования, удобрений и пестицидов в США».²⁴¹ Продвижение механизации в стране с избыточной рабочей силой не повысит благосостояние людей.

²³⁸ Rural Development: Sector Working Paper (Washington, D.C., World Bank, 1975), p. 40.

²³⁹ Bello et al., Development Debacle, p. 45.

²⁴⁰ Там же, с. 92.

²⁴¹ Там же, с. 183.

Реструктуризация экономики и коррупция

По мере ухудшения состояния экономики Филиппин и роста беспорядков в стране, многие чиновники Всемирного банка начали понимать, что их программы борьбы с бедностью провалились.²⁴² Кроме того, на Маркоса оказывалось все более сильное давление, вынуждавшее его отменить военное положение. После девятилетней диктатуры Маркос отменил военное положение 17 января 1981 года, но перед этим предусмотрительно издал несколько президентских указов, обеспечивающих ему сохранение полной власти.²⁴³

Всемирный банк тоже усилил свой контроль. К июню его самый надежный агент, Цезарь Вирата (César Virata), был назначен премьер-министром Филиппин; в августе в стране начало работать новое правительство, в котором преобладали технократы – креатуры Всемирного банка.²⁴⁴ Наградой Маркосу за послушание стало получение ссуды нового вида – кредита на реструктуризацию экономики. В отличие от предыдущих проектных кредитов, кредит на реструктуризацию экономики представлял собой программный кредит. «Он подразумевал реструктуризацию промышленного сектора с помощью реформы тарифов, создание более привлекательных стимулов для иностранных инвесторов и производителей экспортной продукции. Также планировалось увеличить количество зон экспортного производства, где транснациональные компании, извлекая выгоду от налоговых льгот, получали доступ к дешевой рабочей силе Филиппин».²⁴⁵ Это «легализовало надзор и контроль Всемирного банка над большей частью экономики страны».²⁴⁶

Как заметил один аналитик, «Всемирный банк был отлично осведомлен о том, что большинство займов переводились на банковские счета Маркоса и его генералов; тем не менее, банк рассматривал это как неизбежные взятки находящимся у власти политикам».²⁴⁷

Несмотря на то что Маркос должен был принимать во внимание распоряжения Всемирного банка, чтобы получать деньги на поддержание страны, ему также приходилось заниматься внутренними проблемами государства. Поскольку в стране не было тяжелой промышленности, Маркос предложил план, состоящий из 11 капиталоемких проектов, таких, как строительство сталеплавильного завода, нефтехимического комплекса и медеплавильного завода общей стоимостью 11 миллиардов долларов. Это заставило Всемирный банк «вынести ему строгое предупреждение о том, что многие из этих проектов идут вразрез с политическими реформами».²⁴⁸ Если бы Филиппины создали свою собственную промышленность, они перестали бы быть таким удобным клиентом транснациональных корпораций. Окончательную гибель проектам принес «отказ от их поддержки предполагаемыми спонсорами, которые узнали о вето Всемирного банка».²⁴⁹

Оппозиция Маркосу продолжала нарастать. Несмотря на это, «Всемирный банк продолжал поддерживать диктатора. ... Он значительно увеличил объемы займов, выдав в 1983

²⁴² Там же, с. 183.

²⁴³ Там же, с. 59–60.

²⁴⁴ Там же, с. 166.

²⁴⁵ Eric Toussant, «The World Bank and the Philippines», www.cadtm.org/article.php3?idarticle=1732. Hereafter cited as Toussant.

²⁴⁶ «Working Level Draft CPP [Country Program Paper]», memorandum from Bruce Jones, Washington, D.C., Aug. 29, 1980, p. 7.

²⁴⁷ Bello et al., *Development Debacle*, p. 61

²⁴⁸ Toussant.

²⁴⁹ *Industrial Development Strategy and Policies in the Philippines*, Report no. 2513-PH (Washington, D.C.: World Bank, October 29, 1979), vol. 2, chap. 7.

году 600 миллионов долларов (более чем вдвое превысив предоставленную годом раньше сумму, которая составила 251 миллион долларов)».²⁵⁰

Однако даже поддержки Всемирного банка оказалось недостаточно, для того чтобы сохранить Маркоса у власти. В феврале 1986 года сотни тысяч филиппинцев из всех слоев общества вышли на улицы, участвуя в акции «народного сопротивления». Семья Маркоса бежала на Гавайи, а новым президентом страны стала Корасон Акино, вдова убитого лидера оппозиции сенатора Бенигно Акино. После этого, несмотря на изменение некоторых деталей, на Филиппинах продолжали выполняться главные стратегические планы и существовать структуры, созданные Маркосом в соответствии с продвигаемой Всемирным банком либерализацией и реструктуризацией экономики.

²⁵⁰ Report and Recommendations of the President of the IBRD to Executive Directors on a Proposed Structural Adjustment Loan to the Republic of the Philippines, Report no. P-2872-PH (Washington, D.C.: World Bank, August 21, 1980), p. 31.

Истинное лицо «источника дешевой рабочей силы»

Одной из ключевых отраслей экономики, которым предстояла реструктуризация в соответствии с условиями Всемирного банка, предоставляющего кредит, являлась текстильная промышленность.²⁵¹ По собственным оценкам Всемирного банка, приблизительно 100 тысяч рабочих, занятых на «неэффективных» швейных фабриках и текстильных предприятиях, останутся без работы,²⁵² то есть 46 % от общего числа работников, занятых в данной отрасли.²⁵³

Но как же обстояли дела у тех «счастливчиков», которым повезло сохранить работу?

Познакомьтесь с Эльвирой: «Заказов стало поступать меньше, и наш профсоюз уже не мог требовать дополнительные премии и другие льготы для работников. Владелец компании сказал нам, что многие клиенты передали заказы в Китай или на Тайвань. Когда фабрику закрыли, было трудно найти другую работу. Почти все вакансии были у субподрядчиков, предлагавших сдельную работу по 12–16 часов в день при очень низкой оплате. Я работала на трех таких субподрядчиков, прежде чем нашла постоянную работу. В то время я помогала оплачивать учебу своих младших братьев и сестер. На новой работе мне платили больше, но в то время цены на продукты тоже поднялись.

Я была любимицей нашего управляющего. Однажды меня даже похвалил директор предприятия за высокое качество работы, превосходившее их стандарты. Позже я поняла, что это не было очень большим достижением. Стандарты подразумевают, что ты согласен с теми десятью сентаво, которые тебе платят за каждое изделие, согласен на сверхурочную и ночную работу, всегда должен быть на рабочем месте и даже не думать о каких-то льготах. Я перестала ходить в туалет и обедать во время перерывов, лишь бы выполнить свою норму. Мне приходилось выходить на работу даже больной гриппом, чтобы избежать вычетов из заработной платы.

На рабочем месте жарко и грязно. Работодатели говорят: ”Если вам не нравятся наши требования, то вы можете уволиться в любое время. Кругом полно людей, ищущих работу“. Швеи, работающие сдельно, получают от 500 до 1000 песо в неделю. Килограмм рыбы [чуть больше двух фунтов] стоит 150 песо, помидоры – 80 песо килограмм, папайя – 25 песо. Даже если я захочу поддержать филиппинских производителей продуктов, то не смогу это сделать. Продукты из других стран дешевле. Если у вас мало денег, вы даже и не думаете о том, как повлияют ваши покупки на местных фермеров или местную экономику».²⁵⁴

Эльвире вторит другая швея, Маривик. Она вдова, ее муж умер, когда она была беременна вторым ребенком. Несмотря на то что Маривик пришлось одной поднимать двоих детей, она много помогала своей местной общине и профсоюзу. Вот что она сказала о международном соглашении «О Кодексе поведения» (Code of Conduct Agreement), расхваливаемом транснациональными корпорациями:

«Кодекс поведения вывешен на самом видном месте, но обычно не выполняется. Руководство приказывает рабочим «вести себя хорошо», когда представители головной компании приезжают проверить, выполняются ли положения Кодекса. Управляющие говорят рабочим: ”Если вас спросят, сколько вы зарабатываете, говорите им, что получаете столько-то“. Рабочие вынуждены лгать, а если кто-то отказывается “сотрудничать”, руководство находит спо-

²⁵¹ Bello et al., Development Debacle, p. 170.

²⁵² Эльвира, сотрудница филиппинского профсоюза, интервью Эллен Огюстин, 12 февраля 2006 г. Далее – интервью с Эльвирой.

²⁵³ Маривик, сотрудница филиппинского профсоюза, интервью Эллен Огюстин, 12 февраля 2006 г.

²⁵⁴ Интервью со Ста Ана.

собы наказать этого человека, вплоть до увольнения. Большинство тех рабочих, которых я знаю, получают меньше минимальной заработной платы. Мы высококвалифицированные швеи, но руководство оформляет нас как подмастерьев, поэтому может платить меньше минимальной нормы. Корпоративная глобализация стала кошмаром для занятых в швейной отрасли. Она увеличила нищету, привела к увольнениям рабочих, вместо постоянной работы люди стали работать по временным контрактам, а профсоюзное движение оказалось под угрозой. С работодателями в швейной отрасли правительство обращается совсем по-другому – их поддерживают и лелеют».²⁵⁵

Как отметили Маривик и Эльвира, в настоящее время появилось очень много безработных. Вследствие этого профсоюзы значительно ослабли. Многие люди доведены до отчаяния и готовы работать в нечеловеческих условиях за мизерную плату, меньшую, чем установленный минимум. Забастовки больше не запрещены, но рабочие должны уведомлять о них администрацию за несколько недель.²⁵⁶ Минимально возможная заработная плата остается главным двигателем развития, ориентированного на экспорт, который занимает центральное место в политике либерализации, проводимой Всемирным банком.

²⁵⁵ Риза Бернабе, координатор Small Farm and Agricultural Trade Center в Центро Сака, интервью Эллен Огюстин, 5 февраля 2006 г. Далее – интервью с Бернабе.

²⁵⁶ Уолден Белло, исполнительный директор Focus on the Global South, интервью Эллен Огюстин, 22 января 2006. Далее – интервью с Белло.

13 долларов против 15 тысяч долларов – равные возможности для всех игроков?

У сельских фермеров проблемы несколько иные, но суть та же. Риза Бернабе является координатором программы Центра мелких ферм и сельскохозяйственной торговли при Centro Saka. Этот центр работает с мелкими фермерами и занимается выяснением того, как на них отражается политика, которая сегодня проводится в сфере сельского хозяйства и торговли, в том числе влияние со стороны Генерального соглашения по тарифам и торговле (ГАТТ) и Всемирной торговой организации (ВТО). В середине 1990-х годов большинство правительств подписали соглашение о создании ГАТТ.

Всемирный банк был ярким сторонником ГАТТ, в котором отражались принципы либерализации. Особенно были возмущены договором жители многих стран Третьего мира. ВТО является исполнительным органом ГАТТ. Вот что Риза рассказывает о тех условиях, в которые поставили фермеров:

«От разговора с мелкими фермерами остается общее впечатление, что жить им стало хуже. Когда мы присоединились к ГАТТ, большинство государственных чиновников в нашей стране, а также ВТО утверждали, что это хорошо, так как данный шаг откроет для нас экспортные рынки и создаст новые рабочие места. Они оперировали реальными цифрами и прогнозировали, что «у нас будет появляться 500 тысяч новых рабочих мест каждый год». До вступления в ГАТТ у нас был баланс в сельскохозяйственной торговле. Но спустя десять лет мы начали гораздо больше импортировать товаров, чем экспортировать. Многие страны нашли способы, для того чтобы не открывать нам свои рынки.

Исследование, проведенное Safety Nets Adjustment, обнаружило, что большая часть вспомогательных служб, таких, как системы орошения, остались прежними, построенными еще при Маркосе. Министр Луис Лорензо (Luis Lorenzo) сказал, что обычный филиппинский фермер получает 13 долларов в качестве дотаций, тогда как фермер в Соединенных Штатах или Европейском Союзе получает от 15 до 25 долларов.

Как могут конкурировать наши фермеры, находясь в таком невыгодном положении? Скудные государственные инвестиции и открытие наших рынков стало убийственным сочетанием для множества мелких фермеров».²⁵⁷

«ВТО – весьма неоднозначное образование, – говорит Вальден Бельо (Walden Bello), исполнительный директор организации Focus on the Global South. – Предполагалось, что эта организация будет продвигать мир к свободной торговле путем уничтожения торговых квот и снижения тарифов, но большая часть ее ключевых договоров, например, по сельскому хозяйству, правам на интеллектуальную собственность и инвестициям, фактически не ориентирована на свободную торговлю. Она обсуждает свободную торговлю, а на самом деле защищает дотации и монополии, принадлежащие корпорациям Севера. А с приходом к власти правительства Буша Соединенные Штаты начали более агрессивно защищать свои корпорации. Политика правительства Буша представляет собой двойной стандарт: протекционизм, когда дело касается Соединенных Штатов, и свободную торговлю для всего остального мира».²⁵⁸

²⁵⁷ Джои Чавес, старший юрист Focus on the Global South и координатор филиппинских программ, интервью Эллен Огюстин, 5 февраля 2006 г. Далее – интервью в Чавесом.

²⁵⁸ Stop De-Industrialization: Re-Calibrate Philippine Tariffs Now (Manila: Fair Trade Alliance, 2003), p. 16.

Принесение в жертву национальных отраслей экономики

Местные предприятия были принесены в жертву либерализации. Джой Чавез (Joy Chavez) отмечает: «Часто упоминается сталелитейная промышленность как в связи с либерализацией, так и из-за отсутствия правительственной поддержки. Поток импортных товаров увеличивается все больше, правительство свернуло программы поддержки национальной промышленности и не помышляет о создании инфраструктуры, если речь заходит не об экспортных отраслях, а обо всех остальных. Сталелитейная промышленность практически не существует. Для любой страны, имеющей хоть какие-то промышленные амбиции, отсутствие сталелитейной промышленности является большим недостатком. Также погибают нефтехимическая, стекольная и автосборочная отрасли, а ведь раньше наша автосборочная отрасль бурно развивалась. Кроме того, в Маниле раньше развивалась обувная отрасль».²⁵⁹

Сильно пострадала и текстильная промышленность: из 200 предприятий отрасли, насчитывавшихся в 1970-е годы, к 2003 году осталось менее десяти.²⁶⁰ Либерализация обобщила также пищевую промышленность Филиппин. Хелен и Джимми Лим владели небольшим консервным предприятием Maganatha Company, которое продавало свежую и консервированную кукурузу и спаржу для детского питания. Они привозили овощи из отдаленных районов в Манилу, упаковывали их в банки и доставляли в магазины. После повышения цен на топливо и удобрения они уже не могли продавать свой товар по прежним ценам. Подорожавшая продукция стала не по карману их прежним потребителям. Кроме того, они не могли конкурировать с аналогичной продукцией, поступающей беспошлинно из Таиланда. Тогда Хелен и Джимми открыли в своем районе магазин бытовой техники. Несмотря на то что дела у этого предприятия шли сравнительно хорошо, они так и не смогли позволить себе купить машину или дом. Хелен и Джимми продали магазин и эмигрировали со своими тремя детьми в Новую Зеландию, поняв, что им никогда не добиться успеха на Филиппинах.²⁶¹

Еще одной отраслью, понесшей ущерб от продвигаемой Всемирным банком либерализации, стала резиновая промышленность. Семейным бизнесом Фредди де Леона был каучук, который выращивается на Филиппинах. Получив степень магистра управления бизнесом в Вартоне, США, он вернулся на Филиппины в 1969 году. Он начал работать в своем семейном бизнесе, став со временем главой компании, которая закрылась в 2003 году. Почему их бизнес потерпел неудачу? «Расходы на рабочую силу повысились, возросла стоимость импортируемых материалов, особенно после девальвации, — это с точки зрения затрат. Если говорить с точки зрения рынка, появились дешевые импортные покрышки, с которыми нашему бизнесу пришлось конкурировать напрямую. Мы же занимались восстановлением протекторов на старых покрышках, которые после этого становились как новые и на вид, и по техническим характеристикам. Дешевые импортные покрышки появились в продаже благодаря либерализации торговли. Мы потеряли свою долю рынка и не могли повысить цены на свои услуги настолько, насколько требовалось. Даже без импортных товаров рынок здесь был очень конкурентным. Работало множество предприятий по восстановлению покрышек — несколько крупных и много мелких. Но настоящие проблемы в отрасли начались после присоединения страны к ВТО в 1995–1996 годы.

Затем последовал Азиатский финансовый кризис 1997 года, произошла девальвация, и цены на импортные товары поднялись. Сначала мы решили, что девальвация поможет нам,

²⁵⁹ Семья Мэдж Ко, интервью Эллен Огюстин, 30 января 2006 г.

²⁶⁰ Фредди де Леон, предприниматель, интервью Эллен Огюстин, 12 февраля 2006 г.

²⁶¹ Там же.

так как импортные покрышки подорожают, но этого не случилось. Цены на них остались низкими, а наши затраты увеличились! Мы завязли в операционных убытках, которые накапливались годами, и бизнес прогорел. Это очень плохо, поскольку наша отрасль осуществляет своего рода утилизацию отходов. Когда вы производите новую покрышку, то расходуете больше нефти, чем в процессе ее восстановления. Наша отрасль снижает количество покрышек, выбрасываемых на свалку. Таким образом, наша отрасль способствует охране окружающей среды.

Было тяжело прощаться с людьми, которые работали с нами долгое время. У нас работали 250 человек. Но это происходит со всей промышленностью Филиппин. ВТО разоряет производственные предприятия нашей страны. Из-за этого люди боятся открывать свое дело. Сейчас все хотят просто уехать из страны. Мы экспортируем людей и импортируем товары. Эту политику необходимо в корне изменить. Любое здравомыслящее государство, любое мудрое государство направило бы свои усилия на производство. Фактически это то, чем сейчас занимаются Китай, Индия, Корея и Малайзия. Нам необходимо пересмотреть программу глобализации ВТО. Если бедные страны не выигрывают от этих стратегий, тогда им следует обдумать совместный отказ от выполнения подобных предписаний. Им следует создать другую организацию, которая была бы выгоднее развивающимся странам».²⁶²

Чем сейчас занимается Фредди? «Мы с друзьями пытаемся создать предприятие, которое будет обслуживать наших рабочих, уехавших на заработки за границу. Мы надеемся помочь им инвестировать свои средства на Филиппинах».²⁶³

²⁶² Интервью с Белло.

²⁶³ Интервью со Ста Ана.

Очень, очень далеко

У Фредди будет большой потенциальный рынок. Как объясняет Вальден Бельо: «Каждый десятый филиппинец уезжает за границу в поисках работы. Они чувствуют себя как дома в Европе и на Ближнем Востоке, и среди них больше всего моряков. За счет денежных переводов, посылаемых этими рабочими, живут 8 миллионов семей. Кризис в экономике и возможность работать за границей оказали угнетающее воздействие на политическую борьбу на Филиппинах. Многие люди предпочитают покинуть страну, чем остаться и бороться за улучшение социального и политического положения».²⁶⁴ Филомено Ста Ана III, координатор Движения за реформирование экономики, добавляет: «Около трети всего трудоспособного населения – это либо безработные, либо люди, занятые неполный рабочий день или же выполняющие работу ниже уровня своей квалификации. Квалифицированную работу найти невозможно, поэтому люди просто уезжают из страны. Это привело ко множеству потерь, и не только профессионалов, в которых нуждается наша страна. Распадаются семьи».²⁶⁵

²⁶⁴ Отчет станции социального климата, 4 квартал 2005 г.

²⁶⁵ Интервью со Ста Ана.

Маленький я

Нищета, от которой люди бегут работать за границу, ужасающа. Согласно исследованию, проведенному некоммерческой организацией Social Weather Station, доля голодающих филиппинских семей достигла 16,7 % в четвертом квартале 2005 года. По оценке самих филиппинцев, нищета увеличилась до 57 % с начала 2004 года.²⁶⁶ В некоторых районах Филиппин показатель человеческого развития практически такой же, как в Центральной Африке.²⁶⁷ Филиппинский центр журналистики, занимающийся расследованиями, открыл феномен «маленького я». «Руководитель подразделения компании Proctor&Gamble Джонатан Чва (Jonathan Chua) поясняет: «Уменьшение упаковки является ответом на поведение потребителя». Поскольку чистый доход филиппинцев сокращается практически ежедневно, консервы в 100– и 200-граммовых упаковках покрывают более половины доли рынка». ²⁶⁸ Бедняки теперь могут позволить себе покупать пищу только в очень небольших количествах.

Почему правительство Филиппин не вкладывает больше средств в сокращение уровня бедности или поддержку своей промышленности? Деньги страны идут на обслуживание ее внешнего долга. После свержения Маркоса в 1986 году президент Корасон Акино отказалась от пересмотра незаконных долгов, заверив Конгресс США: «Мы выплатим все долги».

²⁶⁶ Avigail Olarte and Yvonne Chua, «Mini-Size Me», Philippine Center for Investigative Journalism, March, www.pcij.org/i-report/1/mini-size.html.

²⁶⁷ Лиди Накпил, международный координатор Jubilee South, интервью Эллен Огюстин, 17 февраля 2006 г. Далее – интервью с Накпил.

²⁶⁸ Интервью с Чавесом.

90 % означают «умеренный долг»?

Лиду Нэспил, международный наблюдатель от Jubilee South, сети неправительственных организаций, работающих с долговой проблемой, посвятила себя оказанию помощи простым людям, которым она объясняет, как экономическая политика вредит им. Она поддерживает их борьбу за иное развитие страны. Ее пылкая приверженность выдержала проверку огнем: муж Лиду, тоже активист, был убит военными в 1987 году, когда их дочери было всего шесть месяцев.

«Доля налоговых поступлений, идущая на выплату долга, составляет от 80 до 90 %. Поскольку остается всего 10–20 %, остальная часть государственного бюджета финансируется за счет новых займов у национальных банков и международных организаций. Филиппины до сих пор выплачивают некоторые долги, сделанные еще при Маркосе, включая средства, пошедшие на Батаанскую атомную электростанцию. Филиппины не утверждены для участия в какой-либо программе списания долгов. На ежегодном заседании Всемирного банка в сентябре 2005 года было принято решение об аннулировании долга 18 стран, которые уже выполнили требования о реструктуризации своей экономики, включавшие либерализацию, приватизацию, отмену государственного регулирования. Но эти программы по облегчению долгового бремени стран с высоким уровнем задолженности – лишь капля в океане долгов Юга.

«Кредиторы говорят, что прощение долгов необходимо только самым бедным странам с самыми большими долгами. Филиппины считаются «страной со средними доходами и средним уровнем долга – при 90 % дохода, идущих на обслуживание долга, нас называют "страной со средним уровнем долга"! Они говорят, что решение проблем заключается в улучшении налоговой политики. Нам необходимо повысить налоги и взимать их больше. Нашу страну считают устойчивым должником, "жизнеспособной рыночной экономикой", потому что у нас действует закон, согласно которому обслуживание долга становится автоматическим – и неважно, что только 10 % доходов остается на все остальное. Их не волнует, что это так дорого обходится нашему здравоохранению и образованию, так как сами они получают свои деньги.

С точки зрения кредиторов и крупных международных инвесторов, определение "жизнеспособной рыночной экономики" полностью представлено в принципах Всемирного банка. То, что они считают жизнеспособными рыночными экономиками, представляет собой экономики, открытые для торговли и движения капиталов при минимуме государственного вмешательства. Безусловно, это превращается в приватизацию. Они хотят отстранить государство от потенциально высокодоходных областей, таких, как электроэнергетика или водоснабжение, потому что это жизненно необходимые предметы потребления, для которых нет альтернатив».²⁶⁹

Электроэнергия и вода на Филиппинах уже приватизированы. Как это произошло и каковы последствия?

²⁶⁹ Интервью с Бернабе.

Цунами приватизации

В начале 1990-х годов на Филиппинах наблюдался дефицит электроэнергии. Поскольку большая часть средств направлялась на обслуживание долга, денег на вложения в инфраструктуру электроэнергетики не оставалось. Джой Чавез из Focus on the Global South занимался этой проблемой:

«Реформа энергетической отрасли очень настойчиво проталкивалась Всемирным банком. Правительство Филиппин заключило контракты с независимыми производителями энергии, включая компанию Enron. Это привело к приватизации энергетической отрасли, так как принадлежащая государству Национальная энергетическая корпорация больше не вкладывала средства в электростанции нового поколения. Стоимость электроэнергии в 1990 году составляла в среднем 1,83 песо за киловатт-час. К 2004 году цена за киловатт-час поднялась до 5,58 песо. В Маниле и пригородах вода была приватизирована, также они планировали приватизировать воду в других районах. Тарифы частных компаний водоснабжения на 400 % выше расценок, существовавших до приватизации. Качество предоставления услуг также ухудшилось во многих районах, так как частные компании отказались вкладывать средства в поддержание систем инфраструктуры. Вода и электроэнергия относятся ко второй волне приватизации.

Первая волна приватизации охватила принадлежащие государству и контролируемые государством корпорации. Она коснулась компании Petron Corporation, которая занималась перегонкой нефти и последующим ее сбытом, одной из лучших высоко производительных корпораций в стране. Были также приватизированы Национальная сталелитейная корпорация (National Steel Corporation), Филиппинский национальный банк (Philippine National Bank), Филиппинские авиалинии (Philippine Airlines), судостроительная и машиностроительная корпорации (Philippine Shipyard and Engineering Corporation), а также объединенная рудоплавильная и очистительная корпорация (Philippine Associated Smelting & Refining Corporation). Ряд компаний добывающей отрасли, а также предприятий, занимающихся производством цемента и сахара, тоже были приватизированы. Государственные/частные товарищества в сфере здравоохранения, образования и пенсионных фондов представляют третью волну приватизации».²⁷⁰

²⁷⁰ Интервью с Накпил.

Это работает только в книгах

Несмотря на то что официальная программа Всемирного банка/ МВФ в настоящее время не распространяется на Филиппины, они до сих пор следуют тем же самым предписаниям в плане экономической политики. Риза Бернабе из Центра мелких ферм и сельскохозяйственной торговли объясняет:

«На филиппинское правительство оказывается давление с разных сторон с целью либерализации. Во-первых, у нас есть ГАТТ. Во-вторых, Всемирный банк обычно учит тому, что либерализация является частью формулы управления экономикой, обязательной для использования странами. Во-вторых, большинство наших экономистов обучаются в западных университетах, где популярно неолиберальное мышление, согласно которому после либерализации производители работают более эффективно, розничные цены понижаются и т. п. Тем не менее, в действительности розничные цены не снижаются. Филиппинские производители разоряются, и наша производительная основа разрушается импортом. Либерализация срабатывает только в книгах».²⁷¹

Лиду Нэспил из Jubilee South проливает свет на основные движущие силы: «Самым важным в долговых отношениях является их необходимость для поддержания властных отношений, благодаря которым они имеют возможность продвигать другие стратегии, за счет которых зарабатывают больше, чем получают с выплат по долгам. К ним относятся не только проценты по долгам, которые мы выплачиваем. Это также извлечение выгоды из стратегий, которые нас заставили реализовать, поскольку у нас были долги. Сколько мы потеряли на одном лишь понижении пошлин? С 1995 года эта сумма составила более 100 миллиардов песо! В итоге мы спрашиваем, кто кому должен? Вы нажили на нас такие состояния – это целая история колонизации».²⁷²

В настоящее время Всемирный банк больше не навязывает странам Третьего мира кредиты на реструктуризацию экономики. К концу 1990-х годов эти кредиты заработали плохую репутацию, поскольку стало ясно, что они на самом деле не помогают странам выбраться из нищеты. Отменили ли их как ужасное заблуждение? Едва ли. Их переименовали в Программы стратегии сокращения бедности, снабдив данную смесь новыми формулировками – «надлежащее управление» и «консультации с заинтересованными сообществами». Тем не менее, суть их осталась прежней.²⁷³ То, что программы Всемирного банка предназначены в основном не для сокращения массовой бедности, понимают не только популистские неправительственные организации. Согласно докладу Министерства финансов США «Участие США в работе многосторонних банков развития», были сделаны выводы, что Всемирный банк является «организацией с явным доминированием Соединенных Штатов, верно продвигающей не только стратегические экономические цели США, но и их краткосрочные политические интересы».²⁷⁴

²⁷¹ Интервью с Чавесом.

²⁷² Bello et al., *Development Debacle*, p. 198.

²⁷³ Интервью с Чавесом.

²⁷⁴ Джозел Рокамора, соучредитель Akbayan, интервью Эллен Огюстин, 29 января 2006 г.

Проблески надежды

Могут ли Филиппины надеяться на большее самоопределение и возможность больше вкладывать средств в образование, здравоохранение, инфраструктуру и поддержку национальной промышленности? Джой Чавез считает, что люди «сейчас более активны и более готовы отстаивать свое дело. Они более готовы действовать и требовать поддержки правительства. Общество стало более организованным и сплоченным».²⁷⁵

Новая прогрессивная политическая партия, Акбайан (Akbayán), представлена в Конгрессе тремя членами и поддерживается в 64 из 79 областей страны. Эта партия опирается на общественные движения, а ее лидеры молоды (всем им чуть больше 30 лет). Они формируют новую политику, основанную на программах, а не на личностях».²⁷⁶

Лиду Нэспил очень воодушевлена тем, что происходит в Южной Америке: «Между Венесуэлой, Бразилией, Боливией, Эквадором, Кубой и Чили складывается сравнительно прогрессивный союз государств. Мы не можем следовать альтернативным стратегиям по отдельности. Нам необходимо объединяться. Это глобальная проблема. И нам нужны глобальные решения».²⁷⁷

На что может походить эта новая действительность? Эльвира, швея, лелеет мечту об «обществе, в котором удовлетворены все основные потребности людей, в котором достаточно пищи, у каждого есть жилье, все дети могут ходить в школу, больницы открыты для любого, и каждый занимается своим делом – таким делом, которое способствует развитию потенциала человека как мыслящего существа».

²⁷⁵ Интервью с Накпил.

²⁷⁶ Интервью с Эльвирой.

²⁷⁷ Global Development Finance 2002: Analysis and Summary Tables (Washington, D.C.: World Bank, 2003), p. 108.

Глава 10

Экспорт разрушения: зачем нужны экспортно-кредитные агентства?

Брюс Рич

Экспортно кредитные агентства, не привлекая всеобщего внимания, превратились в одних из самых крупных и самых гнусных участников в игре экономических убийц, финансируя продажу оружия, атомные электростанции и принося бедствия окружающей среде.

Представьте мрачную картину будущего: промышленно развитые страны решают создать безжалостные агентства, единственная цель которых – рост их национальной экономики. Эти агентства скрывают большую часть информации о своей деятельности – не только от широкой общественности, которая оплачивает своими налогами их содержание, но также зачастую и от собственной власти. Они призваны обогащать корпорации своих государств, упрощая бедным странам приобретение их товаров и услуг, но при этом не задумываясь над тем, к каким разрушительным последствиям для окружающей среды и общества все это может привести. Они игнорируют международные конвенции о защите окружающей среды, а прошедшие за последние 15 лет заседания и саммиты ООН по вопросам устойчивого развития могли с таким же успехом пройти и на какой-нибудь другой планете. Они поддерживают строительство атомных электростанций, закупку оружия в огромных масштабах и гигантские схемы «пирамид», с которыми ни один частный банк или агентство международного развития не пожелает иметь никаких дел. Их финансирование приводит к принудительному переселению миллионов бедняков по всему миру. Они поддерживают половину всей вновь сооружаемой в развивающемся мире инфраструктуры, энергоемкой, выделяющей парниковые газы, и при этом полностью игнорируют последствия для окружающей среды. С этой целью они ежегодно выделяют миллиарды долларов на взятки, расшатывая устои демократии и подрывая развитие стран Третьего мира, подкупая их правительства и бизнес-элиту.

К сожалению, это не фантазия. Это достоверное описание типичного экспортно-кредитного агентства (ЭКА). ЭКА – это финансовые учреждения, финансируемые правительством своей страны или имеющие его гарантию, которые управляются более богатыми и развитыми государствами. В последнее время все чаще появляются такие агентства, которые управляются некоторыми странами с динамично развивающейся экономикой, такими, как Китай и Бразилия. ЭКА стали ведущими игроками в мировой экономике, которые ежегодно вливают денег больше в развивающиеся страны, чем вся мировая помощь, выделяемая им на развитие экономики, включая помощь от ООН и Всемирного банка. Но это не агентства помощи иностранным государствам. Они задуманы как агентства помощи собственным государствам. Их миссия – повышать объем внешних продаж транснациональных корпораций своих стран. Их средства – предоставление прямых кредитов и гарантий по займам в частных банках, позволяющее бедным странам покупать продукты и услуги транснациональных корпораций Первого мира.

Как действуют ЭКА

Типичная сделка ЭКА может касаться продажи турбин и услуг инжиниринга для строительства плотины в развивающейся стране, допустим, в Бангладеш. Правительственная организация Бангладеш получает ссуду от Экспортно-импортного банка Соединенных Штатов (который субсидируется американскими налогоплательщиками) на покупку турбин и услуг инжиниринга у какой-либо компании США. Если не возникает никаких проблем, эта американская компания получает значительную прибыль от данной сделки, а ссуду погашают бангладешцы, частично субсидируемые американскими налогоплательщиками. Если вдруг появляются проблемы, и правительство Бангладеш отказывается погашать ссуду, Экспортно-импортный банк США прибегает к поддержке правительства США, вынуждая Бангладеш платить в соответствии с первоначальной договоренностью. Вариантов у этой игры множество, но основной механизм довольно прост. ЭКА называют крупнейшими в мире поставщиками благосостояния глобальных корпораций – и на это есть все основания.

На долю ЭКА в настоящее время приходится около 9 % мирового экспорта, но эта цифра занижает их влияние в более бедных развивающихся странах, где частные банки не предоставляют ссуды, особенно на крупные проекты, разрушительные для окружающей среды и общества, если налогоплательщики стран Первого мира не принимают на себя финансовый риск посредством ЭКА.

По данным Всемирного банка, в начале этого десятилетия на долю ЭКА приходилось 80 % финансирования всего рынка долгосрочного ссудного капитала в 70 беднейших странах мира. В 1997–2002 годы каждый кредит в частном международном коммерческом банке на сумму более 20 миллионов долларов выдавался этим странам при поддержке правительства одной из промышленно развитых стран – поручителей ЭКА.²⁷⁸

Но в отличие от двухсторонних агентств по развитию и международных банков развития, таких, как Всемирный банк,²⁷⁹ большинство из которых тщательно проверяют программы займов для минимизации их потенциального вреда для окружающей среды и общества, до недавних пор большинство ЭКА прямо давали понять, что их не волнуют такие негативные последствия. Они часто игнорируют международные договоры по защите окружающей среды и мандаты об устойчивом развитии. Можно без преувеличения сказать, что ЭКА – мошеннические агентства, на фоне которых Всемирный банк, Международный валютный фонд и даже Всемирная торговая организация выглядят образцами благотворительности и ответственности.

В настоящее время все ЭКА в совокупности представляют собой крупнейшее в мире государственное финансовое учреждение. В 2004 году они профинансировали, выступили поручителями и гарантами в сделках по международной торговле и инвестициям на сумму 788 миллиардов долларов, из которых около 76 миллиардов долларов составили долгосрочные ссуды и гарантии. Примерно 70–80 % всех долгосрочных ссуд пошли на поддержку проектов развития крупных инфраструктур в развивающихся странах. Ряд таких проектов крайне негативно повлиял на окружающую среду и общество, особенно такие проекты, как

²⁷⁸ Заявления агентств по развитию, включая их цель – помогать бедным, расходятся с их делами, об этом часто говорят критики Всемирного банка. Однако, как отметил французский моралист XVIII века Ларошфуко, лицемерие – дань, которую порок платит добродетели. Действительно, лицемерие – первый шаг в реформах организационных структур, и теперь двусторонние и многосторонние благотворительные организации, по крайней мере, должны подчиняться определенным правилам игры.

²⁷⁹ «Business Volumes up 21 % to \$788 billion for Berne Union Members – Record Year for Export Credit and Investment Insurers», press release (London: Berne Union, October 6, 2005); Stephanie Fried and Titi Soentoro, Export Credit Agency Finance in Indonesia (Washington, D.C.: Environmental Defense Fund, December 2000), p. 3, 10.

большие плотины, электростанции, работающие на угле, и атомные электростанции, добыча полезных ископаемых, дороги, проложенные как в заповедных местах, так и в густонаселенных районах, нефтепроводы, химические заводы и объекты других отраслей промышленности, а также лесозаготовительная промышленность и сельское хозяйство. В конце 1990-х займы у ЭКА составляли 24 % всех долгов Индонезии – примерно 28 миллиардов долларов. Эти деньги работали в основном в энергетическом секторе (строительстве крупных электростанций, работающих на угле), а также в целлюлозно-бумажной промышленности (строительстве огромных бумажных фабрик и проведении масштабных операций по заготовке и транспортировке леса для обеспечения этих заводов сырьем).²⁸⁰

Проекты ЭКА, которых становится все больше и больше, создают настолько серьезные проблемы для окружающей среды, общества и для эффективности экономики, что Всемирный банк сегодня отказывается финансировать их. Фактически ЭКА финансируют проекты, которые большая часть мирового сообщества отвергла как неблагоприятные для благосостояния развивающихся стран. Целью ЭКА является даже не экономический рост посредством глобализации, расхваливаемой сторонниками свободной торговли как лучший путь к экономическому и социальному развитию. Их единственная задача – стимулировать экспорт для обеспечения экономического благополучия собственных стран.

За последние два десятилетия финансирование со стороны ЭКА выросло более чем в четыре раза, тогда как международная помощь со стороны промышленно развитых стран практически не увеличилась, если сделать поправку на инфляцию. Международная помощь от богатейших стран мира и международных общественных организаций за последние пять лет в среднем составила 65 миллиардов долларов в год – практически столько же, сколько ЭКА ссудили на крупные проекты в развивающихся странах за тот же период. В начале 2000-х годов на сделки ЭКА приходилось 40 % задолженности всех развивающихся стран официальным кредиторам (правительствам и государственным агентствам), намного превышая общий долг этих стран Международному валютному фонду и Всемирному банку. Некоторые развивающиеся страны, такие, как Нигерия, Иран и Алжир, а также несколько стран с нестабильной переходной экономикой – Узбекистан, Туркменистан и Азербайджан – должны ЭКА более чем половину всех своих займов.²⁸¹ То, что произошло за последние два десятилетия роста влияния ЭКА, было не триумфом открытых рынков, а, скорее, победой «нового меркантилизма» – возрождением альянсов между более влиятельными и состоятельными странами и крупными корпорациями в целях защиты новых рынков при возрастающей международной конкуренции, невзирая на возможные последствия.

Экспортно-кредитные агентства, по определению, финансируют такие операции, за которые не возьмутся корпорации и которые не поддержат частные банки из-за вероятного финансового или политического риска. Классическая экономическая теория не обязывает ЭКА богатых стран принимать на себя риск за инвестирование в частный сектор. Наоборот, подобное принятие на себя риска противоречит законам рынка. В результате действия ЭКА часто приводят к ухудшению экономической ситуации, что сопровождается серьезными последствиями для окружающей среды. Классический пример – Индонезия с ее неустойчивым коррумпированным правительством и междоусобицами в таких регионах, как Ачех (Aceh) и Западная Папуа (West Papua). Несмотря на то что в стране могли вспыхнуть беспорядки, за последние 15 лет ЭКА, сотрудничающие с транснациональными корпорациями

²⁸⁰ James Harmon, Crescencia Mauer, Jon Sohn, and Tomas Carbonell, *Diverging Paths: What Future for Export Credit Agencies in Development Finance?* (Washington, D.C.: World Resources Institute, 2005), p. 13.

²⁸¹ Jasper Becker, «Dam Official Flees with \$930 Million», *South China Morning Post*, May 3, 2000; *Human Rights Dammed Off at Three Gorges: An Investigation of Resettlement and Human Rights Problems at the Three Gorges Dam Project* (Berkeley, CA: International Rivers Network, January 2003). See also Audrey Topping, «Ecological Roulette: Damning the Yangtze», *Foreign Affairs*, September-October 1995.

с целью материального обеспечения ближайшего окружения бывшего президента Сухарто, финансировали огромные избыточные производственные мощности в ведущих отраслях промышленности Индонезии, например в производстве целлюлозы. Эта отрасль, в свою очередь, стала причиной массового противозаконного уничтожения тропических лесов и природоохранных территорий. Кроме того, заводы загрязнили окружающую среду. Таким образом, ЭКА способствовали ухудшению экологии Индонезии, деформируя экономику этой страны и ослабляя стремление ее общества к демократическим реформам.

В итоге появилась чудовищная – и непристойная – политическая шутка над бедняками всего мира. Богатые страны торжественно подписывают конвенции об охране окружающей среды и занимаются красноречием с помощью своих агентств по оказанию помощи на двусторонней основе и таких международных организаций, как Всемирный банк и Программы развития ООН, существующих за счет налогоплательщиков. Тем не менее, ЭКА этих государств не только игнорируют такую политику и цели, но фактически действуют против них. Богатые страны проповедуют в развивающихся странах принципы свободного рынка и повышения прозрачности в управлении, а в это время ЭКА, наоборот, стараются тайно поддерживать торговлю своей страны. Их важнейшие операции противоречат требованиям Всемирной торговой организации, и поэтому они под предлогом коммерческой тайны в своем большинстве отказываются публиковать даже общую информацию о своей деятельности, чтобы самим оставаться непрозрачными.

Во многих странах помимо ЭКА действуют государственные агентства по страхованию инвестиций, которые страхуют от политических и финансовых рисков свои транснациональные корпорации в их зарубежных спекуляциях. Среди таких организаций можно назвать Корпорацию частных внешних инвестиций в США и Ведомство страхования инвестиций при министерстве внешней торговли и промышленности в Японии (легендарное MITI). В некоторых странах обе функции – предоставление экспортных займов и гарантий, а также страхование инвестиций – выполняет одна организация.

Возможно, старейшим ЭКА является Министерство гарантии экспортных кредитов Великобритании, основанное после Первой мировой войны для продвижения британского экспорта. Экспортно-импортный банк США был основан в 1934 году. Большинство остальных ЭКА, таких как Канадская корпорация развития экспорта, французская COFACE, немецкая Hermes Guarantee, итальянская SACE и японский экспортно-импортный банк (в настоящее время – подразделение японского банка международного сотрудничества), были основаны после Второй мировой войны. Каждая из этих организаций обладает уникальным сочетанием займов, кредитных поручительств и (иногда) страхования рисков. Крупнейшие ЭКА, такие, как японская, немецкая и американская, в последние годы предоставляют кредиты и поручительства – каждая на сумму 15–20 миллиардов долларов ежегодно.

Досье: раскол общества, уничтожение окружающей среды и коррупция

«Заслуги» ЭКА в небрежном отношении к окружающей среде, обществу и, несомненно, в экономической халатности за последние годы заключаются в их несоизмеримом вкладе в глобальную политическую нестабильность посредством массовых субсидий в коррупционные проекты, разрушительные для окружающей среды и общества, а также в торговлю оружием.

Один из таких примеров – поддержка сооружения плотины «Три ущелья» (Three Gorges Dam) на реке Янцзы в Китае. В 1996 году несколько ЭКА утвердили финансирование этого проекта, после того как Всемирный банк и Экспортно-импортный банк США отклонили его из соображений экологической безопасности. Из-за строительства этой крупнейшей в мире плотины более полутора миллионов людей вынудили переселиться. Несмотря на крупномасштабную коррупцию, изъятые, допущенные при проведении строительных работ, и протесты китайских ученых, инженеров и журналистов, ЭКА Канады, Германии, Швеции и Швейцарии, наряду с другими, предоставили под этот проект экспортные займы и гарантии на сотни миллионов долларов. Кроме того, в процессе переселения людей более 100 китайских чиновников присвоили миллионы долларов из средств, отведенных на эти цели. Огромная часть денег уходит в карман чиновников (один чиновник растрачивает более 40 миллионов долларов).²⁸²

ЭКА подрывают выполнение обязательств в плане устойчивого развития, взятые на себя государствами-экспортерами в соответствии с Рамочной конвенцией ООН по изменению климата и Конвенцией по биологическому разнообразию, которые были приняты большинством государств на конференции ООН по вопросам окружающей среды и развития (Earth Summit) в Рио в 1992 году. Например, ЭКА и национальные организации по страхованию инвестиций поддерживают крупномасштабное расширение производства энергии на ископаемом топливе, не принимая во внимание сильное воздействие таких проектов на глобальный климат. Практически половина всего нового торгового и проектного финансирования в энергоемких отраслях экономики в развивающемся мире обеспечивается при поддержке ЭКА и благодаря ей.²⁸³

Ссуды и гарантии, предоставленные ЭКА, деформируют обычный рыночный спрос и предложение, а также понятие риска, поощряя интенсивное развитие губительных для окружающей среды отраслей промышленности в некоторых странах. Например, ЭКА удержали на плаву отрасль строительства объектов атомной энергетики Канады, Франции, Германии и США, профинансировав экспорт реакторов в развивающиеся и бывшие социалистические страны. В отличие от них даже Всемирный банк всегда отказывается в поддержке атомной энергетики из чисто экономических соображений – это невыгодное вложение капитала.

Тяжелые экологические и экономические проблемы в целлюлозно-бумажной отрасли экономики Индонезии уже упоминались ранее, подобные проблемы появились и в энергетическом комплексе этой страны. В 1990-е годы ЭКА Канады, Дании, Финляндии, Германии, Японии и Швеции профинансировали три гигантских завода по производству целлюлозы в Суматре на сумму более 4 миллиардов долларов. В результате, согласно данным Центра международных лесохозяйственных исследований (Center for International Forestry Research), г.

²⁸² Crescencia Mauer and Ruchi Bhandari, *The Climate of Export Credit Agencies* (Washington DC: World Resources Institute, May 2000), p. 4.

²⁸³ Christopher Barr, *Profits on Paper: The Political Economy of Fiber, Finance, and Debt in Indonesia's Pulp and Paper Industries* (Bogor, Indonesia: Center for International Forestry Research, 2000).

Богор, Индонезия, страна стала производить больше, чем нужно для удовлетворения международного спроса, при том, что заводы необходимо все время обеспечивать древесиной. Вместо создания новых лесопосадок для снабжения этих заводов древесиной, от половины до двух третей поставляемого сырья обеспечивались за счет незаконной вырубki природных лесов в одной из крупнейших в мире природоохраннх зон. В свою очередь, расширение производства в целлюлозной промышленности привело к снижению цен на ее продукцию, в результате чего еще больше увеличилась потребность в варварских лесозаготовках.²⁸⁴

Эти производства оказали разрушительное влияние на людей и окружающую среду. Заводы, построенные по берегам рек, сбрасывали в них отходы, что было бы недопустимым в развитых странах, отравляя местное население. В деревнях, расположенных в низовьях этих рек, у детей не сходят с тела коросты, поскольку для многих отдаленных районов Суматры реки – единственные источники воды. Коренные народности были изгнаны со своих земель, захваченных под строительство этих заводов, без всякой компенсации.

Для производства электроэнергии работающим на угле электростанциям Paiton I и Paiton II потребовалось более 3,7 миллиарда долларов инвестиций, обеспеченных ссудами и гарантиями ЭКА Германии, Японии и США. Эти электростанции наглядно демонстрируют то, каким образом ЭКА поддерживают прибыль частных компаний и спонсируют коррупцию, используя мощь государства для навязывания неравноценных, а в данном случае вопиюще коррумпированных соглашений, когда ситуация развивается не по плану. Даже Всемирный банк отказался финансировать строительство этой электростанции, убедившись в отсутствии в регионе достаточного спроса на электричество, а также в том, что предполагается установить непомерные для Индонезии тарифы на пользование энергией. По данным Wall Street Journal, скорректированная с учетом местной покупательной способности стоимость электроэнергии, произведенной Paiton, на 60 % превысит таковую на Филиппинах, и будет в 20 раз выше – в США.²⁸⁵ Договоренности о строительстве электростанций Paiton и продаже Индонезии электроэнергии были достигнуты еще при коррумпированном режиме Сухарто (ныне свергнутом), когда высокие посты раздавались по знакомству без каких-либо конкурсов. Эти соглашения предусматривали, помимо прочего, предоставление друзьям Сухарто 15 % акций с нефиксированными дивидендами на электростанцию Paiton, а одной из его дочерей – 0,75 %, причем все это – бесплатно. Эти акции были равнозначны огромным взяткам, на практике профинансированным «ссудами» поддерживаемых ЭКА инвесторов, которые предполагалось выплачивать из доходов проекта. Поставка угля на электростанции также без проведения тендера была передана компании, принадлежащей друзьям Сухарто, которые получили 15 % акций электростанции, поэтому цены на уголь оказались на 30–40 % выше мировых.²⁸⁶

После свержения Сухарто в 1998 году новое индонезийское правительство обратилось к канадским аудиторам с просьбой о проведении независимой финансовой проверки электростанции Paiton, которые обнаружили, что затраты на проект были завышены на 72 %. Новое правительство попыталось добиться пересмотра кабального соглашения, представляющего собой коррумпированную, неконкурентоспособную сделку, заключению которой помогли огромные взятки семье Сухарто. В соответствии с этим соглашением, Индонезия

²⁸⁴ Peter Waldman and Jay Solomon, «Power Deals with Cuts for First Family in Indonesia Are Coming under Attack», Wall Street Journal, December 23, 1998.

²⁸⁵ Inge Altemeier and Harald Schumann, «Der Ueberfluessige Strom», Der Spiegel, May 29, 2000.

²⁸⁶ See ECA Watch, «Corrupt Power Projects and the Responsibility of Export Credit Agencies in Indonesia», www.eca-watch.org/problems/corruption/bosshard6_indon_nov2000.html; Hideka Yamaguchi, Hideka, «Whose Sustainable Development? An Analysis of Japanese Foreign Aid Policy and Support for Energy Sector Projects», Bulletin of Science, Technology, and Society 23, no. 4 (August 2003), p. 302–10, 306; «Paiton Coal-Burning Power Plant, Indonesia», Unfairallon.info, www.unfairallon.info/paiton.asp.

должна была платить 8,6 цента за киловатт-час в течение 30 лет, тогда как потребители Индонезии были в состоянии платить лишь по 2 цента. Представители ЭКА из США, Германии, Швейцарии и Японии прибыли в Джакарту с намерением запугать новый, сопротивляющийся им режим и вынудить его отказаться от пересмотра договора, угрожая тем, что страны «Большой семерки», поддерживающие свои ЭКА, объявят Индонезию международным долговым изгоем и ограничат ей доступ к новым займам в международной финансовой системе. Индонезийское правительство уступило, и был достигнут компромисс, более приемлемый для ЭКА и западных инвесторов.²⁸⁷

Разработка месторождений – еще одна крупная отрасль, изобилующая примерами халатности ЭКА, часто австралийских и канадских, поскольку разработка месторождений за рубежом является важной статьёй экспорта для их стран. Один из наиболее печально известных случаев произошел в 1995 году в Гайане, где взорвалась хвостовая дамба на золотом прииске компании Omai, финансировавшемся Канадой. Миллиард галлонов отходов, содержащих цианид, вытек в эту важнейшую реку страны, в результате чего погибли миллионы рыб, в опасности оказались человеческие жизни, а столичное водоснабжение оказалось под угрозой. Программа развития ООН осудила отсутствие мониторинга окружающей среды в проекте, а судебные разбирательства, начатые из-за попадания отходов в реку, продолжаются и по сей день.

Австралийское ЭКА, Корпорация экспортного финансирования и инвестирования (EFIC), профинансировало добычу полезных ископаемых в Папуа – Новой Гвинее, что оказало пагубное влияние на окружающую среду и население страны. EFIC предоставила 243,8 миллиона долларов на финансирование крупномасштабного строительства медного рудника и золотого прииска, которое проводилось консорциумом, возглавляемым крупнейшей австралийской горнодобывающей компанией ВНР в Папуа – Новой Гвинее, около Ok Tedi – притока реки Fly. Экспортно-импортные банки США и Японии также оказали поддержку этому проекту, предоставив меньшие по размеру ссуды. На этих шахтах произошла одна из страшнейших в мире экологических катастроф за последнюю четверть века. После обрушения плотины, состоящей из отработанной руды, в 1984 году ВНР сбрасывала более 30 миллионов тонн токсичных отходов из рудников и 40 миллионов тонн пустой породы ежегодно в реки Ok Tedi и Fly. В результате реки фактически погибли, оставив без средств к существованию 50 тысяч человек из 120 деревень, расположенных в низовьях этих рек. В 2000 году Всемирный банк порекомендовал немедленно закрыть прииски на реке Ok Tedi, но ВНР передала свое имущество правительству Папуа – Новой Гвинеи. ВНР выплатила компенсации на урегулирование иска, выдвинутого пострадавшими жителями деревень, и получила судебный иммунитет от любых будущих исков о возмещении ущерба.²⁸⁸

В середине 1990-х годов EFIC предоставила 250 миллионов долларов в виде ссуд частного банка крупнейшей горнодобывающей компании Rio Tinto Zinc при содействии канадской Корпорации по развитию экспорта (EDC) в виде субсидий на сумму 29,6 миллиона долларов на финансирование одного из крупнейших в мире золотых приисков, расположенного на Лихир-Айленд (Lihir Island), недалеко от северо-восточного побережья Папуа – Новой Гвинеи. Этот прииск ежегодно сбрасывает в море 110 миллионов кубических метров загрязненных цианидом отходов в дополнение к 20 миллионам тонн пустой породы в

²⁸⁷ Will Marshall, «Australian Firms Plunder Papua New Guinea», 2003, www.minesandcommunities.org/Country/png3.htm; Putting the Ethic in EFIC (Sydney, Australia: Aidwatch and Mineral Policy Institute, 1999), p. 21–26.

²⁸⁸ Там же. Guardian (Australia edn.), December 6, 2000; Мелани Кевиллон, координатор рабочей группы неправительственных организаций по канадскому экспортно-кредитному агентству, «Разработки месторождений под руководством Канадского экспортно-кредитного агентства оставляют за собой море цианида», медиарелиз (Ottawa: Halifax Initiative, April 10, 2002), www.eca-watch.org/problems/americas/canada/JHalifaxInitPR_G8_20002.html; и Коалиция по формированию общественной осведомленности, «Экспортно-кредитные агентства, корпоративное процветание, отсутствие отчетности», www.cpa.org.au/garchives3/102/1028aid.html.

год. В результате образуется ядовитый подводный шлейф из отходов, простирающийся на несколько миль, что является явным нарушением Лондонской конвенции о предотвращении загрязнения морской среды путем затопления отходов и других материалов (London Dumping Convention), запрещающей сброс в море токсичных отходов. Этот проект оказался настолько вредоносным, что даже Корпорация частных внешних инвестиций США, – тоже не отличающаяся безупречным отношением к окружающей среде, – отказалась финансировать его из экологических соображений.²⁸⁹

Возможно, самой известной сделкой EFIC было предоставление гарантий на 80 миллионов долларов в 1980-е годы для финансирования печально известного медного рудника Panguna, принадлежащего Rio Tinto Zinc и расположенного на острове Бунгевиль, Папуа – Новая Гвинея. Отходы этого рудника загрязнили главные реки и заливы острова, нанеся колоссальный ущерб земельным, лесным и рыбным ресурсам и оставив десятки тысяч местных жителей без пропитания. Социальная и политическая нестабильность, спровоцированная лишением средств к существованию значительной части островитян, быстро вылилась в гражданскую войну, в которой погибли 15 тысяч человек.²⁹⁰

Другой аспект деятельности основных европейских ЭКА, базирующийся на принципе «экспорт превыше всего», – экспорт оружия. Эту деятельность ЭКА резко критикуют в Европе церковь и правозащитные организации, которые правомерно считают, что ежегодное финансирование их правительствами таких закупок на миллиарды долларов губительно для всего мира. Около 30 % бюджета ЭКА Великобритании в 1990-е годы и одна треть экспортных кредитов, выданных ЭКА Франции, пошли на финансирование экспорта оружия. В 1999 году вооруженные силы Индонезии использовали истребители компании «Бритиш аэроспейс» (British Aerospace), приобретенные на кредиты ЭКА Великобритании, в бою за Восточный Тимор – факт, вызвавший гневные протесты в Парламенте. Индонезийское правительство, закупая эти самолеты, заверило кредиторов в том, что они не будут применяться для репрессий. Как только миротворческие силы ООН вознамерились направиться в Восточный Тимор, индонезийцы отказались выплачивать 250-миллионный долг, потраченный на покупку самолетов. Частные банки Великобритании потребовали от ЭКА немедленно вернуть деньги, 250 миллионов долларов. Эти 250 миллионов – лишь небольшая часть от 1,3 миллиарда долларов, направленных этим ЭКА с середины 1990-х годов на поддержку продаж оружия Индонезии.²⁹¹

Стремясь не отстать, ЭКА Германии предложило 407 миллионов долларов экспортных гарантий для обеспечения закупки Индонезией 39 устаревших восточногерманских сторожевых торпедных катеров на миллиард долларов. Правительство Сухарто закрыло несколько газет и посадило за решетку протестовавших против этой сделки студентов. Даже индонезийские военачальники высказывались против бессмысленной траты денег на устаревшую технику, тем не менее, сделка состоялась, потому что министром науки и техники Индонезии в то время был близкий друг прежнего канцлера Германии Гельмута Коля, который пытался продать индонезийцам еще и устаревшие дизельные подводные лодки Восточной

²⁸⁹ Jennifer Lanston, «Quest for American Justice on South Pacific Island», Seattle Post-Intelligencer, July 19, 2004, available at http://seattlepi.nwsource.com/local/182687_bougainville19.html; Marshall, «Australian Firms Plunder Papua New Guinea»; См.: также www.hagens-berman.com/frontend.jsessionid=akgbaP5_MP5-?command=PressRelease&task=viewPressReleaseDetail&iPressReleaseId=215.

²⁹⁰ Nicholas Gilby, Arms Exports to Indonesia (London: Campaign against Arms Trade, October 1999), <http://www.caat.org.uk/publications/countries/indonesia-1099.php>; Rob Evans, «Taxpayers Paid £400m to BAE for Failed Arms Deals», Guardian, December 20, 2004, www.guardian.co.uk/indonesia/Story/0,1377390,00.html#article_continue. См также: www.eca-watch.org/problems/arms/.

²⁹¹ Martin Broeck, «Paper on Export Credit Agencies and Arms Trade» (Amsterdam: Campagne tegen Wapenhandel, March 28, 2003), p. 4, www.caat.org.uk/publications/countries/indonesia-1099.php.

Германии в расчете на дополнительные гарантии ЭКА на 387,7 миллиона долларов, но эта сделка сорвалась.²⁹²

Экспортно-импортный банк США может утверждать с некоей долей лицемерия, что не финансирует экспорт оружия, однако он не участвует в этом только потому, что на таких сделках специализируются другие агентства правительства США.

Коррупционированность сделки со сторожевыми торпедными катерами – лишь малый пример безнравственности ЭКА. Поскольку операции ЭКА не освещаются публично, вполне возможно, что эти агентства окажутся единственным крупнейшим официальным органом, финансирующим взятки и другие проявления коррупции в развивающемся мире. Международная некоммерческая организация по борьбе с коррупцией Transparency International опубликовала рабочие материалы и другие документы, уличающие основные европейские ЭКА в систематическом страховании и финансовых операциях, изобилующих коррупцией, взяточничеством и обеспечением гарантий, как будто так и должно быть. Transparency International считает, 10 % от сумм многих сделок пошли на финансирование коррупции. ЭКА не спешат решать эту проблему, несмотря на Конвенцию о борьбе со взяточничеством, принятую Организацией экономического сотрудничества и развития (OECD) и вступившую в силу в начале 1999 года.²⁹³

Эту вопиющую безответственность по отношению к обществу и окружающей среде венчает использование атомной энергии, которая стала одной из крупнейших статей экспортного финансирования для Канады, Франции, Германии и США. За два десятилетия в этих промышленно развитых странах не было построено практически ни одной новой атомной электростанции. Вопреки экономической (и экологической) логике, которая позволила приостановить их строительство, ЭКА этих стран поддерживали строительных подрядчиков, финансируя прибыльные экспортные сделки, предусматривающие возведение новых и реконструкцию старых атомных электростанций в развивающемся мире и бывших странах социалистического лагеря.

ЭКА Канады обеспечило закупку и установку в Китае двух ядерных реакторов в 1996 году и проектирование двух реакторов в Турции в 1997 году, а также предоставило дополнительное финансирование (миллиард долларов) на завершение строительства ядерного реактора Cernavoda в Румынии в 1998 году. Этот реактор финансировался ранее экспортными кредитами, но остался недостроенным при коммунистическом режиме Чаушеску. Этот реактор строили заключенные, которых плохо кормили и держали в неотапливаемых бараках.

Но самое возмутительное – это одобрение экспортных кредитов на строительство новой атомной электростанции в Китае лидером «зеленых» вице-канцлером и министром иностранных дел Йошкой Фишером в апреле 2000 года, и это несмотря на то, что последние 15 лет «зеленые» выступали против атомной энергетики. И это в то время, когда немецкая Партия «зеленых» (Green Party) была на вершине своего влияния в составе правящей коалиции социал-демократов. Очевидно, новый меркантилизм попирает политические и экологические принципы.

Открытие Индии для ядерного экспорта после визита в эту страну президента США Джорджа Буша в марте 2006 года, который отменил международное ядерное эмбарго, действовавшее в течение многих лет, несомненно, вызовет прилив активности со стороны ЭКА США, Франции, Канады и Германии.

ЭКА США, по крайней мере теоретически, кажутся более ответственными в отношении к окружающей среде. Экспортно-импортный банк и его филиал – Корпорация част-

²⁹² Dieter Frisch, Export Credit Insurance and the Fight against International Corruption, working paper (Berlin: Transparency International, 1999).

²⁹³ James V. Grimaldi, «Enron Pipeline Leaves Scar on South America: Lobbying, U.S. Loans Put Project on Damaging Path», Washington Post, May 6, 2002.

ных внешних кредитов (ОРИС) – обязаны проводить оценку влияния проекта на окружающую среду для основных проектов (включая оценку влияния на местное население) и смягчать тяжелые последствия (включая компенсацию населению за вынужденное переселение). Большую роль в появлении этого требования сыграли экологические организации США, лоббировавшие свое правительство долгие годы. ОРИС также дает разрешение на разработку проекта, поскольку входит в состав Агентства по международному развитию США. Экспортно-импортный банк по закону должен проводить мониторинг окружающей среды для проектов, которые могут нанести ущерб экологии, поэтому он более прозрачен, чем остальные ЭКА. Тем не менее, поиск самого прозрачного ЭКА напоминает поиск самой порядочной проститутки в публичном доме. Экспортно-импортный банк размещает на своем веб-сайте перечни проектов, требующих мониторинга окружающей среды, а также описание сделок в своем годовом отчете, но вряд ли это слишком большая открытость для организации, существующей на деньги налогоплательщиков. Между тем, многие европейские ЭКА и по сей день не разглашают даже описания уже осуществленных проектов и сделок, прикрывая их деятельностью.

Деятельность Экспортно-импортного банка и ОРИС, направленная на уменьшение ущерба экологии и обществу от проектов, которые они инвестировали, вызывает сомнения. Например, ОРИС Германии Hermes цинично заявила, что якобы более строгие критерии мониторинга экологии и общества, принятые в США, на самом деле не делают окружающую среду и общество «чище», чем у немцев.

Данные ОРИС говорят о том, что доводы немцев хорошо обоснованы. ОРИС – относительно небольшая организация по сравнению с Экспортно-импортным банком и, в отличие от большинства государственных экспортных учреждений и организаций по страхованию инвестиций, не только руководствуется принципом «не причинять вреда» окружающей среде, но также полномочна докладывать о «положительных результатах разработки проектов» в принимающих странах. Годовой отчет ОРИС за 2002 год содержит много разгластвований о приверженности ОРИС этим положительным результатам разработки проектов. Тем не менее, более 57 % новых страховых и кредитных обязательств ОРИС за финансовый 2002 год были направлены на гигантские проекты крупных транснациональных корпораций в нефтяной и газовой отраслях. Упор делался на «большую нефть» – на нефтяные проекты было направлено около 685 миллионов долларов при общей сумме соглашений 1,2 миллиарда долларов. Почти 30 % портфеля проектов за 2002 год состояли из 350 миллионов долларов ссуды, предоставленной на крупную операцию компании UNOCAL по разработке морских месторождений нефти и газа в Индонезии, расположенных рядом с береговым терминалом для нефти и газа в индонезийской провинции Восточный Калимантан (Борнео). Работы компании UNOCAL в этом районе стали причиной массовых протестов со стороны правозащитников и населения этого мусульманского района Индонезии из-за ущерба, нанесенного обществу и окружающей среде.

А что же остальные 43 % соглашений ОРИС? Приведем несколько примеров из годового отчета за 2002 год: 15 миллионов долларов выделено Diamond Fields International для добычи алмазов на шельфовых месторождениях в Намибии; 168 тысяч долларов – компании B&C Management Inc. на добычу карьерного гравия в Гане; 250 тысяч долларов – Ли Кашеллу и его компании Mongolian Resorts на «организацию экстремального туризма» в Монголии; 600 тысяч долларов на «организацию дайвинга» в Таиланде; 4,349 миллиона долларов на строительство гостиниц Marriott Tbilisi и Marriott Courtyard в Грузии; 56 миллионов долларов – компании El Paso Energy (некоторые из ее бывших руководителей обвинялись федеральной властью в мошенничестве при торговле электроэнергией в Калифорнии) на строительство двух электростанций, работающих на газе, в Пакистане; 1,219 миллиона долларов на рас-

ширение сети ресторанов Wend-Rey в Мексике; 150 тысяч долларов рекламному агентству Colite Outdoors, LLC для установки наружной рекламы в Никарагуа.

Нарушение экологических, трудовых прав и прав человека, а также коррумпированность характерны для многих проектов ОПИС, поскольку эта корпорация оказалась в некотором смысле «загнанной в угол» своими наиболее влиятельными клиентами. В 2002 году Washington Post опубликовала статью о нефтепроводе Боливия-Бразилия компании Enron, на строительство которого ОПИС в 1999 году предоставила ссуду 200 миллионов долларов. В статье утверждалось, что лоббирование и ссуды США запустили этот разрушительный проект, который оставил шрам на Южной Америке. Согласно Post,

Этот нефтепровод ... и ведущие к нему подъездные пути сделали незащищенными лес [заповедник Chiquitano], что предсказывали экологи: браконьеры вырубали зрелые деревья, незаконно охотились на диких зверей и пасущийся скот. Вновь заработали заброшенные золотые прииски, а вдоль трассы трубопровода появились лагеря золотоискателей. Однако более всего многих государственных служащих, проверявших проект, поразило то, что компания Enron убедила ОПИС США профинансировать строительство трубопровода, несмотря даже на то, что эта организация, ОПИС, была призвана защищать такие заповедники, как Chiquitano. «Это не следовало делать», – сказал Майк Колби, бывший старший консультант по экологии при Министерстве финансов США, ныне корпоративный консультант. «Всемирный банк уже объявил этот лес... одним из двух важнейших лесов Латинской Америки. ОПИС предпочла проигнорировать данный факт. Таким образом, они согласились принять эти неприемлемые заключения только потому, что хотели профинансировать этот проект любой ценой».²⁹⁴

ОПИС отказалась финансировать строительство этого нефтепровода в декабре 2001 года, но ее первоначальное участие в проекте и финансовая поддержка в критические моменты его реализации помогли начать и ускорить работу.

Еще один пример – газовая электростанция Dabhol в Индии, которую строила компания Enron. ОПИС и Экспортно-импортный банк США вместе предоставили 460 миллионов долларов в виде ссуд и 200 миллионов долларов страховки на это коррумпированное предприятие, попирающее права человека, что побудило базирующуюся в США Международную независимую организацию по защите прав человека (Human Rights Watch) подготовить доклад на 166 страницах, который содержал документальное подтверждение избиений, нападений, незаконных арестов и других примеров злоупотреблений по отношению к местным жителям, протестующим против захвата их земель компанией Enron и ее подрядчиками, а также о массовом подкупе компанией Enron властей Махараштры. Всемирный банк вновь отказался финансировать проект, сочтя его слишком большим и затратным, а также экономически невыгодным из-за крайне неравноценных условий, предоставленных государственными чиновниками компании Enron.²⁹⁵

По данным Института политических исследований, ОПИС предоставила около 2,6 миллиарда долларов в виде ссуд и страховок на 14 проектов по добыче ископаемого топлива, связанных с Enron, с начала 1992 и до конца 2001 года. Это составляет очень значительную часть всех соглашений ОПИС за тот девятилетний период, вероятно, более 15 %.

²⁹⁴ The Enron Corporation: Corporate Complicity in Human Rights Violations (New York: Human Rights Watch, 1999).

²⁹⁵ See Heffa Schücking, «The Maheshwar Dam in India» (Sassenberg, Germany: Urgewald, March 1999), www.narmada.org/urg990421.html; Shirpad Dharmadhikary and Patrick McCully, «Villagers Capture Dam in India», Earth Island Journal (Spring 1998), www.earthisland.org/eijournal/spring98/sp98f_wn.htm.

Глобальный протест против разрушений, причиняемых экспортно-кредитными агентствами

К счастью, нарастает глобальный протест простых людей против безответственности экспортно-кредитных агентств как в странах, обеспечивающих финансирование, так и в странах-получателях кредитов. Первых побед удалось добиться в 1998 и 1999 году, когда немецкие организации содействия развитию совместно с церковью и «зелеными» провели успешную кампанию против вовлечения нескольких ведущих немецких компаний и банков, обратившихся к немецкому экспортно-кредитному агентству Hermes за финансовыми гарантиями, в проект строительства плотины Махешвар (Maheshwar) на реке Нармада в Индии. Строительство этой плотины могло привести к вынужденному переселению 35 тысяч малоимущих местных жителей из 61 деревни без надлежащей компенсации. Эта сделка должна была стать моделью приватизации строительства плотин по всей Индии, но с самого начала ее обвинили в коррупции и злоупотреблении влиянием. Это не вызывает удивления, поскольку закрытая акционерная компания, выбранная для управления проектом «С. К. Кумарс» (S. K. Kumars), являлась текстильным предприятием, не имеющим никакого опыта в строительстве крупнейших гидротехнических сооружений.²⁹⁶

В конце 1990-х годов местные жители селений, подпадающих под снос, организовали массовые демонстрации на месте строительства плотины, собравшие до 12 тысяч человек. Люди блокировали стройплощадки, устраивали голодовки и демонстрации перед немецким посольством в Нью-Дели. Немецкие инвесторы, привлеченные на начальном этапе к строительству плотины, – коммунальные предприятия «Байернверк» (Bayernwerk) и ВЕВ (VEW) – отказались от участия в проекте, узнав о массовом противодействии этому строительству и допущенных отклонениях от стандартов в его проекте. Тем не менее, немецкое экспортно-кредитное агентство Hermes продолжало участвовать в проекте, выразив готовность предложить обеспечиваемые правительством экспортные гарантии на предоставленные немецким банком Hypovereinsbank кредиты компании Siemens, немецкой транснациональной машиностроительной и электротехнической корпорации, и немецкому отделению шведской компании АВВ при условии, что они продолжат свое участие в этом проекте. Компания АВВ, осознавая, что дебаты в Германии стали слишком напряженными, обратилась через свой офис в Лиссабоне к португальскому ЭКА COSEC для предоставления гарантий на получение ссуды в размере 46 миллионов евро в банке Hypovereinsbank. Однако пропагандистская кампания, начатая в 2000 году португальскими неправительственными организациями, в 2001 году убедила португальское экспортно-кредитное агентство и министерство финансов страны не предоставлять эту ссуду из-за экологических и социальных рисков, характерных для этого проекта. Тем временем кампания протеста в Германии потребовала проведения независимой экспертизы проекта под эгидой немецкого министерства международного развития. В июне 2000 года проверка подтвердила, что реализация этого проекта приведет к неприемлемым нарушениям прав населения, проживающего на территории планируемого строительства. Протесты немецких и португальских неправительственных организаций, в конечном счете, помешали экспортно-кредитным агентствам оказать предпо-

²⁹⁶ Peter Bosshard, *Power Finance: Financial Institutions in India's Hydropower Sector* (Delhi: South Asia Network on Dams, Rivers, and People; Sassenberg, Germany: Urgewald; and Berkeley, CA: International Rivers Network, January 2002), pp. 7–11, available at www.irn.org/programs/india/power%20finance-inside-16.pdf; V. Venkatese, «A Moral Victory for the NBA», *Frontline* 17, no. 15 (July 22–August 4, 2000), www.hinduonnet.com/fline/fl1715/17151150.htm; Narmada Bachao Andolan, «Portuguese Guarantee to Maheshwar Project Refused», press release, March 15, 2001, www.narmada.org/nba-press-releases/march-2001/portuguese.guarantee.refused.html.

лагаемую поддержку, а земли с населением более 35 тысяч человек были спасены от затопления.²⁹⁷

История с плотиной Махешвар показывает, как мировое гражданское сообщество может добиться прекращения поддержки экспортно-кредитными агентствами проектов, опасных для окружающей среды, а также демонстрирует трудности, с которыми сталкиваются такие кампании. Транснациональные корпорации, чьи отделения располагаются в нескольких странах Организации экономического сотрудничества и развития, могут противопоставлять одно экспортно-кредитное агентство другому, угрожая в данном случае перенести производство турбин из Германии в Португалию, если немецкое экспортно-кредитное агентство отказывается предоставить поддержку. Несмотря на то что еще на стадии проектирования плотины были обнаружены серьезные изъяны в этом проекте – экономические, социальные и экологические, остановить ее строительство смогли только весьма интенсивные и хорошо согласованные исследования, а также кампания по ее дискредитации в глазах общества в Индии, Германии и Португалии. В большинстве случаев местные общины, неправительственные организации и гражданское общество просто не располагают средствами на координацию такой кампании.

Тем не менее, в конце 1990-х – начале 2000-х годов гневные возражения против проектов экспортно-кредитных агентств появились и в других странах. Например, в Индонезии массовые демонстрации недовольных местных жителей привлекли внимание к загрязнению местного водоема отходами целлюлозного комбината, финансируемого экспортно-кредитным агентством. В мае 2000 года возражения местного сообщества и общенациональные протесты объединились в глобальную сеть, когда около 350 групп неправительственных организаций из 46 стран подписали положение кампании – Декларацию Джакарты (Jakarta Declaration), которая требовала проведения серьезной институциональной реформы экспортно-кредитных агентств с тем, чтобы они прекратили нарушать основные социальные, экологические стандарты и права человека.²⁹⁸

Экспортно-кредитные агентства существуют в сравнительно изолированных анклавах в рамках своих правительств. Обычно они отчитываются только перед одним ведомством, как правило, министерством торговли, экономики или финансов, тогда как большей частью действуют без эффективного контроля остального правительства, в том числе и законодательной власти. Таким образом, пользуясь выгодами поддержки налогоплательщиков, они перед ними не отчитываются, хотя обязаны. Отсутствие прозрачности и подотчетности позволяет экспортно-кредитным агентствам игнорировать экологические и социальные последствия своей деятельности. Их представители ведут переговоры между собой на одном из самых загадочных и закрытых форумах, организуемых Группой экспортного кредитования при Организации экономического сотрудничества и развития в Париже. Организация экономического сотрудничества и развития служит одновременно исследовательским центром и местом проведения переговоров для 26 ведущих промышленно развитых стран, чьи экспортно-кредитные агентства имеют своих представителей в Группе экспортного кредитования. Группа экспортного кредитования проводит в основном закрытые заседания и публикует скудные отчеты о содержании дискуссий или позиции отдельных агентств.

Экспортно-кредитные агентства заходят столь далеко, что решаются на тайные переговоры друг с другом без ведома даже собственных правительств. Например, зимой 2000 года Комитет по торговле и промышленности Палаты общин Великобритании осудил «при-

²⁹⁷ Подробнее о Декларации, подписанной в Джакарте, и о международной кампании по реформированию экспортных кредитов см.: www.esa-watch-org.

²⁹⁸ Палата общин Великобритании, сессия 1999–2000 гг., Комитет по торговле и промышленности, отчет № 6 «Запрос в Департамент страхования экспортных кредитов на поддержку участия Великобритании в проекте по строительству дамбы Илису» (Лондон; издательство Ее Величества, 28 февраля, 2000 г.), с. VII, X.

скорбный и неэффективный факт сокрытия от общественности информации о предложении финансирования плотины Илису», сомнительного проекта в Турции, который обсуждался экспортно-кредитными агентствами Великобритании и других стран. Комитет обратил внимание на то, что несколько экспортно-кредитных агентств втайне обсуждали вопрос о финансировании этого проекта практически в течение года, прежде чем Министерство торговли Великобритании узнало о его существовании.²⁹⁹

Проект строительства плотины Илису наглядно демонстрирует склонность экспортно-кредитных агентств к поддержке непродуманных программ, за которые не возьмется ни одно государственное ведомство и ни один частный банк не профинансирует их без гарантий налогоплательщиков. Плотина будет построена на реке Тигр в юго-восточной Турции, несмотря на протесты более 75 тысяч курдов, подлежащих переселению без надлежащей компенсации. В результате этого строительства будет затоплено место важнейших археологических раскопок в Анатолии, кроме того, оно нарушит пять экологических и социальных принципов безопасности Всемирного банка по 18 пунктам. Сирийское правительство выразило протест Великобритании против ее участия в этом проекте, указывая на то, что Турция отказалась подписывать конвенцию ООН по справедливому водопользованию международных рек, к которым относится Тигр. Однако в 1999 году экспортно-кредитные агентства Великобритании, Германии, Италии, Австрии, Швеции, Швейцарии и США были готовы профинансировать проект. Поскольку при подготовке проекта не проводилась оценка его влияния на окружающую среду и не был составлен план переселения людей, а строительство предполагалось осуществлять в эпицентре зоны вооруженного конфликта, международное давление заставило экспортно-кредитные агентства согласиться на выполнение некоторых экологических и социальных требований, таких, как подготовка плана переселения и обсуждение расхода воды со странами, расположенными в низовье реки, – Сирией и Ираном.

Между тем, дополнительные меры, предпринятые экспортно-кредитными агентствами, оказались незначительными и запоздалыми. И британские, швейцарские и немецкие общественные организации, инспектировавшие стройку совместно с курдскими правозащитниками, по-прежнему указывали на наличие проблем в проекте. Например, разработкой плана переселения занималось в основном турецкое туристическое агентство, специализирующееся на групповых турах. Вот какие «серьезные меры» были приняты для выяснения экологических и социальных последствий осуществления проекта. В 2002 году главный участник проекта – британская компания Болфор Битти (Balfour Beatty), которая должна была заключить субподрядные договоры на строительство и поставку оборудования с компаниями других европейских стран (с привлечением их экспортно-кредитных агентств), – отказалась от него. Она столкнулась с растущим давлением как внутри страны, так и на международной арене, кроме того, на ежегодном собрании акционеров этой компании более 40 % акционеров отказались поддержать данный проект. После того как ведущий швейцарский банк, занимавшийся финансированием, а также главные подрядчики из Швеции и Италии отказались от участия в проекте Илису, казалось, что он обречен.

Таким образом, после удачного примера с плотиной Махешвар в 2002 году кампания по дискредитации проекта Илису пробудила робкую надежду на то, что международная общественность может поспособствовать превращению экспортно-кредитных агентств и их клиентов в подотчетные организации. К сожалению, проект Илису был возобновлен в 2005–2006 годы после заявления экспортно-кредитных агентств о том, что они учли общепринятые рекомендации по отношению к окружающей среде.

²⁹⁹ James Harmon, «Ensuring that Subsidized Foreign Projects Are Green», *Environmental Forum* 18, no. 5 (September/October 2000), p. 41.

Первые шаги к преобразованию?

По иронии судьбы, несмотря на то что Соединенные Штаты вяло реагировали на многие международные экологические проблемы, за последнее десятилетие они взяли на себя инициативу в склонении других промышленно развитых стран к выработке минимальных экологических стандартов и правил для экспортно-кредитных агентств.

Это решение далось крайне тяжело, встретив негативную реакцию Группы экспортного кредитования Организации экономического сотрудничества и развития, особенно со стороны Франции и Германии. В Германии министерства, ответственные за торговлю и экспортное кредитование, долго противились даже минимальным преобразованиям, проявив поразительное лицемерие, которое отразилось на других европейских странах.

В сферах деятельности, открытых для общественности и меньше влияющих на экономику, чем финансирование экспорта, правительства этих стран делали политически корректные заявления, например наставляя ООН поддерживать увеличение помощи странам Третьего мира в целях развития. Но когда в опасности оказываются интересы их ведущих транснациональных корпораций и прибыль от экспорта, многие европейские страны занимают совсем иную позицию, удобно прячась от общественности за закрытой информацией.

В середине 1990-х годов несколько европейских государств во главе с Германией отклонили первоначальные предложения Соединенных Штатов о заключении соглашения по охране окружающей среды, утверждая на закрытых заседаниях Группы экспортного кредитования, что обсуждение этих вопросов не имеет отношения к экспортным кредитам. Только после того как президент Клинтон лично поднял этот вопрос на экономических саммитах «Большой восьмерки» в конце 1990-х и в 2000 году, экспортно-кредитные агентства Германии, Франции, Японии и других промышленно развитых стран неохотно начали обсуждение минимальных экологических и социальных норм своей деятельности в развивающихся странах, да и то лишь потому, что боялись утратить контроль над этой проблемой.³⁰⁰

В декабре 2003 года экспортно-кредитные агентства Организации экономического сотрудничества и развития, наконец, подписали несовершенное, не имеющее ограничивающего воздействия соглашение «Общие принципы охраны окружающей среды и экспортного кредитования» (“Common Approaches on Environment and Export Credits”). Они добровольно обязались проводить базовый мониторинг окружающей среды при реализации проектов и инвестиций, серьезно влияющих на экологию, и следовать трем (всего трем!) из десяти экологических и социальных принципов безопасности, разработанных Всемирным банком для таких инвестиций.

Даже после этого любому человеку, хорошо знакомому с основами квалифицированного анализа воздействия крупных проектов на окружающую среду, были очевидны странные, абсолютно непонятные пробелы в этом соглашении. Например, Германия при поддержке некоторых стран помешала сделать хотя бы ссылку на четвертый принцип безопасности Всемирного банка, касающегося охраны естественной среды обитания (этот принцип требует не отклонения проектов, способных существенно ухудшить важную естественную среду обитания, а при имеющем место разрушении среды обитания – выделение средств для защиты равноценных экосистем в принимающей стране). Им также удалось добиться исключения самых основных элементов достоверного мониторинга окружающей среды – прозрачности и своевременного информирования населения о состоянии экологии,

³⁰⁰ Daniela Setton, Heike Drillisch et al. Der Ilisu Staudamm: Kein Erfolgsprojekt: Zum Hintergrund und aktuellen Stand des größten Staudammprojekts im Südosten der Türkei (Berlin: Weltwirtschaft, Economy, Ecology, und Entwicklung [World Economy, Ecology, and Development – WEED], November 2005).

которое может пострадать от этого еще до утверждения проекта. Вместо этого документ рекомендовал экспортно-кредитным агентствам «стараться» делать информацию о воздействии на окружающую среду общедоступной, публикуя, «например, выдержки из ОВЭ [оценок влияния на экологию]» всего лишь за 30 дней до окончательного решения о поддержке проекта, но и это не обязательно, поскольку экспортно-кредитные агентства могут в одностороннем порядке принять решение не предоставлять никакую информацию, ссылаясь на «исключительные причины». Причем они не обязаны публично сообщать всем об этих «причинах», а лишь уведомить о них остальные экспортно-кредитные агентства в Организации экономического сотрудничества и развития. Конечно, подобное несовершенное соглашение вряд ли будет иметь какое-то влияние.

Однако обнадеживает то, что почти все 26 экспортно-кредитных агентств, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, издали методики мониторинга окружающей среды, для того чтобы соответствовать соглашению об Общих принципах, и почти все они пригласили на работу специалистов по вопросам окружающей среды. Тем не менее, действительное соответствие даже очень легким критериям данного соглашения осложняется все еще сохраняющейся непрозрачностью экспортно-кредитных агентств и отсутствием независимого контроля, что не может гарантировать подлинного улучшения деятельности экспортно-кредитных агентств, обладающих репутацией разрушителей окружающей среды и общества.

Среди других обнадеживающих признаков можно отметить успех Великобритании, – также одержанный в борьбе с главами экспортно-кредитных агентств стран «Большой восьмерки», – в принуждении экспортно-кредитных агентств прекратить выдавать экспортные кредиты беднейшим странам (в основном в Центральной Африке) на покупку оружия и других «непроизводительных» предметов. Тем не менее, входящие в состав Организации экономического сотрудничества и развития экспортно-кредитные агентства продолжают субсидировать этот очень прибыльный экспорт в большинстве других развивающихся стран.

Действенность принятого в 2003 году соглашения об охране окружающей среды подтвердят, прежде всего, прекращение экспортно-кредитными агентствами поддержки тем проектам, которые предполагают грубые нарушения прав человека, международного закона и основных экологических норм. Невероятно, но в конце 2005 года экспортно-кредитные агентства Германии, Швейцарии и Австрии заново рассматривали проект строительства плотины Илису в Турции – один из самых спорных и непродуманных гидротехнических проектов, предложенных за последние 20 лет. К немецкому экспортно-кредитному агентству Hermes, австрийскому банку Kontrollbank и швейцарской компании ERG («Гарантии экспортного риска») обратилась австрийская компания VA Tech, лидер транснационального строительного консорциума, с просьбой предоставить 660 миллионов долларов в виде гарантий, ссуд и страхования для проекта стоимостью в 1,464 миллиарда долларов.³⁰¹

По информации компании VA Tech, были, наконец, подготовлены компетентная оценка воздействий на окружающую среду и план переселения более 75 тысяч курдов из 183 населенных пунктов. Однако остались нерешенными прежние проблемы принудительного переселения этнического меньшинства в конфликтной зоне, нарушения прав на пользование водой Ирака и Сирии, находящихся в низовье реки, а также затопления бесценных культурных памятников и археологических раскопок. Например, VA Tech утверждала, что «были опрошены 100 %» потенциальных переселенцев. Между тем, независимые немецкие, швейцарские и австрийские неправительственные организации, инспектировавшие строитель-

³⁰¹ Edward Alden, David Pilling, and Hugh Williamson, «Export Credit Agencies' Graft Crackdown Stalls», Financial Times, February 15, 2006.

ство, выявили, что во многих случаях этот «опрос» заключался в том, что мужчину, главу семьи, вызывали в полицейский участок и сообщали ему, что его семье придется переехать.

Экологические группы, группы развития и правозащитники общественных организаций снова выступают против проекта, который не отвечает условиям даже такого несовершенного соглашения, как «Общие принципы охраны окружающей среды и экспортного кредитования», подписанного Организацией экономического сотрудничества и развития в 2003 году.

Имеют ли право на существование экспортно-кредитные агентства?

Рост значимости экспортно-кредитных агентств свидетельствует о том, насколько вырос за последние 15 лет экономический эгоизм богатых промышленно развитых стран вследствие усилившейся мировой конкуренции. Экономическая глобализация породила в этих странах феномен сокращения расходов на внутренние социальные программы и социальное страхование при одновременном увеличении государственного субсидирования корпораций, занимающихся внешней торговлей и инвестициями, – все это во имя конкурентоспособности на международной арене.

Возрастающая финансовая важность экспортно-кредитных агентств существенно контрастирует с большинством официальных разглаговольствований о мировых тенденциях развития экономики за последние 15 лет, расхваливающих независимый частный сектор и свободный рынок. В частности, в официальной версии для развивающихся стран подчеркивается, что финансирование частного сектора, особенно прямые иностранные инвестиции, догоняют и даже замещают помощь в целях развития. В действительности, однако, финансирование частного сектора является менее «частным» и меньше относится к «свободному рынку», чем утверждают официальные заявления. Основная его часть – и большинство крупных прямых инвестиций частного сектора – косвенно или прямо финансируется экспортно-кредитными агентствами и в меньшей степени быстро растущими филиалами Всемирного банка в частном секторе: Международной финансовой корпорацией (International Finance Corporation) и Многосторонним агентством по гарантированию инвестиций (Multilateral Guarantee Agency).

По сути, стратегический вопрос для мировой общественности заключается в том, имеют ли право экспортно-кредитные агентства на дальнейшее существование? Сторонники свободного рынка, например, Институт Катона, утверждают, что эти организации деформируют рынок. Защитники окружающей среды и общества считают, что они подрывают обязательства своих правительств по отношению к устойчивому развитию и правам человека. Но одно лишь упразднение этих агентств, к чему призывал уважаемый британский журнал *The Economist* несколько лет назад, аналогично призывам к ликвидации вооруженных сил: в обстановке растущей международной конкуренции за рынки и экспорт никто не хочет разоружаться в одностороннем порядке.

Огромные экспортные субсидии, предоставляемые корпорациям развитыми странами посредством экспортно-кредитных агентств, кажутся прямым нарушением правил Всемирной торговой организации, тем не менее, Уругвайский тур переговоров ВТО сделал недвусмысленное исключение для тех экспортно-кредитных агентств ведущих держав, которые в Договоре Организации экономического сотрудничества и развития дали согласие на общие минимальные наценки и регулирование ставки процента. В действительности для вступления в ВТО страны, не подписывавшие Договор Организации экономического сотрудничества и развития, должны свернуть свое экспортное кредитование до тех пор, пока они не примут условия финансирования экспорта, установленные развитыми странами в Договоре. Таким образом, простое согласие с минимальными финансовыми нормами делает необязательным соблюдение правил ВТО для экспортно-кредитных агентств развитых государств. В то же время конкурентоспособные развивающиеся страны вынуждены придерживаться правил, в установлении которых они не участвовали, тогда как экспортно-кредитные агентства, входящие в Организацию экономического сотрудничества и развития, свободны продолжать свой разрушительный марш, оплачиваемый налогоплательщиками. Исключение ВТО, общеизвестное как «группировка», резюмирует лицемерие развитых стран Организа-

ции экономического сотрудничества и развития в отношении свободного рынка: свободные рынки – для бедных, субсидии – для богатых.

Беспокоит то, что независимые, практически аутистические отношения (или отсутствие отношений) экспортно-кредитных агентств с публичной международной системой поднимают проблемные вопросы об эффективности международных соглашений о защите окружающей среды, о труде и правах человека, о других социальных требованиях, а также вопросы о политическом намерении ведущих промышленно развитых стран выполнять эти соглашения. В этой саге Организация экономического сотрудничества и развития производит впечатление дисфункционального органа. Долгое время ее Комитет содействия развитию и Управление по вопросам экологии работали над внедрением лучших из общепринятых процедур и методов организации мониторинга окружающей среды. Тем не менее, Группа экспортного кредитования при Организации экономического сотрудничества и развития вполне могла проводить свои дискуссии на другой планете: представители экспортно-кредитных агентств в этой Группе нечасто проявляют желание принять вклад других органов Организации экономического сотрудничества и развития.

До сих пор правительства ведущих промышленно развитых стран не проявляют политического намерения сделать экспортно-кредитные агентства подотчетными. Например, Германия: в 2000 году недавно избранная коалиция социал-демократической партии и «зеленых» в своем договоре объединения обещала реформировать финансирование экспорта в этой стране «в соответствии с курсом на достижение социальной, экологической и эволюционной устойчивости». Тем не менее, сильное внутренне давление, оказанное ведущими транснациональными корпорациями-клиентами экспортно-кредитного агентства Hermes, а также теми министерствами, на которые они имели влияние, успешно заблокировало всю реформу. Еще менее вероятно, что бросить вызов «Germany Incorporated» сможет немецкое правоцентристское правительство, избранное в 2005 году. По этому же сценарию (часто даже без притязаний на реформы) развиваются события в большинстве промышленно развитых стран-экспортеров, также как и в новых странах-экспортерах, таких, как Китай, Бразилия и Индия.

На протяжении 2006 года экспортно-кредитные агентства Организации экономического сотрудничества и развития пересматривают и модифицируют как соглашение об охране окружающей среды «Общие принципы» от 2003 года, так и бесполезный «Призыв к действию в отношении взяточничества» (Action Statement on Bribery), принятый Организацией экономического сотрудничества и развития в 2000 году, который в типичной манере экспортно-кредитных агентств был, скорее, призывом к бездействию, чем к действию, и остается таковым до сих пор. Пелена секретности, покрывающая переговоры экспортно-кредитных агентств, была развеяна лондонской газетой Financial Times в феврале 2006 года. Цитируя ставшие известными документы экспортно-кредитных агентств, газета сообщала о том, что Германия и Япония лидировали в блокировании предложений по борьбе с коррупцией и взяточничеством, в частности, предложения о том, чтобы экспортно-кредитные агентства начали публиковать информацию о комиссионных вознаграждениях и гонорах, которые их клиенты из частного сектора платят «агентам» в развивающихся странах.³⁰² (Эти агенты являются местными консультантами, которых обычно нанимают для того, чтобы миновать взятки и содействовать переводу наворованных чиновниками развивающейся страны средств на оффшорные счета).

³⁰² Негосударственные организации, такие, как Jubilee, критиковали ничтожные суммы списанного долга. В этой главе я впервые попытался дать общую оценку списанию долга для всех стран с низким и средним доходом и оценить достижения кампаний по списанию долга за последние 30 лет.

Несколько ведущих экспортно-кредитных агентств, в том числе немецких и японских, также выступают против того, чтобы требовать от частных компаний, поддерживаемых экспортно-кредитными агентствами из средств налогоплательщиков, обнародования информации о любых прежних судимостях (например, в других странах) за взяточничество и коррупцию. Сообщалось, что переговоры не сдвигаются с мертвой точки.

За последние полтора десятилетия экспортно-кредитные агентства и их корпоративные клиенты организовали порочное сотрудничество, финансирующее торговлю посредством экспорта разрушений. Преобразования давно назрели. Политическое намерение гарантировать перемены появится только тогда, когда в ведущих промышленно развитых странах повысится информированность общества и усилится давление общественных организаций, национального парламента и прессы. Тем не менее, обнадеживает тот факт, что в течение нескольких лет неправительственные организации в ведущих странах Организации экономического сотрудничества и развития и в таких развивающихся странах, как Индонезия и Бразилия, работают над организацией международной кампании по реформированию экспортно-кредитных агентств, значимость которой может только повыситься.

Глава 11

Иллюзия списания долга

Джеймс С. Генри

Программы облегчения долгового бремени, предложенные странами «Большой восьмерки», сократят долг развивающихся стран, составляющий в настоящее время 3,2 триллиона долларов, менее чем на 1 %, а взамен принесут им новые лишения и дополнительные трудности своими жесткими условиями. Какие новые неприятности принесет им кампания облегчения долгового бремени?

Нам следовало догадаться, что пришло время внимательно присмотреться к тому, что обычно пишут мелким шрифтом, – к самому существенному, к чему, однако, стараются не привлекать внимания, – к тому, как ветераны рок-музыки Боно и Боб Гелдоф, кинозвезды Анджелина Джоли и Джордж Клуни, либеральный комик Эл Фрэнкен, министр финансов США Джон Сноу, президент Всемирного банка Пол Вулфовиц, а также министр финансов Великобритании Гордон Браун и британский премьер-министр Тони Блэр – все дружно поспешили встретить аплодисментами решение стран «Большой восьмерки», принятое в июле 2005 года, об «облегчении долгового бремени 40 миллиардов долларов» бедным развивающимся странам с высокой задолженностью.

Можно было ожидать, что такие «скромные» политики, как Браун и Блэр, выступят с речью в честь этого соглашения. Что они и сделали, назвав его «историческим прорывом... Самой всеобъемлющей декларацией, когда-либо сделанной министрами финансов по проблемам долгов, развития, благосостояния и нищеты». Несмотря на то что многие активисты были более сдержанными в своих оценках, господа Боб и Боно, самые известные лидеры кампании за сокращение долгов, немедленно заявили о победе. После многомесячной массовой акции «Покончим с нищетой сегодня», проводимой группой Live 8 и предусматривавшей 10 бесплатных концертов для 3 миллиардов зрителей, отправку 30 миллионов электронных писем и факсов и организацию демонстрации с 250 тысячами участников в месте проведения саммита Глениглз, Шотландия, они, казалось, не желали признавать значительную разницу между соглашениями «Большой восьмерки», размером списанного долга и той помощью, которая необходима для того, чтобы на самом деле «покончить с бедностью сегодня».

Эта ситуация оказалась повторением прошлого примера. Фактически облегчение долгового бремени стран Третьего мира стало немного напоминать Бостонский «Большой раскоп» (самый большой и дорогостоящий дорожно-строительный проект США), мирный процесс на Ближнем Востоке и поиск средства от рака – их давно ждут и беспрестанно обсуждают, надеясь, что они «вот-вот» будут готовы. На самом деле после затрачиваемых десятилетиями усилий долговое бремя стран Третьего мира уменьшилось крайне незначительно. Появляется все больше доказательств того, что списание долгов (пусть незначительное), хотя и было достигнуто, но ничего, в сущности, не изменило. Это произошло частично потому, что облегчение долгового бремени иногда только укрепляет сомнительные политические курсы и дурные привычки, которые и обрекли развивающиеся страны на столь плачевное положение. Кроме того, списание долгов приводит к усилению могущества эконократов из Международного валютного фонда и Всемирного банка, чья политика часто приводит к катастрофическим последствиям для развивающихся стран, поскольку облегче-

ние долгового бремени – худший заменитель других форм финансовой помощи и помощи развитию экономики.

Между тем, большая часть издержек списания долгов ложится на плечи простых налогоплательщиков стран Первого и Третьего мира, тогда как мировые банки и элита Третьего мира получают огромную прибыль от всех своих бесчестных проектов, финансируемых из этих долгов, утечки капитала и коррупции.

Тем не менее, не стоит полагать, что вся кампания по облегчению долгового бремени совершенно бессмысленна. Она обеспечила «первоклассную кафедру проповедника» множеству эстрадных артистов, политиков, экономистов, лидеров религиозных и неправительственных организаций. Она напомнила нам о существующих в мире острых проблемах нищеты и неравенства. Она также дала нам повод для посещения нескольких неплохих бесплатных концертов.

Но с точки зрения фактического предоставления помощи для улучшения жизни людей в обремененных долгами странах, сокращение долгового бремени принесло разочарование. Как сказал Боно: «Мы до сих пор не нашли того, что ищем». К счастью, существует альтернативная стратегия, которая могла бы дать существенный эффект, но для ее реализации активистам движения за облегчение долгового бремени пришлось бы вести более серьезную борьбу и уж точно без многочисленных пресс-конференций с участием «скромных» лидеров Первого мира.

«Пожалуйста, проверьте факты»

Удивляет, как мало на данный момент было сделано попыток критически оценить усилия по облегчению долгового бремени,³⁰³ чтобы убедиться, действительно ли эта игра стоит свеч. Пришло время тщательно изучить данный вопрос. В конце концов, прошло более 30 лет с тех пор, как Парижский клуб реструктурировал задолженность Заира в 1976 году, 27 лет с момента списания 6-миллиардного долга 45 развивающимся странам Конференцией ООН по торговле и развитию в 1977–1979 годы, 23 года – со времени так называемого долгового кризиса Третьего мира в 1983 году и более 10 лет с того момента, когда МВФ/Всемирный банк запустили программу облегчения долгового бремени для бедных стран с высокой задолженностью (Heavily Indebted Poor Countries – HIPC) в 1996 году.

Прошли два десятилетия с момента образования Сети долгового кризиса в Великобритании, девять лет с момента акции «Отменить долги», собравшей 70 тысяч сторонников на майских встречах «Большой восьмерки» в 1998 году в Бирмингеме, и два года – с акции Live 8/ «Покончим с нищетой сегодня» в Глениглс.

Миллиардов долларов, по курсу доллара на 2006 год

Проецирование долга	Количество государств	Население на 2004 год (миллиарды)	Страны с низким уровнем доходов	Страны со средним уровнем доходов	Оценка общей суммы долга
Индия	1	1.08	135.0		135.0
Китай	1	1.30		323.5	323.5
Все остальные развивающиеся страны		2.91	336.1	2 337.0	2673.1
Большая задолженность/низкие доходы	25	0.35	131.0		131.00
Большая задолженность/средние доходы	47	1.12		1 874.0	1874.0
Страны с большой задолженностью	72	1.46	131.0	1 874.0	2 005
Остальные страны с низким уровнем доходов	31	0.87	205.1		205.1
Остальные страны со средним уровнем доходов	43	0.58		463.0	463.0
Поправки к списку Всемирного банка ³			18.4		112.1
Нигерийское долговое соглашение	7	0.14	-18.0	111.7	-18.0
Совокупный размер номинального долга			471.5	2 777.9	3 237.1
Совокупная текущая стоимость долга стран Третьего мира	155	5.45	412.6	3 277.4	3 690.0
Индия	1	1.08	139.0		139.0
Китай	1	1.30		363.0	363.0
Большой долг/низкие доходы	26	0.427	147	2 408	147
Большой долг/средние доходы	49	1.164			2 408
Все страны с большой задолженностью	75	1.59	147	2408	2 555
Остальные страны с низким уровнем доходов	32	0.90	127		127
Остальные страны со средним уровнем доходов	46	0.59		507	507

Источник: изучение автором данных Всемирного банка, 2006.

Рис. 1. ВНЕШНИЙ ДОЛГ И ОБСЛУЖИВАНИЕ ДОЛГА В РАЗВИВАЮЩИХСЯ СТРАНАХ, 1970–2006 ГГ. (МИЛЛИАРДЫ ДОЛЛАРОВ)

Параллельно было много планов облегчения долгового бремени – планы Брэдли, Миттерэнда, Лоусана, Мицакавы, Сачса, Эвиана и более 200 вариантов реструктуризации долгов Парижским клубом на условиях, которые становились все более мягкими, – условия Торонто (1988–1991), Лондонские условия (1991–1994), Неапольские условия (1995–1996), Лионские условия (1996–1999) и Кельнские условия (1999). Вскоре после акции Live 8 «Большая восьмерка», Всемирный банк и МВФ под грохот фанфар приняли «Многостороннюю инициативу по облегчению долгового бремени» (MDRI), объявив о том, что она предоставит, по

³⁰³ Объем долга указан на основе последних (2006) данных Всемирного банка для 155 развивающихся стран с низким и средним доходом (определенных Банком), включая такие страны, как Куба, Ирак, Намибия, Северная Корея, Суринам и Туркменистан, информация по которым отсутствует в данных Банка. Дефлятор, использованный для стандартизации расчетов, соответствует дефлятору ВВП за 2000 год.

крайней мере, «40–50 миллиардов долларов» примерно 40 странам, отвечающим условиям программы.

Действительность

Несмотря на всю эту деятельность, долг развивающихся стран в настоящее время больше, чем был когда-либо раньше, и до сих пор растет в реальном исчислении. Для большинства государств бремя внешнего долга с учетом процентов и прочих платежей относительно их национального дохода сейчас даже больше, чем в начале 1980-х, во время так называемого долгового кризиса Третьего мира (рис. 1).³⁰⁴

В 2006 году, по моим оценкам, номинальный размер внешнего непогашенного долга развивающихся стран составлял 3,24 триллиона долларов. В настоящее время этот долг ежегодно создает приблизительно 550 миллиардов долларов затрат на обслуживание долга, которые поступают иностранным кредиторам – главным образом банкам, держателям облигаций и международным организациям Первого мира. В эти 550 миллиардов долларов входит 41 миллиард долларов в год, выплачиваемый 60 самыми бедными странами в мире, чьи доходы на душу населения составляют меньше 825 долларов в год. Даже спустя 25 лет после сокращения долгов ежегодное обслуживание долга этими странами все еще практически полностью поглощает 40 миллиардов долларов из 45 миллиардов зарубежной помощи, получаемой ими ежегодно. В настоящее время долговое бремя этих государств составляет больший процент от их национального дохода, чем оно было в начале 1980-х годов.³⁰⁵

У большинства стран-должников мало что осталось от денег, полученных в долг. Эти платежи на самом деле представляют собой «дань хищникам», выплачиваемую кредиторам Первого мира за средства, которые давно канули в небытие или ушли на счета оффшорных банков.

Текущая стоимость долга

Поскольку страны Третьего мира оформляли займы по более высоким процентным ставкам в сравнении с существующими сейчас, текущая стоимость их долга – лучшая единица измерения его истинной стоимости – даже выше и составляет почти 3,7 триллиона долларов (табл. 1).³⁰⁶

На отдельно взятые Китай и Индию приходится около 500 миллиардов долларов этой «текущей стоимости долга» развивающихся стран. Оба этих государства делали внешние займы осторожно, игнорируя большинство рекомендаций МВФ и Всемирного банка в отно-

³⁰⁴ Расчеты взяты из данных Всемирного банка за 2006 год по «официальной помощи развитию и официальной финансовой помощи» (ODA/OA) и по погашению долга странами. Обратите внимание, что большая часть внешней помощи связана с торговыми требованиями донора (согласно которым бедная страна должна закупать товары страны-донора, чтобы получить финансовую помощь) или поглощается администрацией финансовой поддержки. В 2004 году, например, Банк сообщил, что 85,4 миллиарда долларов ODA/OA были выделены развивающимся странам с низким и средним доходом, но на самом деле эти страны получили только 63,9 миллиарда. Подобное несоответствие отчасти вызвано проблемами с отчетностью и сроками, но оно также отражает слишком высокие траты администрации. Кредиторы, со своей стороны, обычно весьма эффективно осуществляют сбор долговых выплат.

³⁰⁵ В долларах по чистой приведенной стоимости (ЧПС) за 2006 год. Представленные расчеты основываются на оценке Всемирным банком (2004) соотношения чистой стоимости и национального дохода для развивающихся стран и подкреплены моим собственным анализом для тех стран, которые не указаны в отчете Банка.

³⁰⁶ Все эти 75 стран имеют коэффициент чистой стоимости долга к национальному доходу, равный 50 % и более, по сравнению с 15 или 18 % в Китае и Индии. Высокий коэффициент говорит о том, что страна гораздо больше подвержена внешним потрясениям и финансовым и валютным кризисам: получение кредита, как правило, обходится в 5 % ежегодно, внутренние налоги обеспечивают не более 10 % национального дохода, а расходы на образование, здравоохранение и охрану окружающей среды составляют не менее 10 %, так что развивающиеся страны с коэффициентом выше 50 % испытывают тяжелейшие финансовые проблемы.

шении экономической политики. В результате внешний долг этих стран оказался не столь велик относительно их национального дохода. Обе страны, отчасти благодаря отказу следовать традиционному неолиберальному курсу, сейчас располагают высоким потенциалом экономического роста и значительными валютными резервами.

Между тем, из остальных 3,2 триллиона долларов текущей стоимости долга около 2,6 триллиона приходится на 26 стран с низким уровнем доходов и 49 стран со средним уровнем доходов, которые следовали «стратегиям экономического роста, основанным на больших внешних заимствованиях».³⁰⁷

Население стран с высокой задолженностью составляет около 1,6 миллиарда человек – более четверти населения всего мира, при этом оно постоянно растет. После десятилетий облегчения долгового бремени соотношение текущей стоимости долга этих стран к национальному доходу все еще остается довольно высоким: от 60 до 90 %. Обслуживание долга до сих пор поглощает от 4 до 9 % национального дохода этих стран ежегодно – это больше, чем они расходуют на образование и здравоохранение, и гораздо больше получаемой ими помощи от зарубежных стран (табл. 2). У этих государств практически не было иного выхода, поэтому им приходилось следовать рекомендациям, разработанным для них Всемирным банком и МВФ, несмотря на то что они их раз за разом подводили.

Где же облегчение?

Суммы этих долгов относительно национального дохода стран-должников вызывают некоторые вопросы. Чем все эти годы занимались профессионалы, призванные облегчить долговое бремя (Всемирный банк, МВФ, Парижский клуб,³⁰⁸ не говоря уже о тех активистах, которые сооблаговостили обратить внимание на проблему облегчения долгового бремени)? Насколько они в действительности облегчили долговое бремя, кто получил эти деньги, принесло ли все это пользу?

Прежде всего, необходимо отметить, что измерить степень облегчения долгового бремени нелегко. Данные об облегчении долгового бремени, используемые государствами-должниками и их кредиторами, значительно расходятся, как и сообщаемые данные о долгах и платежах по ним. Этим, возможно, и объясняется тот факт, что было предпринято очень мало систематических попыток измерить облегчение долгового бремени.³⁰⁹

³⁰⁷ Парижский клуб – «неформальная ассоциация» официальных двусторонних кредиторов из стран Первого мира, включая экспортно-кредитные агентства, такие, как Экспортно-импортный банк США.

³⁰⁸ Два предыдущих исследования по списанию долга заимствованы из следующих источников: Christina Daseking and Robert Powell, «From Toronto Terms to the HIPC Initiative: A Brief History of Debt Relief for Low-Income Countries», IMF Working Paper no. 99/142 (October 1999); and Aart Kraay and Nicolas Depetris Chauvin, «What Has 100 Billion Dollars Worth of Debt Relief Done for Low-Income Countries?» World Bank/IADB, September 2005. Эти статьи ограничиваются рассмотрением списания, предоставленного странам с низким доходом в 1988-98 и 1988-2003 годах. Так, они не затрагивают «Инициативу по списанию многосторонней задолженности» (MDRI), списание долга бедным странам с крупной задолженностью (ХИПК) после 2003 года, планы Бейкера и Брейди, долговой своп и несколько крупных двусторонних сделок – все это составляет, по крайней мере, 2/3 списанных долгов на сегодняшний день. Попытки дать общий обзор последствиям списания долга на основе подобных неполных расчетов следует воспринимать достаточно критично.

³⁰⁹ Мой анализ включает общую сумму (в долларах ЧПС на 2005 год) списания, уже осуществленного с помощью (1) так называемого реструктурирования долга по рыночным процентным ставкам (1982-85), (2) плана Бейкера (1985-89), (3) плана Брейди (1989-95), (4) долговых свопов и других методов сокращения долга, предложенных коммерческими банками (с 1989 года и по сей день), и (5) так называемого традиционного списания долга, предоставленного Парижским клубом и Кредитным отделом Международной ассоциации развития Всемирного банка (1988-98). Анализ также учитывает ожидаемую сумму списанного долга (пока списана только четверть этой суммы) по (6) программе ХИПК (1996-2006); (7) программе MDRI; (8) в результате крупных двусторонних сделок по списанию долга Всемирного банка и МВФ; списание займов Африканским банком развития и многосторонними кредиторами, такими, как Парижский клуб/Россия/США, предоставленных Ираку (2005), Афганистану (2006) и Нигерии (2006).

Тем не менее, можно сделать некоторые выводы. Данная глава предлагает наиболее полную оценку облегчения долгового бремени, основанную на тщательном анализе всей информации по этой проблеме и моем собственном изучении альтернативных долговых мер.³¹⁰

Общее облегчение долгового бремени

Прежде всего, я выяснил, что развивающимся странам списали довольно небольшую сумму с долгов. С 1982 по 2005 год, по курсу доллара на 2006 год, суммарная величина всех долгов развивающихся стран с низким и средним уровнем доходов – долгов, которые были «облегчены», реструктурированы, сокращены или аннулированы, – составила 310 миллиардов долларов, то есть всего 7,8 % от всей непогашенной задолженности (табл. 3).

Облегчение долгового бремени стран с низким уровнем доходов

Скидка, предоставленная 60 беднейшим странам мира, была выше – примерно 28 % от прежней суммы долга. Эти страны получили списание с текущей стоимости долга в размере 161 миллиарда долларов – более половины общего объема предоставленного сокращения долга. По текущим процентным ставкам это списание сэкономит для этих бедных стран около 15,3 миллиарда долларов на ежегодное обслуживание долга.³¹¹

Не стоит считать данные суммы мизерными. Тем не менее, это далеко не те 50-100 миллиардов долларов денежной помощи в год, которые, по оценкам ведущих экспертов в области развития, необходимы для того, чтобы развивающиеся страны достигли «Целей в области развития, сформулированных в Декларации тысячелетия» (довольно скромных). В 2000 году Организация Объединенных Наций перенесла крайние сроки достижения вышеупомянутых целей на 2015 год.

Также важно помнить, что странам с низким уровнем доходов пришлось долгое время ожидать даже такой мизерной скидки с долга, большая часть которой поступила только в конце 1990-х годов. К этому времени еще несколько новых государств вошли в разряд стран «с высоким уровнем задолженности».

Источники облегчения долгового бремени для стран с низким уровнем доходов

Всего лишь 30 % от общей суммы сокращения долга стран с низким уровнем доходов было предоставлено за счет программ Всемирного банка и МВФ – ХИПК и MDRI (мы обсудим их позже). Еще 30 % приходится на Россию, которая простила огромный двусторонний долг государствам Никарагуа, Вьетнам и Йемен при своем вступлении в Парижский клуб в 1997 году. В феврале 2006 года Россия также списала около 5 миллиардов долларов долга Афганистана.

Таблица 1. ОЦЕНКА ДОЛГА СТРАН ТРЕТЬЕГО МИРА

³¹⁰ Важно отметить, что это ожидаемая будущая стоимость списанного долга: в контексте реального денежного потока большая часть этого списания все еще отложена на будущее.

³¹¹ Прекрасный пример можно найти в моей книге: The Blood Bankers (New York: Four Walls, Eight Windows, 2003, 2005), chap. 3, «The Philippines».

	Количество государств	Доход на душу населения ¹	Реальный прирост на душу населения, 1994-2004	Текущая стоимость долга/ВНД, 2004 ²	Обслуживание долга/ВНД, 2004	Помощь как процент от ВНД, 2004	Расходы на образование/Доходы ³
Страны с высоким уровнем задолженности							
С низкими доходами ²	26	\$1 345	1.7%	89.8%	4.2%	3.9%	3.7%
Со средними доходами	49	\$6 795	1.8%	61.7%	9.0%	0.4%	2.8%
Страны с меньшей задолженностью							
Китай	1	\$5 419	7.9%	14.5%	1.2%	0.1%	н.а.
Индия	1	\$2 885	4.2%	18.4%	2.8%	2.8%	4.1%
Другие страны с низким уровнем доходов	32	\$1 506	2.0%	31.9%	2.8%	5.5%	3.6%
Другие страны со средним уровнем доходов	46	\$6 677	2.5%	25.0%	5.5%	0.3%	5.3%
Развивающийся мир	155	\$4 417		39%	5.4%	1.0%	
Весь мир	226	\$8 187					

¹ В этот список входят Афганистан, Куба, Ирак, Намибия, Северная Корея, Суринам и Туркменистан.

Источник: данные Всемирного банка за 2006 год; исследования автора.

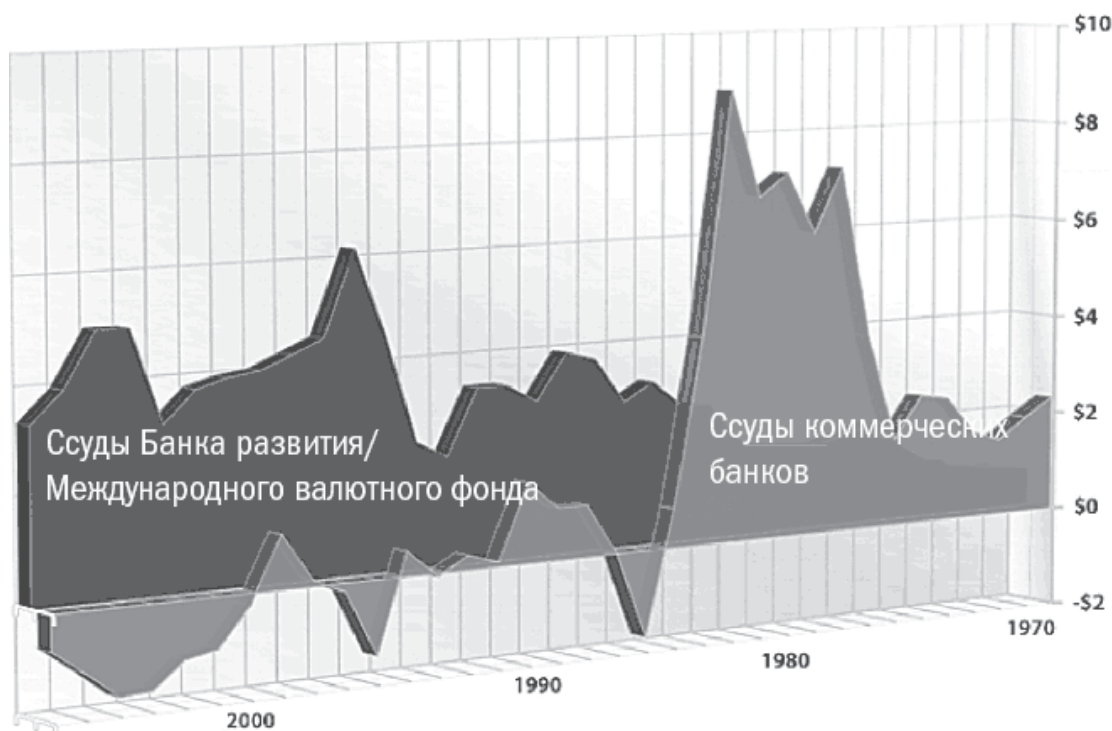
Еще 65 миллиардов долларов облегчения долгового бремени бедных стран обеспечил Парижский клуб, ассоциация экспортно-кредитных агентств Первого мира, например, таких, как Экспортно-импортный банк США. Их великодушные неудивительно – все эти агентства имеют очень состоятельную клиентуру среди экспортеров, подрядчиков и машиностроительных компаний Первого мира. Данные клиенты экспортно-кредитных агентств заключили выгодные сделки в виде заказов на проекты при реализации программ, профинансированных предыдущими ссудами, и сейчас поджидают, когда экспортно-кредитные агентства простят еще больше долгов за счет налогоплательщиков, что расчистило бы путь для следующего ряда крупных проектов.

В отличие от них, ведущие мировые коммерческие банки, такие, как Citigroup, UBS, JPMorganChase, Goldman Sachs, Deutsche Bank, BNP, ABN-Amro и Barclays, предоставили в общей сумме только 1,5 миллиарда долларов для облегчения долгового бремени стран с низким уровнем доходов, главным образом посредством программы ХИПК, разработанной Всемирным банком /МВФ.

В 1970-е и начале 1980-х годов именно эти коммерческие банки возглавили синдицирование кредитов развивающимся странам (рис. 2). Многие из них также стали первопроходцами в предоставлении «частных банковских услуг» – подозрительного бизнеса оказания помощи элите стран Третьего (и Первого) мира в размещении их капитала в так называемом «налоговом рае», свободном от докучливых налогов и правил.

Интересно то, что те же самые банки, которые содействовали увеличению долгов и утечке ресурсов из бедных стран, сейчас переместили фокус своей деятельности в развивающемся мире на более прибыльные и в то время не обремененные долгами страны, такие, как Китай и Индия, а также на частные банковские услуги и инвестиционное банковское дело в странах Первого мира.

Таблица 2. ВЛИЯНИЕ ДОЛГА

¹ В долларах 2004 года по нормам паритета покупательной способности.

² ВНД = Валовой национальный доход.

³ Средние расходы за 2000–2004 годы.

Источник: данные Всемирного банка за 2006 год; исследования автора.

	Страны с низким уровнем доходов	Страны со средним уровнем доходов	Общее облегчение долгового бремени
До облегчения долгового бремени	\$574	\$3.426	\$4 000
Облегчение долгового бремени	\$161	\$149	\$310
После облегчения долгового бремени	\$413	\$3 277	\$3 690
Доля облегчения долгового бремени	28.1%	4.3%	3.8%

* За исключением Индии.

Источник: данные Всемирного банка за 2006 год; исследования автора.

Рис. 2. ССУДЫ КОММЕРЧЕСКИХ БАНКОВ ПО СРАВНЕНИЮ СО ССУДАМИ БАНКА РАЗВИТИЯ, ВЫДАННЫЕ СТРАНАМ С НИЗКИМ УРОВНЕМ ДОХОДОВ, 1970–2004 ГГ. (миллиарды долларов, по курсу доллара на 2000 г.)

Когда в конце 1970-х и в начале 1980-х годов развивающиеся страны со средним уровнем доходов переживали бум операций с иностранными займами, ведущие международные коммерческие банки были задействованы в хранении за границей большей части средств, предоставленных данным странам синдикатами тех же самых банков.³¹² В странах с низким уровнем доходов эти банкиры-«грабители» чаще участвовали в возвращении в оборот поступлений по займам от Всемирного банка и других банков развития, МВФ, ссуд на кон-

³¹² В сопоставимых долларах ЧПС на 2006 год.

кретные проекты от экспортно-кредитных агентств, так же как и поступлений от махинаций с государственными активами.

Таблица 3. ОЦЕНКА ОБЛЕГЧЕНИЯ ДОЛГОВОГО БРЕМЕНИ
(миллиарды долларов чистой приведенной стоимости на 2005 год)

Источник: данные Всемирной банка за 2006 год; исследования автора.

Поэтому в целом, с точки зрения облегчения долгового бремени, трудно сказать, что финансовые гиганты Первого мира внесли свою лепту в это дело – в свете тех огромных прибылей, которые они получили с предоставленных Третьему миру займов и частных банковских услуг. Вслед за долговым кризисом они также загребли в свою собственность обесцененные банки, пенсионные фонды и страховые компании по заниженным ценам в таких странах, как Бразилия, Филиппины, Аргентина, Индонезия и Мексика. И в хорошие, и в плохие времена они умудрялись процветать, помогая своим клиентам занимать больше, чем те могли отдать, отмывать деньги, уклоняться от уплаты налогов и прятать их деньги, добытые нечестным путем.

Я еще вернусь к этим финансовым гигантам, так как история их вовлечения в эти события предполагает одно интересное потенциальное противоядие для нашего «блюза списания долгов».

Списание долгов для стран со средним уровнем доходов

Так называемые страны со средним уровнем доходов, такие, как Бразилия и Мексика, получили 149 миллиардов долларов облегчения долгового бремени, – всего 4,3 % от прежней

суммы 3,4 триллиона долларов непогашенной задолженности.³¹³ Как мы позже рассмотрим, большая часть этого списания долга была предоставлена к началу 1990-х годов по плану реструктуризации Брэдбери и Парижским клубом.

Эти более крупные, более прибыльные и более отягощенные долгами страны получили преимущество в банках и правительствах стран Первого мира в 1980-е годы главным образом потому, что немалая доля кредитных портфелей правительств стран Первого мира приходилась на рынки данных стран.³¹⁴ В действительности истинное значение долгового кризиса Третьего мира для большинства банкиров, центральных банков, чиновников и журналистов Первого мира заключалось в том, что они сами и их акционеры пострадали от него. Со временем, когда они смогли уменьшить свою незащищенность перед рисками Третьего мира, кризис исчез с первых полос газет, несмотря на то что в большинстве стран серьезные проблемы остались.

Источники сокращения долгового бремени для стран со средними доходами

В целом частные банки предоставили 75 миллиардов долларов на облегчение долгового бремени странам со средним уровнем доходов – почти половину от общей суммы, предназначенной для сокращения долга этих государств. Большая часть данного сокращения долга пришлось на свопы (соглашения об обмене активов и пассивов на аналогичные активы или пассивы) и обратные выкупы долговых обязательств. Парижский клуб добавил еще 28 миллиардов долларов, главным образом за счет традиционной реструктуризации двусторонних долгов.

Министерство финансов США предложило 47 миллиардов долларов на облегчение чистого долга посредством плана Бейкера (1985–1989) и плана Брэди (1989–1995). Между тем, план Бейкера фактически увеличил долг стран со средними доходами на 77 миллиардов долларов, при этом в процессе реализации плана были задействованы 45 миллиардов долларов из средств налогоплательщиков США. Потребовался более эффективный план Брэди, для того чтобы компенсировать произошедшее увеличение долга.

С 1995 по 2002 годы Министерство финансов США, Всемирный банк и МВФ также предоставили краткосрочную финансовую помощь некоторым основным должникам, таким, как Аргентина, Бразилия, Мексика и Индонезия. Предполагалось, что это будет обычная реструктуризация долга, и со временем все займы будут выплачены с процентами. Таким образом, теоретически данная финансовая помощь не должна оказать прямое воздействие на уровень текущей стоимости долга.

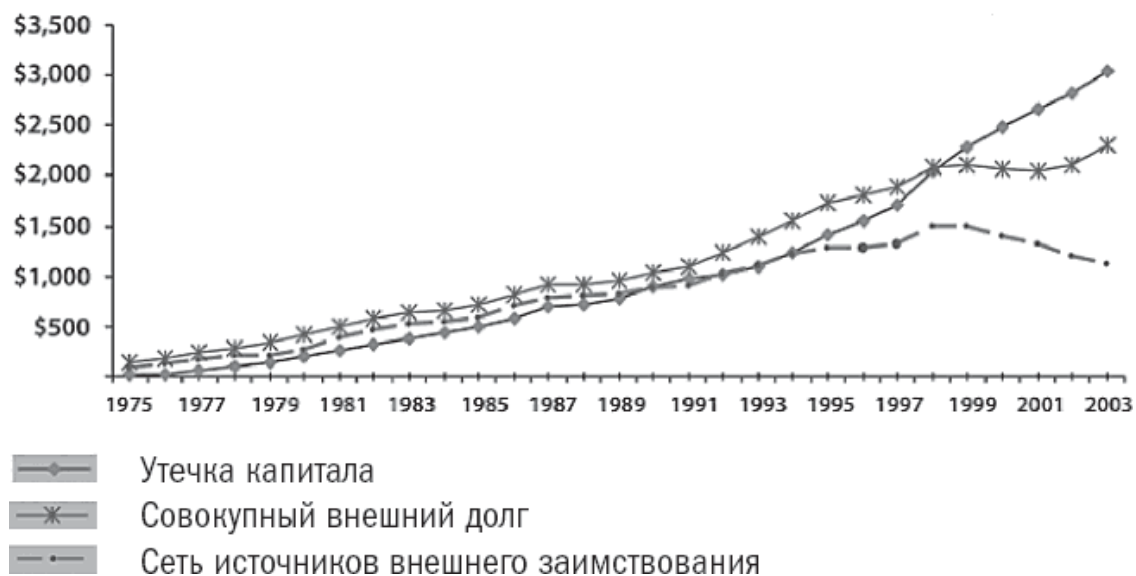
³¹³ Министр финансов США Николас Брейди, автор Плана Брейди 1989 года, и Роберт Рубин, его преемник во время правления президента Клинтона в 1993 году, были известными инвестиционными банкирами на Уолл-стрит. Министр финансов США Джеймс Бейкер занимал пост юриста по корпоративным вопросам в Baker Botts – крупной юридической фирме в Хьюстоне. Впоследствии Бейкер помог создать новый инвестиционный банк Carlyle Group, обладающий прекрасными связями с влиятельными и состоятельными людьми.

³¹⁴ Приоритет, предоставленный странам со средним доходом, также отражает тот факт, что государственные кредиторы, например, экспортно-кредитные агентства (ЭКА) и многосторонние банки развития (МБР), которые в основном выдают кредиты более бедным странам, соблюдают другие правила финансовой отчетности, в отличие от частных банков, которые теоретически должны оценивать свои портфели займов по рыночным тарифам. Дейскинг и Пауэлл в работе «От требований Торонто до инициативы ХИПК» (From Toronto Terms to the ХИПК Initiative) утверждают, что правила финансовой отчетности объясняют сравнительно неактивное списание долга странам с низким доходом. На мой взгляд, влияние правил финансовой отчетности преувеличено. Во-первых, несмотря на эти правила, частные банки тоже не торопились списывать и реструктурировать свои кредиты Третьему миру, частично из-за «киллюзии дохода», слабых требований к соблюдению стандартов отчетности и связи между заявленным доходом и зарплатой топ-менеджеров. Во-вторых, в то время как такие учреждения, как Всемирный банк, могут беспокоиться о последствиях списания долга для стоимости финансирования долга, большинство ЭКА, в отличие, например, от американских ссудо-сберегательных банков 1980-х годов, полностью финансируются за счет налогов и не должны заботиться о последствиях списания долгов.

Между тем, на практике МВФ и Всемирный банк неправильно распорядились некоторой частью этой краткосрочной помощи. Например, Индонезии, Мексике и Аргентине было разрешено использовать экстренные долларовые займы для помощи множеству внутренних банков и компаний, принадлежавших влиятельным представителям местной элиты, многие из которых были «небезызвестны» банкирам Первого мира и даже министрам финансов США.³¹⁵ Таким образом, значительная часть вышеупомянутых займов срочной помощи пошла на откровенное взяточничество. Тем не менее, ожидалось, что эти страны будут обслуживать свои кредиты, часто по очень высоким процентным ставкам. Поскольку правительства данных государств не хотели собирать налоги, особенно с местного капитала, большинство из них возвращали экстренные займы за счет повышения своих внутренних долгов, то есть фактически печатают деньги. Например, экстренная помощь Мексике в середине 1990-х годов обернулась для налогоплательщиков дополнительными расходами на сумму более 70 миллиардов долларов, а экстренные займы Индонезии стоили, по меньшей мере, 50 миллиардов долларов. Таким образом, экстренные займы в действительности привели к увеличению уровня долга страны, точно так же, как и план Бейкера. При оценке снижения долга я великодушно не учитывал последствия подобных неэффективно использованных экстренных займов, благодаря чему общая сумма облегченного долга Третьего мира в настоящее время выглядит значительно меньше.

В целом в 1970-1980-е годы страны со средними доходами, такие, как Аргентина, Бразилия, Индонезия, Ирак, Мексика, Филиппины, Россия, Турция и Венесуэла, превратились в крупнейших в мире должников. Кроме того, поскольку с начала 1990-х годов их долги были сокращены крайне незначительно, после 2000 года затраты этих стран на обслуживание долга стремительно выросли до небывало высокого уровня (рис. 3). Последние программы по облегчению долгового бремени были практически полностью сосредоточены на странах с низким уровнем доходов, игнорируя тяжелое долговое бремя и незаконные причины появления долгов в государствах со средними доходами. Такая расстановка приоритетов – важный стратегический выбор, пересмотреть который, возможно, пожелают кампании, нацеленные на облегчение долгового бремени.

³¹⁵ Например, ведущий банкир Мексики, Роберт Хернандес, купил Banamex, второй крупнейший банк страны, у правительства Салинаса в 1991 году всего за 3 миллиарда долларов. В течение следующих десяти лет он получил примерно 5 миллиардов долларов от мексиканского правительства якобы для инвестирования в банк. Тем временем в период кризиса «Текилы» (1994-95 годы) бывший партнер Goldman Sachs и министр финансов США Роберт Рубин помог собрать 30 миллиардов долларов на оплату долгов Мексики Всемирному банку, МВФ и правительству США. Мексика, в свою очередь, использовала значительную долю этих денег для оплаты долгов таких банков, как Banamex. Теоретически эти банки должны были опять стать собственностью мексиканского правительства. А на деле их владельцам (например, Хернандесу) позволили сохранить свой процент владения без погашения займов. В 1998 году Рубин ушел из Министерства финансов США в Citigroup, который купил Banamex у Хернандеса в 2001 году за 12,5 миллиарда долларов. Как стало известно, Хернандес не заплатил налог на прибыль со сделки, а банк не возместил Мексике выделенные 5 миллиардов долларов. В настоящее время Рубин является заместителем председателя Citigroup.

Источник: данные Всемирного банка за 2006 год; исследования автора.

Рис. 3. Бремя обслуживания внешнего долга, 1970–2004 гг.

(процентное содержание обслуживания долга в валовом национальном доходе в 155 развивающихся странах с низким и средним уровнем доходов)

Политическая экономика облегчения долгового бремени

Итак, что же пошло не по плану в облечении долгового бремени? Почему так мало было достигнуто по прошествии всех этих лет? Чьи интересы были удовлетворены, а чьи цели были проигнорированы или растоптаны? И куда следует направить свои усилия активистам кампаний за облегчение долгового бремени?

Истоки «долгового» кризиса

Для того чтобы понять достижения кампании за облегчение долгового бремени, полезно обратиться к истокам так называемого долгового кризиса Третьего мира. Первопричина этого затянувшегося кризиса кроется в том, что с начала 1970-х годов по 2003 год развивающиеся страны поглотили более 6,8 триллиона долларов иностранных займов, помощи и инвестиций, то есть гораздо больше иностранного капитала, чем они получали когда-либо раньше.³¹⁶

Как уже отмечалось ранее, лишь немногие развивающиеся страны использовали этот огромный приток средств более-менее продуктивно – главным образом это были азиатские страны, такие, как Южная Корея, Китай, Индия, Корея, Малайзия и Вьетнам. По целому ряду исторических причин они смогли противостоять коварному влиянию банков развития и частных банков Первого мира. Сегодня эти страны составляют почти весь список несомненных победителей в тотализаторе глобализации, они стали государствами с наиболее быстро развивающейся экономикой в мире и важнейшими поставщиками, заказчиками и потенциальными конкурентами стран Первого мира.³¹⁷

Тем не менее, здесь мы будем рассматривать не эту горстку победителей, а подавляющее большинство из 150 развивающихся стран мира.³¹⁸ Вообще, в сравнении с немногочисленными победителями, проигравшие были гораздо более открыты неограниченным вложениям иностранного капитала и торговле с 1970-х годов, они также больше следовали рекомендациям в отношении экономической политики, разработанным Всемирным банком и МВФ (так называемыми Бреттон-вудскими учреждениями, или БВУ). Для многих стран это близкое знакомство с глобальным капитализмом оказалось тяжелым, если не гибельным.³¹⁹

³¹⁶ Точнее, 6,82 триллиона долларов в виде кредитов, финансовой помощи и инвестиций с 1971 по 2003 год (в постоянных долларах). Из этой суммы внешние кредиты составили 2,97 триллиона. Источник: мой анализ данных Всемирного банка за 2006 год.

³¹⁷ Конечно, некоторые из этих рыночных стран оставляют желать лучшего, с точки зрения соблюдения прав человека и политических прав. Кроме того, им вряд ли удастся избежать финансовых кризисов – ни одной капиталистической экономике это не удавалось. Корея и Малайзия столкнулись с серьезными трудностями в конце 1990-х годов, и Китай, видимо, ожидает то же самое. Но – как и Япония до них – они показывают, чего можно достичь всего за несколько десятилетий развития долгового регулирования. К сожалению, нельзя ожидать от Всемирного банка или МВФ строгого соблюдения политических прав. Их толерантность – на самом же деле явное предпочтение – к коррумпированным, диктаторским режимам (от военного совета Аргентины до политбюро Китая, Маркоса и Сухарто) поистине легендарна. За исключением нескольких режимов, подобных Северной Корее и Кубе, они практически никогда не обуславливали списание долга политическими реформами, делая акцент на неолиберальной экономической политике.

³¹⁸ За исключением Китая, Индии, Вьетнама, Малайзии и Кореи, к 2006 году население стран с низким и средним доходом должно было составить 3,1 миллиарда человек.

³¹⁹ Подробнее о 30 годах кризиса «утечки долгов» рассказывается в моих последних книгах: *Blood Banker; The Pirate Bankers* (2007); *Banqueros y Lacadolares* (Bogota: Tercer Mundo, 1996). Также См.: мою статью: *The Debt Hoax*, *New Republic*, April 1986.

Фактически в течение нескольких десятилетий страны со средним уровнем доходов вели очень рискованный политический эксперимент. К настоящему времени его результаты очевидны. Все страны со средними доходами заплатили очень высокую цену за свободный доступ к займам и доверие к иностранным банкам. На самом деле я очень старался найти хотя бы одно-единственное исключение в этой печальной истории «всем доступной, нагруженной долгами, ведомой банками» стратегии роста. Большинство хвалебных песен «глобализации» просто замалчивают данный факт, сосредотачиваясь на победителях, не проводивших неолиберальную политику.

Коррупцированные режимы и непродуктивные («сомнительные») долги

В целом, по моим оценкам, более триллиона долларов – это, по крайней мере, 25–35 % из 3,7 триллиона долларов внешнего долга, накопленного странами с низкими и средними доходами за период с 1970 года по 2004 год, – либо канули в плохо спланированные, погрязшие в коррупции проекты развития, либо были просто украдены на виду у всех.³²⁰

У некоторых особо крупных должников, таких, как Филиппины, Индонезия, Мексика, Бразилия, Венесуэла, Аргентина и Нигерия, доля бесполезно растраченных долгов была, возможно, даже больше. Фактически одна из наиболее важных особенностей, вызвавших долговой кризис, заключалась в том, что чрезмерные займы, расточительные проекты, утечка капитала и коррупция сосредоточились главным образом в 20 странах.

Я докажу, что активисты, стремящиеся оживить движение за облегчение долгового бремени, должны понимать это основополагающее обстоятельство, поскольку оно подразумевает, что в данном вопросе на кон поставлены гораздо более важные интересы, чем те, которыми прикрывалась до недавних пор борьба за облегчение долгового бремени стран с «низкими доходами».

Крупные заемщики с низкими доходами

Одинаковая модель расточительства и коррупции обнаруживается в 48 странах с низкими доходами, которые в конечном счете получили право на облегчение долгового бремени по программам ХИПК и MDRI от Всемирного банка/МВФ (эти программы будут обсуждаться далее). В начале 1980-х величина долга этих стран повысилась на 70 % всего лишь за шесть лет;³²¹ а к тому времени, когда Всемирный банк/МВФ запустил, наконец, программу НРС в 1996 году, этот долг увеличился еще на 7-10 %. Только 11 из 48 стран – Боливия, Республика Конго, Кот-д'Ивуар, Демократическая республика Конго, Эфиопия, Гана, Мозамбик, Мьянма, Никарагуа, Судан и Замбия – были причиной увеличения долга всей группы на 68 % в 1980–1986 годы.

Все эти 11 основных заемщиков были не только безнадежно бедными,³²² но к тому же слабыми, незащищенными государствами, управляемыми клептократическими (криминальными) диктаторами, увязшими в кровавых гражданских войнах.³²³ Иногда причинно-след-

³²⁰ Из рис. 2 следует, что номинальный внешний долг на 2006 год, по данным Всемирного банка по внешним долгам (2006), еще не уплачен ни одной страной со средним или низким доходом.

³²¹ Суммы указаны в постоянных долларах на 2000 год. Внешний долг этих стран возрос практически вдвое за 1980–1986 годы с 63 до 123 миллиардов долларов.

³²² В 1980 году реальный ежегодный доход на душу населения в первой десятке стран-должников с низким доходом составлял меньше 1150 долларов.

³²³ В 1980 году во всех этих 11 странах правили диктаторы. Афганистан и Бангладеш – еще две страны с низким доходом под руководством диктаторов, чьи долги значительно выросли в 1980-е годы. Кроме того, Афганистан, Демократиче-

ственная связь следовала в обратном направлении: чрезмерные долги обостряли политическую нестабильность. Тем не менее, основной фактор, ответственный за огромные долги, заключался в отвратительной комбинации слабых государств, коррумпированных правителей, легко доступных рынков капитала и притягательных связей с иностранными банками. Включив в это исследование основных должников со средними доходами, отмеченных ранее, мы обнаружили такое же давно сложившееся сплетение плохого управления, слабых государств и свободного банковского дела.

Таким образом, факты свидетельствуют о том, что страны с наибольшими долгами попали в затруднительное положение по причинам, лишь на первый взгляд имеющим отношение к тем факторам, которые, согласно общепринятой точке зрения, обычно считают главными виновниками долговых кризисов – «внешние потрясения», «стратегические ошибки», «кризисы ликвидности» и, когда пришлось признать существование коррупции и утечки капитала, – «отсутствие прозрачности».

Те страны, которые на сегодняшний день наиболее сильно обременены долгами, и которым больше всего необходима помощь, дольше всего находились в числе государств с наиболее последовательными ошибками в управлении, наиболее открытых иностранному капиталу и влиянию и с самым «неправильно организованным банковским делом». Если обладание богатыми природными ресурсами, например, полезными ископаемыми или нефтью, часто сопровождается бесхозяйственностью, сам факт наличия природных богатств не является причиной подобного разбазаривания: решающим фактором являются отношения между иностранной и внутренней элитами.

С точки зрения облегчения долгового бремени, подобная модель слабости, коррумпированности и обремененности долгами представляет собой дилемму. Простое списание долгов этих стран мало что может изменить без проведения продуманной политической реформы, а отношения с внешними агентствами не станут прозрачнее. В ином случае вышеупомянутые страны, вероятнее всего, опять загонят себя в угол. Например, диктатуры, такие, как Центральноафриканская республика, постоянно задерживают выплаты по своим внешним долгам с 1971 года!

Цикличность долгов/утечка капитала

На обслуживание огромных непродуктивных долгов³²⁴ уходила значительная доля экспортных и бюджетных доходов бедных стран, что истощало фонды, крайне необходимые для здравоохранения, образования и других форм государственных инвестиций, а также способствовало появлению переломных моментов после финансового кризиса. Развитие, инвестиции и занятость были задавлены постоянной потребностью, навязанной кредиторами Первого мира, произвести достаточное для обслуживания долгов количество иностранной валюты. Между тем, именно в то время, как нахлынул весь этот иностранный капитал, беспрецедентный объем средств, включающих значительную долю только что поступивших займов, уже готов был «утечь».

Конечно, утечка капитала Третьего мира – старая история, связанная с такими давними факторами, как экономический риск, сопутствующий событиям в отдельном иностранном государстве, нестабильность валют, банковская тайна, рост оффшорных налоговых

ская республика Конго, Гана, Эфиопия, Мозамбик, Никарагуа, Судан и Замбия были вовлечены в гражданскую войну или длительные военные конфликты с соседями.

³²⁴ В данном случае «непродуктивный» значит неспособный выплатить предельную социальную стоимость капитала. Минимальная ставка доходности может быть выше или ниже рыночной стоимости капитала в зависимости от типа проекта. Например, минимальная ставка проектов, наносящих вред окружающей среде, должна быть выше рыночной цены капитала. Однако вопросы экологии редко учитывались в планировании развивающихся проектов. Многие проекты, видимо, были созданы только для оправдания долгов. См.: James S. Henry, Blood Bankers.

гаваней и отсутствие глобального внедрения налога на прибыль.³²⁵ Между тем, произошедший в 1970-е годы и в начале 1980-х годов поразительный рост плохо управляемых финансовых вливаний в развивающийся мир, особенно иностранных займов и помощи, повысил утечку капитала из стран Третьего мира на целый порядок. Эти финансовые вливания, в сущности, сокрушили существующие политические и экономические институты многих стран, породив мощнейшую в истории волну утечки капитала, наряду с тем, что революционизировали мировой оффшорный частный банковский рынок.

Мы просто не сможем объяснить резкий рост утечки капитала и оффшорную деятельность по укрывательству от налогов до тех пор, пока не примем во внимание их прямую зависимость от всех этих «подлых займов и неограниченной помощи Первого мира».

Плохо контролируемое предоставление займов и иностранной помощи напрямую способствовало возрастанию глобальной утечки капитала, поскольку обеспечило поступление иностранной валюты, необходимой для финансирования данной утечки. Но это не объясняет, почему весь новый «ссудный капитал» не был использован для эффективных чистых инвестиций в экономику стран-заемщиц. В большинстве стран волна иностранных займов стимулировала также некоторые другие пути утечки капитала.

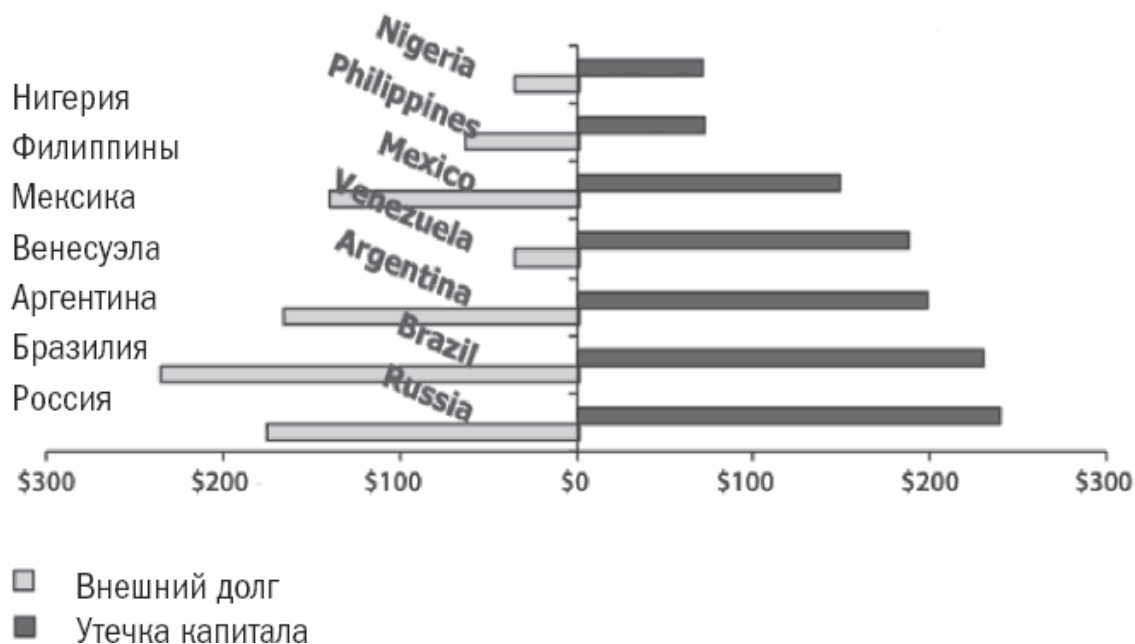
1. Займы дестабилизировали экономику вновь задолжавших стран, предоставив больше средств, чем их экономика могла эффективно использовать за короткий период.

2. Они обеспечили огромный источник правительственной прибыли, который избежал прямого контроля налогоплательщиков и даже не был точно измерен. Это породило огромные возможности для коррупции и растрат: часть из них была реализована в виде плохо спланированных проектов со слабым финансовым контролем, а другая часть просто оказалась в карманах министров финансов, банкиров центральных банков и других «нужных» людей, которые потом спекулировали против своих же собственных валют.

3. Потоки долгов заложили фундамент для новой высокоэффективной, глобальной оффшорной банковской сети, которая значительно упростила и удешевила для коррумпированной элиты процесс похищения и перемещения средств в такие места, как Каймановы острова, Панама и остров Мэн, а также хранение этих средств на необлагаемых налогами вкладах.

То, что в этой сети доминируют те же самые мировые банки, которые возглавили синдицирование займов странам Третьего мира, не простое совпадение. Все три фактора объединились для того, чтобы потворствовать вложению чиновниками и богатой элитой стран Третьего мира значительной части своих личных средств в оффшорные иностранные активы, несмотря даже на то, что их собственным правительствам приходилось брать больше займов за границей, чем когда-либо прежде (рис. 4).

³²⁵ Для подробного исторического анализа подъема оффшорных и оншорных налоговых гаваней и их связи с частными банками, оттоком капитала и долгами См.: мои книги: *Banqueros y Lavadolares* и *Private Bankers*.

Источник: исследования автора.

Рис. 4. УТЕЧКА КАПИТАЛА ПО СРАВНЕНИЮ С ВНЕШНИМ ДОЛГОМ, 1975–2003 ГГ.

(миллиарды долларов, страны с низким и средним уровнем доходов)

Волна утечки капитала частично приняла вид накопления значительных сумм «денег под матрасом», которые хранились жителями стран Третьего мира в устойчивой валюте и крупных купюрах — особой популярностью пользовались доллары, швейцарские франки, немецкие марки, фунты стерлингов, а после 2002 года банкноты по 100, 200 и 500 евро. К 2006 году, например, суммарный запас валюты США составлял 912 миллиардов долларов, и минимум две трети от этой суммы хранились оффшорно, особенно характерно это было для развивающихся стран, знакомых с девальвацией. Отмечается особый спрос на 100-долларовые купюры в сравнении с другими банкнотами валюты США.³²⁶

Еще в большей мере утечка капитала коснулась частных средств элиты, которые помещались в оффшорные «налоговые гавани» — часто при тайном содействии банков, юридических и бухгалтерских фирм Первого мира.

Вывоз капитала, произошедший в результате этого цикла «долг — утечка», приобрел невероятный размах: по моим оценкам, «утекало» в среднем около 160 миллиардов долларов в год (по курсу доллара на 2000 год) с 1977 года по 2003 год.³²⁷

Большую часть этого утекшего капитала было позволено копить в оффшорах в необлагаемых налогами вкладах, в основном в виде принадлежащих иностранным банкам депозитов и государственных облигаций, которые были особым образом освобождены от налогообложения странами Первого мира. К началу 1990-х общая сумма необлагаемого налогами частного капитала, утекшего из стран Третьего мира, превысила стоимость всего непогашенного внешнего долга Третьего мира!³²⁸

³²⁶ Впервые я привлек к этому внимание в мае 1976 года в статье *Calling in the Big Bills*, *Washington Monthly*.

³²⁷ Обсуждение альтернативных методов оценки См.: в кн.: James S. Henry, *Private Bankers*. Эта оценка, исходящая из разницы между «источниками финансовых средств и их использованием» в официальных платежных балансах, исключает любые поправки на махинации с выставлением счета по экспорту и импорту. Она также предполагает, что «официальная» статистика по внешнему долгу и резервному фонду, предоставленная МВФ и Всемирным банком, достоверна. Оба предположения традиционны, но сомнительны.

³²⁸ По моей собственной оценке, общая стоимость оффшорного капитала, принадлежащего жителям стран с низким

В действительности, если говорить о крупных должниках, таких, как Венесуэла, Нигерия, Аргентина и Мексика, – тех самых странах, которые лидировали в оформлении займов, – величина утекшего частного капитала, принадлежащего их элите, в несколько раз превысила стоимость непогашенных внешних долгов этих государств (рис. 5).

Таким образом, для многих стран-должниц истинную трудность представлял не «долговой» вопрос, а проблема «активов», заключающаяся в сложностях со сбором налогов, сдерживанием коррупции, управлением принадлежащих государству ресурсов и возвращением всего награбленного добра, хранящегося за границей.

	Китай	Индия	49 беднейших стран	Все остальные развивающиеся страны (105)	Страны с высоким уровнем доходов (54)	Весь мир (210)
Доля мирового населения						
1980	22.1%	14.4%	8.1%	33.0%	22.5%	
2005	20.3% (1.3 Billion)	17.1% (1.1 Billion)	11.4% (740 Million)	35.8% (2.3 Billion)	15.3% (980 Million)	
Доля реального мирового дохода¹						
1980	3.2%	3.5%	1.9%	29.3%	62%	
2005	13.6%	6.3%	1.9%	24.5%	24.5%	
Реальный доход на душу населения, 2005*	\$4 972	\$2 752	\$1 249	\$5 123	\$26 191	\$7 428
Реальный среднегодовой прирост, 1980-2005	8.1%	3.8%	0.7%	0.8%	1.9%	1.6%

Рис. 5. УТЕЧКА КАПИТАЛА ПО СРАВНЕНИЮ С ВНЕШНИМ ДОЛГОМ
(миллиарды долларов, 1977–2003 гг.)

Огромная доля «частного» богатства, большая часть которого финансировалась за счет иностранных займов или обворовывания принадлежащих государству компаний, была просто украдена под бдительным наблюдением Всемирного банка/ МВФ, Wall Street и City of London.

Между тем, государственный сектор этих стран – в основном простые налогоплательщики – продолжал усердно трудиться на обслуживание огромных непродуктивных долгов, тогда как в законодательстве, банковских системах и на рынках капитала данных государств процветала коррупция. Ортодоксальные экономисты не оставили этот феномен полностью без внимания. Но они были склонны выделять их в так называемые институциональные проблемы, например, «коррупцию» и «прозрачность», полагая, что данные трудности обусловлены внутренними причинами, характерными для отдельных стран.³²⁹ В этом ограниченном

и средним доходом, составила 3 триллиона долларов в 2003 году. Это практически сопоставимо с общим внешним долгом этих стран в 2,55 триллиона долларов и их чистой внешней задолженностью – по всем валютным резервам – в 1,25 триллиона. Существует веская причина, по которой следует исключить Индию и Китай из этих подсчетов, так как им принадлежит непропорционально большая доля резервов, и в случае с Китаем данные об оттоке капитала искажены «возвратом» значительных сумм через Гонконг (отток капитала в Гонконг, который затем возвращается в Китай в качестве «внешних» инвестиций). Однако даже после исключения этих двух стран утечка богатств из развивающихся стран превышает их чистую задолженность в лучшем случае на 1 триллион долларов.

³²⁹ См., например: Andrei Shleifer and Daniel Wolfenzon, «Investor Protection and Equity Markets», *Journal of Financial Economics* 66, no. 1 (2002), p. 3–27; and Rafael LaPorta et al., «Legal Determinants of External Finance», *Journal of Finance* 52 (1997), p. 1131–50. Интересно, что в сентябре 2000 года Шлейфер, профессор экономики в Гарвардском университете и руководитель программ Гарвардского института международного развития в России, был одним из основных подсудимых в судебном разбирательстве о 100 миллионах долларов, начатом правительством США. Суд утверждал, что в 1990-е годы, во время проведения экономических реформ в России, финансируемых за счет Агентства США по международному развитию, Шлейфер участвовал в «нелегальном использовании секретной информации для махинаций с ценными бумагами, в использовании общественных средств в личных целях, уклонении от налогов и представлении поддельных счетов...», то

подходе единицей анализа выступает отдельно взятая страна. На самом деле все эти локальные трудности были значительно осложнены глобальной проблемой, заключавшейся в том, что структура транснациональной системы использовалась, с одной стороны, для финансирования развития, а с другой – для накопления за границей необлагаемого налогами частного капитала.

Утечка человеческого капитала

Подпольному потоку утечки финансов сопутствовал также разрастающийся отток «человеческого капитала». Поскольку во многих странах развивающегося мира местные жители остались без работы и в непригодных для жизни условиях, значительная часть высококвалифицированных специалистов устремилась на рынок труда Первого мира. По моим оценкам, чистая экономическая ценность этих вытесненных из Третьего мира «утекших человеческих ресурсов» составляет от 2,5 до 3 триллионов долларов, по данным на 2006 год.³³⁰

Такие оффшорные работники посылают домой свои заработки, объем которых в настоящее время достигает 250 миллиардов долларов в год. Но большая часть этих денег теряется из-за высокой стоимости денежных переводов и неразумных трат. Очевидно, что находиться в большой зависимости от экспорта трудовой силы, что сейчас происходит с Филиппинами, Мексикой, Гаити и Эквадором, – не лучшая политика; она представляет собой слабый заменитель создания рабочих мест и доходов внутри страны.

Краткие выводы: истоки кризиса

В целом влияние только что описанных долговых моделей на доходы и благосостояние Третьего мира оказалось разрушительным. За исключением горстки победителей глобализации, которые смогли избежать долговой ловушки и неолиберальной панацеи, действительные доходы в Третьем мире в основном остановились на одном уровне либо сократились в период с 1980 года по 2005 год (табл. 4).³³¹ Несмотря на то что с того времени развитие возобновилось, особенно среди экспортеров энергии и других природных ресурсов, многие развивающиеся страны все еще стараются восстановить свое потребление, социальные расходы и соблюдение правопорядка на своих территориях хотя бы до уровня, предшествующего 1980 году. Очень немногие страны смогли последовать примеру Китая и Индии, вкладывая средства в развитие производства и экспортируемые услуги.

В дополнение к продолжительной экономической стагнации многие обремененные долгами развивающиеся страны также испытали резкий рост безработицы, нищеты, неравенства, экологической деградации, незащищенности, преступности, насилия и политической нестабильности, причем все это было осложнено долгами и утечкой капитала. По иронии судьбы некоторая степень неустойчивости порой была полезной – в Аргентине,

есть в обычной афере свободного рынка». См.: U.S. v. President and Fellows of Harvard College, Andrei Schleifer, Jonathan Hay, Nancy Zimmerman, and Elizabeth Herbert (U.S. District Court of Boston, Civil Action 00119977, September 26, 2000). Суд вынес приговор в июле 2005 года, обязав Гарвардский университет выплатить 26,5 миллиона долларов, а профессора Шлейфера – 2 миллиона.

³³⁰ См.: James S. Henry, Private Bankers.

³³¹ В 49 беднейших странах мира, по данным ООН, ежегодный рост реального дохода на душу населения с поправкой на коэффициент паритета покупательной способности составил в среднем всего 0,7 % с 1980 по 2005 годы, а в остальных странах с низким и средним доходом, за исключением Китая и Индии, примерно 0,8 %. Так как страны с более высоким доходом продолжали расти в среднем на 1,9 %, в то время как Китай и Индия росли даже быстрее, доля дохода этих 3,1 миллиарда людей сократилась с 30,2 % в 1980 году до 26,4 % в 2003 году. Источник: мой анализ данных Всемирного банка за 2006 год.

Боливии, Бразилии, Чили, Гватемале, Индонезии, Кении, Мексике, на Филиппинах и в Южной Африке финансовые кризисы помогли подорвать устои авторитарных режимов. Но демократизация должна достигаться и без таких трудностей.

Данные проблемы Третьего мира разительно выделялись на фоне относительного процветания Первого мира. Конечно, были и небольшие кратковременные падения курсов акций, связанные со скачками цен на нефть в 1973 и 1979 годы, а также экономические спады в 1982–1983, 1990–1991 и 2001–2003 годы. В Японии наблюдалась стагнация в течение 1990-х годов, а экономики Франции и Германии долгое время находились в депрессивном состоянии. Но это были исключения. В целом значительная часть бедных стран мира стала еще беднее или топталась на одном месте с начала 1980-х годов, тогда как большинство стран Первого мира – и их финансовых институтов – продолжали процветать.

«Не можем получить никакой помощи»

Что бы вы ни думали о глобализации и других панацеях неолиберализма, очень трудно преподнести историю облегчения долгового бремени как историю успеха. Данный ракурс поможет нам увидеть «облегчение долгового бремени» в другом свете.

Исходя из этой грязной истории сокращения долгов, можно было ожидать, что правительства стран Первого мира, БВУ и даже мировая инфраструктура частного банковского дела, по крайней мере, признают свою ответственность, энергично возьмутся за дело и предложат оплатить значительную часть счета. Однако совершенно очевидно, что это не произошло. Согласно данным табл. 4, причина кроется не в принципиальной оппозиции облегчению долгового бремени, как таковому. На самом деле облегчение долгового бремени превращается в почтенное капиталистическое учреждение, если должники, о которых идет речь, по крайней мере, обладают политическим влиянием.³³²

Также нереально для стран-должников объявить мораторий на обслуживание долга в одностороннем порядке. Лишь очень немногие страны – Аргентина в 2001–2002 годы, Россия после Первой мировой войны и Куба в начале 1960-х и в 1980-х – осмелились самостоятельно объявить односторонний мораторий, но жестоко поплатились за это. Должники из стран Третьего мира никак не могут согласовать свои намерения и вместе сделать такой шаг. До настоящего времени им оставалось только надеяться на добровольные уступки кредиторов Первого мира, к совести которых взывали активисты кампании за списание долгов. Такой подход принес весьма скромные результаты.

Некоторые политические и экономические факторы объединились для ограничения достигнутой суммы сокращения долга.

- **«Кнуты».** Большинство развивающихся стран уверены в том, что они слишком зависят от доходов от торговли и внешней помощи, чтобы рискнуть и бросить открытый вызов международным кредиторам.

- **«Пряники».** Фактически многие представители элиты Третьего мира подкуплены мировыми финансовыми структурами. Одним общим вознаграждением для всех является возможность участия в международных спекуляциях и привлечения иностранных займов и инвестиций. Кроме того, существует целый ряд других вознаграждений, таких, как оффшорные счета, плата «своим людям» за конфиденциальную информацию, а также откровенные взятки и откаты. Более утонченные стимулы включают предоставление мест на фондовой бирже в управлении Доу Джонса (в мексиканском Салинас), должности в престижных университетах, банках и БВУ (мексиканский Седильо в Йельском университете, аргентинский Кавальо в Нью-Йоркском университете, прежний министр финансов Боливии Хуан Кариага и ряд других бывших должностных лиц в Всемирном банке/ Международной финансовой корпорации), а также участие в управлении другими престижными организациями (Совет Америк, Совет по международным отношениям, Межамериканский диалог). К подобным стимулам относятся и более тонкие формы идеологического воздействия, тогда как социальные и политические сообщества в развивающемся мире относительно слабы.

Таблица 4. БАЛАНСОВЫЙ ОТЧЕТ: 25 ЛЕТ РАЗВИТИЯ, 1980–2005 ГГ.

³³² Другие важные примеры списания долга См.: в: J. J. Wallis, Richard E. Sylla, and Arthur Grinath III, «Sovereign Debt and Repudiation: The Emerging-Market Debt Crisis in the U.S. States, 1839–1843», NBER Working Paper no. 10753 (Cambridge, Mass.: National Bureau of Economic Research, September 2004); and Timothy W. Guinnane, «Financial Vergangenheitsbewältigung», Discussion Paper no. 880 (New Haven, Conn.: Yale University, Economic Growth Center, January 2004), о Лондонском соглашении по внешним долгам Германии, подписанном в 1953 году.

	ХИПК I & II Списание долга на душу населения, долл. 2005 г.	Списание долга на душу населения всем странам Первого мира, долл. 2005 г.	Общая сумма списанных долгов как % дохода на душу насе- ления*, %	Общая сумма списанных долгов ХИПК, млрд долл. 2005 г.	Процент общих спи- санных долгов ХИПК
Гайана	937	2971	72,8	0,7	1,7
Сан-Томе	753	3416	284,7	0,1	0,4
Никарагуа	731	2623	78,5	3,9	9,5
Республика Конго	514	698	77,6	2	4,8
Гвинея-Бисау	321	582	87,7	0,5	1,2
Замбия	259	557	64,3	3	7,2
Мавритания	248	545	30,5	0,7	1,8
Боливия	172	603	42,1	1,5	3,7
Бурунди	135	376	60,3	1	2,4
Демократическая республика Конго	134	183	28,3	7,5	18,2
Сьерра-Леоне	134	510	98,9	0,7	1,7
Мозамбик	124	452	39,8	2,4	5,8
Гана	120	215	10,4	2,6	6,3
Гондурас	94	274	10,4	0,7	1,6
Камерун	93	102	5,1	1,5	3,6
Руанда	93	120	10,3	0,8	2
Гвинея	70	149	7,4	0,6	1,6

* – В долларах 1995 года, на основе паритета покупательной способности.

Источник: данные Всемирною банка за 2006 год; исследования автора.

• **Банковский картель.** Мировая инфраструктура финансовых услуг гораздо лучше организована, чем задолжавшие страны. Эксперты ведущих банков и БВУ, специализирующиеся на развитых странах, обсуждают одни и те же долговые проблемы снова и снова, тогда как уполномоченные от стран-должников появляются и исчезают дюжинами.³³³ Специалисты, такие, как Вильям Родс из Citigroup и Фрэнсис Мэйсон из Chase, научились мастерски изолировать более агрессивные страны и использовать в своих интересах конкуренцию между странами. Формализованный язык стандартных договоров о займах и гарантиях, например оговорки о перекрестном неисполнении обязательств, также помогают увековечить могущество кредиторского картеля.

• **Снижение политической конкуренции.** После 1990 года СССР перестал представлять серьезную конкуренцию в борьбе за влияние в странах Третьего мира. С этого момента и вплоть до конца 1990-х годов реальная стоимость помощи Первого мира развивающимся странам значительно снизилась. Тем временем банки Первого мира перестали списывать долги Третьего мира, а БВУ и другие официальные организации заменили частные банки в качестве основных источников новых займов странам с низким уровнем доходов. Несмотря на то что кредитный риск был практически перенесен на государственный сектор, а крупнейшие страны-должники сосредоточили усилия на осуществлении неолиберальных реформ, которые требовали БВУ в обмен на облегчение долгового бремени, средства на сокращение долгов Третьего мира были исчерпаны.

Традиция облегчения долгового бремени в истории США

С конца XVIII века многим влиятельным частным и государственным должникам в Соединенных Штатах, таким, как промышленные компании, банки, муниципалитеты и крупные фермерские хозяйства, разрешалось

³³³ Одним из исключений был Анхель Гурия (Мексика), который вел переговоры по внешнему долгу Мексики более десяти лет. Однако в итоге он тоже сменил род деятельности: в 2006 году он стал генеральным секретарем Организации экономического сотрудничества и развития (OECD).

избежать выплаты долгов посредством объявления банкротства, отсрочки выплаты долгов, списаний долгов, страхования депозитов «последним кредитором в критической ситуации» и немалым количеством срочных ссуд. Например.

- Бывшие президенты США Джефферсон, Монро и Мэдисон – все они выращивали табак в Виргинии и были рабовладельцами, заложившими все, вплоть до последних штанов, – заставили своих частных банкиров из Лондона помучиться в неизвестности, добиваясь своих денег в судах США.

- В 1841–1842 годы восемь штатов США, в том числе Флорида, отказались от уплаты всех своих долгов, размер которых вдвое превышал долг федерального правительства на то время. Как и в случае с долгом Третьего мира, оказалось, что большая часть займов была сделана за границей и вложена в сомнительные проекты, например, земельные банки, управляемые крупными плантаторами. Это привело к одному из первых в истории долговых кризисов «отсталого рынка».

- В 1933 году под влиянием компаний, которые отчаялись пережить Великую депрессию, Конгресс США в одностороннем порядке отменил «золотую оговорку» для всех корпоративных облигаций, зарегистрированных на Нью-Йоркской фондовой бирже. Этот шаг снизил реальную стоимость всех корпоративных долгов США на 31 % за одну ночь.

- С 1970-х годов было выдано много государственных и федеральных срочных ссуд тем корпорациям США, которые посчитали «слишком большими, чтобы обанкротиться», включая Conrail, Chrysler, Continental Illinois, Citibank в конце 1980-х и Long-Term Capital Management в 1998. В перспективе мы допускаем подобное развитие событий, «несвойственное свободному рынку», если Ford или General Motors будет угрожать банкротство.

- Что касается заемщиков – суверенных стран, то в 1953 году, под влиянием «холодной» войны, руководствуясь желанием способствовать восстановлению Западной Европы, США помогли щедро реструктурировать долг Западной Германии, что предусматривало 50 %-ное списание долга и 30-летний график погашения оставшегося долга.

Итак, когда дело доходит до списания долга, несмотря на «нерушимость договоров», «моральный риск» и другие неолиберальные принципы, если заемщики, о которых идет речь, достаточно велики и обладают соответствующим политическим влиянием, то они, как правило, получают право на особое отношение.

Несмотря на такую раздробленность стран-должников, «маломасштабное» облегчение долгового бремени стало всего лишь еще одним инструментом неолиберального реформирования. Между тем, вопрос крупномасштабного облегчения долгового бремени был поручен сообществу неправительственных организаций и остро нуждался в большей вовлеченности стран. В результате «движение» превратилось в исполненную благих намерений, хаотически передвигающуюся коалицию неправительственных организаций и знаменитостей Первого мира. Не располагая сильной политической основой, движение трудилось с полной отдачей и смогло организовать ряд периодических глобальных кампаний. Пожалуй, неизбежной была просительная позиция, которую заняло данное движение, взывая к «лучшим чувствам» политиков, таких, как Тони Блэр, Жак Ширак и Джордж Буш, и банкиров центральных и частных банков, а также бюрократов БВУ – самой несгибаемой компании, которая когда-либо существовала.

Лучшие планы на бумаге...

Политические организации Первого мира предложили немало разумных планов по достижению облегчения долгового бремени развивающихся стран. На самом деле, как только количество займов Третьим миром сократилось в 1970-е годы, были разработаны программы для «международных кредитных комиссий», «долговых льгот», обратного выкупа долгов, капитализации долга (обмен долгов перед иностранными кредиторами на акции предприятий страны-должника), «облигаций выхода». В последнее десятилетие, с ростом разочарования в программе ХИПК, академическое сообщество, МВФ и Всемирный банк начали предлагать планы создания новой «независимой организации по облегчению долгового бремени», мировых судов по делам о банкротстве и модификаций стандартных текстов договоров о займах, упоминавшихся ранее.

Эти планы предусматривали огромный непрерывный поток научных статей и конференций, но ни один из них до сих пор не оказал никакого практического воздействия. Всеобщей моделью стал осторожный градуализм (стратегия постепенности в достижении желаемых результатов) – ряд сдержанных предложений, каждое – чуть амбициознее предыдущего, но все совершенно бесполезные, с осмотрительными оговорками, защищающими от посягательств интересы влиятельных кругов.

План Бейкера

Большая часть нынешнего населения Третьего мира еще не родилась, когда в октябре 1985 года во время правления президента Рональда Рейгана второй министр финансов Джеймс А. Бейкер III провозгласил свой «план Бейкера», направленный на облегчение долгового бремени. Данный план признавал, что рыночный подход к реструктуризации долгов, которому следовали коммерческие банки с 1982 года, оказался неэффективным. На самом деле традиционная реструктуризация долга лишь углубляла проблему, потому что банки прекращали выдавать новые займы, но продолжали взимать причитающийся к выплате процент даже по более высоким процентным ставкам.

План Бейкера рассчитывал разорвать этот порочный круг, предложив комбинацию новых займов, финансируемых налогоплательщиками США и многосторонними финансовыми институтами, и займов нескольких частных банков в обмен на проведение «рыночных реформ» в странах-получателях. Причиной подобного предложения послужил широко распространенный миф, согласно которому долговой кризис 1980-х годов, по сути, заключался в кратко срочной проблеме «ликвидности», а не в отражении более глубоких структурных изъянов и интересов. Предполагалось, что новый цикл займов (субсидируемых правительством), обусловленный реформами, позволит ведущим странам-должникам «найти свой путь» из «временного» кризиса. К 1989 году по плану Бейкера было предоставлено приблизительно 32 миллиарда долларов новых займов,³³⁴ главным образом 15 странам со средними доходами, таким, как Мексика и Бразилия. Фактически эта неэффективная программа обошлась налогоплательщикам Первого мира более чем в 45 миллиардов долларов, в основном за счет Министерства финансов США. Для сравнения, общий внешний долг всех развивающихся стран на тот момент составлял около 1 триллиона долларов, таким образом, сумма, предоставленная на облегчение долгового бремени, была просто крошечной. В действительности, как было отмечено ранее, данный план обеспечил противоположный

³³⁴ Все цифры приведены в долларах ЧПС на 2006 год. На самом деле План Бейкера для 15 стран обошелся Министерству финансов США в 15 миллиардов долларов (1980-е), а План Брейди – в 32 миллиарда долларов.

ожидавшемуся сокращению долга эффект, так как привел к повышению уровня текущей стоимости долга. Кроме того, план Бейкера явно не затрагивал почти все страны с низким уровнем доходов. Это произошло частично потому, что частные банки Первого мира предоставляли лишь ограниченное количество займов таким странам, а частично потому, что снижение стоимости займов, выданных в целях развития, было равносильно анафеме для Всемирного банка и МВФ.

«Рыночное» облегчение долгового бремени

Пока все ожидали, что план Бейкера начнет работать в конце 1980-х годов, частные банки по собственной инициативе погасили примерно 26 миллиардов долларов долгов стран путем так называемых рыночных методов, включающих обратные выкупы и свопы долговых обязательств. Некоторые из этих методов оказали очень негативное влияние на вовлеченные государства. Они также усилили фактическую «национализацию» долговой проблемы Третьего мира БВУ и другими официальными кредиторами. Тем не менее, им удалось частично компенсировать пагубное воздействие плана Бейкера на уровень долга развивающихся стран.³³⁵

План Брэди

После того как плану Бейкера и рыночным методам не удалось даже близко подойти к решению долговой проблемы, бывший инвестиционный банкир с Нью-Йоркской фондовой биржи Николас Брэди, преемник Джеймса Бейкера в Министерстве финансов США, представил более смелый план свопа долговых обязательств в марте 1989 года. В основе нового плана лежала далеко не щедрость. В феврале 1987 года произошло событие, угрожавшее превратиться в опасный прецедент, – Бразилия объявила мораторий на уплату процентов по внешнему долгу. За этим шагом Бразилии последовали фальсифицированные президентские выборы в Мексике в середине 1988 года. Огромный долговой навес Мексики, снижение цен на нефть, возможность политической нестабильности в Мексике, а также мораторий Бразилии – все это указывало на то, что отказ выплачивать долги может распространиться гораздо дальше, если Первый мир не предпримет более энергичные меры по сокращению долгов.

По плану Брэди, который впервые был применен в Мексике в июле 1989 года, частные иностранные банки согласились обменять свои займы с 30–35 %-ными скидками на набор новых закладных, проценты и основная сумма которых обеспечивались облигациями, выпущенными Министерством финансов США, Всемирным банком, МВФ и Экспортно-импортным банком Японии, опиравшихся, в свою очередь, на экономические резервы страны-должника.

Ко времени окончания действия плана Брэди в 1993 году эта полудобровольная схема обеспечила еще одну скромную долю сокращения долга, главным образом латиноамериканским странам со средним уровнем доходов, таким, как Аргентина, Бразилия и Мексика, а также нескольким любимцам США по всему миру, например Польше, Филиппинам и Иордании.³³⁶ С помощью средств, взимаемых с налогоплательщиков, плану Брэди также удалось

³³⁵ Например, долговые свопы требовали от стран выпустить новую валюту, которую затем использовали для выкупа внешних долгов по ценам ниже номинальной стоимости. Но такое большое количество денег в обращении могло негативно отразиться на внутреннем долге и инфляции.

³³⁶ Суть Плана Брейди четко отражал тогдашние приоритеты внешней политики США. Из 16 стран Плана Брейди с 1989 по 1993 год Нигерия и Боливия были единственными странами с низким доходом, а Нигерия, Иордания, Болгария, Польша и Филиппины – единственными нелатинскими странами. Средневзвешенное значение реального дохода на душу населения в долларах с учетом паритета покупательной способности в этих 16 странах в 1989 году составляло 5514 долларов, по сравнению с 2957 долларами в странах с низким и средним доходом.

практически ликвидировать долги очень небольшого количества меньших стран – Гайаны, Мозамбика, Нигера и Уганды. К 1994 году, как раз перед мексиканским «Текиловым кризисом», план Брэди привел к облегчению долгового бремени почти на 124 миллиарда долларов (по чистой приведенной стоимости доллара на 2006 год) при себестоимости 66 миллиардов долларов из средств налогоплательщиков. На сегодняшний день план Брэди остается самой масштабной и дорогостоящей инициативой в деле облегчения долгового бремени.

Некоторые аналитики утверждают, что план Брэди также оказал побочное благотворное воздействие на количество новых займов и инвестиций, полученных странами-должниками в 1989–1993 годы, благодаря своему влиянию на рынки ценных бумаг и прямые капиталовложения. Тем не менее, любые подобные выгоды носили лишь временный характер и были всего лишь незначительной компенсацией за утечку капитала. Чистая прибыль, полученная развивающимися странами от этой программы, была явно меньше налогов Первого мира, из которых она оплачивалась.

Более того, даже эта первоначальная польза от плана Брэди была нивелирована последовавшими в 1995–1999 годы финансовыми кризисами в Мексике, Аргентине, Бразилии, Нигерии, Перу и на Филиппинах. Данные кризисы в действительности были стимулированы коротким всплеском непредусмотрительного заимствования, которому содействовал план Брэди.³³⁷ В целом, если начало 1990-х годов принесло некоторое сокращение доли обслуживания долга в экспорте и национальном доходе 16 стран-получателей кредитов, то к концу 1990-х годов большая часть «компаний Брэди» обнаружила, что их долговое бремя вернулось к прежнему уровню.

Таким образом, здесь мы видим иллюстрацию основной особенности, отмеченной ранее: без фундаментальной институциональной реформы – не только «рыночной» реформы в отдельных государствах, а общей реформы финансирования развития – облегчение долгового бремени сегодня может привести только к увеличению займов и возобновлению долговых кризисов завтра.

«Традиционное» двустороннее облегчение долгового бремени – страны с низким уровнем доходов

Начальные инициативы по облегчению долгового бремени были сосредоточены на крупнейших в мире должниках, хотя нескольким странам с низкими доходами тоже удалось воспользоваться ими. К концу 1980-х годов стало ясно, что долги стран с очень низкими доходами увеличиваются и требуют пристального внимания.³³⁸

Эти страны платили по астрономическим счетам обслуживания долгов, несмотря на то что за ними признали право на получение некоторых «послаблений». К 1986 году 19 из 38 (в будущем) стран с низким уровнем доходов, подпадающих под действие программы ХИПК, расходовали по меньшей мере 5 % национального дохода на обслуживание своих внешних

³³⁷ См., например: Serkan Arslanalp and P. B. Henry, «Helping the Poor to Help Themselves: Debt Relief or Aid?» Stanford University Center for International Development, November 2003. Основываясь на данных Всемирного банка, авторы подсчитали, что «чистый приток ресурсов» (чистые издержки на выплату долгосрочных долгов плюс внешние прямые и портфельные инвестиции минус проценты по долгосрочной внешней задолженности минус доходы с инвестиций) всех 16 стран Брейди за пять лет после 1989 года равен 210 миллиардам долларов, и приписали это последствиям Плана. Если пересчитать этот показатель, используя последние (2006) данные Всемирного банка, получится в общей сложности 218,5 миллиарда долларов за 1989-94 годы. Однако оценка не учитывает отток капитала из этих стран на сумму 199,6 миллиарда долларов в течение тех же лет, а также значительный отток средств благодаря махинациям с выставлением счетов и утверждением цен.

³³⁸ Для 49 показанных стран с низким доходом соотношение внешнего долга к валовому национальному доходу (ВНД) выросло с уже высокого показателя в 49 % в 1980 году до 80 % в 1986 году. Рост задолженности для всей группы составлял в среднем 12 % в год, а для раздираемых войной стран, таких, как Никарагуа, Мозамбик и Эфиопия, – 20–35 % ежегодно.

долгов, а многие из них даже больше. В среднем обслуживание долга поглощало более трети доходов от экспорта этих стран, тогда как десятилетие назад – меньше одной десятой.³³⁹ Более того, текущая стоимость долга стран с низкими доходами продолжала расти и в период действия планов Бейкера/Брэди. К 1992 году она была втрое больше уровня 1980 года и более чем на одну треть выше уровня 1986 года.³⁴⁰ В итоге с 1985 года страны с низким уровнем доходов начали получать значительно больше кредитов от банков развития, чем от частных банков, – еще один показатель «рыночных проблем».

Одним из первых высокопоставленных чиновников, признавших необходимость обращения большего внимания на долги стран с низкими доходами, был Найджел Лоусон, представитель Консервативной партии, министр финансов Великобритании. В 1987 году он предложил Парижскому клубу переориентировать переговоры со странами-должниками на попытку снизить их «долговой навес», измеряемый текущей стоимостью ожидаемых в будущем платежей по обслуживанию долга.

Это предложение резко отличалось от традиционного взгляда на облегчение долгового бремени, в соответствии с которым реструктуризация всегда проводилась для того, чтобы избежать списания долгов и сохранить текущую стоимость займов за счет растягивания сроков выплат. Как было отмечено ранее, этот подход предполагал, что основная проблема заключалась в неликвидности, а неприятные случайные потрясения, породившие кризис, скоро изживут сами себя. Лоусону и остальным пришлось признать, что данные потрясения были систематическими, но не случайными, а при отсутствии серьезного вмешательства «долговой навес» мог стать постоянным. Лоусон подтолкнул Парижский клуб к продолжительной серии реструктуризации долгов.

В следующее десятилетие эта группа провела 19 двусторонних реструктуризаций на все более щедрых условиях в 73 странах.³⁴¹ К 1998 году эти усилия, дополненные содействием по свопам долговых обязательств подразделения Всемирного банка, Международной ассоциации развития, предоставляющей кредиты на высокособлюдательных условиях, привели к облегчению долгового бремени еще на 95 миллиардов долларов.

³³⁹ В 1986 году выплаты по внешним долгам Замбии составили 28,5 % ВНД страны, в Конго – 19,8 %, в Гамбии – 19,3 %, на Береге слоновой кости – 15 %, а в Боливии – 6,9 %. Источник: мой анализ данных Всемирного банка за 2006 год.

³⁴⁰ Daseking and Powell, «From Toronto Terms to the HIPC Initiative».

³⁴¹ Обзор и обсуждение «традиционной» деятельности Парижского клуба см.: Daseking and Powell, «From Toronto Terms to the HIPC Initiative».

ХИПК

В сентябре 1996 года БВУ учредили Инициативу ХИПК (HIPC – Heavily Indebted Poor Countries – Бедные страны с высоким уровнем задолженности), свою первую комплексную программу по облегчению долгового бремени, нацеленную на «развивающиеся страны с высокой задолженностью». Еще раз повторюсь, в основе этой инициативы лежала не щедрость – БВУ отреагировали на возрастающее давление со стороны неправительственных организаций, активистов, выступающих за снижение долгов, и стран-должников.

Перечисленные сторонники сокращения долгов выражали недовольство тем, что существующие программы по уменьшению долгового бремени мало что делают для самых бедных в мире, наиболее неплатежеспособных стран, и что пришло время состоятельным многосторонним кредиторам, таким, как БВУ, внести, наконец, свою долю.

Условия предоставления права пользования программой

Первый список стран, имеющих право на участие в программе, составленный Всемирным банком в 1994 году, включал 41 государство. Предполагалось, что список составлялся в соответствии с объективными критериями, включавшими такие факторы, как реальный уровень доходов и устойчивость отношения намеченной доли обслуживания долга к экспорту. Однако эти критерии являются какими угодно, но, несомненно, необъективными, особенно когда дело касается внешней политики. Первоначальный список стран включал государства, у которых:

- доходы на душу населения были ниже 695 долларов в 1993 году,
- текущее соотношение внешний долг/доход составляло, по меньшей мере, 80 %,
- соотношение обслуживание долга/экспорт составляло, по меньшей мере, 220 %.

Согласно этим критериям, в число участников должны были попасть такие крупные должники с низким уровнем доходов, как Ангола, Нигерия, Кения, Вьетнам и Йемен, тогда как такие страны, как Малави, Гайана и Гамбия, не соответствовали данным критериям. Что касается 1996 года, на страны, входившие в первоначальный список ХИПК, должны были приходиться 244 миллиарда долларов внешнего долга и 672 миллиона человек – почти две трети общего долга стран с низким уровнем доходов и более трети всего населения этих стран.

По ряду причин, включавших стремление БВУ ограничить величину сокращения долгов и чистую геополитику, первоначальный список стран ХИПК был значительно изменен. Семь государств, включая Кению, Нигерию и Анголу, были вычеркнуты из списка, а девять крошечных стран внезапно признали соответствующими критериям программы ХИПК.³⁴² После того как шумиха вокруг этого вопроса утихла, ровно 41 страна была по-прежнему утверждена для участия в инициативе ХИПК. Тем не менее, по сравнению с первоначальным списком, на новую группу приходилось только 39 % (вместо 63 %) совокупного долга стран с низкими доходами – лишь 6 % долга развивающихся стран с низким и средним уровнем доходов и только 23 % (а не 34 %) всего населения стран с низким уровнем доходов.

³⁴² В 2000 году Ангола, Экваториальная Гвинея, Кения, Нигерия, Вьетнам и Йемен были исключены из списка ХИПК 1994 года, а Коморос, Гамбия и Малави – добавлены; Мьянма была удалена из-за предоставления недостоверных данных в 2006 году; Эритрея, Непал, Гаити и Киргизия были объявлены странами-кандидатами в 2006 году. Шри-Ланка и Бутан были также объявлены желательными претендентами на включение в список ХИПК, однако они отказались. Страны прошли повторный анализ на соответствие требованиям ХИПК в 2006 году, основываясь на объеме их долга и доходе на душу населения в конце 2004 года. Сроки включения в программу были продлены до декабря 2006 года.

Это сокращение частично произошло из-за преследования Бреттон-вудскими организациями собственной выгоды. Всемирный банк представляет собой самодостаточный бюрократический аппарат, который частично финансируется за счет продаж своих собственных облигаций долгосрочного займа, а также за счет взносов правительств Первого мира. Таким образом, одними из его высших приоритетов являются обеспечение движения своей денежной наличности и поддержание своего долгового рейтинга. Несмотря на то что взносы входящих в БВУ стран Первого мира всегда могут восполнить любую нехватку денежных средств, на практике Всемирный банк предпочитает избегать неловких слушаний в Конгрессе, когда его представителям приходится объяснять, где находится Того и почему эта коррумпированная африканская страна заслуживает помощи. Первоначально БВУ предложили финансировать облегчение долгового бремени в рамках ХИПК за счет перевода в наличные средства части огромных золотых запасов МВФ, размер которых составляет 3,22 метрической тонны, рыночная стоимость которых в несколько раз превысила их балансовую стоимость.³⁴³ На самом деле в 1999–2000 годы МВФ провел с Бразилией и Мексикой сделку по продаже и обратному выкупу 12,9 миллиона унций золота, пустив доход от этой операции на финансирование своей доли первоначальной стоимости инициативы ХИПК. Тем не менее, в настоящее время в данный вопрос вклинился еще один значительный ряд корыстных интересов. Предложения МВФ/Всемирного банка продать более существенную часть золотого резерва были поспешно отклонены лоббистами Всемирного золотого совета, состоящего из 23 мировых золото промышленных компаний, включая Newmont Mining, AngloGold, и Barrick Gold Corporation.³⁴⁴

Таким образом, оказалось, что БВУ придется финансировать облегчение долгового бремени по принципу «пришел-плати» за счет продаж облигаций и периодических взносов от входящих в них стран Первого мира. Чем выше был объем предоставляемого сокращения долгового бремени, тем меньше становился кредитный портфель Всемирного банка, и тем больше он опасался за рейтинг своих облигаций и собственную финансовую независимость. Итак, Всемирному банку была свойственна предубежденность против значительного уменьшения долгового бремени.

В списке утвержденных стран были свои странности. Например, в середине 1990-х годов у Анголы, Кении, Нигерии и Йемена долговое бремя было выше, а доходы на душу населения ниже, чем у многих стран из окончательного списка ХИПК, но они не были допущены к участию в программе.³⁴⁵ Наоборот, как сообщают, по распоряжению Франции аналитики ХИПК изменили критерии таким образом, чтобы Кот-д'Ивуар был включен в список, несмотря на то что доход на душу населения там был выше, а долговое бремя ниже, чем во многих других странах из списка.³⁴⁶ Еще одним нелогичным добавлением стала Гайана, богатая бокситом бывшая колония Великобритании на северо-востоке Южной Америки, население которой в 1996 году составляло всего 750 тысяч человек, а реальный доход на душу населения достигал 3,6 тысяч долларов, то есть эта страна совершенно определенно обладала средним уровнем доходов, по сравнению с остальными участниками ХИПК.

³⁴³ В марте 2006 года МВФ хранил 103,9 миллиона унций золота в депозитариях по всему миру на общую сумму в 60 миллиардов долларов по текущим рыночным ценам. См.: «Gold in the IMF», IMF, April 2006, at www.imf.org/external/np/exr/facts/gold.htm.

³⁴⁴ См.: the membership list at www.gold.org.

³⁴⁵ В случае с Нигерией это произошло потому, что большая часть ее долга не была многосторонней.

³⁴⁶ В противном случае Берег слоновой кости не смог бы попасть в список по объективным причинам – из-за соотношения чистой стоимости долга к экспорту. К Гане, Боливии и Уганде тоже отнеслись весьма благосклонно: у них у всех был достаточно высокий доход на душу населения, низкий коэффициент обслуживания долга и низкий коэффициент соотношения долга и ВНД, по сравнению с Кенией, например.

Между тем, ХИПК не допустила 29 стран со средним уровнем доходов, которые Всемирный банк сам классифицировал как «весьма задолжавшие», включая лидирующие страны с «грязным долгом», ссудные фонды которых были использованы на репрессии, войны и обогащение элиты. К таким странам относились Аргентина, Эквадор, Индонезия, Пакистан и Филиппины. Во многих случаях долговое бремя этих стран было тяжелее, чем у стран, допущенных к участию в инициативе ХИПК.³⁴⁷

Эти исключения были важными, так как оказалось, что охваченные инициативой ХИПК 38 стран понизили свои выплаты по обслуживанию долга почти на 2 миллиарда долларов в год с 1996 года по 2003 год, а платежи по обслуживанию долга тех стран с низким уровнем доходов, которые не были охвачены инициативой ХИПК, фактически возросли, превысив в несколько раз указанную выше сумму.³⁴⁸ Таким образом, фильтры БВУ в отношении «устойчивого долга» и дохода применялись непоследовательно. Казалось, что они были предназначены для ограничения усилий по облегчению долгового бремени и концентрации на крошечных, более уступчивых странах.

Долгий путь

Критики долгового бремени были, естественно, немного разочарованы скромными масштабами инициативы ХИПК относительно величины всего не выплаченного долга Третьего мира. Но они думали, что могут полагаться, по крайней мере, на то, что БВУ обеспечат быстрое уменьшение долгового бремени. Между тем, даже для утвержденных стран путь к облегчению долга оказался очень долгим. Всемирный банк и МВФ навязали странам, участвующим в ХИПК, извилистый, длительный путь к некоторому сокращению долга, обусловив его длинным списком своих излюбленных неолиберальных реформ, включающих приватизацию, снижение таможенных тарифов и сбалансированный бюджет.

Эти требования было особенно трудно обосновать, поскольку страны из окончательного списка, утвержденные для участия в программе ХИПК, вряд ли были основными потенциальными клиентами банков, подрядчиков или поставщиков оборудования Первого мира. Ровно в половине утвержденных стран населения было меньше, чем в Нью-Джерси, с доходом на человека в среднем менее 1,100 долларов и средней продолжительностью жизни всего лишь 49 лет. Предложение этой группе стран сократить долговое бремя не означало создания опасного прецедента «морального риска».

Тем не менее, по первоначальному плану ХИПК I 1996 года ожидалось, что все эти утвержденные страны будут три года проводить реформы под пристальным наблюдением БВУ, прежде чем достигнут «момента принятия решения». После этого будет составлено соглашение по облегчению долгового бремени и, наконец, утверждено очень умеренное по объему сокращение долга. Предполагалось, что и после этого страны будут продолжать вести себя «хорошо» в последующие три года, пока не достигнут «момента завершения», когда они дождутся, наконец, значительного уменьшения обслуживания долга. Но даже в этом случае долги данных стран не будут списаны полностью, им будет предоставлена лишь частичная субсидия, снижающая обслуживание долга до уровня, который БВУ посчитают «устойчивым» относительно намеченных доходов от экспорта. Параллельно ожидалось, что данные страны разработают «Документ с изложением стратегии сокращения бедности»,

³⁴⁷ Например, Ангола, Нигерия, Индонезия, Кения, Филиппины и Йемен несли гораздо более тяжелое налоговое бремя. Если рассчитать уровень налогового бремени, то получится, что, по крайней мере, 15 стран из списка ХИПК имели сравнительно низкое налоговое бремя с учетом дохода на душу населения.

³⁴⁸ Объем обслуживания долга стран, не входящих в список ХИПК, увеличился с 20,3 миллиарда долларов в 1996 году до 29,8 миллиарда в 2003 году, а затем сократился до 29,53 миллиарда в 2004 году. Для бывших стран ХИПК (например, Кении и Нигерии) обслуживание долга тоже возросло: с 4,83 миллиарда в 1996 году до 5,83 миллиарда в 2004 году.

одобренный БВУ, обсудят условия «сокращения бедности и обеспечения экономического роста» и привлекут МВФ и Всемирный банк к систематическим, довольно назойливым «Программам контроля персонала».

До некоторой степени весь этот политический патернализм оправдывался тем, что, как мы видели, многие эти страны были нестабильными, плохо управляемыми и потрепанными войной. В этом случае проявилась давняя проблема «уходящей, как вода в песок» иностранной помощи – те государства, которые больше всего нуждались в поддержке, часто были неспособны мудро распорядиться ею. Более того, под воздействием неолиберальной политики государственные институты многих из этих стран еще больше ослабли.

Тем не менее, с точки зрения своевременности предоставления облегчения долгового бремени, структуры БВУ явно перешли все границы. Технократы БВУ заняли в своем роде справедливую, почти кредиторскую позицию по отношению к странам, утвержденным для участия в ХИПК, – возможно, потому, что БВУ, несмотря ни на что, являются основными кредиторами. Медленное распределение ручейка сокращения долгового бремени также сохраняет их контроль. Все вытекающие из этого требования и промедления стали плохим заменителем более конструктивной нейтральной роли, которую, например, арбитражный управляющий обычно играет в судопроизводстве по делам о банкротстве.

В сочетании с отсталостью стран кредиторский и в то же время неолиберально-реформаторский менталитет БВУ имел предсказуемые результаты. Если целью программы ХИПК действительно было уклонение от предоставления значительного облегчения долгового бремени, то она почти преуспела. К 2000 году только шесть стран – Боливия, Буркина-Фасо, Гайана, Мали, Мозамбик и Уганда – смогли достичь «момента завершения» и поделили между собой ничтожное сокращение долгового бремени. В конечном счете ХИПК I предоставила в общей сумме 3,7 миллиарда долларов на уменьшение долгового бремени³⁴⁹ этим шести государствам.³⁵⁰ Но в большинстве случаев даже эти жалкие гроши не были распределены сразу же, а оказались растянуты на десятилетия. Например, сокращение обслуживания долга Уганды, предоставленное Всемирным банком, затянулось на 23 года, а Мозамбика – больше чем на 31 год. Гайана и в 2050 году будет по-прежнему собирать миллион долларов!

Вот если бы кредиторы Первого мира и БВУ с той же осторожностью предоставляли кредиты развивающимся странам, с какой содействовали облегчению долгового бремени!

³⁴⁹ В долларах ЧПС на 2006 год.

³⁵⁰ В итоге эти шесть стран вошли в список ХИПК I на 3,118 миллиарда долларов. Берег слоновой кости тоже достиг «точки принятия решения» в 1998 году, до того как в стране началась жестокая гражданская война.

ХИПК II: тотализатор ХИПК

В июне 1999 года после масштабных митингов акции «Отменить долги» на майских встречах «Большой восьмерки» в 1998 году в Бирмингеме Всемирный банк и МВФ запустили программу ХИПК II, которая задумывалась как более быстрая и щедрая версия ХИПК I. Тем не менее, это продолжение также оказалось постыдно вялым. К 2006 году из 38 стран, утвержденных для участия в программе ХИПК по старому списку 1996 года, только 18 достигли «момента завершения».

Еще 11 стран достигли «момента принятия решения» после ожидания в подвешенном состоянии в течение 49 месяцев, при этом пять из них сообщали о «медленном прогрессе».³⁵¹ Что касается еще девяти стран, только одна из них была готова подать заявку на участие в программе и проявляла заинтересованность в ней.³⁵² Для того чтобы пополнить ряды участников, в 2006 году БВУ выбрали еще шесть стран с низким уровнем доходов, которые могли успеть подать заявку на получение облегчения долгового бремени по программе ХИПК до окончания регистрации в декабре 2006 года. Между тем, только две страны проявили и готовность, и желание попытаться успеть до этого срока.³⁵³

Если сравнить все вышесказанное с первоначальной целевой группой стран, то окажется, что ХИПК смогла обеспечить сокращение долгового бремени государствам, на которые приходилось только 18 % всего невыплаченного долга стран с низким уровнем доходов и 13 % населения этих стран.

Те страны, которые смогли преодолеть все преграды ХИПК, получили в итоге некоторое облегчение долгового бремени – общее снижение обслуживания долга в размере 832 миллиона долларов в год в течение 2001–2006 годов по сравнению с их платежами по долгу в 1998–1999 годы. Эта сумма была распределена между 27 странами, которые достигли «момента завершения» или «принятия решения».³⁵⁴

Некоторые страны преуспели гораздо больше остальных. Например, Гайана, страна со средним уровнем доходов, быстро выполнила программу, получив право на облегчение долгового бремени в размере 937 долларов на человека по инициативам ХИПК I и II. Для сравнения, облегчение, предоставляемое ХИПК, составляло только 75 долларов на душу населения. В действительности Гайана стала в некотором роде профессионалом в облегчении долгового бремени: к 2006 году она получила рекордную сумму в 2,971 доллара на каждого из своих жителей по всем программам облегчения долгового бремени.³⁵⁵ Сан-Томе, Никарагуа, Республика Конго, Гвинея-Бисау, Замбия, Мавритания, Боливия, Бурунди, Демократическая Республика Конго, Сьерра-Леоне, Мозамбик и Гана также достигли сравнительно

³⁵¹ См.: Mark Allen and Danny Leipziger, «Heavily-Indebted Poor Countries (HIPC) Initiative – Statistical Update», IMF/World Bank, International Development Association, March 21, 2006.

³⁵² Это была Центрально-Африканская Республика. Крупные должники (Либерия, Судан и Сомали, а также Коморос) не пользовались программами поддержки МВФ и Международной ассоциации развития (МАР) с 1996 года до декабря 2006 года. Это объясняет примерно 75 % неуплаченных внешних долгов этой группы стран. Лаос вошел в список ХИПК, но отказался в нем участвовать. Берег слоновой кости и Того попали в список, но испытывали трудности с «внедрением макроэкономической политики». Мьянма не смогла попасть в список, так как данные по ее внешнему долгу были слишком неустойчивыми, по мнению МВФ. Конечно, все сводилось к жесткой диктатуре.

³⁵³ Шестью новыми участниками, на основе доходов на декабрь 2004 года и налогового бремени, стали Бутан, Эритрея, Гаити, Киргизия, Непал и Шри-Ланка. Шри-Ланка и Бутан отказались от участия, в Эритрее не применялись программы МАР, а в Непале наблюдался «затяжной перерыв во внедрении программ», так как в стране шла гражданская война.

³⁵⁴ Другая оценка влияния ХИПК сравнивает среднее значение ежегодного обслуживания долга 27 стран в 2,5 миллиарда долларов с 2004 по 2004 год со средним ежегодным обслуживанием в 3,1 миллиард долларов с 1998 по 2002 год, что говорит о 500 миллионах долларов ежегодных накоплений всей группы.

³⁵⁵ Мои расчеты, основанные на ХИПК I, ХИПК II и других программах списания долга.

неплохих результатов в пересчете на душу населения, получив более 100 долларов на человека по программе ХИПК.

Исходя из размеров реализованного в рамках программы ХИПК сокращения долгового бремени, явным победителем стала Демократическая Республика Конго, старая истоптанная земля Мобуту, которая получила в свое распоряжение поразительные 18,2 % от помощи по инициативе ХИПК и почти 8 % от общей суммы, предоставленной Первым миром на уменьшение долгов странам с низким уровнем доходов до настоящего времени. Среди других победителей – Никарагуа, Замбия, Эфиопия, Гана, Танзания, Боливия и Мозамбик. На самом деле Мозамбик, любимчик неолибералов из Всемирного банка, один поглотил 55 % от 3,7 миллиарда долларов общих льгот, предоставленных по инициативе ХИПК I.

По сравнению с нашим первоначальным списком «потрепанных войной жестоких-прежестоких диктатур» наблюдается поразительное совпадение с хит-парадом сокращения долгов: на десять ведущих заемщиков с низким уровнем доходов в 1980–1986 годы приходилось более половины помощи в рамках инициативы ХИПК и всего облегчения долга, предоставленного Первым миром с 1988 по 2006 год.³⁵⁶ Многие другие страны-должники с низким уровнем доходов получили гораздо меньшее облегчение долгового бремени как на душу населения, так и в абсолютном исчислении.³⁵⁷

Данный анализ облегчения долгового бремени, рассчитанного на страну и на душу населения, представленный здесь впервые, акцентирует некоторые наиболее серьезные проблемы, используя показатель облегчения долгового бремени вместо помощи в целях развития.

Во-первых, трудно гарантировать, что уменьшение бремени обслуживания долга (или рост заимствований, который может произойти вследствие снижения долга) в действительности пойдет на стоящее дело – «проблема контроля».

Во-вторых, объемы облегчения долгового бремени в разных странах значительно разнятся из-за факторов, имеющих мало общего с потребностями развития – «проблема корреляции».

БВУ, ответственные за инициативу ХИПК, попытались сгладить проблему контроля, настойчиво требуя от стран разработать программы по сокращению бедности, провести политические реформы и контролировать правительственные расходы. Сработал ли этот прием – довольно спорный вопрос; существуют веские доводы в пользу того, что подобная обусловленность оказалась неэффективной. Несомненен лишь тот факт, что данные требования преуспели в замедлении распространения облегчения долгового бремени.

Тем не менее, инициатива ХИПК ничего не смогла сделать с проблемой «корреляции» – отсутствием соразмерности облегчения долгового бремени потребностям развития. Другими словами, если полностью полагаться на облегчение долгового бремени, вместо того чтобы финансировать развитие, то некоторые из наиболее расточительных стран с самым плохим управлением в мире получают самое большое вознаграждение.

³⁵⁶ Точный коэффициент составляет 50,3 % списания долга ХИПК и 51,3 % списания долга государствам Первого мира всем странам с низким доходом, за исключением MDRI и «большого двустороннего» списания долга.

³⁵⁷ Например, Того не получила ничего от ХИПК, а от других программ по списанию долга – 68 долларов дохода на душу населения. Гаити также не получила ничего от ХИПК и 16 долларов дохода на душу населения от других программ.

Общие результаты ХИПК

Инициатива ХИПК действительно сократила бремя обслуживания внешнего долга примерно для 18 стран, которым удалось завершить эту программу, тогда как обслуживание внутреннего долга – совсем другая история. Между тем, у 11 из первоначальных 38 стран, утвержденных для участия в инициативе ХИПК, отношение суммы обслуживания долга к доходу в 2004 году все еще было выше, чем в 1996 году. В несчастном Бурунди до сих пор отношение текущей стоимости долга к доходу составляет 91 %!

Более того, в 25 из 38 стран коэффициенты обслуживания долга уже начали снижаться в 1986–1996 годы, до появления ХИПК. Бремя обслуживания долга тоже снизилось во многих странах с низким уровнем доходов, которые не вошли в список ХИПК, так же как и у девяти стран, которые еще не достигли «момента принятия решения» по инициативе ХИПК и, таким образом, не получали помощи в рамках ХИПК. Поэтому трудно назвать программу ХИПК успешной, даже в отношении той горстки стран, которые смогли добраться до финишной черты.³⁵⁸

Бесспорно, что общая сумма достигнутого в рамках программы ХИПК облегчения долгового бремени была весьма скромной (табл. 5). Тогда как обычные газетные сообщения часто упоминают предоставляемые в рамках ХИПК «50–60 миллиардов долларов» на уменьшение долгового бремени развивающихся стран, по более точным оценкам эта сумма не превышала 41,3 миллиарда долларов в 2006 году. Это составляет лишь около 10 % общего непогашенного долга стран с низким уровнем доходов.³⁵⁹

Из этой суммы 7,6 миллиарда долларов были присуждены первоначальным шести странам, участвовавшим в программе ХИПК I, остальные 33,7 миллиарда долларов могут со временем достаться еще 23 странам, достигшим «момента принятия решения».³⁶⁰ Потенциальные издержки на предоставление облегчения долгового бремени оставшимся 9-15 странам, которые еще могут быть утверждены для участия в ХИПК, оцениваются в 21 миллиард долларов, но в действительности мало что из этой суммы будет когда-либо предоставлено.³⁶¹ На самом деле сроки и уровни облегчения долгового бремени все еще крайне размыты даже для половины из 11 стран, достигших «момента принятия решения».

Еще раз повторяю, все цифры относятся к текущей стоимости ожидаемого в будущем сокращения бремени обслуживания долга, растянутого на десятилетия во многих случаях, а не к текущим переводам денежной наличности. В 2006 году только одна треть облегчения долгового бремени по программе ХИПК I и менее одной пятой по программе ХИПК II были в действительности «положены в банк» – в среднем менее 1 миллиарда долларов наличных средств в год, подлежащих распределению среди всех этих очень бедных стран.

Даже эти скромные средства не были бесплатными для участвующих в данных программах стран. Для того чтобы выполнить требования БВУ, развивающимся странам часто приходилось проводить неолиберальные реформы, которые имели пагубные политические и экономические побочные эффекты.³⁶²

³⁵⁸ Соотношение между совокупным обслуживанием долга и национальным доходом 18 «финалистов» снизилось с 5,7 % в 1996 году до 3,3 % в 2003 году. Однако для девяти стран, не достигших «точки принятия решения», этот коэффициент снизился с 5,9 до 1,8 %, а в целом для стран с низким доходом – с 3,8 до 3 %.

³⁵⁹ Непогашенный долг составлял 412,6 миллиарда долларов в долларах ЧПС на 2006 год.

³⁶⁰ См.: Allen and Leipziger, «Heavily-Indebted Poor Countries (HIPC) Initiative».

³⁶¹ Три страны (Бутан, Лаос и Шри-Ланка) отказались от участия в программе. Три крупнейших возможных кандидата на списание долга (Судан, Либерия и Сомали) все еще пытаются справиться с внутренними беспорядками.

³⁶² Интересные примеры «аномалий», возникающих в связи с условиями списания долга БВУ, включают Буркина-Фасо (приватизация водных ресурсов), Камерун (неудавшаяся приватизация водных ресурсов), Чад (приватизация водных ресурсов)

Инициатива по списанию многостороннего долга

Последней остановкой нашего поезда облегчения долгового бремени является «Инициатива по списанию многосторонней задолженности» (MDRI), которая была провозглашена под фанфары на июльском заседании «Большой восьмерки» в Глениглз. При тщательном рассмотрении этот план по облегчению долгового бремени оказался даже менее впечатляющим, чем ХИПК.

Инициатива по списанию многосторонней задолженности исходит из того факта, что к 2004 году большинство должников, а также неправительственные организации просто поняли истинную сущность ХИПК. Министр финансов Великобритании Гордон Браун увидел возможность наработать немного политического капитала, компенсировать запаздывание предоставления иностранной помощи со стороны Великобритании и нивелировать некоторые негативные эмоции, вызванные поддержкой Великобританией войны в Ираке, — причем все это за очень небольшие деньги. Поскольку ХИПК испустила последний вздох,³⁶³ а у стран с низким уровнем доходов остался очень большой невыплаченный долг, Браун решил работать в тесном контакте с альянсом Live 8/ «Покончим с нищетой сегодня» и его бесплатными концертами. Этому сотрудничеству способствовал тот факт, что один из ближайших советников Брауна, бывший банкир UBS, был членом совета управления Оксфордского комитета помощи голодающим, тогда как главный консультант по долговой политике Тони Блэра раньше руководил группой по выработке политики этого же комитета.³⁶⁴ Данные связи, несомненно, способствовали принятию предложений Брауна в мире неправительственных организаций, но им все же не удалось достичь стабильно увеличивающегося облегчения долгового бремени.

Реальная сумма финансовых средств, предоставленная на уменьшение долгового бремени в рамках «Инициативы по списанию многосторонней задолженности», будет гораздо ниже официально заявленных 40–50 миллиардов долларов, повсеместно расхваливаемых в прессе. Номинальная стоимость займов, взятых у банков развития 42 странами с низким уровнем доходов, которые могут быть утверждены для аннулирования долгов, доходит до 38,2 миллиарда долларов.³⁶⁵

Тем не менее, облегчение долгового бремени по Инициативе списания многостороннего долга, также как и в рамках ХИПК, не будет осуществлено сразу. Из-за более низких процентных ставок, уже примененных к большинству займов, и того факта, что большинство из утвержденных стран уже имеет задолженность по платежам, реальное сокращение обслуживания долга, которое они могут получить от данной программы, составляет в среднем всего 950 миллионов долларов в год, которые будут распределяться между 42 странами в последующие 37 лет.

Данная сумма может показаться скромной жителям Первого мира, привыкшим к гораздо большим деньгам, расходуемым еженедельно на финансирование сельского хозяйства, ракеты дальнего действия, строительство магистралей — и посягательства на права далеких стран. Однако это значительная доля от 2,9 миллиарда долларов ежегодных расхо-

сов), Габон (неудавшаяся приватизация водных ресурсов), Гвинею (приватизация водных ресурсов), Берег слоновой кости (неудавшаяся приватизация водных ресурсов), Мозамбик (многие сомнительные проекты приватизации; губительная кешью-стратегия, навязанная Всемирным банком), Нигер (приватизация водных ресурсов), Сьерра-Леоне (приватизация водных ресурсов), Танзания (неудавшаяся приватизация водных ресурсов и электроресурсов), Уганду (коррумпированная приватизация банков), Замбию (замораживание зарплаты в 2004 году) и Боливию (приватизация водных ресурсов и газа).

³⁶³ Изначально до декабря 2004 года, затем срок был продлен до декабря 2006 года.

³⁶⁴ Шрити Вадкра был советником Брауна, а Джастин Форсайт — советником Блэра.

³⁶⁵ В отличие от ХИПК, в MDRI Парижский клуб не участвует.

дов на образование и 2,4 миллиарда долларов затрат на здравоохранение 19 стран с низким уровнем доходов, которые, вероятно, будут утверждены для участия в данной программе. Тем не менее, аннулирование долгов «Большой восьмеркой» достигает всего 6 % от 25–30 миллиардов долларов в год увеличения помощи для африканских стран с низким уровнем доходов, предложенных Африканской комиссией Блэра и Брауна. Эта сумма также не выдерживает сравнения с 1,8 миллиарда долларов в неделю, уходивших на финансирование войны в Ираке в 2006 году.³⁶⁶

Более того, чтобы получить право на облегчение долгового бремени в рамках «Инициативы по списанию многостороннего долга», странам придется выполнить такие же требования, что и по программе ХИПК. По меньшей мере, восемь из 42 стран, включая крупных должников, таких, как Сомали и Судан, могут никогда не ответить этим требованиям. Даже ведущие 19 стран, которые, вероятнее всего, утвердят для участия в программе, все равно будут выплачивать 23,5 миллиарда долларов, не подлежащих сокращению, более высоких по цене двустороннего правительственного и частных долгов, не вошедших в «Инициативу списания многостороннего долга», – расходы на ежегодное обслуживание этих долгов составят 800 миллионов долларов. Еще раз подчеркиваю – этим странам практически нечем оплачивать все эти долги.

Выгодная сделка для банка

Даже если предположить, что потенциальные бенефициарии «Инициативы по списанию многостороннего долга» так или иначе выплатят от 0,7 до 1,3 миллиарда долларов обслуживания долга, взятого у БВУ и Африканского банка развития, в течение следующих 37 лет без задолженностей или дефолтов, то чистая приведенная стоимость аннулирования долга составит не 40 миллиардов долларов, а максимум 15 миллиардов долларов. В действительности, предположив, что некоторые должники никогда не выполнят требования программы, текущая стоимость ожидаемого сокращения долгов по «Инициативе по списанию многостороннего долга» фактически составит всего 10 миллиардов долларов.

Держатели облигаций Всемирного банка и Африканского банка развития могут на самом деле предпочесть, чтобы страны «Большой восьмерки» вытащили их из категории «стран-темных лошадок», как их именует рынок облигаций. В действительности данная сделка могла бы стать очень выгодной для Всемирного банка, поскольку стоимость привлеченных им ресурсов составляет не 3–3,5 % от процентов, выплачиваемых странами-должниками с низким уровнем доходов (если они вообще платят), а по меньшей мере 4,7–5,5 %.

Таблица 5. СПИСАНИЕ ДОЛГА ПО СТРАНАМ, 1988–2005

³⁶⁶ По оценкам Бюджетного управления Конгресса США, 25 августа 2006 года.

Танзания	64	115	18,5	2,4	5,8
Малави	61	70	11,9	0,8	1,8
Нигер	58	149	20,8	0,8	1,8
Мадагаскар	55	141	17,9	1	2,4
Гамбия	54	297	16,2	0,1	2,4
Буркина-Фасо	51	88	8,2	0,7	1,6
Сенегал	51	375	23,8	0,6	1,4
Мали	49	110	12	0,6	1,5
Уганда	43	380	27,9	1,2	2,9
Бенин	39	107	10,6	0,3	0,8
Эфиопия	34	102	14,7	2,4	5,7
Чад	21	375	19,5	0,2	0,5
Берег слоновой кости	0	380	26,6	0	0
Гаити	0	16	1	0	0
ХИПК I – 6	86	258,3	21	7,1	
Окончательный состав (18)	88	235,4	21	26,3	
Решение (11)	122	240,3	27	15	
Предварительное решение (9)	0	57	4	0	
Старый состав ХИПК	0	79,9	5	0	
ХИПК (38)	75	194	17	41,3	

* На основе ежегодного дохода на душу населения за 2004 г.

Источник: отчеты по программе ХИПК; МВФ (1999), Всемирный банк (сентябрь 2005), анализ автора.

При условии, что страны-участники, представленные в исполнительном комитете Всемирного банка, будут вовремя платить взносы, этот банк может согласиться обменять поток крайне сомнительных платежей, которые должны вносить задолжавшие бедные страны в качестве обслуживания своих долгов, на 10–15 миллиардов долларов наличными, предоставленными странами-участниками Всемирного банка. В любом случае это лучше, чем выбивать плату по счетам из всех тех скверных захолустий. А вы, готов поспорить, считали облегчение долгового бремени щедростью чистой воды!

Скромное предложение

Какие основные уроки стоит извлечь будущим активистам кампании за облегчение долгового бремени из этой саги? И куда в настоящее время следует направить свою энергию активистам кампании за облегчение долгового бремени и неправительственным организациям?

Урок 1: за пределами БВУ

Как я и утверждал, то, что по прошествии 25 лет с долгового кризиса некоторые беднейшие страны на планете, также как и многие страны со средним уровнем доходов, продолжают бороться с внешним долгом, не является случайностью. Если мы примем за основное допущение в деле сокращения долгов тот факт, что должники, увязшие в трясине займов, заслуживают шанса получить полное прощение долгов раз и навсегда, то традиционный подход к облегчению долгового бремени, применяемый МВФ, Всемирным банком, Министерством финансов США и Парижским клубом, явно потерпел неудачу. Данный подход не только не оправдал надежды, но также повлек за собой очень высокие текущие расходы, если посчитать, во сколько обошлись все те проволочки, управление, чрезмерные и разрушительные условности. В частности, огромный бюрократический аппарат гораздо лучше проявил себя в нормировании сокращения долгового бремени, тогда как должен был в первую очередь помочь разоренным странам не погрязнуть в долгах по самую макушку. Если мы действительно серьезно настроены существенно сократить долговое бремя, нам придется разработать новые учреждения, которые будут вплотную заниматься этим вопросом.

Урок 2: за пределами ограниченных кампаний по облегчению долгового бремени

Наверное, не стоит удивляться тому, что правительства стран Первого мира и БВУ склоняются к позиции международных кредиторов, поскольку они долгое время были на стороне землевладельцев, лендлордов, огораживавших общинные земли, егерей, рабовладельцев и других собственников, защищающих свои интересы.

Что действительно поражает, так это то, что, несмотря на очень высокие ставки на развивающиеся страны и такую высокую потенциальную общественную поддержку более справедливого решения, кампания за облегчение долгового бремени оказалась такой неэффективной. Это произошло частично потому, что трудно поддерживать глобальную некоммерческую кампанию, располагая неорганизованными сообществами активистов и рядом неправительственных организаций. Также это произошло потому, что кампания столкнулась с могущественными, хорошо защищенными интересами.

Тем не менее, еще одно основное препятствие создали, скорее всего, мы сами. По сравнению с насущными потребностями многих стран, чистой величиной «сомнительного долга» и утечки капитала, требования движений за облегчение долгового бремени были уж слишком умеренными. Для того чтобы действительно изменить ситуацию, нам необходимо сосредоточить свое внимание на двух тесно связанных, но, несомненно, более спорных аспектах проблемы долга/утечки капитала.

1. Сомнительный долг, полученный недемократическими или мошенническими правительствами и потраченный на проекты с завышенной стоимостью, помощь теневым банкам, приватизацию уцененной собственности, утечку капитала и коррупцию. По моим собственным приблизительным оценкам, на сомнительный долг может приходиться около трети от

3,7 триллиона долларов непогашенной задолженности развивающихся стран. С середины 1980-х годов лично я и другие критики долгового вопроса призывают участников кампаний, выступающих за списание долгов, например сетевую организацию «Юбилей» (Jubilee) и интернет-сайт «Расследование международного грязного долга» (Probe International's Odious Debt), к восстановлению фундаментального правового принципа, по которому такие долги не должны принудительно взиматься в судебном порядке в международных судах.³⁶⁷

2. Огромные фонды анонимных, не облагаемых налогом утекших богатств Третьего мира, которые сейчас хранятся в оффшорах, – значительная доля этих богатств финансировалась за счет сомнительных займов, растраниживания природных ресурсов, мошеннической приватизации и других финансовых трюков. Большая часть этих богатств, общая сумма которых оценивается в 5 триллионов долларов, приходящихся на долю отдельно взятого Третьего мира, была вложена в активы Первого мира, принося своим владельцам необлагаемые налогом доходы и щедрые вознаграждения частной банковской инфраструктуре по всему миру.

В этом деле на кон поставлены суммы, касающиеся сомнительных долгов и утекшего в «налоговый рай» богатства, значительно превышающие тот мизер, за который бились вплоть до настоящего времени активисты кампаний за облегчение долгового бремени. Сомнительные долги и утечка богатств сказываются на странах и со средним, и с низким уровнем доходов. Данные проблемы вызывают к ответственности ведущих частных мировых финансовых учреждений, юридических и бухгалтерских фирм, создающих каналы для утечки капитала Третьего мира и продолжающих обслуживать их. С 1980-х годов некоторые такие учреждения стали в разы больше и влиятельнее Всемирного банка или МВФ.³⁶⁸

Если движение за облегчение долгового бремени захочет взяться за решение этих более серьезных проблем, можно будет добиться многого. Дальнейшие действия могут быть следующими.

1. Проведение систематических ревизий долгов и создание глобальной организации по возврату активов, которая поможет развивающимся странам вернуть украденные богатства.

2. Восстановление доктрины «сомнительного долга»,³⁶⁹ в которой указано, что внешние долги, полученные диктатурами или использованные в целях личного обогащения, нельзя потребовать в принудительном порядке.

3. Более серьезное международное сотрудничество в налоговой сфере и обмен информацией между налоговыми органами Первого и Третьего мира, возможно, включая создание Налогового ведомства при Всемирном банке, который до сих пор не обзавелся ни одним подобным учреждением!

4. Кодексы поведения для транснациональных банков, юридических фирм, бухгалтерских фирм, хедж-фондов (фондов риска) и корпораций с целью снижения активности в содействии предоставлению сомнительных займов, отмыванию денег и уклонению от налогов.

5. Установление в законодательном порядке унифицированного, минимального, многостороннего подоходного налога на оффшорный «анонимный» капитал, выручка с которого может быть направлена на финансирование помощи в целях развития. (Даже 1 %-ный годо-

³⁶⁷ На Филиппинах, например, по крайней мере, половина внешнего долга страны была присвоена Маркосом и его приближенными. См.: James S. Henry, *Blood Bankers*, chapter 3.

³⁶⁸ Приведем пример: общие активы Citigroup к концу 2005 года составляли 1,5 триллиона долларов, по сравнению с активами Всемирного банка в 250 миллионов долларов.

³⁶⁹ Эта спорная доктрина, изначально применяемая правительством США к займам Кубы от испанских кредиторов в 1890-х годы, основывается на том, что в целях международного договорного права внешние долги диктаторов, полученные без согласия общества, недействительны. Эта доктрина, по сути, является логическим продолжением старой доброй неолиберальной контрактной теории, согласно которой основное требование для признания соглашения законным – добровольное согласие исполнять налагаемые им обязательства.

вой налог на капитал, хранящийся на анонимных банковских вкладах, может принести 10–20 миллиардов долларов в год при поддержке стран Организацией экономического сотрудничества и развития).

Можно разработать множество других идей в указанных направлениях. Очевидно, что потребуются значительные организационные усилия и просветительская деятельность среди многочисленных неправительственных организаций, для того чтобы организовать хотя бы одно подобное мероприятие. Тем не менее, самым важным условием является политическая смелость – готовность выйти за пределы пока еще ограниченной области действия движения за облегчение долгового бремени.

Урок 3: выходя за пределы облегчения долгового бремени

Ранее я выразил сомнение в уместности использовании «уходящей, как вода в песок» иностранной помощи, для того чтобы покончить с нищетой. Большинство первоочередных кандидатов на облегчение долгового бремени просто сталкиваются с трудностями в распоряжении этой помощью. Данная скептическая точка зрения недавно получила дополнительную поддержку – появились тревожные сообщения о том, что коррумпированные правители богатых природными ресурсами стран, таких, как Демократическая республика Конго и Малави, расходуют помощь, предоставленную для облегчения долгового бремени, на новые подозрительные займы и закупку оружия.

Основная проблема, замалчиваемая некоторыми участниками кампании за облегчение долгового бремени и традиционными экономистами волны «Покончим с нищетой сегодня», заключается в том, что борьба с нищетой состоит не только в снабжении москитными сетками, противомаларийными вакцинами и питьевой водой или обеспечении стабильного развития образования, сохранении денежных сбережений, предоставлении технологий и помощи. Если смотреть в корень, как показывает пример Китая, долгосрочное сокращение бедности требует содействия глубоким структурным изменениям. Такие изменения предполагают перераспределение общественных ресурсов, например, земли, образования, технологий и политической власти. Подобные идеи, скорее всего, никогда не смогут понять технократы БВУ, но если и поймут, то в ужасе отпрянут от них. Тем не менее, они лежат в основе каждой значительной истории успешного развития, которые мы знаем.

Конечно, бедняки в отягощенных долгами странах ужасно нуждаются в кратковременном облегчении своих невзгод. Даже крошечный объем облегчения долгового бремени может сделать очень много хорошего, несмотря на коррупцию. Я выступаю не за полное прекращение облегчения долгового бремени, а за то, чтобы дополнять его новыми требованиями и учитывать окружающую действительность.

Я был бы рад увидеть, как движение за уменьшение долгов, «Большая восьмерка» и БВУ еще раз объединят усилия и, наконец, выполнят свои давно продекларированные обязательства в отношении действительно существенного облегчения долгового бремени. Как мы видели, по крайней мере, 40 % населения всего мира – от 1,6 до 2 миллиардов человек, живущих сегодня в развивающихся странах с высокой задолженностью, – все еще ждут этого.

Заключение

Глобальное восстание: сеть сопротивления

Антония Джухаш

Альтернативы существующему порядку есть – и люди по всему миру помогают создавать их каждый день. Антония Джухаш видит надежду в глобальном движении за справедливость.

Эльвира, швея из Филиппин, поделилась своими мечтами о лучшей жизни с Эллен Огюстин в девятой главе этой книги. Эльвира представляет себе «такое общество, в котором удовлетворены все основные потребности людей, в котором достаточно пищи, у каждого есть жилье, все дети могут ходить в школу, больницы открыты для каждого, и каждый занимается своим делом – таким делом, которое способствует развитию потенциала человека как мыслящего существа».

До сих пор в центре внимания наших авторов было в основном изобличение множества препятствий, созданных на пути Эльвиры, да и каждого из нас, к удовлетворению этих основных жизненных потребностей. Они также разоблачили людей и организации, причастные к созданию и сохранению данных препятствий. Тем не менее, знание действительно становится силой только тогда, когда ты, читатель, ощущаешь готовность начать действовать как для Эльвиры, так и для себя. Эта заключительная глава познакомит вас со множеством людей, движений и организаций, которые не только устраняют препятствия, но фактически содействуют становлению справедливого и равноправного общества, о котором мечтает Эльвира.

Признания инсайдера

В ноябре 2004 года Джон Перкинс опубликовал «Исповедь экономического убийцы». Одной из причин чрезвычайного успеха этой книги стал тот факт, что она появилась тогда, когда во всем мире изменилась суть дискуссий по поводу корпоративной глобализации. На смену вопросам о том, как можно ускорить корпоративную глобализацию, пришел вопрос о том, чьим интересам она служит и во сколько нам всем обходится эта глобализация.

В течение многих лет нарастают общественные протесты и оппозиция в странах, ставших объектами действий экономических убийц, таких как Перкинс, и организаций, на которые они работали, включая Всемирный банк, Международный валютный фонд (МВФ), Всемирную торговую организацию (ВТО), а также наиболее влиятельные финансовые институты и транснациональные корпорации. Люди на Глобальном Севере все больше стали обращать внимание на эту оппозицию, исследовали ее и присоединялись к ней. Пострадавшие сообщества и их защитники кричали о том, какие страдания они терпят от экономических убийц, но очень немногие экономические убийцы оказались готовы признать, что они помогли создать паутину управления и эксплуатации.

И в это время появляется Джон Перкинс со своей книгой.

Перкинс не был первым разоблачителем корпоративной глобализации, но он как уважаемый инсайдер Глобального Севера подтвердил достоверность той критики, которую многие слышали годами, но сомневались в ее правдивости. Перкинс сделал это в весьма увлекательной и содержательной книге. Не коробило даже громкое название книги. «Исповедь» открыла дверь, через которую сотни тысяч людей смогли увидеть темную сторону корпоративной глобализации, – дверь, которую «Игра, древняя как империя» сорвала с петель. Между тем, в главах обеих книг движение против корпоративной глобализации или, как мы сами себя называем, глобальное движение за справедливость, большей частью осталось в тени.

Знакомство с историей и текущими достижениями глобального движения за справедливость, включая его вклад в вероятный крах ВТО и в оттеснение на второй план Всемирного банка и МВФ, может дать направление, рычаги и, что самое важное, надежду на то, что мы справимся с многими проблемами, описанными в предыдущих главах.

Джон Кристенсен, возможно, лучше всего описал эти проблемы в третьей главе. Несмотря на то что его исследование относится к корпоративным налоговым гаваням, оно, безусловно, применимо и к корпоративной глобализации: «Это создает перекося в правилах игры в пользу транснациональных компаний перед национальными предприятиями той или иной страны, то есть почти во всех случаях предпочтение отдается крупным компаниям Глобального Севера, а не их конкурентам из развивающихся стран». Хочется добавить, что корпоративная глобализация также несет больше выгод крупным транснациональным компаниям, чем их менее значительным конкурентам в пределах их собственных государств, а также потакает интересам транснациональных корпораций в ущерб интересам всех остальных, включая работников, таких, как Эльвира, потребителей, окружающую среду и демократию.

Описание проблемы, сделанное Кристенсеном, помогает нам определить, кто выигрывает от глобальной экономики, и ответить на вопросы, в чьих интересах и почему продолжают применяться, безусловно, разрушительные стратегии, описанные в этой книге.

Тем не менее, пусть эта игра и стара, как империя, сопротивление и альтернативы ей имеют не менее долгую, важную и поучительную историю.

Рождение движения

Движение против современной (начавшейся после Второй мировой войны) корпоративной глобализации так же старо, как и учреждения, созданные для содействия корпоративным планам. С самого начала наиболее резкая критика в адрес Всемирного банка и МВФ, а также идеи альтернативных стратегий исходили из стран, принуждаемых жить по их правилам, – стран развивающегося мира. Население этих стран выступало за то, чтобы условия торговли между государствами вырабатывались в рамках принципов демократии, благополучия людей, соблюдения трудовых прав, равенства, стабильности и сокращения нищеты. Для решения данных проблем ими были успешно учреждены международные организации в рамках ООН, такие, как Конференция ООН по торговле и развитию (UNCTAD), Всемирная организация здравоохранения, Международная организация труда, Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН и Программа развития ООН.

Вместо того чтобы поддержать стремление развивающихся стран к усилению ООН, США и другие страны Глобального Севера предпочли обратить свои деньги, время и политическое внимание на Всемирный банк и МВФ – организации, в которых они обладают господствующим и неограниченным влиянием. Произошел раскол между развивающимися государствами, полагавшими, что получить синицу от Всемирного банка и МВФ лучше, чем ждать журавля от ООН, и теми странами Третьего мира, которые хотели добиться большего с помощью ООН. Этот раскол, наряду с уменьшением потока денежных средств и внимания Севера, привел к окончательному прекращению некоторых программ ООН и ослаблению многих других, в то время как Всемирный банк и МВФ неизменно наращивали силу и влияние.

Как только паутина контроля, описанная в первой главе Стивеном Хайатом, опустилась на развивающиеся страны вместе с долговым кризисом 1970-х годов, последовавшее введение программ реструктуризации экономики и тяжелое бремя долга положили начало глобальной борьбе против этих организаций.

К концу 1980-х годов более чем 70 странам были навязаны программы реструктуризации экономики, разработанные Всемирным банком и МВФ. Движения протеста возникли практически одновременно почти во всех этих странах. Поскольку данные организации очень сильно воздействуют на большинство основных сфер человеческой жизни, начиная со стоимости хлеба и заканчивая доступностью электричества и воды, жители стран-получателей займов становятся прекрасно осведомлены о деятельности Всемирного банка и МВФ, начиная с раннего возраста (я сама получила один из самых содержательных уроков по политике Всемирного банка от семнадцатилетнего подростка из города Кочабамба, Боливия). Они знают, что для осуществления перемен им необходимо бросить вызов не только своим правительствам, но и стоящим за ними международным финансовым организациям.

Как я и мои коллеги подробно описали в докладе «Помогает ли глобализация бедным?» на Международном форуме по вопросам глобализации, движение против корпоративной глобализации имеет давнюю и заслуживающую уважения историю.³⁷⁰ Например, на Ямайке в 1985 году по всей стране прокатилась волна протестов против требований Всемирного банка в рамках реструктуризации экономики поднять цены на топливо. Двумя годами позже, в Замбии, месяцы протестов против повышения цен на продукты питания, вызванные реструктуризацией экономики от МВФ, в конечном счете, вынудили правительство приостановить реализацию данной программы. В Эквадоре в 1987 году произошли столкнове-

³⁷⁰ Jerry Mander and Debi Baker, editors (Antonia Juhasz, principal researcher and project coordinator), «Does Globalization Help the Poor?» special report, International Forum on Globalization, IFG Bulletin 1, no. 3 (August 2001).

ния протестующих студентов с полицейскими, а рабочие объявили однодневную всеобщую забастовку в знак протеста против новой программы реструктуризации экономики от МВФ.

В Алжире в 1988 году более 200 человек погибли в акциях протеста против повышения цен и безработицы, обусловленных реализацией программы Всемирного банка по реструктуризации экономики. В 1989 году по всей южной Иордании вспыхнули протесты против повышения цен на продукты питания, которого потребовал МВФ. В 1989 году в Нигерии было убито множество людей, протестующих против новой программы реструктуризации экономики МВФ, и еще сотни недовольных попали за решетку. В ответ правительство Нигерии предложило новую программу социального обеспечения, названную «Меры по облегчению программы реструктуризации экономики». В 1993 году в Индии полмиллиона индийских фермеров собрались в Бангалоре в знак протеста против переговоров по вступлению в ВТО. На этом список не заканчивается, а движение сопротивления распространяется по всему миру. Люди в государствах-получателях займов не только протестовали, но и выдвигали требования, например, прекращение программ реструктуризации экономики, аннулирование долгов, справедливость международной экономической системы. Эти требования нашли отклик у людей, живущих в государствах-кредиторах, многие из них объединились со своими единомышленниками из стран-получателей займов и стали частью зарождающегося глобального движения за справедливость.

Между тем, правительственным чиновникам и гражданам-активистам из развивающихся стран, наряду с некоторыми их сторонниками с Глобального Севера, взвалившими на себя бремя повседневной борьбы с Всемирным банком и МВФ, все труднее становится противостоять, возможно, даже более разрушительному чудовищу, набирающему силы у них на задворках, – Всемирной торговой организации.

Подобно Всемирному банку и МВФ, ВТО возникла не в результате какого-либо неизбежного политического развития. Она, скорее, нацелена на конкуренцию с более справедливыми альтернативами, предложенными развивающимися странами.

Корпоративная глобализация потрясает Север: NAFTA, ВТО и МАИ

Вы, наверное, никогда не слышали о Международной торговой организации (МТО), предшественнице ВТО. Дело в том, что она так и не появилась, поскольку Сенат США отказался ее ратифицировать. Устав МТО был принят на Конференции ООН по торговле и занятости, проходившей в Гаване в 1948 году.

В этой конференции участвовали представители 56 государств, почти все – из развивающихся стран. МТО рассматривало торговлю лишь как одно из множества средств достижения экономического развития. МТО также подготовила соглашения о полной занятости, о разрушении корпоративных монополий; соглашения о торговле, обеспечивающие равноправную позицию на мировом рынке для товаров, произведенных развивающимися странами, и другие механизмы защиты внутренних рынков. Пока обсуждались подробности МТО, было учреждено Генеральное соглашение о тарифах и торговле (ГАТТ) в качестве временного международного органа для ведения торговых переговоров до тех пор, пока не завершится создание МТО. Между тем, после того как Конгресс США отклонил предложение о создании МТО, ссылаясь в основном на отсутствие защиты инвестиций корпораций США, ведущих свою деятельность за границей, и Международная торговая организация прекратила свое существование, «временное» ГАТТ осталось главным арбитром мировой торговли почти на 15 лет.³⁷¹

Несмотря на исчезновение МТО, вера в сбалансированную международную торговую систему осталась. В последующие десятилетия представители Глобального Юга все больше пропагандировали Конференцию ООН по торговле и развитию (UNCTAD) как лучший форум для создания правил международной торговли. Им были нужны правила для установления справедливых цен в соглашениях о ценах на товары; торговые льготы, стимулирующие экономическое развитие Юга; режим наибольшего благоприятствования для местных, а не иностранных инвесторов; использование торговой политики в качестве инструмента индустриализации и программы передачи технологий развивающимся странам.³⁷² Вместо этого они получили ВТО.

В 1986 году правительственные чиновники встретились в Уругвае, для того чтобы начать новый раунд переговоров по расширению сферы действия и полномочий ГАТТ. Через семь с половиной лет, в 1994 году, Уругвайский раунд был завершен переговорами в Марракеше, Марокко, когда 125 стран подписали документ о создании Всемирной торговой организации.

Страны Глобального Севера могли позволить себе содержать десятки, если не сотни, представителей как для наблюдения, так и для участия в переговорах по каждому международному соглашению в любой точке земного шара, а также для того, чтобы быть в курсе ежедневного развития событий в торговом законодательстве. Немногие развивающиеся страны могли себе позволить подобное. Как только промышленно развитые страны уладили свои разногласия, присутствовавших в Марракеше представителей Глобального Юга оказалось слишком мало, кроме того, они располагали скудной информацией и недостаточными полномочиями, для того чтобы с их мнением считались на переговорах. Вместо этого страны Севера и их корпоративные круги вели Уругвайский раунд в своих интересах, как прямо

³⁷¹ Daniel Drache, «The Short but Significant Life of the International Trade Organization», (Toronto: York University, Robarts Centre for Canadian Studies, November 2000).

³⁷² Walden Bello in *Views from the South*, ed. Sarah Anderson (San Francisco: Food First Books and the International Forum on Globalization, 2000).

описал в 1997 году Дэвид Хартридж, занимавший в то время пост директора по торговле в Отделе технического обслуживания ВТО: «Без огромного давления, оказанного американским сектором финансовых операций, особенно такими компаниями, как American Express и CitiCorp, не было бы никакого соглашения об услугах и, возможно, никакого Уругвайского раунда, и никакой ВТО».³⁷³

Во время Уругвайского раунда США и Канада начали торговые переговоры, завершившиеся первоначально в 1989 году Соглашением о свободной торговле между США и Канадой, а затем, пять лет спустя, после присоединения к соглашению Мексики – Североамериканским соглашением о свободной торговле (NAFTA).

NAFTA и ВТО представляют собой совершенно новое направление торговых соглашений. Лучше всего их можно описать как следование принципам Всемирного банка и МВФ, расширение и углубление этих принципов, а также применение их в равной степени как к развитым, так и к развивающимся странам. На самом деле корпорации Севера решили, что они могли бы получить у себя дома такие же преимущества, как и за рубежом, чем они позже и занялись.

³⁷³ David Hartridge, director of the Trade in Services Division, World Trade Organization, «What the General Agreement on Trade in Services Can Do», speech to the conference «Opening Markets for Banking Worldwide: The WTO General Agreement on Trade in Services», organized by British Invisibles and the transnational law firm Clifford Chance, London, January 8, 1997.

Рождение глобального движения

Некоторые из первых действительно глобальных кампаний против корпоративной глобализации требовали от Всемирного банка и МВФ аннулирования долгов. Активисты этих кампаний занимались организацией выступлений народных масс и проведением масштабных акций, разоблачающих тех, кто получал выгоду от стратегий Всемирного банка и МВФ. Они образовали международные организации, такие, как «50 лет достаточно» (50 Years Is Enough) и «Юбилей 2000» (Jubilee 2000), занимавшиеся лоббированием чиновников, проведением исследований и публикацией отчетов. Они проводили открытые диспуты-семинары, пресс-конференции и акции протеста не только в своих собственных странах, но также на заседаниях Всемирного банка и МВФ и в штаб-квартирах корпораций по всему миру.³⁷⁴ Разросшееся глобальное движение за справедливость переняло эту тактику.

Поворотный момент в становлении движения произошел тогда, когда люди в государствах-кредиторах внезапно сами оказались объектами, к которым были применены худшие принципы глобализации, то есть когда больше жителей Севера на своем собственном опыте познали обратную сторону политики корпоративной глобализации.

Группы целеустремленных активистов, особенно из обществ по охране окружающей среды, защите интересов потребителей, религиозных движений, профсоюзов и фермерских союзов, объединились против NAFTA и ВТО. Между тем, у этих активистов не было сильной международной поддержки, их ряды были немногочисленны, поэтому и действия, предпринятые ими, оказались не очень заметны. Но после того как новые международные соглашения начали действовать, и стало понятно, чего они будут стоить, движение разрослось, поскольку люди стали лучше информированы. Активисты всего мира объединили свои усилия.

Впервые мощь этого глобального движения проявилась в разгроме двух многосторонних инвестиционных соглашений в ВТО и Организации экономического сотрудничества и развития (OECD). Эти инвестиционные соглашения основывались на новых критериях, включенных в NAFTA, что в корне отличалось от общепринятых норм заключения многосторонних соглашений. NAFTA предоставляло иностранным компаниям и инвесторам беспрецедентные привилегии по отношению к правительствам трех стран, подписавших это соглашение. Представители США и Великобритании надеялись применить те же самые правила в отношении 27 государств, входящих в Организацию экономического сотрудничества и развития, и более 130 стран, входящих в ВТО.

Победа: поражение «Многостороннего инвестиционного соглашения»

Предложение предоставить широчайшие полномочия глобальным инвесторам при увеличении числа государств как Севера, так и Юга, которые должны были подпасть под действие их правил, породило глобальное оппозиционное движение. Активисты развивающихся стран были первыми, кто обратил внимание на эти события и начал действовать. Вместе с уполномоченными от своих стран они направили усилия на то, чтобы не допустить принятия предложенного «Многостороннего инвестиционного соглашения» (МИА) во время совещания ВТО на уровне министров в 1996 году. Их усилия увенчались успехом. Этот успех побудил сторонников МИА усилить давление на Организацию экономического

³⁷⁴ Mark Engler, «A Movement Looks Forward», Foreign Policy in Focus, May 19, 2005.

сотрудничества и развития, «клуб» 27 богатейших государств мира, где данное соглашение было воскрешено и переименовано в Многостороннее соглашение по инвестициям (МАИ).

В ответ сообщества Севера, подпадающие под действие данного соглашения, обратились к своим товарищам по несчастью на Юге за информацией и инструкциями. В 1997 году я присутствовала на собрании по выбору стратегии в Париже, в ходе которого эксперты из развивающихся стран проводили для активистов из Европы, США и других стран Севера и Юга диспуты-семинары о возможных последствиях МАИ, чтобы все могли объединить усилия в борьбе с новым соглашением. По возвращении домой они использовали полученную информацию для обычного просвещения и кампаний лоббирования.

Например, в качестве координатора кампании МАИ в Подготовительном центре публичной политики (Preamble Center for Public Policy) в Вашингтоне я лично сделала множество звонков без предварительной договоренности представителям пропагандистских организаций, занимающихся охраной окружающей среды, правами рабочих, правами женщин, малого предпринимательства, сплочением общества, экономической и социальной справедливостью и другими проблемами. Я объясняла, какое воздействие оказывают NAFTA и ВТО сейчас, и как МАИ может повлиять на эти организации и их деятельность. Большая часть людей, которым я звонила, никогда прежде не обращали внимание на международную торговлю или правила инвестирования. Все они были потрясены и возмущены тем, что узнали. Члены Конгресса, с которыми мы делились своими взглядами, проявляли такую же наивность. Мои товарищи из таких групп, как «Гражданин» (Public Citizen), «Друзья Земли» (Friends of the Earth), «Сьерра Клуб» (Sierra Club) и из Американской федерации труда – Конгресса промышленных организаций (AFL–CIO), наблюдали такую же реакцию на свои подобные звонки, как и наши коллеги из других стран.

Поскольку активисты разных стран все больше старались совместными усилиями пролить свет на процесс переговоров, чиновники начали ощущать давление. В конечном счете их убедили отклонить МАИ на конференции Организации экономического сотрудничества и развития в 1998 году. Поражение МАИ ознаменовало победу одного из первых и самых важных успешных глобальных движений народов и правительств против международной торговли или инвестиционных соглашений. В то же время разрушительная сущность этих инвестиционных правил была в полной мере продемонстрирована в разгар Восточно-Азиатского финансового кризиса. С 1998 года по 1999 год государства, которых некогда прозвали «Восточно-Азиатскими тиграми» за бурно развивающуюся экономику, внезапно потерпели крах, после того как МВФ обязал правительства этих стран отказаться от права самим решать, какие отрасли должны получать иностранные инвестиции, как долго и в каком объеме. Когда иностранные вкладчики начали играть с валютами этих государств, словно в мировом казино, правительства оказались бессильны что-либо сделать. После того как финансовый кризис охватил Аргентину, страх всемирной финансовой катастрофы породил волну сопротивления.

Победа: крах совещания ВТО на уровне министров в Сиэтле

Каждые два года ВТО проводит встречи на уровне министров, во время которых высокопоставленные правительственные чиновники завершают переговоры по существующим или новым правилам ВТО. Со стороны приверженцев МАИ было крайне недальновидно снова начинать инвестиционные переговоры на совещании ВТО на уровне министров в Сиэтле в 1999 году. В ответ те, кто старались не допустить МАИ, те, кто пострадали от последствий инвестиционной политики МВФ в Восточной Азии, и те, кто противодействовали подобной политике со стороны Всемирного банка и МВФ, объединили свои усилия.

Они развернули глобальные просветительские кампании и кампании в средствах массовой информации, организуя и лоббируя усилия и стратегическое планирование для акции в Сиэтле. Движения широких народных масс возникали по всему миру, вовлекая государственное образование, театры, искусство, подпольную и альтернативную прессу, а также осуществляя ненасильственные прямые действия и обучение гражданскому неповиновению – все эти средства внесли свой вклад в исторический крах совещания, которое с той поры окрестили «Битвой при Сиэтле».

Более 50 тысяч человек вышли на улицы Сиэтла в знак протеста против ВТО. Тысячи человек были задействованы в уникальной стратегии мирных блокад, которые буквально остановили работу совещания в день открытия и изводили делегатов все остальные дни. Полиция, экипированная как для подавления мятежа, отвечала на эти действия протестантов жесткой тактикой и агрессивной «демонстрацией силы» по всему городу, несмотря на то что лишь горстка протестующих всего лишь разбила кирпичами пару витрин магазинов. Пока простые люди протестовали на улицах, делегаты от развивающихся стран выступили единым блоком, заявив, что они больше не будут просто механически подписывать требования Соединенных Штатов и Европейского Союза. В результате совещание потерпело крах.

Многие из тех, кто вышел на улицы Сиэтла, несколько лет консультировали делегатов из развивающихся стран, давая им подробные уроки по закону международной торговли и предоставляя сведения об обычных торговых переговорах, ведущихся по всему миру.

Общественная оппозиция корпоративной глобализации продолжала расти в течение месяцев и даже лет после Сиэтла, отражая события, происходящие в процессе переговоров: главы правительств по всему миру противостояли натиску корпоративной глобализации.

Глобальное восстание

Через пять месяцев после провала переговоров в Сиэтле, в апреле 2000 года, 30 тысяч человек вышли на демонстрацию против ежегодных осенних встреч Всемирного банка и МВФ в Вашингтоне. В январе 2001 года более 10 тысяч человек собрались в Порто-Алгре, Бразилия, на первый ежегодный Всемирный социальный форум (World Social Forum) – мероприятие, организованное только для обсуждения значимых альтернатив корпоративной глобализации. В настоящее время проводимый каждый год Всемирный социальный форум регулярно собирает 100 тысяч человек, кроме того, ежегодно по всему миру организуются региональные и национальные Форумы.

В апреле 2001 года 60 тысяч человек протестовали в Квебеке, Канада, против создания «Зоны свободной торговли Америк» (ФТАА), о которой мечтали три последних президента США: Джордж Буш-старший, Билл Клинтон и Джордж Буш-младший. Тем не менее, противодействие данному соглашению привело к скандальному прекращению его действия в 2005 году. В июле 2001 года 200 тысяч человек собрались в Генуе, Италия, во время ежегодного заседания Группы восьми промышленно развитых стран («Большой восьмерки») в знак протеста против корпоративной глобализации. Это событие было отмечено трагической смертью 23-летнего Карло Юлиани: он участвовал в акции протеста и был застрелен полицейскими.

В марте 2001 года сотни фермеров и студентов протестовали на улицах тайского города Чанг Май, где проходило совещание ВТО. Они свалили в кучу картофель, чеснок, лук и соевые бобы в вестибюле, чтобы показать, какой ущерб им нанесло Соглашение ВТО о сельском хозяйстве. В ноябре более тысячи человек, включая Союз фермеров, собрались в Бейруте, Ливан, на Всемирном форуме по вопросам глобализации и глобальной торговли, организованном в противовес Совещанию ВТО на уровне министров в 2001 году, происходившем в городе Доха, столице Катара.

В 2003 году десятки тысяч демонстрантов, возглавляемые фермерами со всей Мексики, Центральной Америки и такой далекой Южной Кореи, протестовали против собранного в Канкуне, Мексика, Совещания ВТО на уровне министров. Один фермер из Южной Кореи, Ли Гён Хэ (Lee Kyung Hae) совершил самоубийство в Канкуне в знак протеста против Соглашения о сельском хозяйстве. Вместе с тысячами людей, недовольных политикой ВТО, я в ужасе смотрела, как Ли, на груди которого висела надпись «ВТО убивает фермеров», достал из кармана армейский швейцарский нож и вонзил его себе в грудь, проколов сердце и легкое. Акция Ли была протестом против сельскохозяйственной политики ВТО, которая привела к банкротству его ферму, разорила семью и разрушила общину. Он оставил записку, в которой было написано: «Лучше пусть один человек пожертвует своей жизнью за десятерых, чем десять человек принесут свои жизни в жертву одному».³⁷⁵

Соглашение ВТО по сельскому хозяйству осуществлялось поэтапно. Как только это Соглашение было реализовано в полном объеме, сразу же сказалось его чрезвычайно разрушительное воздействие на фермеров по всему миру. «Сельский путь» (Via Campesina или Small Farmer's Way) и «Движение безземельных крестьян» (Movimento dos Trabalhadores Rurais Sem Terra или Landless Workers' Movement) в Центральной и Южной Америке, «Движение за «медленное» питание» (Slow Food Movement) в противовес быстрому перекусу в Европе, «Национальное объединение семейных ферм» (National Family Farm Coalition) и «Коалиция рабочих Иммокале» (Coalition of Immokalee Workers) в США, а также другие национальные и международные фермерские организации объединились, требуя проведе-

³⁷⁵ Luis Hernandez Navarro, «Mr. Lee Kyung Hae», La Jornada, September 23, 2003.

ния такой торговой политики, которая бы поддерживала малое, местное и устойчивое сельское хозяйство, а не крупные транснациональные сельскохозяйственные корпорации.

Появление Североамериканского соглашения о свободной торговле было отмечено движением коренного населения и фермеров, ставшим одним из важнейших в истории, – движением мексиканских сапатистов (*Zapatistas of Mexico*). Фермеры, крестьяне, рабочие и жители штата Чияпас, Мексика, сформировавшие Сапатистскую национально-освободительную армию, специально выбрали 1 января 1994 года, день вступления в силу НАФТА, для публикации «Первой декларации Лакадонской сельвы» (*First Declaration of the Lacadon Jungle*) и захвата шести муниципальных центров в Чиапас, Мексика. Делегаты сапатистов заявили: «Для нас соглашение о свободной торговле равносильно смерти этносов Мексики».³⁷⁶

К собравшимся в Канкуне фермерам присоединились рабочие и местные жители. Их требования поддержали многие представители развивающихся стран, принимающие участие в переговорах, что привело к еще одному провалу встречи на уровне министров. Проводимое в Гонконге в 2005 году Совещание ВТО на уровне министров ожидала такая же судьба.

Фактически единственное с 1998 года Совещание ВТО на уровне министров, которое не потерпело неудачу, состоялось в городе Доха, Катар, в 2001 году, всего через два месяца после теракта 11 сентября, причем в стране, запрещающей как политическое инакомыслие, так и свободный допуск. Уполномоченные, участвующие в переговорах, были оставлены одни, для того чтобы показать администрации Буша свою лояльность Соединенным Штатам или неприятие их. Между тем, спустя пять лет после трех неудавшихся встреч на уровне министров раунд в Доха практически бездействует, что, по мнению большинства, похоже на колокольный звон по всей организации ВТО. В пользу прекращения существования этой организации говорит также тот факт, что увеличивается количество развивающихся стран, правители которых теперь возражают против корпоративной глобализации.

³⁷⁶ «Does Globalization Help the Poor?»

Победы в выборах

Во всем мире представители общественных движений за глобальную справедливость с легкостью побеждали на выборах. Эти люди затем приносили в институты корпоративной глобализации дух противодействия. Вальден Белло из организации «Сосредоточение Таиланда на Глобальном Юге» (Thailand's Focus on the Global South) описывает, как в разгар Восточно-Азиатского финансового кризиса общественное давление вынудило премьер-министра Малайзии Мохамеда Махатхира разорвать отношения с МВФ и установить контроль над капиталом, что спасло страну от худших последствий кризиса. По словам Белло, вызов, брошенный Махатхиром МВФ, подхватил Таксин Шинаватра, который баллотировался на пост премьер-министра Таиланда на платформе, оппозиционной МВФ, и одержал победу. Он продолжал настаивать на увеличении правительственных расходов на стимулирование потребительского спроса, который вывел Таиланд из кризиса. Нестор Кирхнер завершил уничтожение МВФ, заявив после избрания на пост президента Аргентины в 2003 году, что его правительство будет платить частным кредиторам только 25 центов вместо каждого доллара полученных займов. Разъяренные кредиторы потребовали от МВФ обуздать Кирхнера. Но МВФ с изодранной в клочья репутацией и ослабленными рычагами воздействия не стал связываться с аргентинским президентом, которому удалось, таким образом, отстоять радикальное списание долгов.³⁷⁷

Подобным образом Лори Валлах и Дебора Джеймс из организации «Гражданин» (Public Citizen) в Вашингтоне писали о полной победе на выборах в Центральной и Южной Америке:

«Растет единодушие в том, что явная несостоятельность данной модели, часто называемой «неолиберализмом», в обеспечении экономического роста или лучших условий жизни для большинства помогает выигрывать выборы тем лидерам, которые во главу своей предвыборной платформы ставят отказ от данной программы. Наиболее сильно это бросается в глаза на примерах Боливии, Аргентины и Венесуэлы, экономическая жизнь которых была разрушена при предыдущих неолиберальных правительствах. ...Даже в Коста-Рике, Перу и Мексике, обычно являвшихся оплотом неолиберализма, во время президентских выборов практически полностью доминировали прения по вопросу либерализации торговли.³⁷⁸

Глобальное движение за справедливость тоже возмужало. Например, под влиянием таких организаций, как «Объединяйтесь!» (Unite!), и Межнационального союза работников сферы обслуживания (Service Employees International Union) организованные в профсоюзы рабочие США, первоначально поддерживавшие корпоративную глобализацию, начали отстаивать только требования, улучшавшие положение рабочих США, а потом присоединились к более широкой оппозиции, осознав, что лишения и жертвы ожидают рабочих всего мира. В США белые активисты и неправительственные организации уступили ведущие позиции, после того как на первый план начали все больше выдвигаться сельскохозяйственные рабочие, иммигранты, неорганизованные в профсоюзы рабочие и молодежные движения.

³⁷⁷ Walden Bello, «The Crisis of Multilateralism», *Foreign Policy in Focus*, September 13, 2006.

³⁷⁸ Lori Wallach and Deborah James, «Why the WTO Round Talks Have Collapsed», *Common Dreams*, April 14, 2006.

Победы: списание долгов и оттеснение Всемирного банка и МВФ на второй план

Знакомство Всемирного банка и МВФ с многими активистами Глобального Севера состоялось благодаря организованным выступлениям последних против ВТО, NAFTA, MAI, экспортно-кредитных агентств и отдельных корпораций и банков. Поскольку ряды глобального движения за справедливость выросли, усилилось и увенчалось успехом давление на МВФ и Всемирный банк с целью проведения фундаментальных внутренних реформ, включая требования по списанию долгов (а не простого «облегчения долгового бремени»).

В феврале 2005 года члены «Большой восьмерки» заявили о своем намерении предоставить «100 %-ное сокращение многостороннего долга для 42 бедных стран с высокой задолженностью (инициатива ХИПК)». Это была головокружительная победа. Тем не менее, я согласна с Джеймсом Генри, который в 11 главе доказывает, что данная инициатива пошла недостаточно далеко: ей не удалось решить проблему частных долгов или долгов тех сотен бедных стран, которых сочли не отвечающими критериям ХИПК, кроме того, данная инициатива обусловила списание долгов тяжелыми требованиями.

В течение 25 лет беднейшие государства мира требовали списания долгов. Общественные движения и представители этих государств, а также их сторонники по всему миру наслаждались победой, но не остановились на достигнутом. После того как предъявленные ими более высокие требования к первоначальной программе ХИПК были удовлетворены, они пошли дальше и в требованиях к «Большой восьмерке». В этой непрекращающейся борьбе им по-прежнему нужна любая поддержка, какую мы можем предоставить.

Десятилетия критики, протестов и активистской деятельности, в конце концов, заставили «Большую восьмерку» действовать, что в результате принесло соглашение, принятию которого одинаково сопротивлялись правительства всех стран «Большой восьмерки». Данное соглашение представляет собой самое важное из существующих на сегодняшний день признание того, что политика Всемирного банка и МВФ, а также корпоративная глобализация в целом не смогли улучшить условия жизни людей по всему миру, но фактически ухудшили их. Нельзя не принимать во внимание подобную дискредитацию организаций и принципов корпоративной глобализации.

Под давлением общественных движений, простых участников кампаний, выборных лиц и неправительственных организаций правительства по всему миру уменьшают взносы в МВФ и Всемирный банк. Страны не берут новые займы и, подобно Аргентине, отказываются платить по старым долгам. Они отрицают власть этих организаций, не желая принимать или возвращать их деньги. В результате могущество данных организаций, также как и ВТО, было значительно ослаблено.

Тем не менее, если движение за глобальную справедливость помогло отодвинуть на второй план ВТО, МВФ и Всемирный банк, то что же должно занять их место, если вообще необходимо заполнять эту лакуну?

Ниже приведены предложения из моей последней книги «Программа Буша: оккупируя мир, одну экономику за один раз» (Bush Agenda: Invading the World, One Economy at a Time),³⁷⁹ которые представляют собой план действий для сдерживания власти корпораций и завоевания поддержки устойчивого, равноправного и справедливого общества, такого, о каком мечтает Эльвира.

³⁷⁹ Antonia Juhasz, *The Bush Agenda: Invading the World, One Economy at a Time* (New York: Regan/HarperCollins, 2006); См.: также мой веб-сайт www.TheBushAgenda.net.

Альтернативные стратегии для укрощения экономических убийц и сдерживания власти корпораций

Коррупция, подробно описанная в этой книге, в основном базируется на усиливающейся способности корпораций (и банков) доминировать в выработке тактики. Война в Ираке, вероятно, является последним признаком такой способности. Цель ведения этой войны – получение корпоративного доступа, нефтяного богатства и глобальной гегемонии.

Как в таком случае мы сможем укротить экономических убийц, сдержать власть корпораций и ввести новые правила и организации, содействующие поиску значимых альтернатив?

Глобальное движение за справедливость показало всему миру, что вытеснить политику корпоративной глобализации гораздо легче, чем уверяют нас ее сторонники. Корпоративная глобализация представляет собой ряд принципов, нацеленных на ослабление способности местных сообществ и правительств устанавливать правила функционирования иностранных компаний на своих территориях. Следовательно, альтернативными им являются средства, позволяющие местным сообществам и правительствам определять условия работы компаний (как иностранных, так и местных).

Неприятие норм корпоративной глобализации часто исходит из следующей проблемы: когда стратегическое решение принято, игнорируется широкий ряд мешающих этому решению принципов, будь то экологические, трудовые, правовые и другие интересы. Корпоративные интересы превосходят все остальные. Никакого равновесия, никаких дискуссий; практически (если не фактически) только одна группа действующих лиц определяет результат.

Их стратегии одновременно обогащают корпорации и увеличивают их политическое влияние, практически уничтожая демократический процесс и образуя гибрид корпорации-правительства, типичным представителем которого является правительство Буша. Возросшее политическое влияние корпораций тут же преобразуется в воздействие на государственное регулирование или отсутствие регулирования – как в случае с оффшорными налоговыми гаванями, катастрофическими стратегиями кредитования крупнейших мировых банков, экономическим мародерством, которому содействуют экспортно-кредитные агентства.

Если государственная политика будет вместо этого сфокусирована на местном экономическом развитии и ограничении власти транснациональных корпораций, текущий уровень международной торговли и инвестиционной деятельности, также как и необходимость в ее регламентации, скорее всего, будет значительно снижен. Между тем, международная торговля и инвестиции будут и должны продолжаться, поэтому необходимы правила для управления ими.

Всемирный банк, МВФ и ВТО потерпели страшную неудачу в своих намерениях. Перечисленные организации в большей мере создают нищету, неравенство и нестабильность, чем предупреждают появление этих социальных бед, поэтому их деятельность следует прекратить. Как было описано ранее в этой главе, развивающиеся страны успешно основали международные организации в рамках ООН как для решения проблем развития, так и для выработки условий торговли. Необходимо реформирование ООН. Нужно «декорпоративизировать» ее. Она требует большего финансирования, большего внимания общественности, большей прозрачности, большей демократичности и большей влияния. Несмотря на существенные недостатки, ООН остается организацией с широчайшей поддержкой, а также более открытой и демократичной, чем Всемирный банк, МВФ и ВТО.

В действительности эта организация придала гораздо большую значимость человеческим, социальным и экологическим ценностям. Когда дело дойдет до составления правил международной торговли и инвестирования, заниматься этим должна будет преобразованная ООН.³⁸⁰

³⁸⁰ Jerry Mander and John Cavanagh, eds. (Antonia Juhasz, contributing author), *Alternatives to Economic Globalization: A Better World Is Possible*, 2nd edn. (San Francisco: Berrett-Koehler, 2004).

Народные движения и организации, создающие альтернативы

Люди по всему миру не ждут институциональных реформ. Они действуют сейчас, для того чтобы реализовать альтернативы корпоративной глобализации. В Аргентине народные движения создали модель, известную как «горизонтальное управление» (горизонтализм). Среди ее многочисленных важных характеристик выделяется собрание соседей, на котором принимаются решения по таким вопросам, как вывоз мусора, ремонт дорог и дорожных знаков, школьные советы и даже городские бюджеты. Подобные собрания представляют собой форму прямой демократии: люди напрямую участвуют в принятии политических и экономических решений, касающихся их повседневной жизни. Кроме того, некоторые аргентинские заводы и другие ведущие предприятия в настоящее время представляют собой управляемые рабочими кооперативы, в которых решения принимаются собраниями рабочих. Все рабочие обладают равными полномочиями в принятии решений о заработной плате, производственном календарном графике, сырье, сбыте и пособиях по болезни.

Фонд из штата Висконсин Liberty Tree Foundation for Democratic Revolution и эксперты по средствам массовой информации из организации SmartMeme из Калифорнии работали с местными сообществами и правительствами над созданием нового «движения за демократию» в США, нацеленного на прямую демократию. В США также увеличивается количество рабочих кооперативов. В 2004 году была сформирована Федерация рабочих кооперативов Соединенных Штатов, располагающаяся в Калифорнии. В настоящее время в ней представлено около 30 участвующих предприятий с абсолютно разными видами деятельности, например, банки, булочные и студии веб-дизайна. Эта Федерация выступает за предприятия, на которых рабочие принимают участие в контролировании управления, руководства и владения.

В Боливии после провала навязываемых Всемирным банком мер по приватизации водных ресурсов население Кочабамбы организовало альтернативную систему водоснабжения, управляемую совместно правительством, общественностью и рабочими, которая стала примером для подражания по всему миру. Компания SEMAPA (Муниципальная служба питьевой воды и канализационных систем) управляется сменяющимся советом из семи директоров: трое из них выбираются демократическим путем из членов сообщества, двое – от мэрии, один – от профессиональных школ и один – от профсоюза рабочих.

В разных районах города еженедельно проводятся собрания для оценки потребностей, цен и общего функционирования системы. Обеспеченные граждане помогают тем, у кого более низкие доходы, так, чтобы компания могла обеспечить устойчивые цены и в то же время предоставлять услуги беднейшим районам города, многие из которых никогда раньше не имели в своих домах систему водоснабжения и канализации. Эво Моралес, новый президент Бразилии, был участником этого Движения за возвращение воды.

В 2003 году чиновники городского самоуправления Атланты завершили крупнейшее в США мероприятие по приватизации водных ресурсов. Мэр Ширли Франклин расторг 20-летний договор с Объединенной компанией водоснабжения после четырех лет повышения цен, ужасного сервиса, нарушения обещаний и общественных протестов. Некоторые группы, например, Food and Water Watch из Вашингтона, выступают в глобальном масштабе за провозглашение воды одним из основных охраняемых прав человека, так, чтобы она предоставлялась в качестве надежной, доступной и равной коммунальной услуги.

В Соединенных Штатах отдельные сообщества и штаты вмешиваются в такие сферы, где федеральное правительство потерпело неудачу при попытке регламентировать деятельность корпораций. Например, в 1998 году Уэйнская община в Пенсильвании приняла указ,

в соответствии с которым любой корпорации, совершившей за семь лет три и более нормативных нарушений, запрещалось проводить какие-либо работы на подведомственной территории этой общины. Четыре года спустя еще одна община Пенсильвании, в городе Портер, оспорила конституционные права корпораций, приняв указ, гласящий, что «не следует рассматривать корпорации в качестве “субъектов”, охраняемых Конституцией Соединенных Штатов или Конституцией Содружества Пенсильвании». В июне 2006 года округ Гумбольдта в Калифорнии продвинул это законодательство еще на шаг вперед, приняв резолюцию, которая не только напрямую оспаривала главенство корпораций, но также запрещала всем иностранным корпорациям принимать участие в местных политических кампаниях.

В 2005 году Чарлевокская община в Мичигане утвердила действующие во многих городах постановления, которые разрешают местным властям ограничивать размеры гипермаркетов. В этом же году Мэрилэнд принял законопроект, требующий от тех организаций штата, в которых количество служащих превышает 10 тысяч человек, расходовать, по крайней мере, 8 % от выплачиваемой им суммы на пособия по болезни. Единственной компанией, подпадающей под действие этого закона, была Wal-Mart. Подобные законопроекты были предложены еще в нескольких штатах.

В США также существуют сильные движения за усиление антitrustовского законодательства по отношению к нефтяным и другим монополистическим корпорациям, включая Wal-Mart. Кампания, возглавляемая расположенной в Вашингтоне организацией Oil Change International, призывает к «отделению нефти от государства». Были сделаны шаги в направлении использования уставов корпораций в качестве средства, позволяющего обязать компании отвечать за незаконную или каким-либо другим образом неприемлемую практику деловых отношений, будь то в США или за рубежом, а также заставить инвесторов отвечать за вред, причиненный финансируемыми ими компаниями.

Движение за мир и глобальное движение за справедливость объединились, для того чтобы разоблачить корпоративные интересы и тех, кому выгодно продолжение войны в Ираке, кто управляет реализуемой правительством Буша программой корпоративной глобализации, включающей Зону свободной торговли США—Ближний Восток. Критики корпораций Bechtel и Halliburton, работающие в таких организациях, как Bay Area's Direct Action to Stop the War из Сан-Франциско и Global Awareness Collective из Хьюстона, неоднократно устраивали акции протеста у штаб-квартир этих компаний. Они опубликовали разоблачительные результаты исследований деятельности данных компаний в Ираке, а пресса разнесла эту информацию повсюду. Последовали запросы и расследования в Конгрессе. Такие группы, как United for Peace and Justice в Нью-Йорке, Institute for Policy Studies в Вашингтоне, а также Global Exchange и CorpWatch в Калифорнии помогли оказать и сохранить это давление.

Не вынеся постоянного негативного внимания общественности, прессы и Конгресса, руководители Bechtel решили больше не участвовать в каких-либо новых предприятиях в Ираке, прекратив поток средств США, жизненно важных для иракских фирм. Федеральное правительство также отменило, по меньшей мере, один проект Bechtel в Ираке, предполагавший строительство новой детской больницы в Басре, после того как расследование выявило перерасход бюджета почти на 90 миллионов долларов и отставание от графика работ более чем на полтора года. Правительственные органы расследуют множество обвинений против Halliburton. Самым многозначительным фактом стало произошедшее в 2006 году расторжение армией США крупнейшего правительственного контракта с Halliburton (LOGCAP), по которому данная компания предоставляла материально-техническое обеспечение войскам США по всему миру. Halliburton завершит текущий иракский контракт, но в следующем году LOGCAP будет разбит на меньшие части, а в тендере примут участие другие компании.

Восстановление демократии: что вы можете сделать

Способы продвижения политики корпоративной глобализации постоянно меняются. Мы должны быть бдительными, так как руководители корпораций придумывают новые стратегии. Две последние трансформации включают использование вооруженных сил для достижения целей корпоративной глобализации в Ираке, а также возвращение к двусторонним торговым соглашениям. Прежде всего, мы как движение можем продолжить «пресекать плохое» и в то же время «поддерживать хорошее». Многие организации и народные движения, упомянутые в этой главе, продолжают энергичную борьбу против войны в Ираке и новых соглашений о свободной торговле, каким, например, является соглашение о Зоне свободной торговли США—Ближний Восток. На своем веб-сайте [www. TheBushAgenda.net](http://www.TheBushAgenda.net) я предлагаю ссылки на многие антивоенные организации и глобальные движения за справедливость, включая National Youth and Student Peace Coalition и [www. bilaterals.org](http://www.bilaterals.org) – лучший сайт, позволяющий отслеживать двусторонние переговоры.

Поскольку нормы и институты корпоративной глобализации проникли практически повсюду, движение против них крайне разнородно. Люди приходят из всех уголков земного шара и приносят с собой разнообразие специфических проблем и потребностей. Поэтому глобальное движение за справедливость часто описывают как «движение движений»: различные сообщества, противостоящие корпоративной глобализации, разрослись благодаря все большему объединению и способности выделить общую цель в совершении перемен.

Когда и где вы станете частью этой картины? Что вы можете сделать? Вместо списка способов проявления активной позиции или организаций, к которым можно присоединиться, здесь предлагается несколько направляющих идей, которые помогли мне найти себя в движении за глобальную справедливость и поддержать его.

Разберитесь в себе

Вы исполняете множество ролей в этом мире – рабочего, попечителя, потребителя, поставщика и получателя услуг, вкладчика, работодателя, избирателя, резидента. Каждая роль предполагает свои обязанности, способы воздействия, сообщества, которые вы можете организовать, и потенциальные союзы, которые вы можете создать.

Например, как потребитель вы можете чувствовать себя ответственным за информированность о продуктах, которые покупаете. Для того чтобы воздействовать на этот процесс, вы можете отказаться от приобретения продукта, производство которого наносит вред окружающей среде, либо из-за плохого обращения с рабочими, изготавливающими этот продукт. Также вы можете решить приобретать только те продукты, которые не причиняют ущерба окружающей среде, или продукты, производимые рабочими – членами профсоюза или кооператива. Сообщества, которые вы можете организовать, включают вашу семью и других потребителей данного продукта. Вашими потенциальными союзниками являются те, кто производит данный продукт, и проживающие там, где его производят, как и там, где его утилизируют.

В 2005 году союз между сельскохозяйственными рабочими, собирающими помидоры для Taco Bell, и потребителями продуктов Taco Bell привел к поразительной победе. 8 марта 2005 года сельскохозяйственные рабочие добились первого за 25 лет повышения заработной платы – результат десятилетней борьбы, организованной Коалицией рабочих Иммокали (Coalition of Immokalee Workers) во Флориде, включая четырехлетний национальный бойкот Taco Bell и ее материнской компании Yum! Brands, Inc. В этом бойкоте приняли участие студенты приблизительно 300 колледжей и университетов и учащиеся более 50 средних

школ. Они закрыли или заблокировали рестораны этой сети в 25 студенческих городках и создали свою собственную организацию Student Farmworker Alliance, обозначив единство между целевым рынком компании и людьми, поставляющими продукты.

Потребители, производители и продавцы объединились в создании ярлыка «Сертификат справедливой торговли» (Fair Trade Certified). Это единственная независимая гарантия незаинтересованной стороны, предоставляемая потребителям в том, что компании соответствуют жестким экономическим, социальным и экологическим критериям, предъявляемым к отдельным продуктам. Подобная сертификация помогает создать более справедливую и устойчивую торговую систему для производителей.

Будьте в курсе и разделяйтесь со своими предубеждениями

Выясните, куда вкладывается ваша будущая пенсия, как производятся и утилизируются продукты, которые вы потребляете, почему войны ведутся от вашего имени, на что расходуются уплачиваемые вами налоги, кто уклоняется от налогов. Вы думаете, что у вас нет ничего общего с _____, или гораздо меньше взаимодействия с _____? Вы полагаете, что вы все знаете о _____? Вы считаете, что ничего нельзя поделать с _____? Вы уверены, что у вас просто нет времени на _____?

Поразмыслите хорошенько еще раз.

Вдохновитесь и поверьте в движение

Вам не придется участвовать во всех битвах, потому что рядом с вами миллионы других борцов. Вы наиболее полезны в том сражении, которое больше остальных подвигает вас на действия. Со временем это может измениться, но нет необходимости бороться со всем тем злом, с которым вы столкнетесь, или реализовывать все положительные варианты, которые вы можете придумать, для того чтобы ваши действия привели к существенным изменениям. Мы не должны быть пуританами или перфекционистами, для того чтобы стать активистами и сподвижниками положительных перемен. Знайте, что другие трудятся над списанием долгов, добиваются производства экологически чистой энергии, борются с коррумпированностью нефтяных компаний и направляют свои усилия на достижение мира. Вы можете сосредоточиться на проблеме, которая задевает вас больше всего, и почувствуете, что в борьбе именно с данной проблемой ваша поддержка окажется наиболее полезной; при этом вы вольны поддерживать отношения с теми, кто выбрал для себя другие сферы деятельности.

Верьте в активную позицию: малое имеет большое значение

Вспомните Бостонское чаепитие, сторонников предоставления избирательного права, сидячие забастовки в буфетах, организованные движением за гражданские права, провал Многостороннего инвестиционного соглашения в Организации экономического сотрудничества и развития, а также миллионы защитников прав иммигрантов, которые положили конец антииммигрантской направленности Конгресса и правительства Буша. Малейшее ваше действие – это больше, чем бездействие. Миллион маленьких отдельных действий складывается в крупные шаги к переменам. Ребекка Солнит писала в своей блестящей книге «Надежда во тьме» (Hope in the Dark): «Всегда будет жестокость, всегда будет насилие, всегда будет разрушение... Мы не можем искоренить все зло на все времена, но мы способны

уменьшить его, объявить его вне закона, подорвать его источники и принципы: в этом заключаются наши победы».³⁸¹

Раздвиньте свою зону комфорта и расширьте свой практический опыт

Если вы выступали против войны в течение трех лет или трех недель, не обсудить ли вам свои взгляды с семьей, синагогой и коллегами по работе? Как насчет участия в первой для вас демонстрации или акции протеста? Как насчет вашего знакомства с движением за прямую демократию? Разочарованы господствующей тенденцией в средствах массовой информации? Как насчет выявления независимых или создания собственных каналов? Ни одна из этих идей вас не впечатляет? Тогда предлагайте свои идеи активной позиции. Раздвиньте свои зоны комфорта и опыта и почувствуйте, насколько удобнее вам станет.

Окажите услугу тем, кто участвует в долгосрочной борьбе

Присмотритесь к движениям борющихся людей. Узнайте, чем можете им помочь, и вернитесь к пункту первому «Разберитесь в себе».

Ожидайте с надеждой

Мы никогда не были и не будем беспомощными в борьбе против Империи. «Убийцы» обратились к нам с этих страниц не для того, чтобы получить наше прощение, но для того, чтобы заставить нас действовать. К счастью, у нас есть движение, у которого мы можем поучиться, совместно с которым мы можем действовать, просвещать и развиваться.

Наша история только начинается. Объединенное в сеть глобальное гражданское общество дает нам беспрецедентную возможность совершить глубокие перемены и создать организации, которые действительно смогут послужить на благо всему миру. Мечта Эльвиры – всеобщая мечта. Одно лишь понимание этого должно вселять в нас надежду.

³⁸¹ Rebecca Solnit, *Hope in the Dark: Untold Histories, Wild Possibilities* (New York: Nation Books, 2004).

Об авторах

Эллен Огюстин. Стремление Эллен Огюстин к созданию справедливого, стабильного мира, без войны, привело ее в Конгресс США и на пост учредителя/соучредителя четырех некоммерческих организаций, работающих над решением таких проблем, как медианасилие, трудные подростки, гражданское воспитание и охрана окружающей среды. Она соавтор (под именем Эллен Шварц) книги «Как отвоевать свою жизнь в век корпоративного господства» (Taking Back Our Lives in the Age of Corporate Dominance), полной оптимизма и вместе с тем понимания того, насколько важны сейчас решительные, сознательные действия и целеустремленность. В настоящее время она рассказывает общественности «Истории надежды»: истории о людях, которые создают успешный бизнес и при этом поддерживают экологию, благосостояние сообществ и школ, а также об инициативах, которые вдохнули жизнь в поддержку окружающей среды (www.storiesofhope.us). Она стала рупором общего блага, учитывая настоящие и будущие потребности человека и планеты во всех своих решениях, на многочисленных радио- и телепередачах и в таких журналах, как Utne Reader. Она была членом совета директоров нескольких некоммерческих организаций, включая Национальное политическое собрание женщин и Клуб Sierra.

Стив Беркман. Получив техническое образование и проработав на разных должностях в промышленном секторе, Стив Беркман стал членом Африканской группы Всемирного банка в 1983 году. Он был консультантом по наращиванию потенциала финансируемых Банком проектов, объездив 21 страну. Через несколько лет он понял, что подход Банка к экономическому развитию этих стран не приносит необходимого результата, но его попытки убедить руководство в существовании этой проблемы оказались безуспешными – до возвращения президента Джеймса Вульфенсона в 1995 году. Намереваясь выйти в отставку в том же году, он вернулся в Банк, где с 1998 по 2002 год помогал учредить Отдел по борьбе с коррупцией и финансовыми махинациями, а также был главным следователем по ряду дел. С 2002 года он оказал помощь Комитету по внешним отношениям Сената США в проведении реформы по многосторонним банкам развития и в рассмотрении Антикоррупционной конвенции ООН. В настоящее время он завершает работу над описанием деятельности Всемирного банка, представляя взгляд изнутри на менеджмент Банка, его основную деятельность и кражу миллиардов долларов из кредитного портфеля. Он живет в Лисбурге (Виргиния).

Джон Кристенсен. Английский писатель Сомерсет Моэм назвал Монако, средиземноморскую налоговую гавань, «солнечным местом для темных людей». В середине 1980-х годов экономист Джон Кристенсен вернулся в Джерси – не такое уж и солнечное место для темных людей, расположенное в проливе Ла-Манш, чтобы исследовать, как работают эти оффшорные налоговые гавани. Во время пика финансового дерегулирования он работал администратором трастов и компаний, а также советником правительства острова по экономическим вопросам. Несмотря на свою приверженность принципам справедливой торговли и социальной справедливости, он стал участвовать во всемирной оффшорной финансовой индустрии, которая способствует оттоку капитала, уклонению от налогов и отмыванию денег. В 1998 году он уволился со своей должности в Джерси, переехал с семьей в Великобританию и организовал кампанию по освещению того, как налоговые гавани становятся причиной бедности во всем мире. В настоящее время он руководит Международным секретариатом по справедливому налогообложению (www.taxjustice.net).

Сэм К. Гвин – главный редактор Texas Monthly, работал корреспондентом в Time magazine. После присвоения степени магистра в Университете Джона Хопкинса в 1977 году он получил преподавательскую стипендию по программе писательских семинаров под руководством романиста Джона Барта в Университете Джона Хопкинса. Однако его писательская карьера уступила место пятилетней карьере управления международным портфелем займов по Среднему Востоку, Северной Африке и Азии сначала в Кливлендском тресте, а затем в Гонконгском офисе Первого межштатного банка Калифорнии. В 1980-е годы Гвинн покинул банковский сектор и стал писателем-фрилансером, печатаясь в таких изданиях, как Harper's, New York Times, Los Angeles Times, Washington Monthly, California Magazine. В 1985 году он написал свою первую книгу «Продаем деньги: рассказ молодого банкира о взлете и падении великого международного кредитного бума» (Selling Money: A Young Banker's Account of the Rise and Extraordinary Fall of the Great International Lending Boom). В 1991 году вместе с коллегой – корреспондентом Time Джонатаном Битти, Гвинн получил Премию Джеральда Лоеба за особые заслуги в области финансовой журналистики за серию статей о скандале BCCI для Time и Премию Джека Андерсена как лучший репортер года в жанре журналистского расследования. Их последующая книга «Банк вне закона: путешествие в святая святых BCCI» (The Outlaw Bank: A Wild Ride into the Secret Heart of BCCI) была названа журналом Business Week одной из десяти лучших книг года.

Джеймс С. Генри – ведущий журналист-расследователь, экономист и юрист, широко освещавший экономические вопросы, ситуацию в развивающихся странах, коррупцию и отмывание денег. Его скандальные материалы публиковались в Wall Street Journal, New York Times, Washington Post, The Nation, Fortune, Jornal do Brasil, Slate, El Financiero. Расследования Генри предоставили документальные свидетельства, сыгравшие главную роль в вынесении приговора панамскому диктатору Мануэлю Норьега в 1992 году; в поисках оффшорных активов, выкраденных парагвайским диктатором Альфредо Стресснером; в выяснении роли внешних кредитов филиппинскому Центробанку, выданных для обогащения Фердинанда Маркоса, и роли крупнейших американских банков в организации оттока капитала, отмывания денег и уклонения от налогов в развивающихся странах. Он автор нескольких книг, включая «Экономику стратегического планирования» (The Economics of Strategic Planning, Lexington Books, 1986) и «Кровавых банкиров» (The Blood Bankers, Avalon, 2003), а также соавтор книги «Связи и оковы: о филиппинском внешнем долге» (Of Bonds and Bondage: A Reader on Philippines Foreign Debt, под редакцией Эммануэля С. Де Диоса и Джоэла Рокамора, TNI, 1992). Его новая книга «Пираты-банкиры» (Pirate Bankers) готовится к выходу в издательстве Avalon в 2007 году. Он автор ведущего исследования по налоговой отчетности, проведенного в рамках Отдела налогообложения Американской ассоциации адвокатов, и несколько раз давал показания в Сенате США. В настоящее время Генри является управляющим директором Sag Harbor Group, фирмы по стратегическому консультированию. Его новостной блог SubmergingMarkets (www.submergingmarkets.com) отслеживает ситуацию в развивающихся странах и публикует материалы журналистов по всему миру. Вместе с двумя детьми он живет в Нью-Йорке и Сэг Харборе (Нью-Йорк).

Стивен Хайат – профессиональный редактор и писатель, а также опытный участник общественных движений; на свою первую демонстрацию за указ о равных правах в получении жилья в Дес Муанес он пошел в 1965 году. Он издавал подпольную газету, активно участвовал в движении против войны во Вьетнаме, а затем стал преподавателем в колледже и организовал профсоюз учителей. Переехав в Калифорнию, несколько лет он проработал в Стенфордском исследовательском институте (СИИ) – научно-исследовательском и консультационном центре, предоставляющем свои услуги транснациональным корпорациям и

правительственным учреждениям и тесно связанном с Bechtel, Chevron, Bank of America и другими игроками мира экономических убийц. Там он составил серию исследований о неолиберальных юридических методах компаний Global Fortune 1000: таких, как реализация государственных проектов с привлечением частного капитала и оффшорная деятельность. Он покинул СИИ в 1987 году и с тех пор писал и редактировал книги для Verso, The New Press и других издательств, работая с такими авторами, как Александер Кокберн, Майк Дэвис, Льюис Лэпам, Кристиан Паренти и Ребекка Солнит. Он соавтор (вместе с Майком Дэвисом) книги «Пламя в печи: радикальная политика места в Америке» (Fire in the Hearth: The Radical Politics of Place in America, Verso, 1989). Хайат живет в Сан-Франциско и в настоящее время является президентом Edictcetera, некоммерческого издательского кооператива в Бэй Эриа.

Антония Джухаш – приглашенный преподаватель в Вашингтонском институте политических наук и автор книги «План Буша: завоевание мира, одна экономика за раз» (The Bush Agenda: Invading the World, One Economy at a Time, ReganBooks/HarperCollins, 2006), в которой она исследует, как администрация Буша использует военные силы для продвижения корпоративного доминирования США в Ираке и по всему Среднему Востоку (www.TheBushAgenda.net). Ранее Джухаш занимала пост руководителя проектов Международного форума по глобализации и была ассистентом по юридическим вопросам конгрессменов Джона Кониерса-мл. и Элайджи Каммингса. Обладатель различных наград, Джухаш регулярно публикует материалы в Los Angeles Times, а также сотрудничает во множестве других изданий. Она соавтор книги «Альтернатива экономической глобализации: лучший мир возможен» (Alternatives to Economic Globalization: A Better World Is Possible, Berrett-Koehler, 2004). Живет в Сан-Франциско.

Кэтлин Керн работала в Христианских миротворческих командах (ХМК) с 1993 года. ХМК «предоставляет организационную поддержку людям, преданным основанным на вере ненасильственным методам решения проблем, когда существует реальная угроза военного конфликта, созданного политикой государства» (www.cpt.org). Команды ХМК в Гаити, Чиापас и других местах обнаружили: как только исчезает риск физического насилия, экономическое насилие, созданное корпоратократиями, может привести к не меньшим (если не большим) страданиям. Керн работала в Гаити, Палестине, Чиापас, Южной Дакоте, Колумбии и Демократической республике Конго. Она была членом делегации, расследующей ситуацию в восточных регионах Демократической республики Конго осенью 2005 года, где собрала информацию, вошедшую в эту книгу. Керн признается, что от других авторов этой книги она отличается тем, что никогда не занималась экономикой или бизнесом, так что недавно она вышла замуж за экономиста, который редактирует ее статьи.

Люси Комисар – журналистка из Нью-Йорка, посетила развивающиеся страны в 1980-е и 1990-е годы и написала о движениях, призванных свергнуть местных диктаторов. Когда она беседовала с оппозиционерами в таких странах, как Филиппины, Гаити и Заир, они все высказывались о своих диктаторах примерно одинаково: «Он ограбил страну, украл все, что можно, и хранит свое состояние в швейцарских банках». Она выяснила, что так они называли всю международную финансовую систему под руководством крупнейших мировых банков, которые использовали секретные счета и подставные компании в оффшорных гаванях (например, Каймановы острова и Джерси) и перевозили деньги диктаторов, коррумпированных чиновников, торговцев наркотиками и людьми, террористов, мошенников, манипулирующих рынком акций, корпораций и богатых людей, уклоняющихся от налогов, политическое влияние удерживало западные правительства от решительных мер против этой системы. С 1997 года она занялась сбором материалов об оффшор-

ной банковской системе. Большинство статей, написанных за последние десять лет (см. www.thekomisarscoop.com), ранее нигде не публиковались. Основываясь на своих расследованиях, она написала книгу «Взять деньги и перевести их в оффшор» (Take the Money and Run Offshore).

Джеймс Мариотт – художник, борец за охрану окружающей среды, с 1983 года один из директоров PLATFORM (www.platformlondon.org). В рамках PLATFORM он объединяет индивидов из разных областей деятельности для разработки проектов, направленных на соблюдение социальной справедливости и охрану окружающей среды. С 1996 года его работа касается нефтяной и газовой промышленности и ее воздействия на мир. Он соавтор (вместе с Энди Роуэллом и Лорной Стокман) книги «Следующий Залив: Лондон, Вашингтон и нефтяной конфликт в Нигерии» (The Next Gulf: London, Washington and the Oil Conflict in Nigeria, Constable, 2005).

Грег Маттит – исследователь в PLATFORM, расположенной в Лондоне организации, занимающейся вопросами охраны окружающей среды и социальной справедливости. Специализируется на воздействии транснациональных нефтяных корпораций на соблюдение прав человека, развитие стран и экологию. С 2003 года работал над разоблачением скрытых планов по предоставлению доступа к нефтяным запасам Ирака западным корпорациям впервые с 1972 года. Маттит также исследовал организацию нефтепровода British Petroleum Баку-Тбилиси-Джейхан, стал соавтором книги «Некоторые опасения» (Some Common Concerns, 2002) о нефтяном и газовом проекте Shell Сахалин-2 на Дальнем Востоке России и о ряде других нефтяных проектов по всему миру.

Джон Перкинс в настоящее время пишет о том, как достичь мира и процветания, развивая знания людей и преобразовывая государственные и общественные учреждения. Он основал альтернативную энергетическую компанию, которая успешно изменила индустрию коммунальных услуг США. С 1971 по 1981 год он работал в международной консалтинговой компании Chas. T. Main, где занимал пост главного экономиста и руководителя по экономическому и региональному планированию, однако на самом деле он был экономическим убийцей. Он продолжал играть эту роль под прикрытием до событий 11 сентября 2001 года, которые убедили его раскрыть обществу эту темную сторону его жизни. В результате появилась книга «Исповедь экономического убийцы» (Confessions of an Economic Hit Man, Berrett-Koehler, 2004), которая более 25 недель оставалась в списке бестселлеров New York Times и разошлась тиражом более 500000 экземпляров по всему миру.

Брюс Рич – старший юрист Организации по охране окружающей среды в Вашингтоне (Колумбия). Сталкиваясь с тяжелейшими проблемами, он участвует в исследовательской и правозащитной деятельности по реформированию экспортных кредитных агентств – задача, по сравнению с которой, как он говорит, битва с ветряными мельницами – простейшее занятие. (см. www.eca-watch.org.) Автор книги «Закладная на Землю» (Mortgaging the Earth, Beacon Press, Boston, and Earthscan, London, 1994) об экологических проблемах и истории Всемирного банка, которая получила хорошие отзывы во многих изданиях – от New York Times до Le Monde Diplomatique. Работал консультантом во множестве международных организаций, не раз давал показания перед Конгрессом США о роли Америки в международных финансовых учреждениях и получил премию Программы ООН по охране окружающей среды Global 500 за достижения в этой области. Его последняя книга «Защитить мир: глобальная война и этическая революция великого императора Древней Индии» (To Uphold

the World: War Globalization and the Ethical Revolution of Ancient India's Greatest Emperor) вышла в издательстве Penguin India в середине 2007 года.

Эндрю Роуэлл – писатель-фрилансер, занимается журналистскими расследованиями, более 12 лет изучает политические, экологические и здравоохранительные вопросы. Его материалы появляются в The Guardian, The Independent, Village Voice и The Ecologist. Роуэлл всегда исследовал самые актуальные вопросы, сотрудничая с организацией против курения Action on Smoking and Health, организацией по изучению ресурсов Земли, Друзьями Земли, Международным фондом защиты животных, Гринпис, Панамериканской здравоохранительной организацией, шахтерской организацией Project Underground, Группой транспортных и экологических исследований, Всемирной организацией здравоохранения, организаций World in Action и с Всемирным фондом дикой природы. Его книга «Зеленый удар: глобальный подрыв экологического движения» (Green Backlash: Global Subversion of the Environment Movement) была издана в Routledge в 1996 году. Он также соавтор (вместе с Джеймсом Мариоттом и Лорной Стокман) книги «Следующий Залив: Лондон, Вашингтон и нефтяной конфликт в Нигерии» (The Next Gulf: London, Washington and the Oil Conflict in Nigeria, Constable, 2005).